
**ВЕСТНИК
АЛТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

ISSN 1818-4057

№ 9 2025

Часть 1

Научный журнал

Вестник Алтайской академии экономики и права

ISSN 1818-4057

Журнал издается с 1997 года.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (**Перечень ВАК**).

Официальный сайт журнала – www.vaael.ru.

Доступ к электронной версии журнала бесплатен. e-ISSN 2226-3977.

Издание официально зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 84919 от 31.03.2023.

Учредитель: Шеланков А.В.

Редакция: ООО "ЕАНПП" г. Саратов, ул. Мамонтовой, д. 5

Типография: ООО "ЕАНПП" г. Саратов, ул. Мамонтовой, д. 5

Издатель: ООО "ЕАНПП" г. Саратов, ул. Мамонтовой, д. 5

Главный редактор – Старчикова Н.Е.

Шифры научных специальностей:

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки) (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК)

5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические, физико-математические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки) (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

Все публикации рецензируются.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования РИНЦ и научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Номерам и статьям журнала присваивается Цифровой идентификатор объекта DOI.

Выпуск подписан в печать 15.09.2025.

Дата выхода номера 15.10.2025.

Распространение по свободной цене.

Усл. печ. л. 24,75. Тираж 500 экз. Формат 60×90 1/8.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВЫБОРА ОБЪЕКТОВ КОММЕРЧЕСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ ДЛЯ ИНВЕСТИЦИЙ	
<i>Алексеева Н. А., Кравченко Н. А., Абашева О. Ю., Миронова М. В., Емалетдинов И. Ф.</i>	5
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ САМОЗАНЯТОСТИ НА БАЗЕ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН	
<i>Алиева П. Р., Алиев И. А.</i>	12
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИИ С УЧЕТОМ ОТРАСЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ	
<i>Богомолова Е. В., Козлова Е. И.</i>	20
РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕННО СВОБОДНЫМИ ОСТАТКАМИ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ	
<i>Боженова А. А.</i>	29
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ	
<i>Гневашева В. А.</i>	36
РЕТРОСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ESG-СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И КОРПОРАТИВНОГО СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ	
<i>Гогина А. Д., Федченко Е. А.</i>	41
АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВОГО РЕЖИМА ДЛЯ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН	
<i>Иванова Е. В.</i>	52
ПОИСКОВАЯ ТИПОЛОГИЯ СТРАН МИРА. ЧАСТЬ 1. ВЫБОР ПОКАЗАТЕЛЕЙ	
<i>Кашепов А. В.</i>	58
ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИНФРАСТРУКТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КРЕАТИВНЫХ КЛАСТЕРОВ	
<i>Клименко В. А., Банникова Т. И., Чудинова Е. А.</i>	69
ОЦЕНКА ЦЕННОСТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	
<i>Конорев А. М.</i>	78
КЛАСТЕРИЗАЦИЯ – СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Косова Л. Н., Косова Ю. А.</i>	85
АНАЛИЗ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
<i>Кривошапова С. В., Калининцева В. К., Чертова О. С.</i>	93

ИНТЕНСИВНОСТЬ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ <i>Кусургашева Л. В., Черновол С. Н.</i>	101
РАЗВИТИЕ МІСЕ-ИНДУСТРИИ: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ В РОССИИ НА 2024–2032 ГОДЫ <i>Мариенко Д. П.</i>	110
КОНЦЕПТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ <i>Неволин А. Е.</i>	118
ПОТЕНЦИАЛ СТЕЙБЛКОИНОВ ДЛЯ СТРАН БРИКС НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ <i>Перцева С. Ю., Голуб Г. Д.</i>	128
ОСНОВЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ БИЗНЕСА В РОССИИ <i>Рубан-Лазарева Н. В.</i>	135
ТЕНДЕНЦИИ ЭКСПОРТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ РОССИИ <i>Рущицкая О. А., Куликова Е. С., Кружкова Т. И., Фетисова А. В.</i>	141
ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖБЮДЖЕТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ) <i>Симонова Н. Ю., Ан Ю. Н.</i>	148
КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ <i>Скалкин В. В., Щербаков А. П.</i>	154
РОЛЬ МЕГАРЕГИОНОВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ НА ПРИМЕРЕ АЗИАТСКОГО МЕГАРЕГИОНА <i>Смирный К. Ю., Егорова Л. В.</i>	162
СУЩНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ “GHOST WORK” И “GHOSTWORKING” КАК ФЕНОМЕНОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ ОРГАНИЗАЦИИ <i>Сулова Л. В.</i>	167
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА ДЛЯ ЭКОНОМИКИ СТРАН-ЧЛЕНОВ БРИКС <i>Храмова И. Ю., Зыкова Т. В.</i>	174
ВОЗМОЖНОСТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В РАМКАХ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ <i>Шмиголь Н. С.</i>	182
МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОПОТРЕБЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ <i>Ясеновская И. В.</i>	192

УДК 338.27

Н. А. Алексеева

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», Ижевск,
e-mail: 497477@mail.ru

Н. А. Кравченко

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», Ижевск

О. Ю. Абашева

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», Ижевск

М. В. Миронова

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», Ижевск

И. Ф. Емалетдинов

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», Ижевск

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВЫБОРА ОБЪЕКТОВ КОММЕРЧЕСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ ДЛЯ ИНВЕСТИЦИЙ

Ключевые слова: оценка, недвижимость, площадь, ставка аренды, методика, анализ иерархий.

Рынок недвижимости в России исторически играет ключевую роль в решении государственных задач и развитии экономики. В современном контексте усиливается влияние внутренних и внешних факторов, таких как политические риски, санкции, экономическая неопределённость и урбанизация. Эти процессы требуют глубокого анализа для понимания перспектив и корректировки государственной политики. Цель исследования – проанализировать текущее состояние рынка недвижимости России, выявить ключевые тенденции его развития и проблемы, разработать методику выбора объектов коммерческой недвижимости для последующих инвестиций. Проведен обзор исторического и современного развития рынка недвижимости, рассмотрена роль различных участников рынка, выделены три основных элемента – государственное регулирование, объём инвестиций и уровень спроса. Проанализированы последние статистические данные, указывающие на замедление ввода объектов, а также влияние политических и экономических факторов на сегмент коммерческой недвижимости. Уделено внимание развитию цифровых платформ и инструментов как новых драйверов изменений на рынке, что отражает современную трансформацию отрасли. Предложенная авторская методика выбора объектов коммерческой недвижимости для инвестиций основана на методе анализа иерархий и позволяет интегрировать в одном методическом подходе разные по содержанию экономические показатели, характеризующие рынок коммерческой недвижимости. Предложена система показателей для улучшения статистического учета и анализа состояния рынков недвижимости. Научная новизна исследования заключается в предложении оригинальной методики оценки выбора объектов коммерческой недвижимости, отличающейся конкретизацией критериев выбора объектов, актуализацией коммерческой информации по рынку крупнейшей в России агломерации – г. Казани.

N. A. Alekseeva

Udmurt State Agrarian University, Izhevsk, e-mail: 497477@mail.ru

N. A. Kravchenko

Udmurt State Agrarian University, Izhevsk

O. Yu. Abasheva

Udmurt State Agrarian University, Izhevsk

M. V. Mironova

Udmurt State Agrarian University, Izhevsk

I. F. Emaletdinov

Udmurt State Agrarian University, Izhevsk

METHODICAL APPROACHES TO SELECTION ASSESSMENT COMMERCIAL REAL ESTATE FOR INVESTMENT

Keywords: valuation, real estate, area, rental rate, methodology, hierarchy analysis.

The real estate market in Russia has historically played a key role in solving government problems and developing the economy. In the current context, the influence of internal and external factors, such as political risks, sanctions, economic uncertainty and urbanization, is increasing. These processes require in-depth analysis to understand the outlook and adjust public policy. The purpose of the study is to analyze the current state of the Russian real estate market, identify key trends in its development and problems, and develop a methodology for selecting commercial real estate objects for subsequent investments. A review of the historical and modern development of the real estate market was carried out, the role of various market participants was considered, three main elements were identified – state regulation, investment volume and level of demand. We analyzed the latest statistics indicating a slowdown in the commissioning of objects, as well as the impact of political and economic factors on the commercial real estate segment. Attention is paid to the development of digital platforms and tools as new drivers of changes in the market, which reflects the modern transformation of the industry. The proposed author's method of selecting commercial real estate objects for investment is based on the hierarchy analysis method and allows integrating economic indicators that characterize the commercial real estate market that are different in content in one methodological approach. A system of indicators is proposed to improve statistical accounting and analysis of the state of real estate markets. The scientific novelty of the study lies in the proposal of an original methodology for assessing the selection of commercial real estate objects, which differs in specifying the criteria for selecting objects, updating commercial information on the market of the largest agglomeration in Russia – Kazan.

Введение

Недвижимость исторически выступала инструментом для решения государственных задач, соответствующих конкретным этапам развития общества. Она использовалась в коммерческих целях, могла приобретаться, продаваться и служить обеспечением по кредитам. По мнению Чиргиной А.И., вся недвижимость носит коммерческий характер, поскольку даже жилая недвижимость приносит доход государству через налоговые поступления в бюджет [17, с. 7]. В традиционном подходе к коммерческой недвижимости относят: офисы, магазины, склады, гостиницы и другие объекты, предназначенные для ведения коммерческой деятельности [9, с. 322].

Демченко А.М. и Иванова Н.А. указывают, что лишь с начала 2000-х годов на рынке появились квалифицированные риэлторы, оценщики, нотариусы и ипотечные организации, что способствовало его институционализации и цивилизации [10]. Авторы выделили три ключевых элемента рынка недвижимости: государственное регулирование, объём инвестиций в недвижимость и уровень спроса на неё [10].

Российский рынок недвижимости традиционно привлекает значительные инвестиции. Однако за первые 7 месяцев 2025 года объём ввода объектов недвижимости в Рос-

сии замедлился: в январе – 17,07 млн. кв. м. жилой и нежилой недвижимости, в июле – 12,4 млн. кв. м., индекс роста составил 0,88 [14]. Бизнес-сегмент испытывает серьёзное давление, заставляя компании сокращать расходы, в том числе на аренду офисных и складских помещений. Многие бизнес-центры работают с низкой заполняемостью. Эти факторы снижают привлекательность инвестиций в российскую недвижимость как для внутренних, так и для иностранных инвесторов [10, с. 146].

Итак, развитие рынка недвижимости в настоящее время характеризуется воздействием множества внутренних и внешних факторов [6]. Не последнее место отводится процессам урбанизации населения и территорий, сопровождаемым агломерационными эффектами. Значительное влияние оказывает и развитие цифровых торговых платформ вместе с внедрением цифровых инструментов управления экономикой [13].

В то время как развитие методического инструментария опаздывает за этими процессами, что не позволяет ориентировать предпринимателей в выборе наиболее выгодных условий инвестирования. Методические подходы к оценке недвижимости характеризуются в лучшем случае методиками оценки стоимости объектов недвижимости. Также рассматриваются методические под-

ходы по повышению эффективности управления недвижимостью. Кроме того, крайняя узость официальной статистической информации вынуждает ориентироваться в методическом аспекте и в принятии решений на данные аналитических агентств.

Цель исследования заключается в анализе методологических и методических подходов к оценке рынков коммерческой недвижимости, разработке методики проведения выбора объектов недвижимости для инвестирования на примере объектов коммерческой недвижимости г. Казани, формулировании предложений по совершенствованию статистического учета и деятельности аналитических агентств, направленных на развитие инвестиций в объекты коммерческой недвижимости.

Материалы и методика исследования

В качестве основного источника исследовательских данных задействованы данные аналитических агентств, касающиеся коммерческой недвижимости, а также методологические и методические разработки отечественных ученых, направленные на раскрытие тенденций развития рынков коммерческой недвижимости и принятие решений об инвестировании в конкретные объекты недвижимости. В процессе работы применялись методы системного и логического анализа, в т.ч. метод экономико-статистических исследований, общесистемный метод анализа иерархий.

Результаты исследования и их обсуждение

По оценкам Казанского Н., общий объем ввода коммерческой недвижимости в России по итогам 2024 г. достиг 6,4 млн кв. м., что почти сравнялось с рекордным показателем 2014 г. в 7,5 млн кв. м. Согласно прогнозам, данная тенденция сохранится и в 2025 г. Ожидается новый рекорд ввода – 8 млн кв. м., где преобладание останется за складскими объектами [12].

Макушин М.А. выделил устойчивые факторы роста предложения складских площадей, среди которых численность населения, активность многоканальных ритейлеров, политика региональных и местных властей, а также девелоперская активность, что подтверждается экспертными интервью и отчетами консультантов [13, с. 44].

По мнению Боровских О.Н., Евстафьевой А.Х., рынок офисной недвижимости

находится в стадии стагнации. Арендаторы предпочитают выбирать помещения с готовой отделкой ввиду высокой стоимости ремонта. Наибольшим спросом пользуются офисы классов А и В [5, с. 56].

По мнению Демченко А.М., Ивановой Н.А., также особенно быстрыми темпами развивается рынок складской недвижимости. Рост онлайн-торговли и маркетплейсов вызывает дефицит складских площадей для хранения товарных запасов [10, с. 143].

Гудов И.В. отмечает, что в условиях глобализации, цифровизации и изменения потребительских предпочтений рынок коммерческой недвижимости претерпевает значительные трансформации, требующие пересмотра традиционных методов управления и развития. Рост интереса к устойчивому строительству выступает одной из ключевых тенденций на рынке, вызванной как общественными ожиданиями, так и нормативными требованиями. Концепция устойчивого строительства включает применение энергоэффективных материалов, снижение углеродного следа и рациональное использование ресурсов. Согласно данным международной консалтинговой компании JLL, объекты с экологической сертификацией привлекают на 15–20% больше арендаторов по сравнению с традиционными зданиями [9].

Девелоперы все чаще создают многофункциональные комплексы, включающие офисные, торговые, производственные и жилые пространства. Такой подход позволяет одновременно повышать доходность объектов за счёт разнообразия источников прибыли, снижать риски, связанные с экономическими колебаниями, благодаря независимому спросу на разные сегменты, а также обеспечивать комфортные условия для работы, отдыха и проживания [8, с. 34; 9].

Долгое время рынок коммерческой недвижимости концентрировался преимущественно в крупнейших городах. В настоящее время наблюдается возрастающий интерес к развитию региональных рынков: в Казани, Екатеринбурге, Новосибирске. Региональные рынки привлекают девелоперов более низкими затратами на строительство и эксплуатацию. Однако ключевыми вызовами остаются ограниченная покупательная способность и необходимость адаптации проектов к специфике регионального спроса [9].

В условиях изменяющегося спроса на офисные и торговые помещения аренда

торы предпочитают краткосрочные договоры аренды, коворкинги и гибкие офисные пространства [9].

Цифровизация остаётся ключевым фактором развития рынка коммерческой недвижимости на всех этапах жизненного цикла объектов – от проектирования до эксплуатации. Цифровые технологии позволяют девелоперам и арендаторам формировать более обоснованные решения, используя информацию о посещаемости торговых центров и интенсивности использования офисных площадей, упрощают процессы заключения договоров, ускоряют транзакции, снижают операционные расходы на 20-30%, что повышает привлекательность объектов для арендаторов [9].

Прогноз на 2025 г. предполагает сохранение высокой активности на рынке недвижимости, связанной с комплексами и складами для крупных корпоративных клиентов [3, с. 3].

В оценках эффективности управления недвижимостью ученые часто применяют агломерационный подход. В методических подходах к оценке эффективности функционирования городских агломераций, в частности у Балгиновой К.М. и Шакибаева М.К., выделяется понятие агломерационного эффекта. Он представляет собой экономическую выгоду, возникающую благодаря территориальной концентрации производств и иных экономических объектов в городах и агломерациях [2, с. 56].

Согласно мнению Большенко С.Ф. и Кафидова В.В., современное развитие городов больше связано не с ростом материального производства, а с расширением сервисных отраслей и информационных секторов экономики, для которых необходимо привлекать высококвалифицированные кадры [4, с. 26].

Наиболее часто применяемой мерой оценки эффективности пространственной организации городской среды выступает выбор пространственно-временной доступности различных видов деятельности, социальных взаимодействий, благ и услуг [11, с. 85].

В рамках другого методического подхода, связанного с управлением портфелем корпоративной недвижимости, например, Стерник С.Г. и Изюмов М.Д. выделили две важнейшие задачи: во-первых, необходима разработка пошаговых методик, позволяющих количественно оценивать эффективность использования площадей и объектов недвижимости; во-вторых, требуются ме-

тодики, адекватно учитывающие условия функционирования конкретной компании и её стратегию развития [15, с. 49].

Фаттахутдинова Ф.И. и соавторы предложили методику оценки эффективности управления портфелем недвижимости, включающую анализ широкого круга показателей. Ключевыми показателями выступают срок окупаемости и чистая приведённая стоимость [16, с. 167].

Ясницкий Л.Н. и соавторы упомянули, что для оценки объектов недвижимости применяются пять основных методов: сравнительный, затратный, остаточный, доходный методы и метод капитализации. Наблюдается повышенный интерес к методам искусственного интеллекта [18, с. 610].

В работе Алексеевой Н.А. подробно раскрыт метод анализа иерархий, состоящий в декомпозиции проблемы на более простые составные части и дальнейшей обработке последовательности суждений эксперта по парным сравнениям. Метод анализа иерархий служит для обоснования принятия решений в условиях определенности и многокритериальности, что приемлемо в решении проблем выбора объектов недвижимости для инвестирования [1].

Предлагаем методику выбора объектов коммерческой недвижимости для последующего инвестирования, основанную на сопоставлении разных по содержанию характеристик (показателей) рынков. В ходе овладения методом анализа иерархий требуется: разработать критерии для сравнения параметров рынков; сформировать основные целевые рынки, которые подлежат оценке; сделать ранжирование критериев между собой по предпочтению потенциального инвестор; оценить каждый показатель, характеризующий тот или иной рынок коммерческой недвижимости, с позиций важности каждого критерия; сравнить рассчитанные варианты и сделать выбор наиболее оптимального инвестиционного предложения. Для более подробного ознакомления с методикой рекомендуем источник [1].

На первом этапе методики выберем критерии оценки коммерческой недвижимости. Выбор критериев обусловлен специфическими особенностями каждого вида недвижимости, целями и рисками инвестора, наличием отчетной информации. Средняя цена за 1 кв. м и максимальная стоимость объекта помогают определить финансовые рамки, ценовые тренды дают понимание динамики рынка,

количество инвестиционных предложений отражает ликвидность и конкурентоспособность рынка, коэффициент капитализации отражает отношение чистого операционного дохода к рыночной стоимости объекта, уровень операционных расходов определяет отношение операционных расходов к валовому доходу, рыночная ликвидность объекта показывает способность быстро продать или сдать объект в аренду без существенного снижения цены, чистый дисконтированный доход показывает приведенную доходность вложений в инвестиционный проект. Показатели целесообразно подразделять по секторам инвесторов-собственников и арендаторов (таблица).

На втором этапе зафиксируем показатели рынка коммерческой недвижимости в г. Казань на 20.08.2025 г., предоставленные сайтом «Витрина недвижимости Restate» под номерами 1-4 [7]. Остальные показатели под номерами 5-8 приняты в условных значениях (таблица).

Больше всего количество предложений по аренде коммерческой недвижимости. Самыми дорогими предложениями по цене на 1 кв. м. являются предложения по продаже коммерческой недвижимости и продаже офисов. Наивысшая динамика цен за 1 кв. м. недвижимости наблюдалась на рынке аренды отдельно стоящих торговых зданий – прирост на 31,2%.

Исходная информация для выбора объектов недвижимости [7]

Наименование показателя	Сектор арендаторов						Сектор инвесторов-собственников	
	Аренда офиса	Аренда склада	Аренда отдельно стоящего торгового здания	Аренда производственного помещения	Аренда торгового помещения	Аренда помещения свободного назначения	Продажа коммерческой недвижимости	Продажа офиса
1. Средняя цена за 1 кв. м., руб.*	1156	547	679	561	1867	1245	158201	169471
2. Максимальная цена за объект, млн руб.*	1,9	17,8	0,375	1,8	2,7	5,2	97,2	230
3. Темп прироста цен за 1 кв. м в августе 2025 г. к августу 2024 г., %*	9,5	16,5	31,8	1,8	12,9	6,1	11,1	10,4
4. Количество предложений на рынке, ед.*	321	173	35	42	51	18	419	197
5. Коэффициент капитализации, коэфф. **	0,04	0,06	0,05	0,07	0,11	0,12	0,12	0,08
6. Уровень операционных расходов, коэфф. **	0,35	0,41	0,40	0,45	0,52	0,44	0,50	0,48
7. Рыночная ликвидность объекта, дни **	32	27	17	25	37	20	15	16
8. Чистый дисконтированный доход, млн руб. **	125	78	83	92	655	438	930	1030

Примечание: * – анализ коммерческих предложений недвижимости в г. Казани за 20.08.2025 г. [7]; ** – условные значения показателей.

На третьем этапе рассчитаем матрицу парных сравнений по критериям оценки. Для гипотетического инвестора критерии выставлены таким образом, что наибольшее предпочтение отдано критериям динамики цен за 1 кв. м. на рынках, максимальной цене объекта, рыночной ликвидности объекта, уровню операционных расходов, далее остальным критериям. Критерий количества заявленных предложений на рынке большого значения для выбора инвестиционных предложений не имеет.

На четвертом этапе проведем сравнение инвестиционных предложений на рынке отдельно по каждому критерию оценки и по секторам. Например, в секторе аренды по средней цене за 1 кв. м предпочтение отдается аренде складов, отдельно стоящего торгового здания и производственного помещения. В секторе собственников по коэффициенту капитализации наибольшим спросом пользуется продажа коммерческой недвижимости.

В таких многофакторных условиях функционирования рынков сложно делать окончательный выбор инвестиционных предложений. По этой причине необходимо сделать свод ранее рассчитанных показателей. Итоговый расчет показал, что самое выгодное инвестиционное предложение в сложившихся рыночных условиях и при выбранных предпочтениях критериев по состоянию на август 2025 г., – это аренда отдельно стоящего торгового здания, т.к. величина глобального приоритета составила 0,44 баллов. На втором месте – предложение по аренде торгового помещения (0,25 баллов), на третьем месте – предложение по аренде производственного помещения (0,22 баллов). Аренда отдельно стоящего здания является наиболее экономически выгодной, что обеспечивается сочетанием наиболее выгодных условий: минимальной стоимостью объекта и высокой ликвидностью.

Дополнительные эффекты от инвестирования в аренду отдельно стоящего здания заключаются в возможности комбинации

различных видов недвижимости, полном контроле над эксплуатацией, ремонтом, перепланировкой и управлением объектом, имиджевой составляющей.

Заключение

Ценность коммерческой недвижимости в том, что она способствует созданию рабочих мест, стимулирует деловую активность и привлекает инвестиции. Методика выбора объектов коммерческой недвижимости, основанная на методе анализа иерархий, выявила наиболее выгодные объекты для инвестирования в предполагаемых условиях.

Поскольку система статистического учета недостаточно подробно формирует исходную статистику по рынкам недвижимости, что затрудняет раскрытие сложившихся закономерностей на рынках, предлагаем важнейшие показатели для мониторинга тенденций и состояний рынков недвижимости в разрезе видов объектов: объем сделок аренды и продажи на первичном, вторичном рынках недвижимости, тыс. руб.; объем нового строительства объектов недвижимости, тыс. руб.; уровень вакантных площадей всего, в т.ч. класса А, В, %; индекс роста числа зарегистрированных организаций и индивидуальных предпринимателей в регионе присутствия к предыдущему периоду, %; сумма операционных расходов по видам недвижимости в целом и на 1 кв. м., тыс. руб.; средние запрашиваемые ставки аренды недвижимости, руб./ кв. м. в год и другие.

Эти показатели позволят инвесторам принимать своевременные инвестиционные решения, экономить затраты на поиск информации и подготовку сопроводительной документации по сделкам. В целом рынок коммерческой недвижимости демонстрирует значительный потенциал роста. Для успешного использования этих возможностей девелоперам и инвесторам необходимо проявлять адаптивность, внедрять новые технологии и осуществлять стратегическое планирование.

Библиографический список

1. Алексеева Н.А. Введение в системный анализ: учебное пособие для направления подготовки «Прикладная информатика». Ижевск: Удмуртский государственный аграрный университет, 2023. 96 с. EDN: ZOKSRS. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50413836> (дата обращения: 07.07.2025).
2. Балгинова К.М., Шакибаев М.К. Вопросы развития городских агломераций: опыт Республики Татарстан и Казахстана // Региональный экономический журнал. 2024. № 1(36). С. 51-58. EDN: NDKAFY.

3. Блинов А.О., Кондраченко И.С. Современное состояние складской недвижимости в России // Экономические исследования и разработки. 2024. № 12. С. 130-137. EDN: IENQMW.
4. Большенко С.Ф., Кафидов В.В. Влияние региональной и муниципальной политики на развитие агломераций в России // Проблемы межрегиональных связей. 2022. № 17. С. 23-26. DOI: 10.54792/24145734_2022_17_23_26.
5. Боровских О.Н., Евстафьева А.Х. Состояние и перспективы развития офисной недвижимости г. Казани // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 7(153). С. 53-61. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-7-53-61.
6. Данильченко С.Л., Шемет В.С., Минаков А.В. и др. Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности: монография. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. 172 с. ISBN 978-5-907965-15-7. DOI: 10.31483/a-10685.
7. Витрина недвижимости Restate. URL: <https://kazan.restate.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).
8. Власенко М.Н. Развитие рынка складской недвижимости: текущее состояние и ключевые тренды // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 2-1(120). С. 32-35. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-2-1-32-35.
9. Гудов И.В. Проблемы и перспективы развития рынка коммерческой недвижимости // Журнал мониторинга экономики и менеджмента. 2024. № 10. С. 321-325. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.34.74.117.
10. Демченко А.М., Иванова Н.А. Обзор ситуации на рынке недвижимости // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 3, № 12(141). С. 141-148. DOI: 10.36871/ek.up.p.g.2023.12.03.016.
11. Заиканов В.Г., Минакова Т.Б., Булдакова Е.В. Геоэкологический профиль города для эффективного планирования // Геоэкология. Инженерная геология, гидрогеология, геокриология. 2023. № 5. С. 79-87. DOI: 10.31857/S0869780923050089.
12. Казанский Н. Объем ввода коммерческой недвижимости в России по итогам 2024 г. может достигнуть 6,4 млн кв. м. URL: <https://nikoliers.ru/media/news/obem-vvoda-kommercheskoj-vedvizhimosti-v-rossii-po-itogam-2024-g-mozhet-dostignut-6> (дата обращения: 16.07.2025).
13. Макушин М.А. Пространственное развитие рынка складской недвижимости в России: e-commerce против классического ритейла // Региональные исследования. 2024. № 4(86). С. 38-48. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-4-3.
14. Официальный сайт Росстата. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/63116> (дата обращения: 20.07.2025).
15. Стерник С.Г., Изюмов М.Д. Исследование особенностей проектов девелопмента корпоративной недвижимости и Оптимизация процесса их формирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 11(254). С. 43-52. DOI: 10.24412/2072-4098-2022-11254-43-52.
16. Фаттахутдинова И.И., Ибрагимова Г.М., Мишакин Т.С. Особенности проектной деятельности в управлении недвижимостью на примере Республики Татарстан // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 4-1. С. 165-169. DOI: 10.17513/vaael.3346. EDN: SWFZZY. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_65620524_46168038.pdf (дата обращения: 07.07.2025).
17. Чигрина А.И. Генезис экономического содержания категории «коммерческая недвижимость» // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2025. Т. 15, № 1. С. 6-18. EDN: AFIRZH. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_81422511_46475655.pdf (дата обращения: 07.07.2025).
18. Ясницкий Л.Н., Ясницкий В.Л., Алексеев А.О. Моделирование рынков жилой недвижимости крупнейших городов России // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 2. С. 609-622. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-22.

УДК 331.5

П. Р. Алиева

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала,
e-mail: patyaalieva@yandex.ru

И. А. Алиев

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ САМОЗАНЯТОСТИ НА БАЗЕ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Ключевые слова: личные подсобные хозяйства, сельское хозяйство, самозанятость, сельское население, безработица, регион.

В данной статье авторы рассматривают перспективы развития самозанятости на базе личных подсобных хозяйств в современных условиях рынка. Развитие самозанятости в личных подсобных хозяйствах открывает дополнительные возможности к основному направлению хозяйствования, что способствует снижению уровня безработицы в сельской местности. Выявлены основные факторы развития самозанятости в сельской местности; определены особенности развития самозанятости в личном подсобном хозяйстве; обоснованы меры государственной поддержки для создания современных, встроенных в рыночную экономику личных подсобных хозяйств. Проведенный анализ позволил авторам дать характеристику динамики развития самозанятости на базе подсобных хозяйств в регионе. Результаты исследования могут быть использованы органами власти федерального и регионального уровней при выработке предложений по развитию и регулированию самозанятости на базе личных подсобных хозяйств.

P. R. Alieva

Dagestan State University, Makhachkala, e-mail: patyaalieva@yandex.ru

I. A. Aliev

Dagestan State University, Makhachkala

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SELF-EMPLOYMENT BASED ON PERSONAL SUBSIDIARY FARMS IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Keywords: private farms, agriculture, self-employment, rural population, unemployment, region

In this article, the authors consider the prospects for the development of self-employment on the basis of private subsidiary farms in modern market conditions. The development of self-employment in private subsidiary farms opens up additional opportunities to the main direction of management, which helps to reduce the level of unemployment in rural areas. The main factors of self-employment development in rural areas are identified; the features of self-employment development in private subsidiary farms are determined; measures of state support for the creation of modern private subsidiary farms integrated into the market economy are substantiated. The conducted analysis allowed the authors to characterize the dynamics of self-employment development on the basis of private subsidiary farms in the region. The results of the study can be used by federal and regional authorities when developing proposals for the development and regulation of self-employment on the basis of private subsidiary farms.

Введение

Одна из актуальных задач современного общества заключается в обеспечении и поддержании эффективной занятости и повышении уровня жизни граждан, проживающих в сельской местности. После периода перестройки в стране многие Экономические преобразования времен перестройки привели к массовому банкротству сельско-

хозяйственных предприятий (бывших колхозов и совхозов), а последующий затяжной спад в аграрном секторе сделал безработицу постоянным явлением в сельской местности. Кроме того, мобильность сельского населения ограничивается значительной транспортной удаленностью мест проживания, а также привязанностью к личным подсобным хозяйствам (ЛПХ) [1].

Согласно ст. 2 Федерального закона от 07.07.2003 № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» [2] ЛПХ являются одной из форм непредпринимательской деятельности граждан, которая связана с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Личные подсобные хозяйства выступают в качестве эффективных стабилизирующих механизмов и надежных гарантов продовольственной безопасности, так как позволяет в короткие сроки организовать производство сельскохозяйственной продукции, не привлекая значительных инвестиций и не рассчитывая на масштабную государственную поддержку. Благодаря ЛПХ улучшается ситуация на продовольственном рынке, обеспечивая его устойчивость и доступность.

Развитие самозанятости в сельской местности является предметом исследования широкого круга экспертов. Анализ научных работ позволяет выделить некоторые ключевые аспекты данной проблемы. Так, например, З.И. Калугина отмечает, что деятельность в рамках ЛПХ представляет собой особую форму экономической активности, которая относится к неформальному виду предпринимательской деятельности [3]. В.А. Богдановский дополняет этот тезис, указывая на отсутствие у занятых в ЛПХ стандартных социально-трудовых гарантий: такая деятельность не учитывается при начислении пенсионного стажа и не предоставляет доступа к льготам, характерным для формального сектора занятости [4]. Г.Ф. Балакина в своих работах акцентирует внимание на существенных недостатках регулирования ЛПХ на государственном уровне. По ее мнению, такая форма самозанятости характеризуется повышенной степенью экономической уязвимости, поскольку связана с отсутствием социальных гарантий, нестабильностью доходов и т.д. [5]. Таким образом, проблема самозанятости в сельской местности требует комплексного подхода к решению выявленных проблем и разработки эффективных механизмов поддержки данного сектора экономики.

Недостаточная изученность процессов динамики развития самозанятости на базе личных подсобных хозяйств в региональном аспекте определяет наличие существенного научного пробела. В связи с этим актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления характерных черт, особенностей и потенциала развития данной

формы трудовой деятельности в сельской местности. В рамках данной статьи рассматриваются отдельные аспекты обозначенной проблематики.

Целью данного исследования является оценка среднесрочных перспектив развития самозанятости на базе личных подсобных хозяйств региона в современных условиях рынка.

Материалы и методы исследования

Теоретической и методологической базой исследования послужили публикации экспертов в исследуемой области, статистические данные Росстата. При подготовке статьи авторы использовали комплекс научных методов, включающий: статистический анализ, сравнение, систематизацию и обобщение полученных результатов.

Результаты исследования и их обсуждение

В современных социально-экономических условиях личные подсобные хозяйства выступают значимым институтом сохранения и развития традиционных форм хозяйственной деятельности и уклада сельской жизни. Личные подсобные хозяйства демонстрируют высокую эффективность в рациональном использовании ресурсов сельских территорий, что способствует нивелированию экономических диспропорций и решению социальных проблем посредством организации производства продукции для внутрисемейного потребления, обеспечивают самозанятость сельского населения и формирование дополнительных источников дохода. Особенно значимую роль личные подсобные хозяйства играют в депрессивных и дотационных регионах, где они становятся главным источником финансового благосостояния для многих семей. Благодаря развитию ЛПХ создаются благоприятные условия для воспроизводства и устойчивого развития сельских территорий.

В ходе рыночных преобразований был закреплен правовой статус личных подсобных хозяйств, согласно которому ЛПХ представляет собой особую форму деятельности, не имеющую предпринимательского характера, заключающуюся в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции, осуществляемая на добровольной основе гражданином и его семьей [6].

Социально-экономическая ситуация в Республике Дагестан характеризуется

устойчиво высокими показателями безработицы, которые значительно превышают как среднероссийские значения, так и аналогичные данные по другим субъектам Северо-Кавказского федерального округа. По состоянию на I квартал 2024 года уровень безработицы в регионе составил 11,9%, что соответствует 173,3 тыс. чел. из общего числа экономически активного населения. При этом обращает на себя внимание ярко выраженная территориальная специфика: более 64% безработных (110,9 тыс. человек) проживали в сельской местности, что указывает на существенную диспропорцию в распределении рабочих мест между городом и селом. С 2015 года уровень безработицы увеличился почти в 1,5 раза, несмотря на то, что общая численность безработных в регионе не превысила 34 тыс. человек (рис. 1). Это обстоятельство подчеркивает наличие серьезных проблем с занятостью среди сельского населения и важность работы по снижению уровня безработицы.

В рамках анализа статистических данных рынка труда наблюдается существенная диспропорция между общей численностью безработных, проживающих в сельской местности и количеством граждан, официально состоящих на учете в государствен-

ных органах службы занятости. Согласно данным 2024 года было зарегистрировано 4,3 тыс. безработных, что в 23,5 раза меньше их общей численности. Численность официально зарегистрированных безработных, проживающих в сельской местности составила 4,3 тыс. в 2023 г. [8].

Решение существующих проблем занятости населения часто связывают с реализацией активной политики, направленной на улучшение ситуации на рынке труда и создание условий для трудоустройства всех ищущих работу граждан. Ключевым аспектом реализации данной стратегии выступает стимулирование незанятого населения к самостоятельной трудовой деятельности посредством развития предпринимательства и самозанятости. Стимулирование самозанятости представляет собой значимый инструмент активной политики занятости, ориентированный на повышение трудовой активности безработных граждан. В большинстве случаев самозанятость для сельского населения становится единственным способом борьбы с безработицей и источником существования для незанятых граждан.

На рисунке 2 представлены основные факторы развития самозанятости в сельской местности.

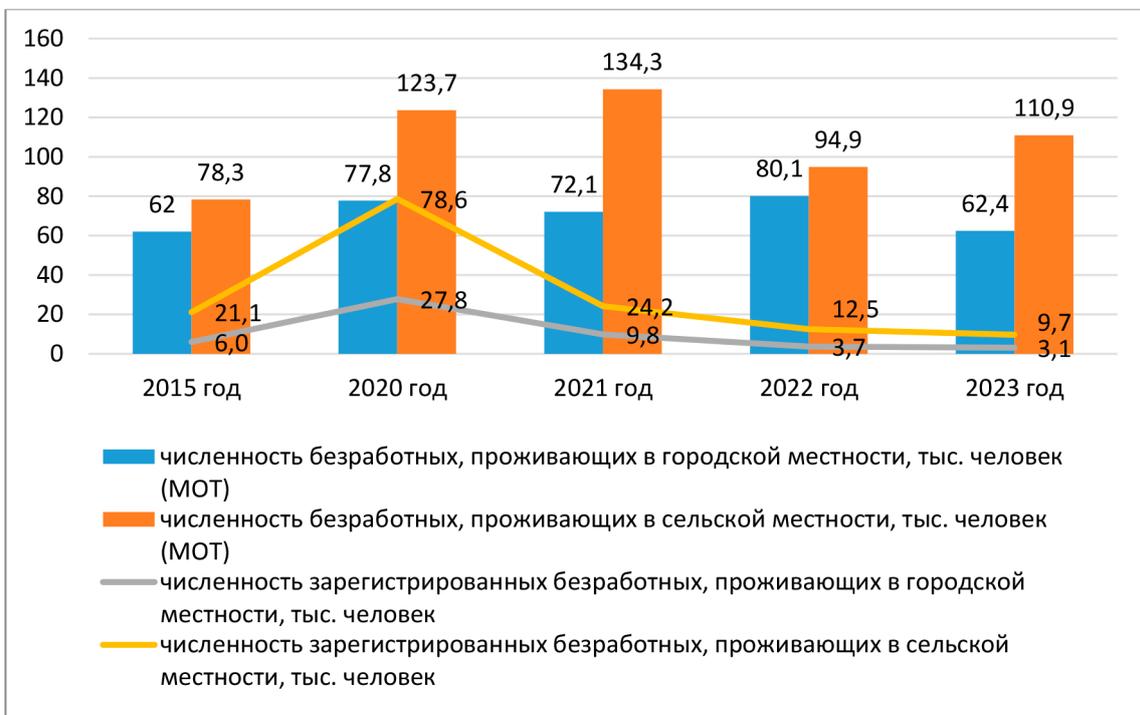

Рис. 1. Численность безработных в Республике Дагестан, тыс. чел.
Источник: составлен автором по данным [7]

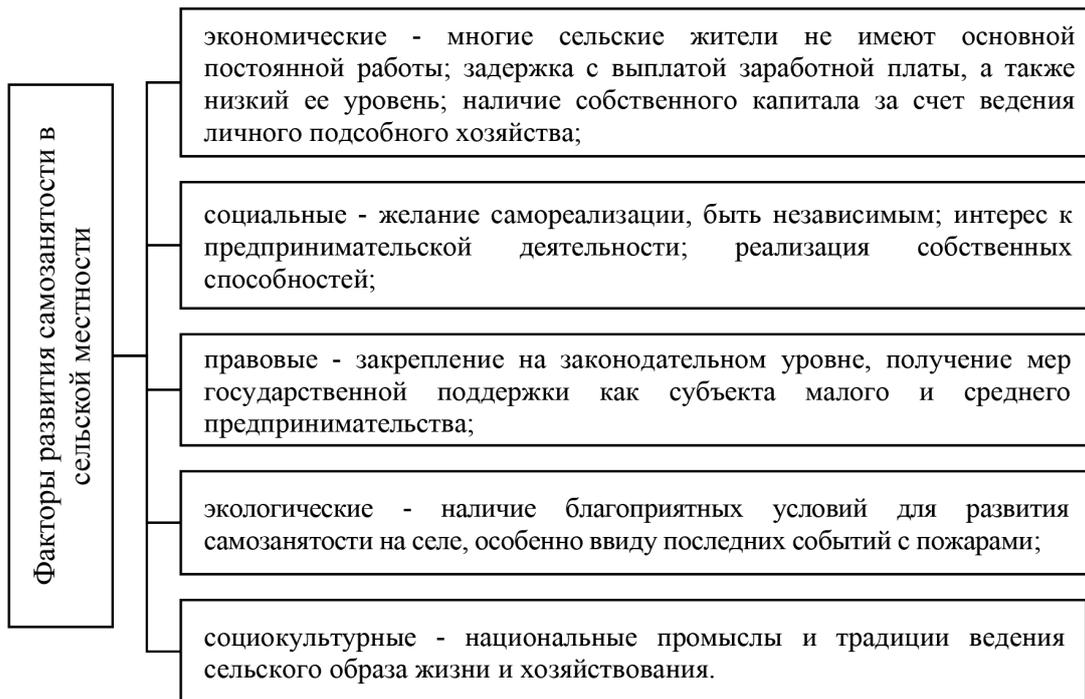

Рис. 2. Факторы развития самозанятости в сельской местности Республики Дагестан
 Источник: составлен авторами

Развитие самозанятости в сельских регионах оказывает положительное влияние на экономику, способствуя росту доходов местных семей, предоставляет возможность трудоустройства в соответствии с профессиональной подготовкой и квалификацией. Самозанятость становится важным инструментом удержания молодежи в сельской местности, создавая привлекательные условия для самореализации и профессионального роста. Благодаря этому жители получают доступ к современным удобствам и благам цивилизации, что повышает качество их жизни. Самозанятость играет ключевую роль в сокращении безработицы в сельской местности, создавая новые экономические возможности для населения. Благодаря развитию индивидуального предпринимательства жители сел получают доступ к альтернативным источникам дохода, что способствует росту их благосостояния. Одним из значимых эффектов является стимулирование аграрного сектора: повышение производительности труда и увеличение объемов выпускаемой сельскохозяйственной продукции. Кроме того, введение налога на профессиональный доход позволило увеличить объемы налоговых поступлений в бюджет [9].

Рассмотрим более подробно вопросы самозанятости в рамках личных подсобных хозяйств. ЛПХ как форма сельскохозяйственной деятельности начали формироваться в 1920-х годах. В рассматриваемый период роль ЛПХ носила второстепенный характер, что было обусловлено особенностями общественного уклада. Преобладающее большинство населения было занято в сфере наемного труда, а ведение личного хозяйства осуществлялось в рамках вне рабочего времени. В настоящее время ситуация изменилась, ЛПХ приобрели важное значение, поскольку не только обеспечивают сельские семьи продуктами питания, но и способствуют снижению уровня безработицы. В условиях сокращения спроса на рабочую силу ЛПХ превратились в главный источник дохода для многих семей, что позволяет рассматривать их как форму основной занятости.

Согласно статистическим данным, представленным Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан (Дагестанстат), по состоянию на 2023 год в регионе было зафиксировано около 438 тыс. единиц личных подсобных хозяйств. Анализ поголовья сельскохозяйственных животных

в данных хозяйствах показал, что на 1 января 2023 года их общая численность составила: 79,3 тыс. голов крупного рогатого скота, включая 46,2 тыс. коров, а также 1 449,2 тыс. голов мелкого рогатого скота (овец и коз). В результате деятельности личных подсобных хозяйств было произведено 34,2 тысячи тонн скота и птицы, 153 тысячи тонн молока, 4,4 миллиона штук яиц и 3 467,6 тонн шерсти. В 2023 году на личные подсобные хозяйства пришлось свыше 70% всего объема сельскохозяйственной продукции региона. В таких хозяйствах традиционно выращивают картофель, овощи, а также производят мясо, молоко, яйца, мед и другие продукты.

Как следует из данных таблицы 1, личные подсобные хозяйства доминируют в аграрном секторе региона, обеспечивая более 70% всей сельскохозяйственной продукции. Анализ структуры производства сельскохозяйственной продукции по различным категориям хозяйств показывает, что хозяйства населения играют ключевую роль, занимая более 50% в общем объеме аграрного производства. Динамика показателей свидетельствует о следующем:

в 2015 году доля продукции ЛПХ достигла 75,8%, в 2020 году этот показатель увеличился до 77,5%, а в 2023 году сохранился на уровне 76,3%. Примечательно, что динамичное развитие фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств граждан происходит на фоне постепенного ослабления позиций традиционных сельскохозяйственных организаций в аграрном производстве.

Данные, представленные в таблице 1, подтверждают, что личные подсобные хозяйства (ЛПХ) населения являются неотъемлемой частью аграрной системы как страны в целом, так и ее регионов, служа устойчивой и стабильной формой хозяйствования граждан.

Основными направлениями деятельности самозанятых граждан в личных подсобных хозяйствах являются производство мяса и мясных изделий, молока и молочной продукции, выращивание овощей и картофеля. В Республике Дагестан личные подсобные хозяйства производят широкий ассортимент продукции. В таблице 2 представлены данные о количестве произведенной продукции в личных подсобных хозяйствах региона.

Таблица 1

Структура производства сельскохозяйственной продукции Республики Дагестан по категориям хозяйств, %

Показатели	2015	2020	2021	2022	2023	Абсолютное изменение 2023 к 2015г. (+/-)
Сельскохозяйственные организации	12,7	13,6	15,3	14,6	14,2	1,5
Хозяйства населения	75,8	77,5	73,9	76,1	76,3	0,5
Крестьянские (фермерские) хозяйства	11,5	8,9	10,8	9,3	9,6	-1,9

Источник: составлена авторами.

Таблица 2

Объемы производства сельскохозяйственной продукции в ЛПХ населения Республики Дагестан, тыс. тонн

Вид продукции	2015	2020	2021	2022	2023	Темп прироста 2023 к 2015 г., %
Зерно (в весе после доработки)	143,5	188,6	188,6	177,1	187,7	30,8
Картофель	326,7	351,4	347,8	318,0	341,5	4,5
Овощи	1295,5	1352,4	1379,5	1055,0	1185,8	-8,5
Плоды и ягоды	124,9	168,7	176,3	178,6	178,0	42,5
Виноград	74,3	61,8	63,2	26,5	47,6	-35,9
Скот и птица на убой (в убойном весе)	74,1	90,2	91,2	92,0	93,3	25,9
Молоко	542,0	615,4	620,2	624,8	628,8	16,0
Яйца, млн шт.	165,3	178,0	187,9	198,6	199,2	20,5
Шерсть (в физическом весе), тонн	5370	4562	4554	4604	4608	-14,2

Источник: составлена авторами

Согласно данным, представленным в таблице 2, в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к увеличению объемов производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах населения. В 2023 г. основная часть картофеля, 93,4% и 91,9% овощей от общего производства произведены в хозяйствах населения. Значительная часть мяса (61,0% от всего производства) и молока (66,2%) произведена в хозяйствах населения, а производство зерна винограда по-прежнему сконцентрировано в сельскохозяйственных организациях (40,7% и 56,2% соответственно). Доминирующее положение в отрасли продолжают занимать хозяйства населения и фермерские (крестьянские) хозяйства. Примечательно, что в 2023 году зафиксировано снижение валового сбора овощей и винограда по сравнению с базовым 2015 годом. Однако начиная с 2022 года прослеживается стабилизация объемов производства, что свидетельствует о выходе отрасли на плато устойчивого развития. Позитивная тенденция отмечается в секторе животноводства, где фиксируется устойчивый рост производства основных видов продукции. В частности, наблюдается увеличение объемов производства скота и птицы, молочной продукции и яиц.

Наблюдаемая положительная динамика роста объемов производства в личных подсобных хозяйствах подтверждает существенный вклад малых форм хозяйствования населения в обеспечение конкурентоспособности аграрного сектора экономики.

С 2022 года в Российской Федерации реализуется комплекс мер, направленных на расширение государственной поддержки владельцев личных подсобных хозяйств, зарегистрированных в качестве плательщиков налога на профессиональный доход (НПД). Данная законодательная инициатива призвана стимулировать развитие аграрного сектора за счет перехода от традиционных форм ведения ЛПХ к более эффективным и рыночно ориентированным хозяйственным моделям. Принятие Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) [10] позволило самозанятым гражданам официально зарегистрировать свой статус, установило границы их функционирования

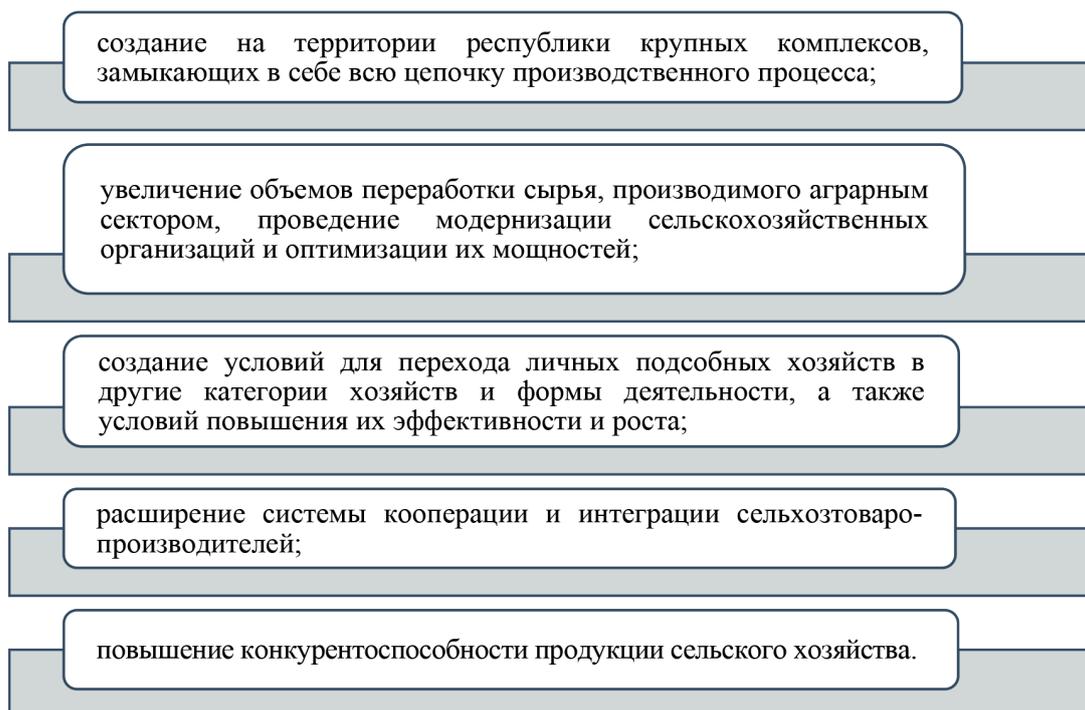
и определило стартовые особенности правового положения этой категории российских занятых. Регистрация в качестве самозанятого позволяет владельцу ЛПХ платить НПД по дифференцированной ставке: 4% с дохода при работе с физическими лицами и 6% – с юридическими. Переход на НПД и статус самозанятого оказывается выгодным для владельца ЛПХ, особенно если он рассчитывает на получение различных форм государственной поддержки и на увеличение объемов производства и доходов от него, не располагая при этом достаточными ресурсами и не рискуя переходом в статус крестьянского фермерского хозяйства (КФХ) или индивидуального предпринимателя (ИП) [11].

С начала 2023 года в рамках реализации федерального проекта «Развитие овощеводства и картофелеводства» предусмотрена возможность получения субсидий для граждан, ведущих личное подсобное хозяйство и использующих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». Данные субсидии предназначены для компенсации части расходов, которые были понесены в течение отчетного финансового года на производство картофеля и овощей, выращиваемых в открытом грунте. Размер компенсации определяется из расчета на одну тонну реализованного картофеля и овощей, произведенных в личных подсобных хозяйствах.

Согласно данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан по результатам рассмотрения поступивших заявлений было принято решение о предоставлении субсидий 207 заявителям. В частности, 124 из них получили субсидии на производство овощей на общую сумму 76,4 млн. рублей, а 83 – на производство картофеля, сумма которых составила 46,6 млн. рублей. Установленные индикаторы – 5,886 тыс. тонн и 8,5825 тыс. тонн реализованных картофеля и овощей выполнены на 106,2 и 127,8 процентов соответственно (6,25333 тыс. тонн – картофель, 10,9676 тыс. тонн – овощи) [12].

Заключение

Для обеспечения устойчивого роста сельскохозяйственного производства и повышения качества жизни сельского населения представляется целесообразным сконцентрировать усилия на следующих приоритетных направлениях:

*Рис. 3. Направления развития сельскохозяйственного производства в Республике Дагестан
Источник: составлен авторами*

В завершение стоит подчеркнуть, что расширение возможностей самозанятости посредством организации личных подсобных хозяйств (ЛПХ) представляет собой перспективное направление в рамках активной политики занятости, способствующее сокращению числа безработных граждан. Данная инициатива может оказаться действенным механизмом в решении проблемы занятости в сельской местности. Расширение возможностей для самозанятости в ЛПХ способствует изменению традиционных представлений о об устоявшихся па-

радиках трудовой деятельности в сельской местности. Данный процесс инициирует глубинные изменения в системе ценностных ориентаций и мотивационных установок, что, в свою очередь, стимулирует позитивные изменения в поведенческих стратегиях. Подобные преобразования способствует повышению уровня жизни, снижению социальной напряжённости и формированию устойчивой основы для развития сельских территорий. Таким образом, самозанятость в ЛПХ становится важным фактором устойчивого развития сельских территорий.

Библиографический список

1. Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Иноземцева А.В. Мониторинг развития самозанятости в личном подсобном хозяйстве в контексте активной политики самозанятости // Общество социология, психология, педагогика. 2019. № 3 (59). С. 14-22. DOI: 10.24158/spp.2019.3.1. EDN: ZAQIST.
2. Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве». Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/ (дата обращения: 10.06.2025).
3. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с. EDN: TTXCNX. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=TTXCNX> (дата обращения: 10.06.2025).
4. Личные подсобные хозяйства: вопросы идентификации (фрагменты некоторых выступлений участников круглого стола) // Экономика сельского хозяйства России. 2011. № 4. С. 48-59. EDN: NVVMHP. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16443179&ysclid=mf55us5ebe74333336> (дата обращения: 10.06.2025).

5. Балакина Г.Ф. Проблемы безработицы и самозанятости в Туве // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию ТувИКОПР СО РАН. Кызыл, 2015. С. 25-65. EDN: VUUSQT.
6. Дусаева Е.М., Курманова А.Х., Цыгулева М.И. Проблемы и перспективы развития личных подсобных хозяйств в экономике региона (на примере Оренбургской области) // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2018. Т. 13. № 2. С. 212-227. DOI: 10.17072/1994-9960-2018-2-212-227.
7. Дагестан в цифрах. Краткий статистический сборник. Махачкала, 2024. С. 36-37. URL: <https://05.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Дагестан%20в%20цифра%202024.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).
8. Занятость и безработица населения в Республике Дагестан в I квартале 2024 г. URL: <https://05.rosstat.gov.ru/Presvipuski?ysclid=mfbcft8ji3267855804> (дата обращения: 10.06.2025).
9. Иванов Н.Ю., Цынзак М.П. Самозанятость и личное подсобное хозяйство в Республике Саха (Якутия) // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 126-132. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.439. EDN: FYLWMP.
10. Скоморохов С.Н., Методология исследования влияния личных подсобных хозяйств и других индивидуальных хозяйств граждан на развитие сельской локальной экономики // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 8. С. 9-25. DOI: 10.34755/IROK.2022.71.53.041. EDN: FEOZAZ.
11. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 N 422-ФЗ // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 10.06.2025).
12. Данные о направлениях государственной поддержки Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан URL: <https://mcxp.e-dag.ru/activities/gosudarstvennaya-podderzka-8716> (дата обращения: 10.06.2025).

УДК 338.45

Е. В. Богомолова

ФГОБУ ВО «Липецкий государственный технический университет», Липецк,
e-mail: ev_bogom@mail.ru

Е. И. Козлова

ФГОБУ ВО «Липецкий государственный технический университет», Липецк

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИИ С УЧЕТОМ ОТРАСЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Ключевые слова: потенциал предприятия, экономический потенциал, методы оценки, показатели оценки, балльно-рейтинговая оценка.

Одной из приоритетных управленческих задач, стоящих перед хозяйствующими субъектами, является оценка их текущих и перспективных возможностей развития. В статье для принятия эффективных управленческих решений, направленных на стабилизацию стратегических позиций организации, предлагается использование категории «экономический потенциал», имеющей комплексное содержание. Проанализированы подходы отечественных и зарубежных авторов к раскрытию сущности категорий «потенциал», «экономический потенциал предприятия». Рассмотрены методы оценки экономического потенциала предприятия. На основе метода балльно-рейтинговой оценки проведен анализ экономического потенциала малого предприятия, специализирующегося на оптовой торговле санитарно-техническим оборудованием. Делается вывод о необходимости для повышения точности оценки экономического потенциала организации использовать не только нормативные или среднеотраслевые значения выбранных базовых финансовых показателей, но также и показатели наиболее значимых организаций-конкурентов.

E. V. Bogomolova

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, e-mail: ev_bogom@mail.ru

E. I. Kozlova

Lipetsk State Technical University, Lipetsk

FORMATION OF ECONOMIC POTENTIAL OF THE ORGANIZATION TAKING INTO ACCOUNT INDUSTRY FEATURES

Keywords: enterprise potential, economic potential, assessment methods, assessment indicators, point-rating assessment.

One of the priority management tasks facing economic entities is the assessment of their current and future development opportunities. The article proposes to use the category of “economic potential”, which has a complex content, to make effective management decisions aimed at stabilizing the strategic positions of the organization. The approaches of domestic and foreign authors to disclosing the essence of the categories of “potential”, “economic potential of the enterprise” are analyzed. The methods of assessing the economic potential of the enterprise are considered. Based on the point-rating assessment method, an analysis of the economic potential of a small enterprise specializing in the wholesale trade of sanitary equipment is carried out. A conclusion is made about the need to use not only standard or industry average values of the selected basic financial indicators, but also the indicators of the most significant competing organizations to improve the accuracy of assessing the economic potential of the organization.

Введение

Термин «потенциал» имеет широкое применение в различных контекстах. В зарубежных исследованиях он часто связывается с достижением наивысшего уровня, стремлением к оптимальным результатам и составляет содержание концепции «пикового потенциала». Можно выделить три основных направления исследований

по пиковому потенциалу, моделирующих поведение фирм: поиск путей полного использования имеющихся у них мощностей, то есть, производственного потенциала [1, с. 171-180]; раскрытие потенциала сотрудников, то есть, трудового потенциала [2]; анализ границ роста компаний [3] и влияния отдельных факторов роста [4, с. 7-24]. После глубокого обоснования

вания Й.А. Шумпетером роли новаторства в общественной динамике, в том числе экономического новаторства [5, с. 23], также не снижается исследовательский интерес к изучению теоретической модели предпринимательского потенциала [6, с. 1-11].

Потенциал предприятия в целом отражает имеющиеся у него бизнес-возможности, которые при определенных условиях могут повлиять на результаты. Оптимальное сочетание масштаба, структуры и динамики имеющихся ресурсов, будет определять успех бизнеса [7, с. 99-106]. Такой срез анализа, на наш взгляд, в отечественной литературе осуществляется с использованием категории «экономический потенциал предприятия».

Поскольку исходный термин – «потенциал», как отмечают В.А. Киселева, О.В. Рязанцева, П.В. Аристархов, может определяться через разные моменты – характеризовать «... принадлежность субъекту (носителю) ...; источники формирования ...; условия развития и реализации ...», [8, с. 21], то и вырастающая на его основе категория «экономический потенциал предприятия» также может быть многогранной. Авторы на основе обзора около двух десятков публикаций по рассматриваемому вопросу выделяют ресурсный (совокупность ресурсов предприятия), результативный (совокупность возможностей предприятия) и стратегический (совокупность ресурсов и резервов предприятия) подходы к определению экономического потенциала предприятия» [8, с. 22]. При этом авторы выделяют для каждого из подходов основные элементы экономического потенциала предприятия: ресурсы, поступающие извне, производственные результаты и цель развития, соответственно [8, с. 23].

Однако, например, по мнению Ю. Бреховой и А. Курбановой, совокупность разных точек зрения о содержании категории «экономический потенциал предприятия» может быть ограничена двумя подходами – ресурсным и результативным. Поскольку последний подход, как правило, уже включает в себя возможность достижения как текущих результатов, так и их развития и активного использования в будущем, то потребность в выделении стратегического подхода отсутствует [9, с. 168].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает подход группы авторов – Г.Г. Надворной, С.В. Климчук, М.С. Оборина, Т.Е. Гварлиани,

которые на основе выполнения ретроспективной оценки теоретических подходов к категории «экономический потенциал предприятия» пришли к выводу о необходимости рассматривать эту категорию как систему, в которой «тесно взаимодействуют между собой» экономические ресурсы и результаты деятельности. Такое взаимодействие направлено «на решение действующего противоречия достаточности и воспроизводства экономических ресурсов» [10, с. 71]. При этом, поскольку сам процесс формирования ресурсов является целенаправленным, то генерируемые результаты соответствуют «стратегическим целям предприятия» [10, с. 75].

Раскрытие сущности экономического потенциала предприятия неразрывно связано с рассмотрением методов его оценки [11, с. 108-114]. В отечественной литературе традиционно выделяется три группы методов оценки: через количественную оценку либо наличных ресурсов (технических, информационных, трудовых, финансовых), либо дохода от их использования, либо расходов на их формирование; через оценку эффективности использования ресурсов (расчет коэффициентов фондоотдачи, фондоемкости, производительности труда, коэффициентов оборачиваемости и других финансовых коэффициентов деятельности); через рейтинговую оценку путем сравнения с результатами деятельности предприятий-конкурентов на основе определенного набора показателей.

Цель исследования: изложить практические рекомендации по выявлению экономического потенциала коммерческой организации, функционирующей в сфере оптовой торговли и имеющей статус малого предприятия.

Гипотеза исследования: точность оценки экономического потенциала организации повышается при использовании не только нормативных или среднеотраслевых значений финансовых показателей, но и показателей ключевых конкурентов, что позволяет учесть отраслевую специфику и конкурентные условия.

Исследовательский вопрос: каким образом модификация балльно-рейтингового метода оценки экономического потенциала с включением среднеотраслевых и конкурентных показателей влияет на точность и релевантность результатов оценки для малых предприятий оптовой торговли?

Материал и методы исследования

Информационной базой исследования послужили публикации в зарубежных и отечественных научных журналах, содержащие обзоры по различным аспектам потенциала ресурсов предприятия; бухгалтерская (финансовая) отчетность ООО «Техно-Альянс» и его отраслевых конкурентов. В качестве методов исследования были использованы методы группировки, сравнения, анализа финансового состояния организации, графическая визуализация рассчитываемых показателей.

Результаты исследования и их обсуждение

Для выбора из существующих методов оптимального метода оценки экономического потенциала предприятия, по нашему мнению, необходимо учитывать следующие моменты:

- экономический потенциал связан со способностью хозяйствующего субъекта достигать наилучших результатов на основе имеющихся ресурсов (показатели, отражающие величину эффекта на единицу использованных ресурсов);

- потенциал – это результат синтеза отдельных ресурсов и возможностей, что требует сведения частных показателей отдельных видов ресурсов в интегральный эффект;

- для оценки экономического потенциала предприятия немаловажное значение имеют индивидуальные особенности организации. К таким особенностям относятся отраслевая принадлежность, размеры предприятия, его организационно-правовая форма и другие факторы, отражающие характер предпринимательской деятельности и условия хозяйствования. Поэтому экономический потенциал хозяйствующего субъекта должен сравниваться с экономическими потенциалами других хозяйствующих субъектов этой же отрасли. При этом, если показатели, характеризующие какую-либо сторону ресурсного потенциала, имеют нормативные значения, предлагается брать за эталон нормативные значения, усредненные для отрасли.

Апробация оценки экономического потенциала предприятия осуществлена на примере ООО «Техно-Альянс» (г. Липецк), осуществляющего оптовую торговлю санитарно-техническим оборудованием (ОКВЭД 46.73.3). Методом оценки сово-

купного экономического потенциала организации выбран метод балльно-рейтинговой оценки экономического потенциала. Временные рамки анализа охватывают период 2021-2023 гг.

В рамках балльно-рейтинговой модели весовые коэффициенты для отдельных показателей (например, рентабельность, ликвидность, оборачиваемость) должны отражать их относительную важность для формирования экономического потенциала в конкретной отрасли [12, с. 49-50; 13, с. 62-63]. В данном случае для оптовой торговли санитарно-техническим оборудованием ключевыми (релевантными) могут рассматриваться:

- рентабельность продаж и оборачиваемость активов, так как отрасль характеризуется высокой зависимостью от объемов продаж и эффективности управления запасами и дебиторской задолженностью [14, с. 34-35];

- ликвидность также важна из-за необходимости поддержания финансовой устойчивости в условиях сезонных колебаний спроса [15, с. 168-169].

Предлагается назначать веса на основе экспертных оценок или метода анализа иерархий (АНР), с привлечением отраслевых специалистов, в частности:

- Рентабельность продаж – 0,25;
- Оборачиваемость активов – 0,20;
- Коэффициент текущей ликвидности – 0,15;
- Рентабельность активов – 0,15;
- Рентабельность собственного капитала – 0,10;
- Коэффициент автономии – 0,10;
- Абсолютная ликвидность – 0,05.

Такое распределение отражает отраслевые приоритеты и может быть верифицировано через корреляционный анализ с итоговыми финансовыми результатами.

Для анализа экономического потенциала по отраслевой принадлежности были выделены основные конкуренты организации в заданном регионе на основе данных, публикуемых информационной группой Спарк (Интерфакс) [16]. В качестве базовых (исходных) критериев отбора конкурентов были использованы показатели выручки (тыс. руб.) и активов (тыс. руб.).

Основными конкурентами для ООО «Техно-Альянс» по показателям «выручка» и «активы» оказались ООО «Спецкомплект» (Ли-

пекс) – (153463 тыс. руб. и 28732 тыс.руб. соответственно), ООО «Компания «ВДС» (Липецк) – (134691 тыс. руб. и 104660 тыс. руб. соответственно) и ООО «ТК» «Гермес» (Липецк) (49344 тыс. руб. и 34016 тыс. руб. соответственно). Показатель выручки у ООО «Техно-Альянс» имеет лучшее значение, чем у конкурентов. Выручка ООО «Техно-Альянс» превышает показатель выручки у ближайшего конкурента – ООО «Спецкомплект» почти на 14%.

Для оценки финансового состояния и результатов деятельности отобранных компаний-конкурентов были рассчитаны коэффициенты рентабельности продаж (%), рентабельности активов (%) и рентабельности собственного капитала (%). Данные показатели рентабельности были выбраны исходя из стремления проанализировать способность предприятия и его конкурентов эффективно осуществлять свою деятельность и рационально использовать собственные ресурсы. По рентабельности продаж позиция ООО «Техно-Альянс» лучше позиции ООО «Спецкомплект», ООО «Компания «ВДС» и ООО «ТК «Гермес» на 7,2 п.п., 8,2 п.п. и 9,2 п.п., соответственно (рис. 1).

Результаты оценки совокупного экономического потенциала ООО «Техно-Альянс» за 2021-2023 гг. с использованием балльно-рейтинговой оценки экономического потен-

циала отражены на рисунке 2 (а). Балльно-рейтинговый анализ показал, что наилучшее значение экономического потенциала соответствует 2022 году (идеальное значение 100 баллов): финансовый потенциал имеет значение 99,94 балла; производственный потенциал – 94,84 балла; инвестиционный потенциал – 97,27 и рыночный потенциал 90,27 баллов соответственно. В то же время наихудшие значения приходится на 2021 г., соответственно: финансовый потенциал – 86,27 балла; производственный – 86,43 баллов; инвестиционный – 87,39 баллов, соответственно. Снижение экономического потенциала в 2023 г. по сравнению с 2022 г., которое в большей степени было обусловлено изменением рыночного и инвестиционного субпотенциалов, составило 27,08 п.п.

Несмотря на положительные моменты балльно-рейтингового метода, ему присущи и недостатки. Прежде всего, они обусловлены тем, что этот метод не предполагает единообразный перечень показателей и базируется на субъективности в расстановке баллов. В то же время, не вызывает сомнений невозможность и нецелесообразность формирования общей методики для всех отраслей национальной экономики, поскольку значимые показатели экономического потенциала для одного вида деятельности могут не иметь главенствующего значения для другой сферы деятельности.

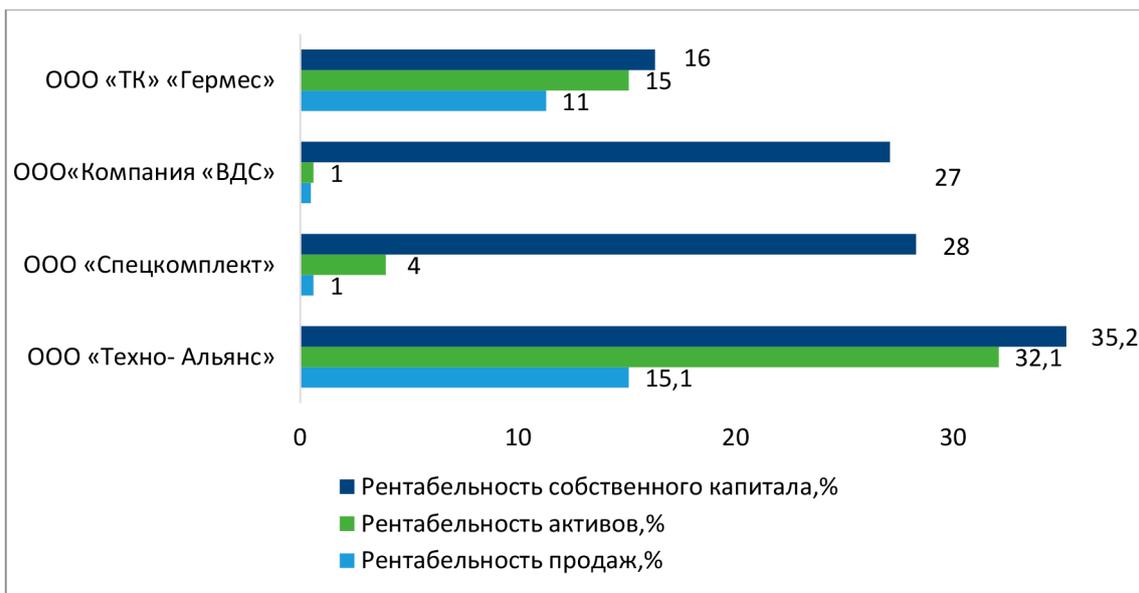

Рис. 1. Конкурентные позиции ООО «Техно-Альянс» по показателям рентабельности
 Источник: разработано авторами по материалам [16]

Таблица 1

Среднеотраслевые значения финансовых показателей организаций (ОКВЭД 46.73.3) за период 2021-2023 гг.

Показатели	Среднеотраслевое значение		
	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Коэффициент автономии	≥ 0,23	≥ 0,27	≥ 0,35
Коэффициент текущей ликвидности	≥ 1,41	≥ 1,52	≥ 1,65
Коэффициент абсолютной ликвидности	≥ 0,08	≥ 0,1	≥ 0,24
Коэффициент покрытия инвестиций	≥ 0,34	≥ 0,39	≥ 0,55
Рентабельность продаж	≥ 3,1	≥ 3,8	≥ 2,2
Рентабельность активов	≥ 7,8	≥ 8,5	≥ 3,4
Рентабельность собственного капитала	≥ 43,9	≥ 43,4	≥ 18,5
Период оборачиваемости оборотных активов	≤ 100	≤ 104	≤ 103
Период оборачиваемости дебиторской задолженности	≤ 44	≤ 46	≤ 42

Источник: разработано авторами по материалам [16].

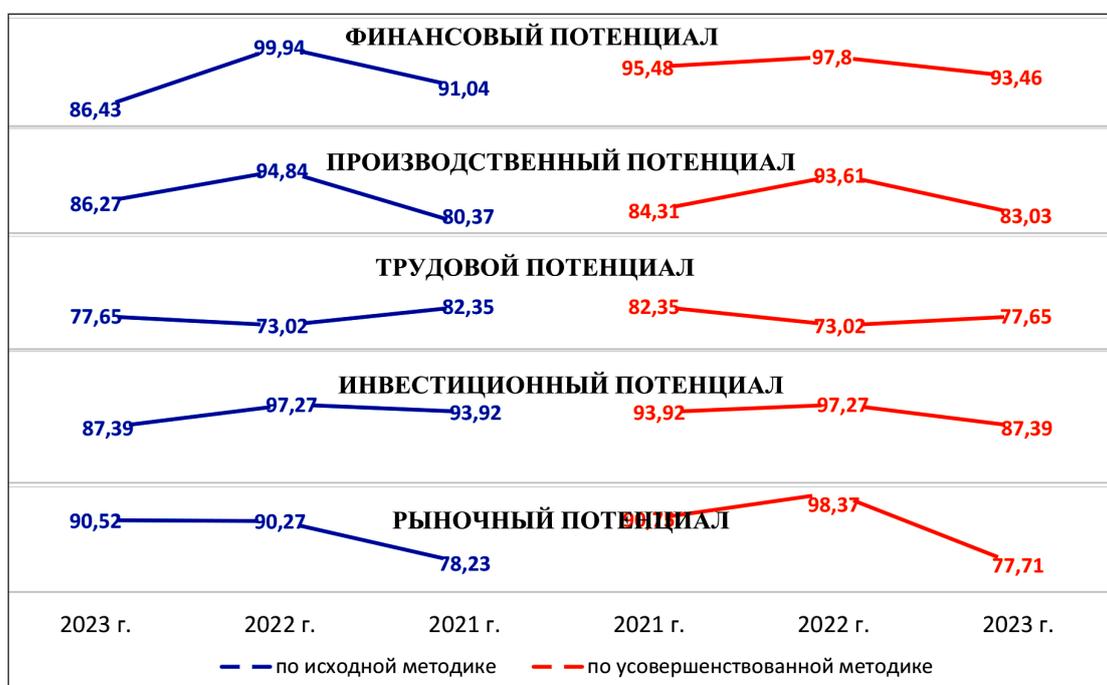

Рис. 2. Оценка итогового экономического потенциала ООО «Техно-Альянс» за 2021-2023 гг.: а) по исходной методике; б) по усовершенствованной методике
 Источник: разработано авторами по материалам [16]

Анализ и оценка экономического потенциала организации показали, что точность и полнота оценки не обеспечивается только сравнением основных финансовых показателей с нормативными значениями. Чтобы отразить отраслевые особенности действующих организаций, необходимо также использовать значения среднеотраслевых показателей или показателей конкурирующих

организаций. Исходя из вышесказанного предлагается использование при оценке экономического потенциала балльно-рейтинговым методом среднеотраслевых показателей финансовых показателей вместо нормативных. Среднеотраслевые значения для отобранных показателей оценки экономического потенциала ООО «Техно-Альянс» представлены в таблице 1. При расчетах ис-

пользованы среднеотраслевые показатели организаций сопоставимого масштаба деятельности – малых предприятий с выручкой от 120 до 800 млн рублей в год.

Применение среднеотраслевых значений при оценке экономического потенциала показало, что максимальное значение приходится на 2022 год (значение увеличилось на 4,73 балла), а минимальное – на 2023 год (изменение -9,02 балла). На такой результат оказало влияние изменение показателей финансового, производственного и рыночного субпотенциалов (рис. 2 б). Следует обратить внимание, что применение совершенствованной методики не оказало влияния на значения трудового субпотенциала, поскольку при расчетах не использовались среднеотраслевые показатели.

Для нивелирования влияния территориальных особенностей регионов присутствия была проведена оценка экономического потенциала конкурента из соседнего региона (рис. 3). Сравнение экономического потенциала исследуемого объекта с конкурентом осуществлялось на основе оценки основного конкурента – ООО «Цефей» (г. Москва).

Сопоставив значения экономического потенциала ООО «Техно-Альянс» и ООО «Цефей», которое представляет другой регион,

можно сделать вывод о преимуществе исследуемого предприятия по финансовому потенциалу, производственному потенциалу, трудовому потенциалу и инвестиционному потенциалу. Интересным представляется динамика показателей рыночного потенциала, которая характеризуется резким ростом с уровня 2022 года (48,48 баллов) до уровня 2023 года (75,87), в то время как у ООО «Техно-Альянс» в этот период происходит падение этого показателя с 98,37 баллов до 77,71 балла. Такое поведение рыночного потенциала исследуемого предприятия требует повышенного внимания со стороны менеджмента сфере продаж предприятия и корректировки маркетинговой политики.

Завершающим шагом анализа должен стать анализ чувствительности результатов, представленных в исследовании. Такой анализ направлен на оценку устойчивости выводов к изменению ключевых параметров и методов расчёта. В рамках данной работы основное внимание уделяется чувствительности интегральной оценки экономического потенциала к выбору базы сравнения, а, именно:

- нормативных значений;
- среднеотраслевых показателей или данных ключевых конкурентов.

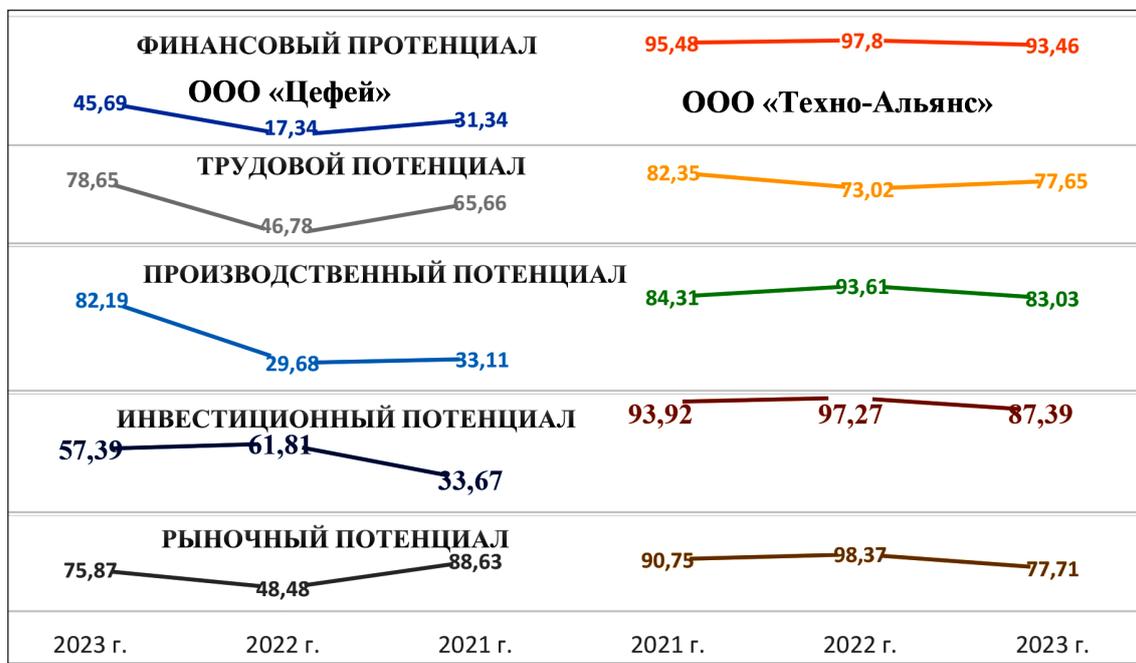

Рис. 3. Сравнение экономического потенциала ООО «Техно-Альянс» с ООО «Цефей»
 Источник: разработано авторами по материалам [16]

Методология проведения анализа чувствительности опирается на две основные метрики: 1) выбор изменяемого параметра; 2) определение результирующего показателя. В оригинальном исследовании производится переход от сравнения с нормативными значениями к сравнению со среднеотраслевыми показателями и показателями конкретного конкурента. Конечным показателем, чувствительность которого оценивается, является интегральный балл экономического потенциала, рассчитанный балльно-рейтинговым методом. На основе данных, приведенных в статье (табл. 1., рис. 2), были количественно оценены изменения интегрального балла при смене базы сравнения. Для каждого года (2021, 2022, 2023) было зафиксировано изменение балла при переходе от нормативных значений к среднеотраслевым. Например, для 2022 г. увеличение на 4,73 балла, для 2023 г. – снижение на 9,02 балла. Абсолютное и относительное изменение балла рассчитывалось по формулам:

$$\Delta \text{Абс} = \text{Балл_среднеотрасл} - \text{Балл_норматив}$$

$$\Delta \text{Отн} = (\Delta \text{Абс} / \text{Балл_норматив}) \times 100\%$$

Аналогично анализируется вариация, вызванная сравнением с конкретным конкурентом (ООО «Цефей», Москва), на основе качественной интерпретации (рис. 3). Проведенные расчеты демонстрируют существенную чувствительность интегральной оценки экономического потенциала ООО «Техно-Альянс» к выбору базы для сравнения финансовых показателей.

Переход от использования нормативных значений к среднеотраслевым показателям привёл к кардинальному пересмотру динамики потенциала. Если в рамках первоначальной методики (нормативы) наивысший потенциал был зафиксирован в 2022 г. с последующим значительным спадом в 2023 году на 27,08 п.п., то применение среднеотраслевой базы не только изменило абсолютные значения баллов, но и усугубило оценку спада в 2023 г. (снижение на 9,02 балла против предыдущей методики). Это указывает на то, что отраслевые нормативы рентабельности и ликвидности в 2023 г. оказались существенно жёстче общих нормативных требований, что и отразилось в снижении итогового балла. Наибольший вклад в данное изменение внесли показатели финансового, производ-

ственного и рыночного субпотенциалов, что свидетельствует о высокой чувствительности именно этих компонентов к конъюнктуре отрасли.

Дополнительное сравнение с конкретным конкурентом из другого региона (ООО «Цефей», Москва), как следует из представленной в статье рисунка (рис. 3), выявило дальнейшую вариативность результатов. Потенциал ООО «Техно-Альянс» может оцениваться как более высокий или более низкий в зависимости от выбранного для benchmarking объекта. Это подчеркивает чувствительность оценки не только к агрегированным отраслевым данным, но и к индивидуальным особенностям и стратегиям компаний-аналогов.

Таким образом, проведенный анализ чувствительности подтверждает основную гипотезу авторов исследования о невозможности использования унифицированных нормативных значений для точной оценки экономического потенциала. Результаты оценки демонстрируют высокую степень зависимости от контекста, а именно от отраслевых условий и нормативных показателей. Изменение базы сравнения приводит не к незначительным корректировкам, а к качественному пересмотру выводов о динамике и уровне экономического потенциала предприятия. Следовательно, для формирования объективного и надежного управленческого суждения необходима комплексная многоуровневая система бенчмакинга. Она должна включать в себя как нормативные ориентиры, так и среднеотраслевые значения для верификации общего положения компании в секторе, а также показатели ключевых конкурентов для выявления конкретных конкурентных преимуществ и узких мест. Только такой подход позволяет нивелировать высокую чувствительность интегральных оценок и выработать адресные меры по укреплению экономического потенциала, адекватные реальным отраслевым особенностям и условиям конкурентной борьбы.

Заключение

Проведенный анализ говорит о том, что показатели экономического потенциала отражают реально существующие условия экономической ситуации и целеполагания организации. Для адекватного учета особенностей отрасли, в которой осуществляет свою деятельность организация, необходима

методика, позволяющая оценить экономический потенциал относительно среднеотраслевых значений. Это повышает точность оценки, поскольку для каждой отрасли значения анализируемых показателей различны. Кроме того, сопоставление с конкурентными показателями дает возможность выявить преимущества и недостатки компании. И, тем самым, принять меры по улучшению отраслевых позиций. Таким образом, для сохранения высоких значений экономического потенциала требуется перманентное внимание и целенаправленное воздействие.

Анализ чувствительности подтверждает, что точность и обоснованность оценки экономического потенциала в значительной степени зависят от адекватности базы сравнения. Использование среднеотраслевых и конкурентных показателей вместо нормативных позволяет снизить субъективность оценки, учесть текущие рыночные условия и выявить реальные конкурентные преимущества и слабые места организации. Это создаёт основу для принятия более обоснованных управленческих решений, направленных на укрепление стратегических позиций предприятия в отрасли.

Также стоит отметить, что на основе проведённого исследования, представленного в статье, можно выделить ряд научно обоснованных ограничений и соответствующих направлений для дальнейших исследований. Ограничения исследования связаны, прежде всего, с его узкой отраслевой и масштабной спецификой. Анализ экономического потенциала был проведён на примере малого предприятия, функционирующего в конкретном сегменте оптовой торговли (санитарно-техническое оборудование, ОКВЭД 46.73.3). Это ограничивает возможность прямого переноса выводов и предложенной методики на компании других отраслей экономики, особенно капиталоемких или с принципиально иной бизнес-моделью, где структура активов, ключевые показате-

ли эффективности и драйверы роста могут кардинально отличаться. Кроме того, малый объём выборки – анализ одного предприятия и ограниченного круга его локальных конкурентов – хотя и позволяет провести глубокий анализ, не даёт оснований для масштабных статистических обобщений. Использование среднеотраслевых показателей для малых предприятий частично нивелирует это ограничение, но не устраняет его полностью, поскольку региональные особенности и индивидуальные стратегии компаний могут существенно исказить сравнительную картину.

Перспективные направления дальнейших исследований логично вытекают из указанных ограничений. Для повышения репрезентативности и достоверности выводов целесообразно расширить временной горизонт анализа. В частности, переход к панельным данным за период 2021–2024 гг. позволил бы не только зафиксировать более длительный тренд в динамике экономического потенциала, но и оценить устойчивость выявленных закономерностей, в том числе в условиях новых макроэкономических вызовов. Другим важным направлением является апробация предложенного усовершенствованного подхода (с использованием среднеотраслевых и конкурентных показателей) на выборке предприятий из других отраслей и разных размерных классов (средний и крупный бизнес). Это позволило бы верифицировать универсальность методики и выявить возможные отраслевые модификации системы оценивающих показателей. Наконец, представляет научный интерес углубление анализа за счёт включения в модель качественных факторов, таких как инновационная активность, качество корпоративного управления и уровень цифровизации, которые оказывают всё большее влияние на формирование экономического потенциала в современных условиях.

Библиографический список

1. Ahrens U. Production Potential. In: Airborne Wind Energy. Green Energy and Technology. Springer, Cham. 2023. P. 171–180. DOI: 10.1007/978-3-031-19954-7_5.
2. Sturman M.C., Walsh K., Cheramie R.A. (). The value of human capital specificity versus transferability // Journal of Management. 2008. № 34. P. 290–316. DOI: 10.1177/0149206307312509.
3. Bradley C., Doherty R., Northcote N., Röder T. The ten rules of growth // McKinsey Blog. 2022. August 19.

4. Bolek M., Czulak B. Growth of companies and growth potential on the example of business services for firms sector on newconnect market // Journal of Finance and Financial Law. 2020. Vol. 3(27). P. 7–24. DOI: 10.18778/2391-6478.3.27.01.
5. Черковец В.Н. «Новый социализм» Дж. Гэлбрейта // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2018. № 1. С. 18-44. EDN: VZSYRV.
6. Curral L.A., Santos S.C., Caetano A. Theoretical foundations of entrepreneurship potential // Amity Business Journal. 2023. Vol. 2. No. 1. P. 1-11.
7. Avakumovic Ju., Avakumovic Jel. Potential of Business // Journal for Economic Theory and Practice and Social Issues. Society of Economists Ekonomika. Nis. Serbia. 2014. Vol. 60(01). March. DOI: 10.22004/ag.econ.288675.
8. Киселева В.А., Рязанцева О.В., Аристархов П.В. Анализ развития концепции экономического потенциала предприятия // Челябинский гуманитарий. 2010. № 4(13). С. 21-24. EDN: NURFQN.
9. Brehova J., Kurbanova A. The Economic Potential of the Company: Approaches to the Definition and Methodology for Assessing // European Journal of Applied Sciences. 2013. № 5 (6). P. 166-171. DOI: 10.5829/idosi.ejas.2013.5.6.1121.
10. Надворная Г.Г., Климчук С.В., Оборин М.С., Гварлиани Т.Е. Теория и методология оценки экономического потенциала предприятий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6(48). С. 70-90. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.4. EDN: XRQDEB.
11. Тимофеева С.А., Снегур Н.Ю. Сравнительная оценка подходов к анализу экономического потенциала предприятия // Научные Записки ОрелГИЭТ. 2011. № 1(3). С. 108-114. EDN: NPPGCH.
12. Постюшков А.В. Методика рейтинговой оценки предприятий // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2003. № 1(16). С. 46-54. EDN: PULGYX.
13. Середа А.В. Методические основы оценки конкурентоспособности предприятия // Вестник Череповецкого государственного университета. 2008. № 4(19). С. 59-64. EDN: MVHTHX.
14. Васильева Н.К., Болотнова Е.А., Литун В.Е., Вендина О.Д. Анализ оборачиваемости активов торговых организаций // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 6. С. 31-40. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.6.6.004. EDN: AXWHIC.
15. Иванова Е.А. Понятие, цель и методика анализа ликвидности баланса торговой фирмы // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 7-1. С. 167-170. EDN: SALRDF.
16. Интерфакс: информационная группа Спарк. URL: <https://spark-interfax.ru/lipetskaya-oblast-lipetsk> (дата обращения: 15.05.2025).

УДК 336.13

А. А. Боженова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
e-mail: alina.bozhenova.23@gmail.com

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕННО СВОБОДНЫМИ ОСТАТКАМИ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Ключевые слова: временно свободные остатки, единый казначейский счет, ЕКС, ЕСФБ, бюджетная ликвидность, Федеральное казначейство, финансовые инструменты.

В статье рассматривается процесс становление существующей модели управления бюджетной ликвидностью в Российской Федерации посредством проведения ретроспективного анализа российской практики. Исследован процесс консолидации средств на едином казначейском счете, которая необходима для того, чтобы оценить, в каких объемах и в какие сроки должны расходоваться деньги на текущие и будущие нужды, что позволяет определить сумму избыточной ликвидности, которую Казначейство России может использовать для активных операций. Представлена хронология внедрения финансовых инструментов, применяемых Федеральным казначейством в рамках управления временно свободными остатками бюджетных средств, начиная с 2008 года. Установлена зависимость между развитием перечня используемых финансовых механизмов и сложившейся макроэкономической ситуацией. В результате сделаны выводы о повышении эффективности деятельности Казначейства России по управлению бюджетной ликвидностью.

A. A. Bozhenova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: alina.bozhenova.23@gmail.com

DEVELOPMENT OF A SYSTEM FOR MANAGING TEMPORARY FREE RESERVES OF BUDGET FUNDS

Keywords: temporary free balances, TSA, treasury single account, budget liquidity, Federal Treasury, financial instruments.

The article analyzes the process of forming the existing model of budget liquidity management in the Russian Federation through a retrospective analysis of Russian practice. It studies the process of consolidating funds in a single treasury account, which is necessary to assess how much money should be spent on current and future needs and at what times, allowing the determination of the amount of excess liquidity the Russian Treasury can use for active operations. The chronology of the introduction of financial instruments used by the Federal Treasury to manage temporarily free balances of budgetary funds starting in 2008 is presented. A relationship between the development of the list of financial mechanisms used and the current macroeconomic situation is established. As a result, conclusions are drawn regarding improving the efficiency of the Russian Treasury's activities in managing budget liquidity.

Введение

На протяжении двадцати лет Федеральное казначейство внедряло и совершенствовало процесс управления временно свободными денежными средствами, сначала единого счета федерального бюджета (далее – ЕСФБ), а впоследствии также и единого казначейского счета (далее – ЕКС). Оптимизация механизма управления бюджетной ликвидностью приобретает стратегическое значение в условиях волатильности нефтяных цен и роста социальных обязательств, кроме того выступает одним из элементов финансовой стабильности государства, позволяя минимизировать кассовые разрывы и обеспечить дополнительные доходы бюджетов бюджетной системы Российской Фе-

дерации. За прошедшее время Казначейство России достигло существенных успехов как в части аккумулирования финансовых ресурсов на едином счете, так и в части внедрения и расширения линейки применяемых финансовых механизмов.

Цель исследования – провести ретроспективный анализ формирования и развития в Российской Федерации механизма управления временно свободными остатками бюджетных средств.

Материал и методы исследования

В процессе исследования применялись следующие методы: сбор информации, анализ нормативно-правовых документов, систематизация информации, ретроспективные

анализ, изучение и обобщение практического опыта использования инструментов управления временно свободными остатками бюджетных средств. В качестве основных источников информации выступили научные труды российских исследователей, информация и данные, опубликованные на официальном сайте Федерального казначейства.

Результаты исследования и их обсуждение

Зарождаться используемая сегодня Федеральным казначейством модель управления бюджетной ликвидностью начала в 2000-х гг. Особую роль сыграла «Концепция функционирования единого счета федерального казначейства по учету доходов и средств федерального бюджета» [1], итогом реализации которой стало внедрение в работу казначейства единого счета федерального бюджета, увеличение скорости доступа к информации об объемах поступлений в бюджет, возникновение возможности касового планирования. Но несмотря на значительные результаты, оставались вопросы, требующие решения: многочисленность счетов, открытых Федеральному казначейству и его территориальным органам в Банке России (порядка 50 тыс. счетов), необходимость развития платежных технологий.

Для этого в 2013 году принимается Концепция реформирования системы бюджетных платежей на период до 2017 года [2], предусматривающая построение единого банковского счета Казначейства России. На протяжении последующих годов решалась задача по обеспечению притока ликвидности на единый казначейский счет. Так, в 2015 году через внедрение механизма казначейского сопровождения, было предусмотрено открытие в территориальных органах Федерального казначейства лицевых счетов юридических лиц для перечисления на них целевых средств, подлежащих казначейскому сопровождению: авансы по отдельным государственным контрактам, субсидии на цели капитальных вложений и др. [3].

Новый этап развития управления бюджетной ликвидностью связан с принятием в декабре 2019 года Федерального закона № 479-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части казначейского обслуживания и системы казначейских платежей», заложившего основы организации и функционирования системы казначейских платежей (далее – СКП), включающей переход к «большому» ЕКС, аккумулирующему всю совокупность финансовых ресурсов бюджетной системы Российской Федерации (рис. 1).

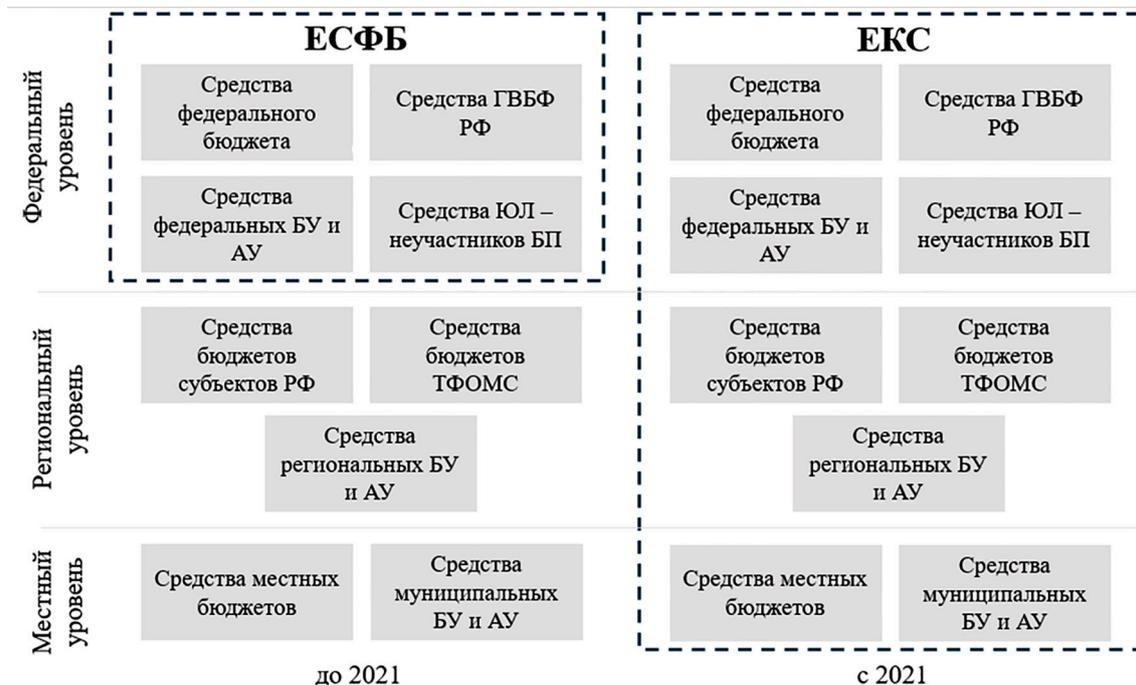

Рис. 1. Переход к СКП
 Источник: составлено автором на основе [4, 5]

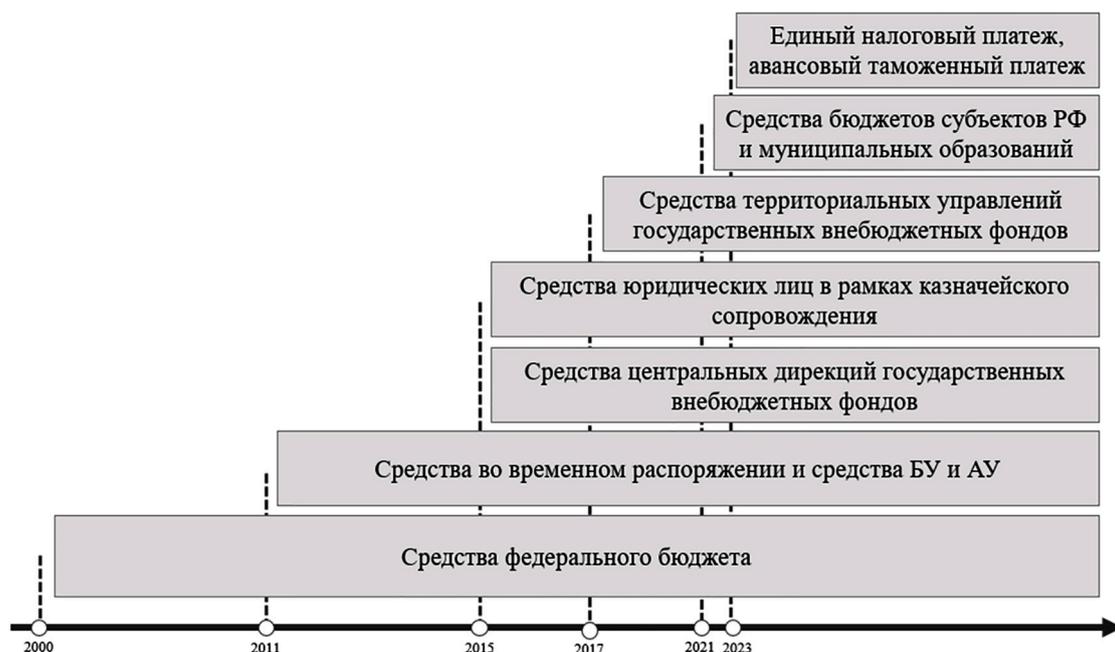

Рис. 2. Ретроспектива консолидации средств на ЕКС
 Источник: составлено автором на основе [4, 5]

Начиная с 2021 года в Российской Федерации действует технология ЕКС, которая охватывает счета не одного бюджета, а всего сектора государственного управления, речь идет не только об операциях по исполнению бюджетов всех уровней, но и об операциях бюджетных и автономных учреждений, а также получателей средств из бюджетов. Кроме того, особенностью ЕКС и пула ликвидности в России является охват помимо рублевых операций и части операций в иностранной валюте. Процесс консолидации средств на ЕКС в хронологической последовательности представлен на рис. 2.

Управление ликвидностью включает также прогнозирование потока денежных средств, определение буфера ликвидности, размещение остатков средств на ЕКС и привлечение средств для его пополнения. Основной целью всегда остается обеспечение своевременности, бесперебойности исполнения бюджетных обязательств при условии экономичности, эффективности и снижения риска. В конкретный момент времени состояние ЕКС, его платежеспособности может быть охарактеризовано с точки зрения недостаточности или условной избыточности денежных средств для покрытия обязательств.

Возможность прогнозирования остатка средств и оценки состояния единого счета бюджета на предмет сопоставимости денеж-

ных средств и обязательств появляется благодаря кассовому планированию исполнения бюджетов, заключающемуся в мониторинге и моделировании движения кассовых потоков денежных средств во временном периоде. Результатом данного процесса является кассовый план исполнения бюджета [6]. Точность прогнозирования позволяет определить целевой минимальный остаток на счете, который обеспечивает, с одной стороны, своевременное и полное исполнение бюджетных обязательств (буфер ликвидности), а с другой стороны, тот объем средств, который можно разместить на финансовом рынке. Особенности функционирования ЕКС в Российской Федерации с 2021 г. предопределили необходимость прогнозирования движения денежных средств как на единых счетах бюджетов, так и на ЕКС [7].

Активные операции по управлению бюджетной ликвидностью осуществляются Федеральным казначейством начиная с 2008 года. Переломной точкой стал кризис 2008 года, вызвавший острую нехватку ликвидности в банковском секторе. Коммерческие банки столкнулись с серьезной потребностью в дополнительной ликвидности. С одной стороны, есть три сектора экономики: государственный, реальный и сектор домашних хозяйств. С другой стороны, есть масса денег, которая перемещается между этими тремя

секторами. Была выдвинута идея: предложить кредитным организациям неустраиваемые в данный момент средства государственного сектора в виде депозитов [8].

Такой механизм размещения нередко называют бюджетными депозитами. Доходность на тот момент не была главным стимулом: дополнительный доход федерального бюджета составил порядка 16,2 млрд руб. Основная задача заключалась в предоставлении дополнительного инструмента ликвидности и сбалансировании денежной системы, чтобы помочь банковскому сектору преодолеть критическую фазу финансового кризиса. Для федерального уровня такой механизм использовался впервые, на региональном же уровне возможностью размещения временно свободных средств бюджета на депозитах, предоставленной им ст. 236 Бюджетного кодекса, пользовались достаточно активно, в особенности крупные субъекты.

В ноябре 2008 года механизм бюджетных депозитов был приостановлен в связи с предоставлением со стороны Банка России альтернативного механизма кредитования кредитных организаций – беззалоговые аукционы. Практика размещения бюджетных средств на банковские депозиты была возобновлена в апреле 2009 года, но теперь уже с целью привлечения дополнительных доходов для покрытия дефицита бюджета.

На протяжении довольно долгового времени портфель инструментов ограничивался только размещением средств на банковских депозитах, ставшим одним из ключевых инструментов антикризисной политики Правительства РФ. Начиная с января 2014 года в практику внедряется новый механизм управления остатками средств на ЕСФБ, так называемый «социальный» инструмент управления бюджетной ликвидностью – бюджетные кредиты на пополнение остатков средств на счетах бюджетов субъектов Российской Федерации (далее – бюджетные кредиты). А начиная с апреля 2015 года бюджетные кредиты стали также предоставляться муниципальным образованиям. Внедрение такого механизма, во-первых, преследовало целью снижение долговой нагрузки публично-правовых образований через замещение «дорогостоящих» кредитов, выдаваемых кредитными организациями, на «дешевые» бюджетные кредиты, во-вторых, решение проблем с касовыми разрывами этих бюджетов.

В ноябре-декабре 2014 года в целях сглаживания колебаний рубля и решений вопросов потребности финансового рынка в дополнительной валютной ликвидности был запущен механизм валютных депозитов. Учитывая, что Федеральное казначейство ведет также и валютные счета федерального бюджета, то появление инструмента депозитных операций в иностранной валюте является закономерным развитием кэш-менеджмента в государственном секторе. Помимо этого, был внедрен еще один новый инструмент управления остатками средств, заключающийся в покупке и продаже иностранной валюты для пополнения суверенных фондов за счёт дополнительных нефтегазовых доходов с целью нивелирования колебаний динамики потоков бюджетных средств.

А инструмент «бюджетных депозитов» начиная с 2014 года ко всему прочему становится также механизмом точечной поддержки крупных государственных банков Российской Федерации в отношении которых были введены санкции, в частности в 2014 году по отдельным решениям Минфина России на банковских депозитах ОАО «Банк ВТБ» и ОАО «Сбербанк России» было размещено 170 млрд рублей средств федерального бюджета [4].

Учитывая что, в рамках применения депозитных операций к кредитным организациям предъявлялись высокие требования, которым соответствовал только узкий круг таких организаций, было принято решение, внедрить новый инструмент, который будет доступен для более широкого круга институтов финансового рынка, и при этом будет менее рискованным. Им стал залоговый инструмент – покупка (продажа) ценных бумаг по договорам РЕПО. Первые операции в режиме «overnight» проведены в январе 2015 года. Постепенно механизм сделок РЕПО развивается: расширяется список ценных бумаг, совершенствуется система учета операций РЕПО. В 2018 году было предусмотрено применение различных процентных ставок (фиксированной и плавающей).

В декабре 2018 года Федеральным казначейством на организованных торгах ПАО Московская Биржа были заключены первые сделки «валютный своп», реализованные по поручению Министра финансов Российской Федерации. Валютный своп выступает в качестве условного аналога сделки РЕПО, отличительной особенностью является то,

что залогом в данном случае выступает одна из резервных валют.

Начиная с 2019 года бюджетные кредиты стали предоставляться и государственным внебюджетным фондам, отличительной особенностью которых стала нулевая процентная ставка.

В 2019 году также продолжается развитие биржевых инструментов управления остатками ЕСФБ: появляется такой инструмент как договор банковского депозита с центральным контрагентом, предусмотренный в рамках плана мероприятий по снижению волатильности остатка средств на ЕСФБ на 2019-2020 годы.

В 2020 году в рамках перехода с 1 января 2021 года к новой казначейской системе проводилась активная работа по внесению поправок в существующие нормативно-правовые акты. Создается новое юридическое лицо, уполномоченное на совершение операций по размещению остатков средств ЕСФБ и ЕКС для привлечения в бюджеты бюджетной системы дополнительных доходов – Межрегиональное управления Федерального казначейства в сфере управления ликвидностью.

В сфере операций с ценными бумагами по договорам РЕПО также происходят изменения. Среди нововведений: расширение корзины за счет еврооблигаций, проведение операций РЕПО в иностранной валюте. В 2021 году запускаются операции «биржевого» РЕПО, а также одним из вариантов обеспечения договоров РЕПО становятся облигации с ипотечным покрытием, обеспеченные поручительством АО «ДОМ.РФ». С 2022 года Федеральное казначейство начало осуществлять операции биржевого РЕПО по размещению средств ЕКС с участием центрального контрагента. В рамках данного инструмента в качестве обеспечения операций используются облигации внутреннего и внешнего федерального займа.

В 2023 году Казначейство России запустило пополняемый договор банковского депозита – новый вид банковского депозита, внедрение которого связано с необходимостью снижения риска возникновения кассовых разрывов. Этот инструмент предполагает наличие у Казначейства России возможности по своему усмотрению досрочно вернуть часть или всю сумму депозита в любой рабочий день. Применение этого финансового инструмента положительно влияет на гибкость управления средств ЕКС.

Чтобы минимизировать объём временно свободных остатков средств на ЕКС и получить дополнительный доход, Федеральное казначейство открыло новые типы банковских счетов в кредитных организациях (банковские счета «overnight»). Особенностью таких счетов является возможность разместить средства, оставшиеся на ЕКС в конце операционного дня на банковские счета, открытые Федеральному казначейству в кредитных организациях, и вернуть их на следующий рабочий день [9].

В 2023 году появляются новые виды бюджетных кредитов, предоставляемые субъектам Российской Федерации в рамках мер финансовой помощи в соответствии с Посланием Президента Российской Федерации от 21 февраля 2023 года. В частности, это бюджетные кредиты в целях опережающего финансового обеспечения расходных обязательств субъектов Российской Федерации, предоставляемые за счет свободного остатка на ЕСФБ, а также специальные казначейские кредиты.

Нововведением 2024 года стало внедрения нового инструмента управления остатками – операций займа ценных бумаг, что подразумевает предоставление кредитным организациям со стороны Федерального казначейства ранее полученных по сделкам РЕПО ценных бумаг.

На сегодняшний день, начиная с 2021 года применяются два способа размещения временно свободных бюджетных средств: централизованный и децентрализованный. Это означает, что остатки размещаются как на ЕКС, так и на единых счетах отдельных бюджетов (таблица). Продолжает действовать норма, установленная ст. 236 Бюджетного кодекса, которая даёт регионам право самостоятельно размещать временно свободные средства: субъекты Российской Федерации, которые не получают дотации или получают их в недостаточном объёме, самостоятельно размещают временно свободные бюджетные средства на банковских депозитах. При этом стоит отметить, что Казначейство России предоставляет субъектам методическую поддержку в расширении спектра инструментов размещения, что практикуется, к примеру, Санкт-Петербургом, который имеет правовую базу и опыт размещения бюджетных средств на основе договоров РЕПО и договоров о вкладе (депозите) с центральным контрагентом [10].

Инструменты управления ликвидностью в Российской Федерации

Временно свободный остаток средств на:	Банковские депозиты	Банковские счета	Сделки РЕПО	Банковский вклад с центральным контрагентом	Производные финансовые инструменты	Бюджетные кредиты	Покупка (продажа) иностранной валюты
ЕКС							
ЕСФБ							
Средства СФР							
Единые счета субъектов РФ							

Источник: составлено автором на основе [4, 10].

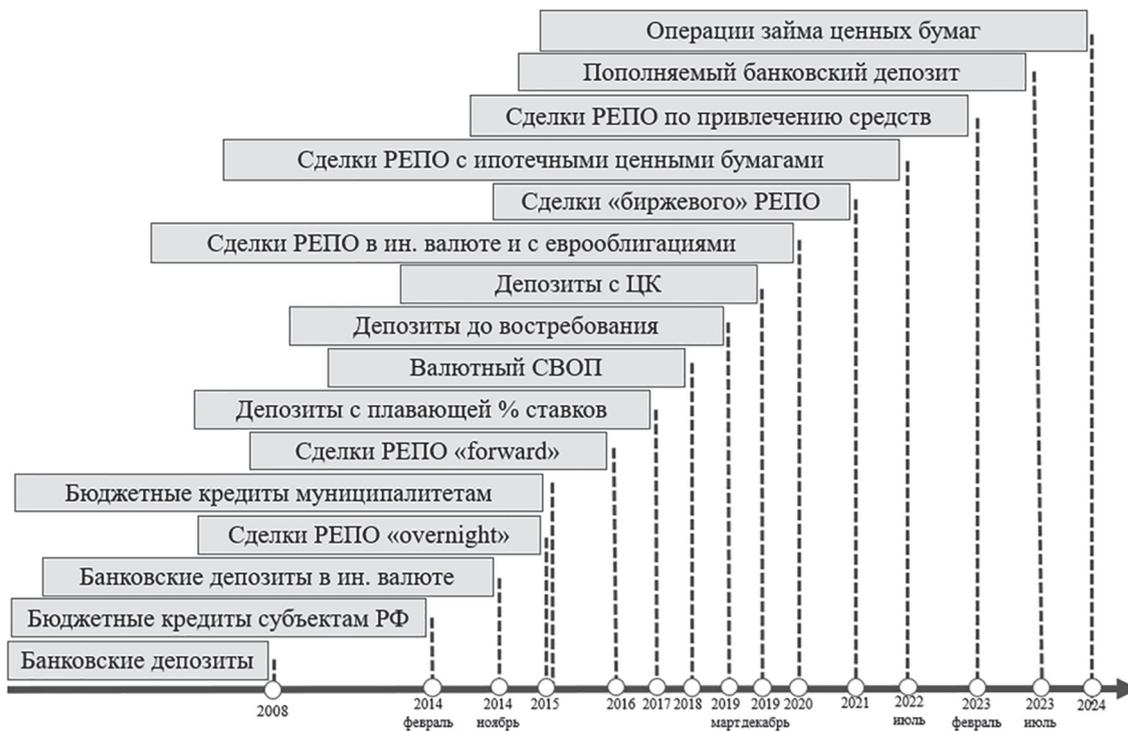

Рис. 3. Ретроспектива расширения линейки финансовых инструментов

Источник: составлено автором на основе [4]

На рис. 3 представлена ретроспектива внедрения Федеральным казначейством в практику инструментов управления временно свободными остатками средств бюджетов.

Заключение

По результатам проведенного ретроспективного анализа формирования и развития в Российской Федерации механизма управления временно свободными остатками бюджетных средств было выявлено, что

за временной период в четверть века посредством постепенного аккумулирования все большего объема финансовых ресурсов удалось прийти к тому самому, так называемому, «большому» единому казначейскому счету, увеличить точность прогнозирования движения бюджетных средств, расширить линейку финансовых инструментов, применяемых Казначейском России. Развитие финансового портфеля в том числе является ответом на сложившуюся макроэкономическую и финансово-бюджетную ситуацию,

обуславливающая необходимость внедрения гибких подходов и адаптации к новым условиям. В результате происходит постоянная доработка и оптимизация уже используемых финансовых технологий и инструментов. Эффективность сложившейся системы подтверждается её способностью не только

обеспечивать качественное управление имеющимися ресурсами, но и создавать условия для дальнейшего развития государственного сектора экономики, обеспечивая при этом необходимый уровень финансовой стабильности и устойчивости бюджетной системы страны.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 28.08.1997 № 1082 «О мерах по ускорению перехода на казначейскую систему исполнения федерального бюджета» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/11900687/> (дата обращения: 04.07.2025).
2. Приказ Минфина России от 29.08.2013 № 227 «Об утверждении Концепции реформирования системы бюджетных платежей на период до 2017 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70347822/> (дата обращения: 04.07.2025).
3. Артюхин Р.Е. Развитие Российской казначейской системы в конце XX и первой четверти XXI века // Финансы. 2022. № 11. С. 3-13. EDN: HCZXAX.
4. Доклады и отчёты Федерального казначейства [Электронный ресурс]. URL: <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/o-rezultatakh-raboty-fk/> (дата обращения: 04.07.2025).
5. Казначейское дело: в 2-х т. Том 2: учебник / Р.Е. Артюхин, С.Е. Прокофьев, Э.А. Исаев, Е.А. Федченко. М.: Прометей, 2023. 708 с. ISBN 978-5-00172-584-8. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2143691> (дата обращения: 10.07.2025).
6. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 9 декабря 2013 г. № 117н «О порядке составления и ведения кассового плана исполнения федерального бюджета в текущем финансовом году» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70541830/> (дата обращения: 04.07.2025).
7. Приказ Казначейства России от 31.03.2020 № 13н «О Порядке прогнозирования движения средств на едином казначейском счете» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/74292786/> (дата обращения: 04.07.2025).
8. Прокофьев С.Е. Сначала это должны сделать мы // Бюджет. 2018. № 5(185). С. 30-34. EDN: ZBVIYX.
9. Казначейство России и Банк России запускают автоматический перевод остатков средств на ЕКС на банковские счета [Электронный ресурс]. URL: https://roskazna.gov.ru/novosti-i-soobshheniya/novosti/1674278/?sphrase_id=6271946 (дата обращения: 04.07.2025).
10. Технологии исполнения бюджета: учебник / М.Л. Седова, С.Е. Демидова, О.В. Макашина. М.: ИНФРА-М, 2024. 266 с. ISBN 978-5-16-018072-4. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1908973> (дата обращения: 04.07.2025).

УДК 332:331.5

В. А. Гневашева

Институт демографических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, e-mail: vera_cos@rambler.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ

Ключевые слова: потенциальная рабочая сила, трудоспособное население, занятость, безработица, рынок труда, социально-экономическое развитие.

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты понятия «потенциальная рабочая сила» как ключевого элемента человеческого капитала и фактора устойчивого экономического роста. Проведён анализ содержания и структуры потенциальной рабочей силы, включающей население трудоспособного возраста, молодёжь, пенсионеров, незанятых и лиц, не входящих в состав рабочей силы. Особое внимание уделено методам оценки, факторам, влияющим на реализацию потенциала, а также роли образования, миграции и цифровизации. На основе анализа статистических данных и научных исследований показано, что эффективное вовлечение потенциальной рабочей силы в экономику способствует повышению производительности, снижению безработицы и усилению социальной устойчивости. Обосновывается необходимость разработки комплексной политики активации трудового потенциала в условиях демографических и технологических трансформаций. Актуальность темы обусловлена старением населения, сокращением численности трудоспособного населения в отдельных регионах и ростом нестабильности на рынке труда. Эффективное управление потенциальной рабочей силой требует межведомственного взаимодействия, инвестиций в образование и переквалификацию, а также создания гибких форм занятости, учитывающих современные вызовы.

V. A. Gnevasheva

Institute of Demographic Research of the Federal Research Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: vera_cos@rambler.ru

REGIONAL FEATURES OF THE DISTRIBUTION OF POTENTIAL LABOR IN RUSSIA

Keywords: potential labor force, able-bodied population, employment, unemployment, labor market, socio-economic development.

The article examines the theoretical and applied aspects of the concept of “potential labor force” as a key element of human capital and a factor of sustainable economic growth. The analysis of the content and structure of the potential workforce, which includes the working-age population, young people, pensioners, the unemployed and people outside the workforce. Special attention is paid to assessment methods, factors influencing the realization of potential, as well as the role of education, migration and digitalization. Based on the analysis of statistical data and scientific research, it has been shown that the effective involvement of potential labor in the economy contributes to increased productivity, reduced unemployment and enhanced social sustainability. The necessity of developing a comprehensive policy for activating labor potential in the context of demographic and technological transformations is substantiated. The relevance of the topic is due to the aging of the population, a decrease in the number of able-bodied people in certain regions and increasing instability in the labor market. Effective management of the potential workforce requires interagency cooperation, investments in education and retraining, as well as the creation of flexible forms of employment that take into account modern challenges.

Введение

Одним из ключевых ресурсов социально-экономического развития любой страны является трудовой потенциал общества. В условиях глобальных демографических, технологических и экономических изменений всё большее значение приобретает не только фактически занятая рабочая сила, но и потенциальная рабочая сила – совокуп-

ность лиц, способных и пригодных к участию в экономической деятельности, независимо от их текущего статуса на рынке труда.

Актуальность изучения потенциальной рабочей силы обусловлена рядом вызовов:

- старением населения и сокращением численности трудоспособного населения в России и других странах;

- ростом числа незанятых и лиц, не входящих в состав рабочей силы;
 - цифровизацией и автоматизацией, меняющими структуру спроса на рабочую силу [1, p. 112].

Цель данной статьи – проанализировать понятие, структуру и значение потенциальной рабочей силы, а также выявить факторы, влияющие на её реализацию в современных условиях.

Материалы и методы исследования

Актуальность исследования потенциальной рабочей силы в современных условиях обусловлена структурными изменениями на рынке труда, демографическим старением и поиском резервов для устойчивого экономического роста. Анализ публикаций за 2020–2024 гг. позволяет выделить ключевые направления научного поиска: оценка масштабов недоиспользования трудовых ресурсов, социально-демографический портрет потенциальной рабочей силы, региональные аспекты её влияния на ВРП, а также роль в устранении дефицита на рынке труда.

В.Ю. Ляшок указывает на значительные резервы роста за счёт вовлечения потенциальной рабочей силы, подчёркивая, что её численность превышает 40 млн человек, а недоиспользование трудовых ресурсов остаётся высоким, особенно среди женщин и лиц предпенсионного возраста [2]. М.Е. Баскакова формирует социально-демографический портрет потенциальной рабочей силы, выявляя, что значительная её часть обладает высоким уровнем образования, но сталкивается с барьерами в трудоустройстве из-за несоответствия квалификации, отсутствия опыта или семейных обстоятельств [3]. Это подчёркивает необходимость не столько увеличения численности, сколько повышения качества и мобильности потенциальной рабочей силы. А.М. Нанаян предлагает методологию оценки потерь ВРП из-за низкой занятости потенциальной рабочей силы на региональном уровне, демонстрируя, что в некоторых субъектах РФ недоиспользование трудовых ресурсов может снижать региональный продукт на 5–8% [4]. Аналогичные выводы делают А.С. Шевякин и соавторы, отмечая, что оценка безработицы без учёта потенциальной рабочей силы даёт искажённую картину состояния рынка труда [5]. Т.Г. Храмцова и О.О. Храмцова на примере Новосибирской области

показывают, как региональные особенности – включая миграционные потоки и развитие IT-сектора – влияют на динамику вовлечения потенциальной рабочей силы [6]. В то же время В.Н. Бобков и Е.В. Одинцова связывают привлечение потенциальной рабочей силы с проблемой экономической безопасности, подчёркивая, что повышение качества занятости и жизненной привлекательности регионов – ключ к устойчивому вовлечению [7]. В.И. Савкин и соавторы рассматривают потенциальную рабочую силу как стратегический фактор устранения дефицита кадров, особенно в высокотехнологичных и производственных отраслях [8]. Е.В. Репринцева и Е.Н. Фурман дополняют этот подход вопросами управления кадровым потенциалом, включая гибкость и переквалификацию [9].

Таким образом, современные исследования едины в признании высокого значения потенциальной рабочей силы, однако требуются более глубокие аналитические и управленческие инструменты для её эффективной мобилизации.

Согласно определению, предложенному Международной организацией труда (ILO), потенциальная рабочая сила включает [10]: население в возрасте 15–74 лет; лиц трудоспособного возраста (16–59 лет для женщин, 16–64 лет для мужчин); незанятых, ищущих работу; лиц, не входящих в состав рабочей силы, но готовых работать при наличии подходящих условий (например, родители с детьми, пенсионеры, студенты).

Таким образом, потенциальная рабочая сила – это не только занятые и безработные, но и скрытый резерв труда, который может быть активирован при изменении экономической, социальной или институциональной среды.

Исследования показывают, что в России доля лиц, не входящих в состав рабочей силы, но потенциально готовых к работе, составляет до 15% населения трудоспособного. Реализация потенциальной рабочей силы зависит от совокупности экономических, социальных и институциональных факторов.

Потенциальная рабочая сила представляет собой стратегический ресурс, который позволяет компенсировать демографические и экономические вызовы. Её эффективное использование требует не только экономических, но и социальных, образовательных и институциональных мер. В условиях трансформации рынка труда и цифровиза-

ции особое значение приобретают гибкие формы занятости, непрерывное образование и инклюзивная политика. Будущее экономического роста зависит не столько от количества трудоспособных граждан, сколько от способности общества реализовать их трудовой потенциал.

Результаты исследования и их обсуждение

Для анализа предоставленных данных о численности потенциальной рабочей силы в различных федеральных округах РФ за период 2017–2024 годов [11] (таблица 1), необходимо выделить ключевые тенденции, динамику изменения показателей и особенности регионального распределения.

Анализ статистических данных потенциальной рабочей силы в возрасте 15 лет и старше (тыс. чел.) за 2017–2024 гг. по Российской Федерации и федеральным округам позволяет выявить существенные тренды, аномалии и структурные изменения в демографической и трудовой динамике государства.

Проведём комплексный анализ представленных количественных данных за период с 2017 по 2024 год для Российской Федерации и её федеральных округов.

Рассматривая общую динамику по РФ можно отметить максимум численности потенциальной рабочей силы в 2020 году (1676,5 тыс. чел.); минимум в 2018 году (1104,9 тыс. чел.); пик роста численности потенциальной рабочей силы пришелся на период 2018 – 2020 гг. (+51,7%); наоборот спад численности потенциальной рабочей силы характерен для периода с 2020 года (с 1676,5 тыс. чел.) до 771,8 тыс.

чел. в 2024 году (то есть на 54,0%). Таким образом, в целом для данных по численности потенциальной рабочей силы по РФ наблюдается выраженный цикл: рост до 2020 года, затем устойчивое снижение, что может быть сопряжено с влиянием внешних факторов (санкции, пандемия, изменение экспортной политики и т.д.).

Анализ изменения численности потенциальной рабочей силы по федеральным округам показывает следующие тенденции.

Для Центрального ФО (ЦФО) пик численности потенциальной рабочей силы пришелся на 2020 год (305,0 тыс. чел.). Минимум был отмечен в 2018 году (150,9 тыс. чел.). В период с 2020 по 2024 годы отмечается существенное снижение численности потенциальной рабочей силы (-48,5%). Общий тренд распределения численности потенциальной рабочей силы для ЦФО отмечается ростом до 2020 года и затем спадом, но в 2024 году наблюдается восстановление уровня численности до 157,1 тыс. человек (+17,8% к 2023 году). Восстановление численности потенциальной рабочей силы в ЦФО в 2024 году может указывать на перераспределение потоков населения в целом и экономически активного населения в частности и снижение трудовой активности в округе.

Для Северо-Западного ФО (С-ЗФО) пик численности потенциальной рабочей силы отмечался в 2020 году (156,1 тыс. чел.). Спад численности зафиксирован в 2024 году до уровня 57,7 тыс. чел. (-63%). При этом устойчивое снижение численности потенциальной рабочей силы происходило с 2020 года.

Таблица 1

Потенциальная рабочая сила в возрасте 15 лет и старше за 2017-2024 гг. (тыс. чел.)

ФО	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
РФ	1130,3	1104,9	1584,9	1676,5	1250,7	1023,8	835,1	771,8
ЦФО	163,7	150,9	289,3	305,0	225,9	160,8	133,4	157,1
С-ЗФО	122,0	124,3	140,3	156,1	114,2	90,7	71,4	57,7
ЮФО	121,0	114,2	162,8	167,8	137,4	101,6	64,5	70,0
С-КФО	104,4	125,7	182,1	238,3	201,4	138,6	137,1	109,0
ПФО	216,2	206,7	297,2	287,8	187,7	164,8	122,1	106,1
УФО	81,1	86,4	114,3	118,4	77,1	81,5	72,3	59,6
СФО	215,3	200,5	247,9	269,5	209,8	195,0	146,0	132,4
ДФО	106,6	96,2	150,9	133,6	97,2	90,8	88,3	79,9

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL:http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/s_prs_2024.xlsx (дата обращения: 15.05.2025).

Для С-ЗФО отмечается наиболее сильный спад численности потенциальной рабочей силы среди всех прочих федеральных округов, что указывает на максимальную занятость в данном регионе за счет трудовых ресурсов региона, более сглаженные структурные особенности подготовки и распределения рабочей силы в округе, что может быть обусловлено соответствующе демографической политикой и политикой занятости.

Для Южного ФО (ЮФО) пик численности потенциальной рабочей силы отмечен в 2020 году (167,8 тыс. чел.). Спад к 2023 году отмечен на уровне 64,5 тыс. человек (-61,5%). В 2024 году отмечается рост численности потенциальной рабочей силы до 70,0 (+8,5%). В целом для округа можно отметить период резкого снижения с последующим частичном восстановлением общей численности потенциальной рабочей силы в округе.

Для Северо-Кавказского ФО (С-КФО) был отмечен пик численности потенциальной рабочей силы в 2020 году (238,3 тыс. чел.). Спад численности потенциальной рабочей силы к 2024 году составил 54,3%. Однако в 2024 был отмечен рост. Данный регион является одним из наиболее динамичным по изменению численности потенциальной рабочей силы за рассматриваемый период.

Для Приволжского ФО (ПФО) пик численности потенциальной рабочей силы сопряжен с периодом 2019 года (297,2 тыс. чел.). Спад был отмечен к 2024 году до 106,1 тыс. чел. (-64,3%). Период с 2019 года отмечается как период устойчивого снижения. Для данного федерального округа характерен один из самых резких спадов численности потенциальной рабочей силы.

Для уральского ФО (УФО) пик численности потенциальной рабочей силы отмечен в 2020 году (118,4 тыс. чел.). Спад к 2024 году составил -49,7%. Для региона отмечается волнообразная динамика с общим трендом на снижение численности.

В Сибирском ФО (СФО) пик численности потенциальной рабочей силы в 2020 году составил 269,5 тыс. человек с последующим спадом численности к 2024 году до 132,4 тыс. человек (-50,9%). Данный регион отмечается существенным сокращением численности потенциальной рабочей силы за рассматриваемый период.

Для Дальневосточного ФО (ДФО) пик численности потенциальной рабочей силы приходится на 2019 год (150,9 тыс. чел.). Спад численности к 2024 году составил –

47,0%. Данный регион отмечается более плавными изменениями, но тем не менее также устойчивым снижением численности потенциальной рабочей силы за рассматриваемый период.

Определяя доли округов в общем объеме численности потенциальной рабочей силы по годам, можно отметить (таблица 2). При этом взяты для сравнения два года: пиковый год численности 2020 г. и последний год измерений 2024 г.

Таблица 2

Распределение долей потенциальной рабочей силы в 2020 и 2024 гг. по округам (%)

2020 год (пик)		
Округ	Объем	Доля (%)
РФ	1676,5	100
ЦФО	305,0	18,2
СФО	269,5	16,1
ПФО	287,8	17,2
С-КФО	238,3	14,2
С-ЗФО	156,1	9,3
ЮФО	167,8	10,0
ДФО	133,6	8,0
УФО	118,4	7,1

2024 год (последние данные)		
Округ	Объем	Доля (%)
РФ	771,8	100
ЦФО	157,1	20,4
СФО	132,4	17,2
ПФО	106,1	13,8
С-КФО	109,0	14,1
С-ЗФО	57,7	7,5
ЮФО	70,0	9,1
ДФО	79,9	10,4
УФО	59,6	7,7

Таким образом изменение долей распределения потенциальной рабочей силы представлено следующими тенденциями.

- объем потенциальной рабочей силы в ЦФО вырос с 18,2% до 20,4%.
- Федеральные округа С-ЗФО и ЮФО снизили долю потенциальной рабочей силы.
- В ДФО доля потенциальной рабочей силы выросла с 8,0% до 10,4%.

Анализ динамики потенциальной рабочей силы в РФ за 2017–2024 гг. выявил выраженный циклический характер: резкий рост до пика в 2020 году (1676,5 тыс. чел.)

с последующим стабильным снижением до 771,8 тыс. чел. в 2024 году. Такая динамика, вероятно, обусловлена совокупностью факторов – пандемией, санкционным давлением, мобилизацией, изменением миграционных потоков и снижением трудовой активности. На региональном уровне наибольший спад зафиксирован в Приволжском, Северо-Западном и Южном округах (снижение более чем на 60%), что свидетельствует о глубоких структурных сдвигах. В то же время Центральный и Дальневосточный округа продемонстрировали рост доли в общей структуре рабочей силы к 2024 году – с 18,2% до 20,4% и с 8,0% до 10,4% соответственно, что может указывать на внутреннюю миграцию и концентрацию трудовых ресурсов в столичном регионе и на стратегически важных территориях. Несмотря на частичное восстановление в отдельных округах в 2024 году, общий тренд остаётся негативным. Это требует пересмотра демографической, миграционной и кадровой политики, а также активизации мер по повышению трудовой мотивации, развитию удалённой занятости и переподготовке кадров для смягчения последствий сокращения рабочей силы.

Заключение

Проведённый анализ территориальной структуры и динамики численности потенциальной рабочей силы в России выявил чёткую дифференциацию регионов. Южные регионы и Северный Кавказ формируют наиболее перспективную зону роста благодаря высокой рождаемости, молодой возрастной структуре населения и положительным миграционным потокам, что создаёт потенциал для увеличения трудовых ресурсов. Напротив, центральные районы страны сталкиваются с сокращением населения вследствие старения, оттока молодёжи и слабой экономической динамики. Особую тревогу вызывает северо-восточный регион, где сохраняется высокий риск депопуляции из-за климатических условий, недостаточно развитой инфраструктуры и устойчивого миграционного оттока.

Таким образом, мероприятия снижения потенциальной рабочей силы в России требуют не единых, а территориально адаптированных стратегий, учитывающих специфику каждого из них. Только такой подход позволит сбалансировать региональное развитие, снизить социально-экономическое неравенство и обеспечить долгосрочную устойчивость трудового потенциала страны.

Библиографический список

1. OECD. Employment Outlook 2023: Strengthening the Labour Market. Paris: OECD Publishing, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-employment-outlook-2023_08785bba-en.html (дата обращения: 06.03.2025).
2. Ляшок В.Ю. Недоиспользование трудовых ресурсов: рост потенциальной рабочей силы // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 3. С. 62–65. EDN:IRINDX.
3. Баскакова М.Е. Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3 (48). С. 105–117. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117.
4. Нанавян А.М. Потенциальная рабочая сила в регионах России: оценка потерь в производстве ВРП // Вестник ЦЭМИ. 2023. Т. 6. № 3. DOI: 10.33276/S265838870028155-3.
5. Шевякин А.С., Быстрицкая А.Ю., Сергеева Н.М., Бушина Н.С. Рынок труда России: оценка безработицы и потенциальной рабочей силы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 11-1. С. 131–136. DOI: 10.17513/vaael.3832.
6. Храмцова Т.Г., Храмцова О.О. Современные тенденции на рынке труда Новосибирской области // Сибирская финансовая школа. 2022. № 2 (146). С. 200–208. DOI: 10.34020/1993-4386-2022-2-200-208.
7. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Повышение качества занятости и привлекательности жизни в регионах как проблема экономической безопасности Российской Федерации // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33. № 6. С. 5–17. DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-6-5-17.
8. Гуляева Т.И., Такмакова Е.В., Савкин В.И., Сидоренко О.В. Потенциальная рабочая сила как фактор устранения дефицита на рынке труда России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2024. Т. 20. № 8 (437). С. 1449–1477. DOI: 10.24891/ni.20.8.1449.
9. Репринцева Е.В., Фурман Е.Н. Управление кадровым потенциалом страны // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 5. С. 166–172. EDN: UYNOHZ.
10. ILO. World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Geneva: ILO, 2024. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2024> (дата обращения: 15.05.2025).
11. Росстат. Выборочное обследование населения по вопросам труда. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

УДК 336.1

А. Д. Гогина

ФГБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, e-mail: adgogina@fa.ru

Е. А. Федченко

ФГБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва

РЕТРОСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ESG-СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И КОРПОРАТИВНОГО СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: ретроспективный анализ, ESG-концепция, нефинансовая отчетность, устойчивое развитие, корпоративное управление, государственное регулирование.

В статье рассматривается ретроспектива развития ESG-стратегий экономических субъектов государственного и корпоративного секторов. Исследуются ключевые этапы формирования принципов устойчивого развития, их интеграция в стратегическое управление, а также влияние нормативно-правовых и рыночных факторов на внедрение ESG-подходов. Особое внимание уделено сравнительному анализу практик применения ESG-стратегий в государственном и корпоративном секторах, выявлены общие тенденции и отраслевые особенности. На основе исторического анализа разработана карта периодизации, отражающая основные смысловые этапы ретроспективы развития ESG-стратегии. Исследование позволяет не только проследить динамику ESG-трансформации, но и определить перспективные направления ее развития в условиях усиления климатических, социальных и регуляторных вызовов. Результаты могут быть полезны для органов государственного финансового контроля, государственных корпораций, институтов развития и научного сообщества, занимающихся вопросами устойчивого развития.

A. D. Gogina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: adgogina@fa.ru

E. A. Fedchenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

RETROSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT OF ESG STRATEGIES OF ECONOMIC ENTITIES IN THE PUBLIC AND CORPORATE SECTORS OF THE ECONOMY

Keywords: retrospective analysis, ESG concept, non-financial reporting, sustainable development, corporate governance, government regulation.

The article considers a retrospective of the development of ESG strategies of economic entities in the public and corporate sectors. The key stages of the formation of the principles of sustainable development, their integration into strategic management, as well as the influence of regulatory and market factors on the implementation of ESG approaches are investigated. Special attention is paid to a comparative analysis of the practices of applying ESG strategies in the public and corporate sectors, general trends and industry features are identified. Based on historical analysis, a periodization map has been developed that reflects the main semantic stages of the ESG strategy development retrospective. The study allows not only to trace the dynamics of the ESG transformation, but also to identify promising areas for its development in the face of increasing climatic, social and regulatory challenges. The results can be useful for state financial control authorities, state corporations, development institutions and the scientific community dealing with sustainable development issues.

Введение

В современном мире вопросы устойчивого развития и ответственного ведения бизнеса приобретают все большую значимость. Усугубляющиеся климатические

изменения, сохраняющееся социальное неравенство и проблемы в системах корпоративного управления определяют необходимость пересмотра роли и ценностей экономических субъектов, действующих как

в государственном, так и в корпоративном секторе, и внедрения принципов устойчивого развития в их деятельность. В ответ на возникающие вызовы и угрозы сформировалась концепция ESG, которая уже перестала быть модной тенденцией, превратившись в необходимость для обеспечения долгосрочной устойчивости и конкурентоспособности. Однако, современное понимание ESG-стратегии – результат длительного эволюционного процесса.

Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа эволюции ESG-стратегий в государственном и корпоративном секторах экономики, выявлении общих тенденций и отраслевых специфик их реализации.

Материал и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют фундаментальные и прикладные работы отечественных и зарубежных ученых в области устойчивого развития и корпоративного управления. В процессе исследования были задействованы академические публикации в рецензируемых научных изданиях, монографические исследования, аналитические материалы международных организаций, нормативно-правовые документы государственных регуляторных органов.

Методологический аппарат исследования включает сравнительно-исторический анализ, методы экономического анализа и синтеза, методологию обобщения эмпирических данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Становление ESG-стратегии для государственного и корпоративного секторов экономики имеет разные отраслевые истоки, и прежде, чем идея смогла обрести современную форму, существовали различные, менее систематизированные подходы к учету экологических и социальных факторов при принятии решений.

Зарождение ESG-идей в корпоративном секторе можно отнести к формированию социально ответственного инвестирования (далее – SRI), появившегося в 1970-х годах в Соединенных Штатах Америки [12] (далее – США) и некоторых странах Европы в качестве способа принятия инвестиционных решений в соответствии с социальными, этическими и экологическими критериями.

Социально ответственное инвестирование (SRI) активно начало набирать обороты в 1980-х годах, когда инвесторы стали бойкотировать компании, связанные с апартеидом в Южной Африке. Со временем SRI сместило фокус на социальные вопросы, став по сути очень близким к корпоративной социальной ответственности (далее – КСО). КСО – это стратегический подход, при котором компании добровольно принимают на себя дополнительные обязательства по решению социальных проблем, встраивая их в свою деловую стратегию. Концепция КСО требует разработки этических стандартов, учета интересов общества и принятия ответственности за последствия своей деятельности через создание системы оценки и управления социальным воздействием бизнеса [6].

В 1980-х годах идея КСО находилась в процессе формирования и не имела четкого, общепринятого определения. Однако, этот период ознаменовался рядом важных тенденций и событий, которые оказали существенное влияние на ее дальнейшее развитие, в частности, в связи с проблемами в области защиты прав человека и формирования трудовых отношений. Концепция КСО в то время имела ряд ключевых особенностей, таких как добровольный характер, нерегулируемость законодательством, сохранения основного акцента на благотворительность через поддержку социальных проектов и спонсорство культурных мероприятий, ограниченная связь с финансовыми результатами [7].

Однако по-настоящему масштабные перемены произошли в 1990-х годах. Именно тогда ESG-принципы (экологические, социальные и управленческие) начали активно внедряться в ключевые инвестиционные подходы. В 1995 году Фонд Форума социальных инвестиций США (SIF) предпринял попытку оценить общий объем устойчивых инвестиций, циркулирующих в Северной Америке. Результаты исследования, выявившие общую сумму в размере 639 миллиардов долларов США [11], продемонстрировали изменение мотивации инвесторов, свидетельствуя о возрастающем значении ESG-принципов над желанием в получении наибольшего уровня прибыли. Впоследствии институциональные инвесторы стали осознавать потенциальную возможность повышения финансовых показателей и оптимизации управления рисками через приоритетное внимание к ESG-проблемам.

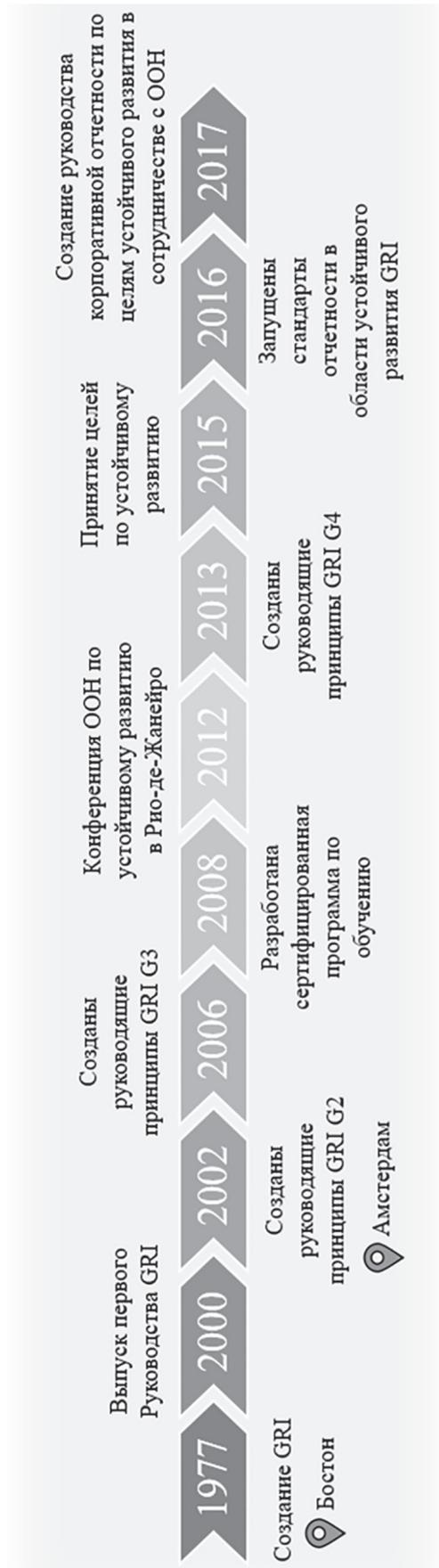

Рис. 1. Историческое развитие GRI
Источник: составлено авторами

В этой связи руководители приступили к разработке ESG-стратегий и метрик, направленных на количественную оценку экологического и социального воздействия инвестиционных решений.

Одним из ключевых событий в становлении ESG-стратегии в корпоративном секторе являлось основание в 1997 году Global Reporting Initiative (Глобальная инициатива отчетности, GRI) – некоммерческой организации, разрабатывающей стандарты по устойчивому развитию. Первоначальной целью GRI выступало решение экологических проблем, поскольку ее учредителями являлись ЮНЕП и небольшое количество инвесторов и защитников окружающей среды, создавших Коалицию за экологически ответственную экономику после крушения нефтяного танкера у побережья Аляски [8]. Лишь впоследствии сфера деятельности Глобальной инициативы отчетности была расширена включением социальных и управленческих аспектов. За время своего функционирования GRI, как мировой разработчик стандартов в области устойчивого развития, прошла постепенную и значительную трансформацию (рис. 1).

Первоначальная версия Руководства GRI в виде проекта, содержащая первые методологические основы подготовки публичной нефинансовой отчетности, была выпущена в 1999 году. После некоторой апробации и общественного обсуждения Глобальная инициатива отчетности утвердила в июне 2000 года первое Руководство по отчетности в области устойчивого развития [13].

После первого выпуска над Руководством началась работа представителями различных компаний, неправительственных организаций, профсоюзов, тогда в 2002 году центральный офис GRI был перенесен из Бостона в Амстердам и там же осуществлялось совершенствование первоначальной версии. Итогом выступило Руководство GRI (G2). С течением времени спрос на стандарты нефинансовой отчетности, а также масштаб их применения со стороны организаций увеличивались, что послужило тенденцией по совершенствованию и улучшению содержания Руководства по отчетности в области устойчивого развития. В 2006 году GRI представила Руководство G3, а в 2013 году, после конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро, последовала публикация Руководства G4.

В 2016 году, в ответ на принятие целей устойчивого развития, GRI совершила значительный шаг вперед, разработав модуль-

ные стандарты, которые стали первыми глобальными стандартами отчетности для организаций, стремящихся к устойчивому развитию – Стандарты GRI, действующих по настоящее время. Постепенно они дополнялись отраслевыми стандартами, например, по налогам, отходам, сельскому хозяйству, рыболовству, горнодобывающей промышленности и другим.

Проведем сравнительную характеристику Руководства G2, G3 и G4 и выявим основные направления изменений структурных и содержательных компонентов для последующего формирования концепции развития ESG-стратегии (таблица).

Так, в то время как Руководство GRI (G2, 2002) определяло общую концепцию для отчетности, направленную на структурирование информации об экономических, экологических и социальных аспектах деятельности организаций, Руководство GRI (G3, 2006) сделало акцент на контексте устойчивого развития и вовлеченности заинтересованных сторон. Новый вариант представил детализированные показатели и формализовал принципы отчетности, такие как полнота, сопоставимость и точность, стремясь к повышению качества предоставляемой информации. Руководство GRI (G4, 2013) сместило фокус на существенность, подчеркивая необходимость идентификации и отражения наиболее значимых аспектов деятельности организации с точки зрения заинтересованных сторон.

Таким образом, проведенный анализ показал переход от предоставления общей рамки (G2) к углублению стандартизации и расширению сферы охвата (G3) и, наконец, к фокусировке на существенности и адаптации отчетности к потребностям заинтересованных сторон (G4). Каждая версия Руководства GRI отражает эволюцию понимания устойчивого развития и стремление к повышению релевантности и полезности нефинансовой отчетности для широкого круга пользователей.

В корпоративном секторе принятие целей устойчивого развития в 2015 году стало мотивом для ускоренного внедрения в деятельность организаций принципов экологической, социальной и корпоративной ответственности. Компании начали активно раскрываться по ESG-критериям, вести и публиковать нефинансовую отчетность по международным стандартам, а инвесторы выбирать те организации, которые имеют устойчивые ESG-практики [4].

Сравнительная характеристика Руководства GRI G2, G3, G4

Основание сравнения	Руководство GRI (G2, 2002)	Руководство GRI (G3, 2006)	Руководство GRI (G4, 2013)
1. Цель руководства	Руководство предназначено для помощи отчитывающимся организациям и их заинтересованным сторонам в определении и оценке вклада компании в достижение целей устойчивого развития.	Система отчетности GRI предназначена для использования в качестве общепринятой системы отчетности в отношении экономических, экологических и социальных результатов деятельности организации.	Руководство GRI по отчетности в области устойчивого развития (далее – «Руководство») предлагает вниманию пользователей Принципы подготовки отчетности, Стандартные элементы отчетности и Инструкцию по применению, которые будут полезны для подготовки отчетности в области устойчивого развития любыми организациями, независимо от их размера, отраслевой принадлежности или местонахождения.
2. Ключевые принципы	<p><i>Введение</i></p> <p>Принципы, изложенные в Разделе В, классифицированы по четырем методологическим категориям:</p> <p>1. Системные принципы отчетности (формирующие концептуальную основу):</p> <ul style="list-style-type: none"> - принцип прозрачности (транспарентности) - принцип стейкхолдерского вовлечения - принцип верифицируемости данных <p>2. Принципы контент-анализа (детерминирующие содержательное наполнение):</p> <ul style="list-style-type: none"> - принцип комплексного охвата - принцип материальности - принцип контекстуализации устойчивого развития <p>3. Принципы обеспечения качества (гарантирующие надежность отчетных данных):</p> <ul style="list-style-type: none"> - принцип точности измерений - принцип нейтральности представления - принцип сравнительного анализа <p>4. Принципы информационной доступности (регулирующие коммуникационные аспекты):</p> <ul style="list-style-type: none"> - принцип ясности изложения - принцип своевременности публикации <p><i>Часть В: Принципы отчетности</i></p>	<p><i>Отчетность в области устойчивого развития: Общий обзор</i></p> <p>Принципы для определения содержания отчета: существование, охват заинтересованных сторон, контекст устойчивого развития, полнота</p> <p>Принципы для обеспечения качества отчета: сбалансированность, сопоставимость, точность, своевременность, ясность, надежность.</p>	<p><i>1. Цель разработки Руководства GRI по отчетности в области устойчивого развития</i></p> <p>Принципы определения содержания отчета: взаимодействие с заинтересованными сторонами, контекст устойчивого развития, существование, полнота</p> <p>Принципы обеспечения качества отчета: сбалансированность, сопоставимость, точность, своевременность, ясность, надежность.</p>
		<p><i>Часть 1: Определение содержания, качества и границ отчета</i></p>	<p><i>4. Принципы подготовки отчетности</i></p>

Окончание табл.

<p>3. Структура отчетов</p>	<p>1. Видение и стратегия – описание стратегии организации в области устойчивого развития, включая заявление руководителя. 2 Характеристика – обзор структуры и деятельности организации, а также области, охватываемой отчетом. 3. Управление и менеджмент – здесь представлена информация о том, как устроена компания, какие у нее есть правила и системы управления. Также описываются шаги, предпринимаемые для привлечения и учета интересов всех, кто связан с организацией (например, сотрудников, клиентов, инвесторов). 4. Содержание отчета по GRI – специальный раздел, который помогает читателю быстро найти нужную информацию в отчете. Он показывает, где именно в документе находится каждая часть данных, требуемых согласно Части С Руководства. 5. Результаты деятельности – показатели, которые описывают, как работа компании влияет на окружающий мир. Они разделены на четыре основные категории: общие результаты, экономические, экологические и социальные.</p>	<p>1. Стратегия и анализ 2. Характеристика организации 3. Параметры отчета Общие сведения об отчете Область охвата и границы отчета Указатель содержания GRI Подтверждение 4. Управление, обязательства и взаимодействие с заинтересованными сторонами Управление Участие во внешних инициативах Взаимодействие с заинтересованными сторонами 5. Сведения о подходах в области менеджмента и показатели результативности.</p>	<p>1. Стратегия и анализ 2. Профиль организации 3. Выявленные существенные Аспекты и Границы 4. Взаимодействие с заинтересованными сторонами 5. Общие сведения об отчете 6. Корпоративное управление 7. Этика и добросовестность Специфические стандартные элементы отчетности: 1. Сведения о подходах в области менеджмента 2. Показатели</p>
<p>4. Показатели</p>	<p><i>Часть С: Содержание отчета</i> Роль показателей результативности GRI состоит в том, чтобы представлять информацию об экономических, экологических и социальных воздействиях деятельности организации таким образом, который способствует сопоставимости отчетов, включая отчеты различных организаций. Показатели GRI разработаны таким образом, чтобы информировать как саму организацию, так и заинтересованные стороны, стремящиеся оценить ее результативность.</p>	<p><i>Часть 2: Стандартные элементы отчетности</i> Основные показатели – показатели Руководства GRI, представляющие интерес для большинства заинтересованных сторон и считаются существенными, если иное не определено на основе Принципов отчетности GRI.</p>	<p><i>Раздел 5: Стандартные элементы отчетности</i> Показатели предоставляют информацию об экономических, экологических и социальных результатах деятельности или воздействиях организации, связанных с существенными Аспектами. Существенные Аспекты – Аспекты, отражающие существенное экономическое, экологическое и социальное воздействие организации или оказывающие существенное влияние на оценки и решения заинтересованных сторон.</p>
<p>5. Роль заинтересованной стороны</p>	<p><i>Приложение 5. Показатели GRI</i> Согласно Руководству, отчеты должны учитывать опасения и ожидания заинтересованных сторон</p>	<p><i>Часть 2: Стандартные элементы отчетности</i> Согласно Руководству, взаимодействие с заинтересованными сторонами является важным компонентом процесса отчетности</p>	<p><i>Раздел 5: Стандартные элементы отчетности</i> Руководство подчеркивает важность определения для определения того, какие аспекты деятельности организации являются наиболее существенными.</p>
<p>6. Практическая значимость</p>	<p>Введение концепции</p>	<p>Стандартизация процесса</p>	<p>Фокус на существенность и учет мнения стейкхолдеров</p>

Источник: составлено авторами на основе [13-15].

Рекомендательный характер ESG-стандартов позволяет выбирать наиболее приемлемый для ее пользователей формат отчетности [3]. Сейчас ESG-стратегия представляет неотъемлемый элемент стратегического планирования и управления рисками компании, которые впоследствии получают преимущества в привлечении инвестиций, улучшении репутации на рынке, повышении лояльности потребителей и сотрудников, а также в обеспечении долгосрочного вклада в социальное развитие и эффективность системы корпоративного управления, тем самым способствуя более ответственному и устойчивому развитию корпоративного сектора.

Проведенный анализ изменения нефинансовой отчетности в корпоративном секторе позволяет обозначить некоторые ключевые принципы, применимые для формирования концепции развития ESG-стратегии экономических субъектов государственного сектора, что открывает возможность адаптации практики корпоративного управления к специфическим условиям и задачам государственных организаций.

В государственном секторе, в отличие от корпоративного, предпосылки ESG зарождались со стороны экологической ответственности, а именно при формировании экологической политики путем создания специальных органов, имеющих в качестве своих целей повышение уровня защиты и охраны окружающей среды. В частности, в 1970 году в США для содействия защите экологии на государственном уровне было создано Агентство по охране окружающей среды США (United States Environmental Protection Agency; EPA) в ответ на идеи Рейчел Карсон, повлиявшей на сознание общества с помощью книги «Безмолвная весна», где автор впервые заставляет задуматься о влиянии человека на окружающую среду [10]. С помощью EPA впервые стали подниматься вопросы в области экологической справедливости, соответствия деятельности органов власти и коммерческих организаций, которые подвергались мониторингу со стороны Агентства в части раскрытия информации и формирования отчетности, экологическим нормам.

В сентябре 1987 года заключен Монреальский договор, устанавливающий постепенное прекращение производства и потребления веществ, вызывающих разрушение озонового слоя. Документ был подписан

представителями 46 стран и являлся основой для дальнейших обсуждений и соглашений, касающихся других глобальных экономических проблем и формирования экологической ответственности экономических субъектов.

В этот же период на государственном уровне возрос интерес к устойчивому развитию, что было обусловлено выходом в 1987 году доклада ООН «Наше общее будущее» [9]. В первой части доклада рассматривались проблемы ограниченности ресурсов и экологической безопасности в широком контексте международной экономики, переживавшей спад в 1980-х годах. Согласно докладу, основополагающий принцип концепции устойчивого развития состоит в достижении сбалансированного экономического и социального прогресса, который носит долгосрочный характер, удовлетворяет актуальные потребности современного общества, сохраняет ресурсный потенциал для будущих поколений.

Это нашло отражение в следующей цитате: «Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности [9]».

Концепция устойчивого развития становится волнующим как общество, так и государство вопросом и выступает главной темой Конференции ООН по окружающей среде и развитию, проводимой в 1992 году в Рио-де-Жанейро [5]. Основными задачами конференции выступили разработка теоретических оснований и принципов концепции, создание программы конкретных действий. По итогам были разработаны основные механизмы реализации устойчивого развития и стратегия – план, получивший название «Повестка дня на XXI век».

Постепенно основные стратегические направления развития стали закладываться в формирование стратегических целей. Так, ООН созданы цели развития тысячелетия (2000), а вслед за ними цели устойчивого развития (2015), что обеспечило установку конкретных задач в области борьбы с бедностью, улучшения качества образования и здоровья, сотрудничества и партнерства, охраны окружающей среды и других направлений определив четкую рамку понимания концепции устойчивого развития.

Цели развития, установленные мировым сообществом, позволили компаниям и инвесторам понять, какие аспекты их деятельности оказывают наибольшее влияние на устойчивое развитие и как они могут внести вклад в достижение глобальных целей. Цели развития тысячелетия, а потом и цели устойчивого развития потребовали

от стран и организаций формировать отчеты о прогрессе достижения поставленных целей, поспособствовав стимулированию к активному раскрытию информации о экологических, социальных и управленческих показателях, что впоследствии оказало влияние на развитие стандартов в области ESG (рис. 2).

Рис. 2. Взаимосвязь ответственного инвестирования с ESG-факторами и целями устойчивого развития
Источник: составлено авторами

Рис. 3 Система принципов, определяющих требования к раскрытию нефинансовой информации [2]

ESG-стратегия: государство vs организация

Рис. 4. Ретроспектива развития ESG-стратегии
Источник: составлено авторами

В Российской Федерации вопросам, связанным с устойчивым развитием, придается первостепенное значение. В целях систематизации работы в данном направлении в 2020 году при Центральном банке Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) была создана Рабочая группа по вопросам устойчивого финансирования. Данная структура включает в себя пять профильных подгрупп, которые объединяют экспертов различных секторов: сотрудников государственных ведомств, институтов развития, научного сообщества, участников финансового рынка, а также представителей саморегулируемых организаций. Основная задача Рабочей группы – разработка стратегических планов и контроль за их выполнением в сфере устойчивого развития.

В 2021 году ЦБ РФ, руководствуясь стандартами GRI и лучшими международными практиками, установил рекомендации по раскрытию информации в области устойчивого развития для публичных акционерных обществ, в том числе имеющих в уставном капитале долю государственного участия, основанные на определенных принципах (рис. 3).

Согласно рекомендациям Банка России, публичные акционерные общества при составлении отчетности должны раскрывать нефинансовую информацию о стратегии, корпоративном управлении, выстроенной бизнес-модели, проводимой политике, процедурах, рисках, ключевых показателей эффективности деятельности, а также иных существенных тем, затрагивающих экологические, социальные и управленческие аспекты.

Ежегодно высшим органом внешнего государственного финансового контроля (аудита) проводится мониторинг достижения целей устойчивого развития при реализации стратегических документов и анализ мер стимулирования ведения бизнеса в ESG-концепции. Результаты мониторинга СП РФ свидетельствуют о наличии системных проблем в стратегическом планировании деятельности федеральных органов исполнительной власти, что негативно сказывается на достижении национальных целей. Основной дефект системы проявляется в отсутствии четкой корреляции между стратегическими установками и планируемыми результатами. Анализ региональных аспектов устойчивого развития, представленный в Бюллетене СП РФ

(2023), констатирует значительные расхождения в показателях реализации государственных программ субъектов Российской Федерации и региональных программ, сопоставляемых с целями устойчивого развития. При этом органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в большинстве случаев не используют цели устойчивого развития в качестве практического инструмента управления [1]. Таким образом, отмечается проблема взаимосвязи целей устойчивого развития и соответствующих целей, результатов деятельности организаций государственного сектора. В 2023 году СП РФ разработала и утвердила первый стандарт – Руководство по ESG-аудиту, содержащий модель зрелости, оценивающую работу как органов государственной власти, так и организаций по ESG-критериям.

От разрозненных инициатив в области корпоративной социальной ответственности и экологического регулирования до комплексных стандартов отчетности и интеграции ESG-факторов в бизнес-модели – таков путь, пройденный экономическими субъектами. Анализ ретроспективы развития ESG-стратегии позволил выделить ряд последовательных смысловых этапов, которые раскрыты на рисунке 4.

Заключение

Таким образом, ESG-факторы становятся ключевыми при разработке и реализации государственной политики, а также построении бизнес-модели организаций. Это проявляется в разработке экологических программ, направленных на снижение выбросов парниковых газов, защиту биоразнообразия и устойчивое использование природных ресурсов. Социальные аспекты ESG находят отражение в политике в области здравоохранения, образования, социальной защиты и обеспечения равенства возможностей. В части корпоративной ответственности, принципы прозрачности, подотчетности и эффективности управления становятся приоритетными при организации деятельности как государственных органов, так и коммерческих организаций.

Результаты исследования направлены на формирование методологической основы для совершенствования ESG-стратегий с учетом организационно-правовых особенностей экономических субъектов разных секторов.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Библиографический список

1. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2023. № 9. Устойчивое развитие регионов. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-9-2023> (дата обращения: 17.04.2025).
2. Информационное письмо о рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ от 12.07.2021 № ИН-06-28/49. Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf (дата обращения: 20.03.2025).
3. Боброва О.С. От устойчивого развития к ESG: опыт европейских компаний и правительств // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 91. С. 94-104. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-94-104. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-ustoychivogo-razvitiya-k-esg-opyt-evropeyskih-kompaniy-i-pravitelstv> (дата обращения: 04.03.2025).
4. Борзаков Д.В. Эволюция Руководств и стандартов Global Reporting Initiative по отчетности в области устойчивого развития // Регион: системы, экономика, управление. 2022. №1 (56). DOI: 10.22394/1997-4469-2022-56-1-85-92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-rukovodstv-i-standartov-global-reporting-initiative-po-otchetnosti-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 04.03.2025).
5. Лось В.А. РИО-92: предварительные итоги 30-летия стратегии устойчивого развития (часть 1): Устойчивое развитие: исторические и теоретические основания // Вестник Московского университета. 2022. Т. 27. № 2. EDN: ACABGB. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rio-92-predvaritelnye-itogi-30-letiya-strategii-ustoychivogo-razvitiya-chast-1-ustoychivoe-razvitie-istoricheskie-i-teoreticheskie> (дата обращения: 04.03.2025).
6. Финогонова Ю.Ю., Селянская Г.Н. Анализ корпоративных ESG-критериев по отраслям и странам // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 7-1. С. 179-189. DOI: 10.17513/vaael.3579. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3579> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Манаева И. В., Растопчина Ю. Л., Ковалева Е. И. Эффективность ESG принципов в корпоративном секторе экономики // Экономика промышленности. 2023. Т. 16, № 4. С. 442-455. DOI: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-4-1196>. URL: <https://ecoprom.misis.ru/jour/article/view/1196> (дата обращения: 12.03.2025).
8. Миссия и история // Глобальная инициатива отчетности. URL: <https://www.globalreporting.org/about-gri/mission-history/> (дата обращения: 12.03.2025).
9. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. С. 371. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).
10. История Агентства по охране окружающей среды (EPA). URL: <https://www.epa.gov/history> (дата обращения: 11.03.2025).
11. Отчеты о тенденциях. Официальный сайт Форума социальных инвестиций Соединенных Штатов Америки. URL: https://www.ussif.org/research/trends-reports?page_26ABMdF8B6ptZ0aE6Uv9xz=2 (дата обращения: 10.03.2025).
12. Bertotti A.M. Socially responsible investing // Encyclopedia Britannica. 2025. URL: <https://www.britannica.com/money/socially-responsible-investing-investment> (дата обращения: 03.03.2025).
13. GRI G2 // Global Reporting Initiative. URL: <https://www.globalreporting.org/how-to-use-the-gri-standards/gri-standards-english-language/> (дата обращения: 15.03.2025).
14. GRI G3 // Global Reporting Initiative. URL: <https://www.globalreporting.org/how-to-use-the-gri-standards/gri-standards-english-language/> (дата обращения: 15.03.2025).
15. GRI G4 // Global Reporting Initiative. URL: <https://www.globalreporting.org/how-to-use-the-gri-standards/gri-standards-english-language/> (дата обращения: 15.03.2025).

УДК 336.22

Е. В. Иванова

Омский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Омск, e-mail: iva-ev@yandex.ru;

АНОО ВО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий», Омск

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВОГО РЕЖИМА ДЛЯ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, специальный налоговый режим, малый бизнес, налоговое администрирование.

В исследовании проведен комплексный анализ специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в России за период 2020–2024 гг. На основе данных Федеральной налоговой службы России проанализирована динамика численности самозанятых на общероссийском уровне и в трех ключевых регионах (Воронежская область, Омская область, Хабаровский край), выявлены факторы роста, региональные особенности и системные ограничения режима. Как свидетельствуют данные, налог на профессиональный доход стал эффективным инструментом легализации теневой занятости, однако требует доработки в части социальных гарантий, налоговой нагрузки и регулирования трудовых отношений. По результатам проведенного исследования были предложены рекомендации по совершенствованию регулирования данного налогового режима, в частности внедрение добровольных отчислений на автоматизированной основе в Социальный фонд России через приложение «Мой налог» в целях мотивации граждан активнее участвовать в формировании своей будущей пенсии, а также доработать функционал приложения «Мой налог» и ввести индекс-дефлятор для корректировки верхнего порога доходов.

E. V. Ivanova

Omsk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk, e-mail: iva-ev@yandex.ru;

Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk

ANALYSIS OF THE FUNCTIONING AND REGULATION OF THE TAX REGIME FOR SELF-EMPLOYED CITIZENS

Keywords: self-employment, professional income tax, special tax regime, small business, tax administration.

The study provides a comprehensive analysis of the special tax regime “Professional Income Tax” in Russia for the period 2020–2024. Based on data from the Federal Tax Service of Russia, the dynamics of the number of self-employed at the national level and in three key regions (Voronezh Region, Omsk Region, Khabarovsk Territory) is analyzed, growth factors, regional peculiarities and systemic restrictions of the regime are identified. According to the data, the professional income tax has become an effective tool for legalizing shadow employment, but it needs to be improved in terms of social guarantees, tax burden and regulation of labor relations. Based on the results of the study, recommendations were proposed to improve the regulation of this tax regime, in particular, the introduction of voluntary contributions on an automated basis to the Social Fund of Russia through the My Tax application in order to motivate citizens to participate more actively in shaping their future pensions, as well as to refine the functionality of the My Tax application and introduce a deflator index for adjustments. the upper income threshold.

Введение

Актуальность исследования обусловлена комплексом социально-экономических и правовых факторов, определяющих особую значимость исследования самозанятости как нового явления в российской экономике, т.к. совсем «недавно такие лица не имели особого статуса, соответственно,

заработанные ими денежные средства носили «теневой» характер, поэтому встал вопрос в регулировании данной формы занятости на уровне законодательства» [5, с. 132]. В связи с этим, **целью исследования** явилось проведение оценки развития института самозанятости и выявление проблем налогового регулирования его в России.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил анализ данных, представленных на сайте ФНС России [4]. Кроме того, методы статистического анализа самозанятых граждан использовались для проверки достоверности полноты информации в ходе исследования, в частности проведен расчет темпов роста зарегистрированных лиц в качестве самозанятых в Российской Федерации и некоторых субъектов РФ за период 2020-2024 гг.

Выбор субъектов Российской Федерации обусловлен их уникальным географическим положением и социально-экономическими характеристиками, что позволяет получить репрезентативную картину распространения исследуемого налогового режима в масштабах всей страны и проанализировать влияние региональной специфики на адаптацию нового налогового режима.

Результаты исследования и их обсуждение

В конце 2018 года в российском законодательстве произошло знаковое событие – принятие Федерального закона №422-ФЗ, который установил принципиально новый налоговый режим для самозанятых граждан. Этот нормативный акт [1], стал важным шагом в легализации теневого сектора экономики и создании комфортных условий для индивидуальной предпринимательской деятельности.

Изначально, действие закона носило экспериментальный характер и ограничивалось четырьмя пилотными регионами: столицей, Подмосковьем, Татарстаном и Калужской областью. Однако уже через год, убедившись в эффективности нововведения, законодатели распространили его действие на всю территорию Российской Федерации, начиная с 2020 года. Такой поэтапный подход позволил протестировать новый налоговый механизм и оперативно устранить выявленные недостатки.

Ключевым аспектом при рассмотрении специального налогового режима является определение круга лиц, имеющих право на его применение. Согласно действующему законодательству, плательщиками налога на профессиональный доход (далее – НПД) «признаются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим», т.е. самозанятые граждане [1].

В юридической науке пока нет законодательно отверженного понятия такой категории граждан, поэтому будем считать, что самозанятые – это «лица, не прошедшие процедуру регистрации как юридическое лицо, однако осуществляющие предпринимательскую деятельность на законных основаниях» [9, с. 821].

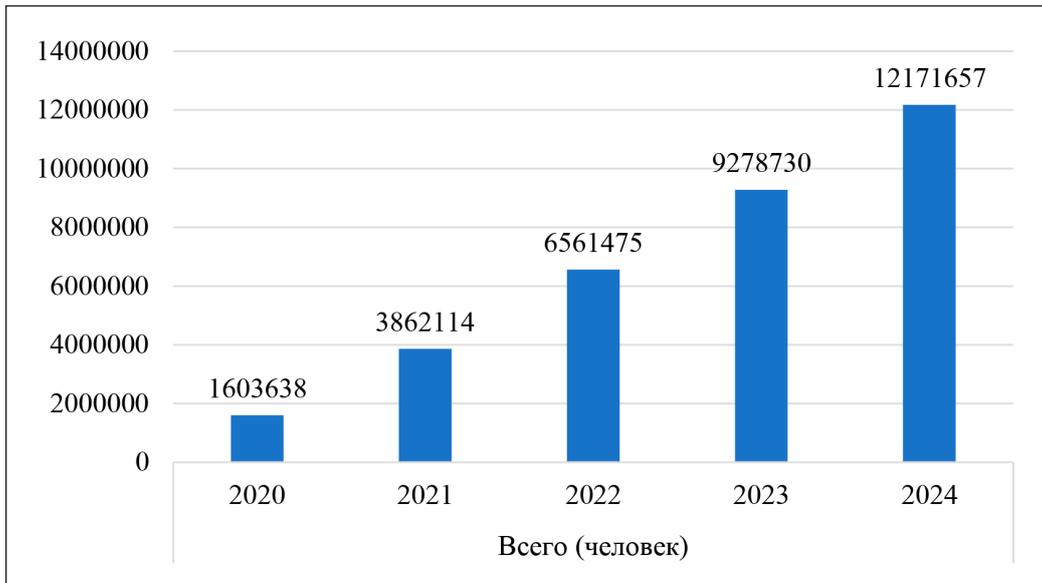
Законодательство установило ряд существенных ограничений, исключающих возможность применения этого специального режима определенными категориями самозанятых. В частности, правом на использование НПД не могут воспользоваться лица, занимающиеся перепродажей товаров и имущественных прав, работодатели, состоящие в трудовых отношениях с наемными работниками, а также те, чей годовой доход превысил установленный лимит в 2,4 миллиона рублей.

Ключевым преимуществом данной системы является полная автоматизация налогового администрирования – все расчеты и перечисления осуществляются через специализированное мобильное приложение «Мой налог», что полностью освобождает плательщиков от необходимости подготовки и подачи деклараций. При этом автоматизированная система расчетов обеспечивает прозрачность налогообложения и оперативность взаимодействия между налогоплательщиками и фискальными органами.

Внедрение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» с его льготными ставками и цифровым форматом регистрации задумывалось как эффективный инструмент стимулирования легальной предпринимательской активности. Однако между теоретическими ожиданиями и практической реализацией этой инициативы существует значительный пласт для исследования.

Особый интерес представляет анализ реальной динамики численности граждан, официально зарегистрировавшихся в качестве плательщиков НПД, который позволит оценить эффективность данного фискального эксперимента как в общероссийском масштабе, так и на уровне отдельных регионов.

Используя данные из единого реестра малого и среднего предпринимательства, опубликованные на сайте ФНС, были систематизированы исходные данные (рисунок).

Динамика зарегистрированных самозанятых в РФ за 2020-2024 гг., человек [4]

Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД) [4]

Наименование	Всего (человек)				
	2020	2021	2022	2023	2024
Воронежская область (всего)	20513	49874	81676	119815	173369
- физические лица	19024	47812	78953	115942	167674
- индивидуальные предприниматели	1489	2062	2723	3873	5695
Омская область (всего)	16763	42213	70398	104265	143173
- физические лица	15321	40399	67798	100607	137828
- индивидуальные предприниматели	1442	1814	2600	3658	5345
Хабаровский край (всего)	6032	24438	44099	66408	89926
- физические лица	5276	23006	41791	62975	85591
- индивидуальные предприниматели	756	1432	2308	3433	4335

Исследование количественных изменений в сфере самозанятости на территории России за пятилетний период с 2020 по 2024 год выявило стабильно положительную динамику развития этого сегмента экономической активности. Наибольший темп роста данной категории пришелся на 2021 г. – 240,8%, Совокупная численность граждан, зарегистрировавшихся в качестве плательщиков налога на профессиональный доход, продемонстрировала впечатляющий рост в 7,6 раза, увеличившись с первоначальных 1,6 миллиона до 12,2 миллиона человек, что свидетельствует о массовой востребованности данного фискального инструмента среди населения.

На их основе рассчитаны ключевые показатели динамики численности самозанятых отдельно в РФ, а также в Воронежской и Омской областях, Хабаровском крае (таблица).

Так, в Воронежской и Омских областях самозанятых стало больше в 8,5 раз, а в Хабаровском крае в 14,9 раз. Примечательно, что наиболее значительные темпы расширения наблюдались среди обычных физических лиц, чья численность возросла практически в восемь раз, тогда как индивидуальные предприниматели показали более скромный четырехкратный прирост, что подчеркивает особую привлекательность нового режима именно для граждан, ранее

не занимавшихся официальной предпринимательской деятельностью.

Анализ годовой динамики позволил выявить интенсивный всплеск регистраций в 2021 году, когда прирост составил 2,3 миллиона новых участников системы, что, «произошло за счет успешно проводимой налоговой политики государства», – заявил доцент кафедры финансов и цен РЭУ им. Г.В. Плеханова Равиль Ахмадеев [10].

Аналогичные выводы были сделаны Водопьяновой В.А. в работе «Налог на профессиональный доход – динамика развития в РФ», 2021 г. Автор пишет, что «за анализируемый период – полтора года, количество самозанятых, решивших применять этот режим налогообложения, в целом по России увеличилось в 6 раз. Динамика по федеральным округам не однородна, но везде положительна. Наибольший прирост демонстрирует ДВФО [6, с. 391-392].

Однако с течение времени, в последующие годы темпы роста естественным образом стабилизировались, несмотря на естественное замедление темпов прироста с 170% до 131%, сохраняется устойчивая положительная динамика с ежегодным приростом на уровне 30% и более, что указывает на продолжающуюся популярность данной формы экономической активности.

Сравнительный анализ динамики численности самозанятых в регионах выявляет как общие тенденции, так и существенные региональные различия в развитии данного сектора экономики, при этом все три региона демонстрируют опережающие темпы роста по сравнению со среднероссийскими показателями, это особенно заметно на примере Хабаровского края, что может объясняться изначально более низкой базой и активными процессами легализации в дальневосточном регионе.

Характерно, что во всех трех регионах пик роста пришелся на 2021 год, когда темпы прироста в Хабаровском крае достигли рекордных 405,1%, в Омской области – 251,8%, а в Воронежской области – 243,1%, при этом в последующие годы все регионы демонстрируют постепенное замедление динамики, хотя и сохраняют высокие абсолютные показатели прироста, особенно заметные в Воронежской области, где в 2024 году прибавка составила 53 554 человека против

38 908 в Омской области и 23 518 в Хабаровском крае.

Региональные различия в динамике могут объясняться сочетанием факторов: населения субъектов, исходного уровня экономического развития, структуры занятости населения, эффективности налогового администрирования и проводимой региональными властями политики поддержки самозанятости.

Таким образом, проведенный анализ динамики развития самозанятости как на общероссийском уровне, так и на уровне субъектов наглядно подтверждают успешность реализации специального налогового режима как эффективного механизма вовлечения граждан в легальный экономический оборот и создания благоприятных условий для развития микро- и малого бизнеса в современных российских экономических реалиях.

По мнению Ю.А. Топчи, финансовый эффект института самозанятости многообразен и проявляется в следующем: обеспечивается формирование дохода физического лица, личного бюджета; уменьшается объем средств, выделяемых из федерального бюджета; увеличиваются поступления в региональный бюджет за счет части налога на профессиональный доход самозанятых» [12, с. 150].

Несмотря на очевидные успехи в легализации предпринимательской активности и возможные перспективы развития, налог на профессиональный доход имеет ряд существенных ограничений, которые требуют рассмотрения.

Во-первых, сохраняется проблема «налоговых ножниц» – самозанятые лишены возможности уменьшать налоговую базу на сумму расходов, что делает режим экономически невыгодным для многих видов деятельности с высокой себестоимостью.

Во-вторых, отсутствие обязательного пенсионного страхования создаёт «социальную ловушку» для самозанятых, лишая их базовых социальных гарантий. В некоторых странах пенсии для самозанятых рассчитываются на основе валового дохода, что увеличивает зачитываемую для пенсии зарплату. Такой механизм разработан в Австрии и Люксембурге, а в Соединенных Штатах» [11, с. 53].

В-третьих, сохраняются технические барьеры, в частности потенциальные пользователи отказываются от регистрации

из-за сложностей с использованием мобильного приложения, особенно среди старшего поколения. Эти системные недостатки требуют скорейшего решения для превращения НПД из инструмента легализации в полноценный механизм поддержки малого предпринимательства.

Помимо этого, с 1 марта 2024 года вступили в силу новые механизмы контроля за трудовыми отношениями, существенно усиливающие надзор за взаимодействием работодателей с самозанятыми. В соответствии с пунктом 3 Приказа Минтруда №40н от 02.02.2024 [3] заключение долгосрочных (более 3 месяцев в течение года) гражданско-правовых договоров с более чем 10 самозанятыми, при условии ежемесячных выплат каждому из них свыше 20 тысяч рублей может стать поводом для внеплановых проверок не только со стороны Роструда, но и специальных межведомственных комиссий по противодействию нелегальной занятости, создаваемых в регионах в соответствии с законом № 565-ФЗ от 12.12.2023 [2]. Уполномоченные органы теперь имеют право запрашивать сведения об организациях и физических лицах, представляющих интерес в рамках проверок. К таким сведениям относятся данные о численности работников, зарегистрированных как самозанятые, связанность бизнеса (наличие общих заказчиков у организации, самозанятого и ИП), доход самозанятых и т.д.

Все вышеперечисленные жёсткие ограничения выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они действительно сдерживают масштабное распространение института самозанятости, предотвращая его превращение в инструмент массовой оптимизации налогов, с другой – позволяют государству сохранить баланс между новыми формами занятости и традиционной системой трудовых отношений.

Кустов Н.А. и Городилов М.А. акцентируют внимание на необходимости проведения «научно обоснованной корректировки налоговой политики и внедрение в практику методов, основанных на анализе интегрированных данных, которые обеспечат применение режима НПД исключительно как инструмента поддержки индивидуальной предпринимательской деятельности, с недопущением маскировки трудовых отношений» [7, с. 84].

Кроме того, В.В. Наливкина и Л.В. Купецгеева считают, что регулирование исследуемого специального налогового режима и «решение проблемы вовлечения самозанятых в сферу легального предпринимательства невозможно исключительно налоговыми методами. Необходим определенный комплекс как экономических, так и социальных мероприятий» [8, с. 236].

Выводы

Поэтому, с учетом приведенных мнений и проведенного анализа, предлагаются следующие рекомендации по регулированию налогового режима для самозанятых граждан:

1. Внедрение добровольных отчислений на автоматизированной основе в Социальный фонд России через приложение «Мой налог», что значительно упростит процесс для самозанятых. При этом важно предусмотреть возможность вычета до 50% суммы отчислений из налога, чтобы мотивировать граждан активнее участвовать в формировании своей будущей пенсии. Это не только упростит процесс перечисления средств, но и сделает его финансово выгодным, что повысит мотивацию к участию в пенсионной системе.

2. Доработка функционала приложения «Мой налог», именно: внедрение голосового ввода; создание онлайн-помощника, который будет предоставлять ответ на интересующий запрос моментально; упрощение интерфейса (представление его визуальнее чище и интуитивно понятнее); разработка возможности использования в офлайн-режиме.

3. Для повышения привлекательности режима самозанятости и его адаптации к инфляционным изменениям, стоит рассмотреть применение коэффициента-дефлятора при установлении верхнего предела доходов. Такой подход сделает режим более справедливым и доступным для большего числа налогоплательщиков.

В совокупности эти меры не только устранят основные барьеры, сдерживающие рост числа самозанятых, но и создадут стимулы для частичного снижения финансовой нагрузки и повышения уровня социальной защищенности, что в долгосрочной перспективе приведёт к увеличению числа зарегистрированных самозанятых, расширению налоговой базы и укреплению социальной стабильности в этой сфере.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 N 422-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 12.06.2025).
2. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 N 565-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (дата обращения: 17.06.2025).
3. Приказ Минтруда России от 02.02.2024 N 40н «Об утверждении Перечня сведений и информации, в том числе составляющих налоговую тайну, передаваемых налоговыми органами Российской Федерации в межведомственные комиссии субъектов Российской Федерации по... / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505380/47200d24890bf3cf19ee58d88b5d50725b13bae1/ (дата обращения: 17.06.2025).
4. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // ФНС России [Электронный ресурс]. URL: <https://rms.pnalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 21.06.2025).
5. Андреева О.В. Самозанятость как социальная инновация и финансовые инструменты ее регулирования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 8-2. С. 131-137. DOI: 10.17513/vaael.2947. EDN: EONQLM.
6. Водопьянова В.А. Налог на профессиональный доход – динамика развития в РФ // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 12-1. С. 390-399. DOI: 10.34670/AR.2021.83.80.031. EDN: IXJTJA.
7. Кустов Н.А., Городилов М.А. Разработка научно-методических подходов к оценке доли «зависимой» самозанятости от общей численности плательщиков НПД: финансовый аспект // Финансы и управление. 2025. № 1. С. 69-87. DOI: 10.25136/2409-7802.2025.1.72898. EDN: WJTQPO.
8. Наливкина В.В., Куцегреева Л.В. Оценка преимуществ и недостатков применения налога на профессиональные доходы самозанятыми налогоплательщиками // Экономика устойчивого развития. 2020. № 2(42). С. 233-237. EDN: VLTCQA.
9. Левшукова О.А., Айвазян Д.П., Макаренко А.О., Садакова С.С. Налог на профессиональный доход: риски и потенциал // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 6(56). С. 821-823. EDN: IWHJRK.
10. Рост числа самозанятых в РФ объяснили успешной налоговой политикой властей // ИА Регнум [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/3392335> (дата обращения: 21.06.2025).
11. Сергиенко Н.С. Пенсионное обеспечение самозанятых: подходы и тренды за рубежом // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 7-1. С. 39-55. EDN: TJBDPK.
12. Топчи Ю.А. Эффекты института самозанятости и их финансовое измерение // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 4, № 12(141). С. 147-151. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.12.04.020. EDN: BMLFUD.

УДК 339.91:339.97

А. В. Кашенов

Институт демографических исследований ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, e-mail: avkash@list.ru

ПОИСКОВАЯ ТИПОЛОГИЯ СТРАН МИРА. ЧАСТЬ 1. ВЫБОР ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: страны мира, классификация, типология, статистические показатели.

Серия статей посвящена разработке поисковой типологии стран мира для целей экономического и политического анализа. В первой статье раскрываются проблемы существующих типологий стран мира, которые исходят из их ранжирования на основе одного критерия – ВВП на душу населения. Типологии, известные в российской науке, либо были разработаны 30-50 лет назад, либо заимствованы у международных организаций. Поэтому тема разработки новой типологии является актуальной. Обоснована методология классификации стран мира, основанная на многокритериальном подходе и автоматической группировке объектов посредством кластерного анализа. Произведен обзор источников информации: ООН, МОТ, МВФ, ФАО, сайты-интеграторы статистических данных. Приведен список и предварительная оценка статистических показателей 197 стран мира, по которым может производиться анализ с целью разработки их новой классификации. Обосновано применение в качестве критериев типологии 60 статистических показателей по макроэкономике, отраслям хозяйства, демографии, урбанизации, человеческому потенциалу и трудовым ресурсам, уровню жизни, образованию и здравоохранению, обеспеченности населения наиболее важными товарами и услугами, средствами связи и интернетом. Сделаны предварительные выводы о возможностях последующего применения собранной базы данных в анализе дифференциации и классификации стран мира.

A. V. Kashenov

The Institute of Demographic Research of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: avkash@list.ru

THE SEARCH TYPOLOGY OF THE COUNTRIES OF THE WORLD. PART 1. SELECTION OF INDICATORS

Keywords: countries of the world, classification, typology, statistical indicators.

A series of articles is devoted to the development of a search typology of the countries of the world for the purposes of economic and political analysis. The first article reveals the problems of the existing typologies of the countries of the world, which proceed from their ranking based on one criterion – GDP per capita. The typologies known in Russian science were either developed 30-50 years ago or borrowed from international organizations. Therefore, the topic of developing a new typology is relevant. A methodology for classifying countries of the world based on a multi-criteria approach and automatic grouping of objects through cluster analysis is substantiated. An overview of the sources of information is provided: the United Nations, the ILO, the IMF, the FAO, and statistical data integrator sites. The list and preliminary assessment of statistical indicators of 197 countries of the world for which analysis can be carried out in order to develop their new classification is given. The application of 60 statistical indicators on macroeconomics, economic sectors, demography, urbanization, human potential and labor resources, standard of living, education and healthcare, provision of the population with the most important goods and services, communications and the Internet as criteria of typology is substantiated. Preliminary conclusions are drawn about the possibilities of further application of the collected database in the analysis of differentiation and classification of countries of the world.

Введение

Целью серии статей «Поисковая типология стран мира» является разработка новой версии разделения стран и территорий мира на типы для анализа и прогнозирования их социально-экономического развития.

Большинство известных типологий стран мира являются нормативными, как например, классификации ООН, МОТ, Всемирного банка. Под нормативной типологией подразумевается такая классификация социально-экономических объектов, которая

направлена на достижение определенной цели. Целью может быть, например, разработка программ международной помощи, финансирования, приема или отказа в приеме в определенные союзы, блоки, прогнозирование и регулирование межгосударственных потоков товаров, трудовых мигрантов, туристов и т.д. Нормативные типологии являются, как правило, априорными – то есть разделение объектов на группы в них возникает не самопроизвольно в процессе исследования, а субъективным решением разработчика.

Существует альтернатива нормативной (априорной) классификации социально-экономических объектов – поисковая типология. Поисковая типология является автоматической и производится путем распознавания сходства и различия между объектами посредством кластерного анализа. Впервые в отечественной науке подобную методологию применили новосибирские социологи под руководством академика Т.И. Заславской в 1970-е годы для типологии областей, краев и республик СССР [1]. Содержательная интерпретация результатов кластерного анализа для стран мира и для регионов страны существенно различается, так как регионы страны представляют собой систему, в той или иной степени управляемую и централизованную правительством, а страны более автономны. Но на уровне статистических расчетов классификация любых объектов выглядит единообразно. Главное отличие поисковой типологии в том, что ее разработчик (эксперт), закладывая данные в компьютер, не знает, что получит в результате, в отличие от автора нормативной типологии, изначально ориентированной на решение определенной политической задачи.

Темой данной статьи, первой в серии, является краткий обзор истории и методологии типологических исследований с последующим переходом к отбору источников статистических данных и конкретных социально-экономических показателей. В последующих статьях будут показаны и интерпретированы результаты анализа данных и разработанная на их основе типология стран мира.

Материалы и методы исследования

В работе используются методы сравнительного, корреляционного, факторного, кластерного анализа, ориентированные на реализацию методологии типологиче-

ской классификации. Статистические расчеты производятся в Excel и российской программе Stadia [2]. Используются статистические данные ООН, МВФ и других международных источников.

Понятия «классификации» и «типологии» достаточно близки, но между ними есть определенные различия. Распространено следующее определение классификации: это «система соподчиненных понятий (классов, объектов) какой-либо области знания или деятельности человека»¹. Типология определяется как «метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной идеализированной модели или типа»². Различие состоит в том, что объекты классификации являются иерархически соподчиненными, а объекты типологии находятся на одном уровне иерархии. В настоящей работе понятия «классификации» и «типологии» рассматриваются как взаимодополняющие, но поисковая многокритериальная группировка изучаемых объектов, как правило, именуется «типологией».

Действующая схема мира ООН включает деление 249 государств и территорий мира на 6 региональных и 22 субрегиональных группы и на три уровня развития: экономически развитые страны, развивающиеся страны, страны с переходной экономикой. Многие самопровозглашенные государства в статистике ООН числятся территориями, которые признаны только частью членом этой организации. Схема мира разрабатывается и поддерживается Статистическим отделом ООН включает названия стран и коды, присвоенные каждой из них согласно стандарту UN M.49, который периодически пересматривается. Группировка государств по макрорегионам и субрегионам ООН используется в том числе в Общероссийском классификаторе стран мира, входящем в состав Единой системы классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации (ЕСКК) в Российской Федерации³.

Согласно МВФ, который является специализированным подразделением ООН,

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 257.

² Там же. С. 685.

³ Общероссийский классификатор стран мира. URL: <https://classifikators.ru/oksm> (дата обращения: 07.07.2025).

по экономическому статусу страны делятся на развитые (передовые) – «Advanced Economies», возникающие рынки – «Emerging Market» (сюда относится РФ) и развивающиеся – «Developing Economies»⁴. В качестве критерия выступает валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения. Согласно Всемирному банку, страны делятся на 4 группы по валовому национальному доходу (ВНД): «Страны с низким уровнем дохода» – ВНД на душу населения менее 11450 долларов; «Страны с доходом ниже среднего» – ВНД на душу населения от 11451 до 4515 долларов; «Страны с доходом выше среднего» – ВНД на душу населения от 4516 до 14005 долларов; «Страны с высоким уровнем дохода» – ВНД на душу населения более 14005 долларов⁵. Показатель РФ согласно оценке ВБ, в 2021 году составлял 8992,8 долларов на душу населения⁶. То есть классификации стран мира ведущими международными институциональными структурами являются однокритериальными – каждая из них построена либо на ВВП, либо на ВНД. Однокритериальные классификации методологически не отличаются от рейтингов, которых существуют тысячи, они публикуются постоянно и представляют собой популярный метод представления практически любой статистической информации – например, рейтинг стран по потреблению мороженого на душу населения.

В СССР и РФ разработка типологии стран мира традиционно производилась экономико-географами. В.В.Вольский дал следующее определение: ««тип страны – объективно сложившийся относительно устойчивый комплекс присущих ей условий и особенностей развития, характеризующий её роль и место в мировом сообществе на данном этапе всемирной истории» [3]. А.С. Фетисов уточнил: «Тип в страноведении – устойчивый комплекс особенностей той или иной страны, сложившийся в процессе адаптации её социума к внешним и внутренним условиям развития и опреде-

ляющий её место и роль в мировом социально-экономическом и политическом сообществе» [5, с.260]. Страноведы изучают конкретные страны как с точки зрения сходства и различия между ними, так и межстрановых потоков финансовых ресурсов, товаров, населения [6;7].

Первый в отечественной науке список критериев для комплексного подхода к типологии стран мира разработал В.В.Вольский в 1968 году: «уровень развития производительных сил (структура хозяйства и степень его диверсификации, характер энергобаланса, степень электрификации, производство и потребление на душу населения электроэнергии, стали, цемента, нефтепродуктов, продуктов химии, бумаги, уровень развития машиностроения и приборостроения); степень развития капитализма в промышленности; роль различных форм капиталистических предприятий; развитие кооперации; уровень концентрации производства и капитала, степень национализации; средненациональная производительность труда в промышленности; уровень развития капитализма в сельском хозяйстве; степень развития внутреннего товарного рынка; степень развития рынка рабочей силы (трудовые миграции); степень участия государства в экономике страны; степень и характер участия страны в капиталистическом мировом хозяйстве (экспорт, импорт)» [4, с.160].

Список критериев В.В.Вольского был в большей мере программой по изучению стран мира, чем методикой их формальной классификации, потому что часть названных им критериев в те времена не могла быть обеспечена соответствующим набором статистических показателей. Последняя по времени публикации типология В.В.Вольского (2004 г.) делила страны мира на 4 типа – «экономически развитые», «со средним уровнем развития», «слаборазвитые», и «молодые освободившиеся». К «освободившимся» он причислял «наименее развитые» и «постсоциалистические» [4].

Многие авторы используют кластерный анализ для распределения стран на группы по небольшому числу критериальных показателей. Например, в работе Л. М. Григорьева, В. А. Павлюшиной (2018 г.) страны мира делятся на 7 кластеров по одному показателю – ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) [8].

⁴ Международный валютный фонд. Перспективы мировой экономики (World Economic Outlook), April 30, 2025. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO> (дата обращения: 07.05.2025).

⁵ Всемирный банк. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 01.05.2025).

⁶ Всемирный банк. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 01.05.2025).

Перечень 197 стран мира для разработки их типологии

<p>Афганистан, Албания, Алжир, Андорра, Ангола, Антигуа и Барбуда, Аргентина, Армения, Аруба, Австралия, Австрия, Азербайджан, Багамы, Бахрейн, Бангладеш, Барбадос, Беларусь, Бельгия, Белиз, Бенин, Бутан, Боливия, Босния и Герцеговина, Ботсвана, Бразилия, Бруней-Даруссалам, Болгария, Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, Камбоджа, Камерун, Канада, Центральноафриканская Республика, Чад, Чили, Китай, Колумбия, Коморские острова, Демократическая Республика Конго, Республика Конго, Коста-Рика, Кот-д'Ивуар, Хорватия, Куба, Кипр, Чехия, Дания, Джибути, Доминика, Доминиканская Республика, Эквадор, Арабская Республика Египет, Сальвадор, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эстония, Эсватини, Эфиопия, Фиджи, Финляндия, Франция, Габон, Гамбия, Грузия, Германия, Гана, Греция, Гренада, Гватемала, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гайана, Гаити, Гондурас, Гонконг, Китай, Венгрия, Исландия, Индия, Индонезия, Иран, Исламская Республика, Ирак, Ирландия, Израиль, Италия, Ямайка, Япония, Иордания, Казахстан, Кения, Киргизия, Корея, Республика, Косово, Кувейт, Кыргызская Республика, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Латвия, Ливан, Лесото, Либерия, Ливия, Литва, Люксембург, Макао, Китай, Мадагаскар, Малави, Малайзия, Мальдивские Острова, Мали, Мальта, Маршалловы Острова, Мавритания, Маврикий, Мексика, Микронезия, Молдова, Монголия, Черногория, Марокко, Мозамбик, Мьянма, Намибия, Науру, Непал, Нидерланды, Новая Зеландия, Никарагуа, Нигер, Нигерия, Северная Македония, Норвегия, Оман, Пакистан, Палау, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Парагвай, Перу, Филиппины, Польша, Португалия, Пуэрто-Рико, Катар, Россия, Румыния, Руанда, Самоа, Сан-Марино, Сан-Томе и Принсипи, Саудовская Аравия, Сенегал, Сербия, Сейшельские Острова, Сьерра-Леоне, Сингапур, Словацкая Республика, Словения, Соломоновы Острова, Сомали, Южная Африка, Южный Судан, Испания, Шри-Ланка, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Судан, Суринам, Швеция, Швейцария, Сирийская Арабская Республика, Тайвань, Таджикистан, Танзания, Таиланд, Тимор-Лешти, Того, Тонга, Тринидад и Тобаго, Тунис, Туркменистан, Тувалу, Уганда, Украина, Объединенные Арабские Эмираты, Великобритания, Соединенные Штаты, Уругвай, Узбекистан, Вануату, Венесуэла, Вьетнам, Западный берег и Газа (Палестина), Йемен, Замбия, Зимбабве</p>
--

Источник: составлено автором.

Для типологии регионов СССР в работе Т.И. Заславской с соавторами (1980 г.) для разбиения на группы областей СССР было использовано 27 экономических, демографических, социальных статистических показателей [1, с.56]. В работе А.В. Кашепова (2024 г.) для кластеризации регионов РФ использовалось 26 экономических и социальных показателей [9]. В данной серии статей предполагается собрать и проанализировать широкий круг статистических показателей по странам, применяя для их обработки корреляционный, факторный и кластерный анализ.

Приоритетными источниками данных о странах мира для российских ученых являются Росстат и Статкомитет СНГ. К сожалению, в последнем по времени сборнике Росстата «Россия и страны мира. 2024» отражена информация только по 67 странам [10, с.18]. В последнем ежегоднике Статкомитета СНГ представлены 55 стран [11, с.578]. Поэтому базы данных Росстата и Статкомитета СНГ в настоящей статье не используются.

В качестве основного источника макроэкономических данных по странам используются данные МВФ (IMF)⁷. Будучи частью системы ООН, МВФ использует и продвигает в своем World Economic Outlook (WEO) международный конвенционный список экономических субъектов, в котором насчитывается 196 единиц. Мы добавили в этот список Кубу, таким образом 197 стран составили номенклатуру объектов изучения в данной серии статей (таблица 1).

Перечень собранных и обработанных данных (статистических показателей) для типологического исследования и основные источники данных показаны в таблице 2. Для удобства использования в расчетах показателям присвоены идентификаторы X1-X60. Как правило, в пу-

⁷ Международный валютный фонд. Перспективы мировой экономики (World Economic Outlook), October, 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October> (дата обращения: 15.05.2025).

бликациях ООН-МВФ-МОТ, доступных с конца 2024 г., отчетный период привязан к 2023 г., поэтому в таблице 2 данный год указан как базовый. Отметим, что согласно широко распространенной практике международной статистики по некоторым странам в последних по времени публикациях в качестве отчетного указывается показатель за 2022 год или даже какой-либо из более ранних годов. Предположительно, данная особенность не может существенно повлиять на результаты исследования – во-первых потому, что это касается небольшой части стран, во-вторых, потому, что локальные искажения и пропуски данных в отдельных строках и столбцах относительно мало влияют на общую дисперсию 60 показателей по 197 объектам. Тем не менее, в таблице 2 указан охват стран по каждому из используемых показателей.

Поскольку собрать и обработать с помощью доступных средств все существующие в мире статистические метрики невозможно, для типологии регионов желательно выбирать комплекс экономических, демографических, социальных показателей. Отсутствие некоторых из них существенно не повлияет на результаты, но если опустить наиболее важные экономические или ключевые демографические показатели, то классификация может существенно деформироваться. Большое значение имеют также показатели, отражающие качество жизни населения, его цивилизационный статус – например, уровни автомобилизации и обеспеченности интернетом. Для типологии стран имеет значение их географическое положение – в данной работе его характеризовали среднегодовая температура и площадь территории.

В таблице 2 собраны все показатели и указаны их основные характеристики, в том числе источники и охват ими стран (покрытие).

Основные макроэкономические показатели X1-X15 заимствованы из базы данных МВФ (IMF) или рассчитаны по этим данным⁸. Ключевой показатель статистики МВФ «валовой внутренний продукт (GNP)

⁸ Международный валютный фонд. Перспективы мировой экономики (World Economic Outlook), October, 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October> (дата обращения: 15.05.2025).

на душу населения» доминирует в экономических публикациях как индикатор уровня производства, конкурирующий показатель Всемирного банка «валовой национальный доход (GNI) на душу населения» в большей степени показывает уровень потребления. GNI для целей данной серии статей не использовался. Некоторые другие показатели из базы данных WDI Всемирного банка заимствовались у вторичных агрегаторов и использовались.

Среди вторичных агрегаторов был использован американский правительственный справочник CIA World Factbook⁹. Данные по структуре экономики X16-X18, уровню урбанизации X30, уровню бедности X49 и неравенству в доходах населения (индекс Джини) X50, подушевому потреблению энергии X51 – взяты из этого источника. Из этого же сборника были взяты экономические данные по Кубе, которые отсутствовали в базе МВФ.

Основные демографические метрики X19-X29 в таблице 2 взяты из базы данных Отдела народонаселения ООН (UNPD)¹⁰. Данные по человеческому потенциалу X31-X33 заимствованы с сайта Программы развития ООН (UNDP)¹¹. Данные о трудовых ресурсах, занятости и заработной плате X34-X38 взяты из базы данных МОТ (ILO)¹². Среднегодовая температура X40 – в группе Мирового банка «Портал знаний об изменении климата»¹³. Обеспеченность автомобилями X41 взята из базы данных агрегатора демографической информации World Population Review¹⁴.

⁹ Всемирная книга фактов 2024-2025. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁰ Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Отдел народонаселения: официальный сайт. URL: <https://population.un.org/dataportal> (дата обращения: 01.01.2025).

¹¹ Программа развития ООН. URL: <https://hdr.undp.org/data-center> (дата обращения: 01.02.2025).

¹² Международная организация труда, статистический департамент ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 01.02.2025).

¹³ Портал знаний об изменении климата Всемирного банка. URL: <https://climateknowledgeportal.worldbank.org> (дата обращения: 01.02.2025).

¹⁴ Мировой обзор населения (World population review). URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/cars-by-country> (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 2

Набор статистических показателей и рейтингов стран для проведения формального типологического анализа

Индекс	Наименование показателя	Наименование показателя в первоисточнике	Единицы измерения	Источник	Год	Покрытие (охват стран)*
X1	ВВП по текущему курсу (номинальный ВВП)	Gross domestic product per capita, current prices	Млрд долл.	IMF	2023	196**
X2	Годовой прирост ВВП	Annual percentages of constant price GDP are year-on-year changes	Процентов	IMF	2023	196
X3	Прирост номинального ВВП за 5 лет		Процентов	Расчет	2019-2023	196
X4	ВВП по паритету покупательной способности (ВВП ППС),	GDP in PPP dollars	Млрд долл.	IMF	2023	196
X5	Номинальный ВВП на душу населения	Gross domestic product per capita, current prices	Долл.	IMF	2023	196
X6	ВВП ППС на душу населения	GDP in PPP dollars per person	Долл.	IMF	2023	196
X7	Дефлятор ВВП	Gross domestic product, deflator	Процентов	IMF	2023	196
X8	Инфляция, по отношению к предыдущему году	Inflation, average consumer prices	Процентов	IMF	2023	196
X9	ВВП ППС страны, доля от мирового ВВП	GDP based on PPP share of world total	Процентов	IMF	2023	196
X10	Общий объем инвестиций, доля от ВВП	Ratio of total investment in current local currency and GDP	Процентов	IMF	2023	196
X11	Валовые национальные сбережения, доля от ВВП	Ratio of gross national savings in GDP in current local currency	Процентов	IMF	2023	196
X12	Государственные доходы, доля от ВВП	General government revenue	Процентов	IMF	2023	196
X13	Государственные расходы, доля от ВВП	General government total expenditure	Процентов	IMF	2023	196
X14	Государственный долг, доля от ВВП	General government gross debt	Процентов	IMF	2023	196
X15	Относительная сила валюты	Частное от деления ВВП по текущему курсу валюты на ВВП ППС	Долей единицы	Расчет	2023	196
X16	Структура экономики: сельское хозяйство, доля от ВВП	GDP – composition, by sector of origin: agriculture	Процентов	CIA World Factbook	2023	191
X17	Структура экономики: промышленность, доля от ВВП	GDP – composition, by sector of origin: industry	Процентов	CIA World Factbook	2023	191

Продолжение табл. 2

Индекс	Наименование показателя	Наименование показателя в первоисточнике	Единицы измерения	Источник	Год	Покрытие (охват стран)*
X18	Структура экономики: услуги, доля от ВВП	GDP – composition, by sector of origin: services	Процентов	CIA World Factbook	2023	191
X19	Численность населения на начало года	Total Population, as of 1 January	Тыс. чел.	UNPD	2023	197
X20	Прирост населения за 5 лет		Процентов	Расчет	2019-2023	197
X21	Плотность населения	Population Density, as of 1 July (persons per square km)	Чел. на 1 кв. км	UNPD	2023	197
X22	Средний возраст населения (медиана)	Median Age, as of 1 July (years)	Лет	UNPD	2023	197
X23	Темп прироста населения	Population Growth Rate (percentage)	Процентов	UNPD	2023	197
X24	Естественный прирост	Rate of Natural Change (per 1,000 population)	Промилле	UNPD	2023	197
X25	Общий коэффициент рождаемости	Crude Birth Rate (births per 1,000 population)	Промилле	UNPD	2023	197
X26	Суммарный коэффициент рождаемости	Total Fertility Rate (live births per woman)	Единиц	UNPD	2023	197
X27	Общий коэффициент смертности	Crude Death Rate (deaths per 1,000 population)	Промилле	UNPD	2023	197
X28	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни	Life Expectancy at Birth, both sexes (years)	Лет	UNPD	2023	197
X29	Коэффициент младенческой смертности	Infant Mortality Rate (infant deaths per 1,000 live births)	Промилле	UNPD	2023	197
X30	Уровень урбанизации (доля городского населения)	Urban population, %	Процентов	CIA World Factbook	2023	197
X31	Коэффициент миграционного прироста населения	Net Migration Rate (per 1,000 population)	Промилле	UNPD	2023	197
X32	Индекс человеческого развития ИЧР	Human Development Index (HDI)	Долей единицы	UNDP	2023	197
X33	Среднее время обучения в составе ИЧР	Mean years of schooling	Лет	UNDP	2023	197
X34	Численность населения трудоспособного возраста	Working-age population (15+)	Тыс. чел.	ILO	2023	195
X35	Численность занятого населения	Employment	Тыс. чел.	ILO	2023	195
X36	Уровень занятости в промышленности	Manufacturing employment as a proportion of total employment	Процентов	ILO	2023	190

Продолжение табл. 2

Индекс	Наименование показателя	Наименование показателя в первоисточнике	Единицы измерения	Источник	Год	Покрытие (охват стран)*
X37	Уровень безработицы	Unemployment	Процентов	ILO	2023	195
X38	Средняя заработная плата в месяц в долларах ППС	Average earnings of employees in PPP\$ by reference area	Долларов	ILO	2023	166
X39	Площадь стран	Area	Тыс. кв. км	CIA World Factbook	2023	197
X40	Среднегодовая температура по странам	Average yearly temperature	Градусов	World Bank	2023	197
X41	Уровень автомобилизации	Vehicles per 1000 peoples	Единиц на 1000 человек	World population review	2024 г	182
X42	Расходы на здравоохранение	Current health expenditures	Процентов от ВВП	WHO	2023	187
X43	Обеспеченность врачами	Physicians density	Человек на 1000 чел. населения	WHO	2023	194
X44	Обеспеченность больничными койками	Hospital bed density	Единиц на 1000 чел. населения	WHO	2023	164
X45	Потребление алкоголя на душу населения в год	Alcohol consumption per capita per year	Литров	WHO	2023	184
X46	Распространение ожирения среди взрослого населения	Obesity – adult prevalence rate	Процентов	WHO	2023	189
X47	Употребление табака, доля от численности населения	Tobacco use	Процентов	WHO	2023	163
X48	Расходы на образование в ВВП	Education expenditure	Процентов	UNESCO	2023	186
X49	Население ниже национального уровня бедности	Population below poverty line	Процентов	CIA World Factbook	2023	150
X50	Индекс Джини, долей единицы	Gini Index coefficient – distribution of family income	Долей единицы	CIA World Factbook	2023	150
X51	Потребление энергии на душу населения	Energy consumption per capita	Млн. BTU на душу населения	CIA World Factbook	2023	187

Окончание табл. 2

Индекс	Наименование показателя	Наименование показателя в первоисточнике	Единицы измерения	Источник	Год	Покрытие (охват стран)*
X52	Мобильные телефоны	Mobile communication per 100 people of the population	Единиц на 100 чел. населения	World population review	2023	195
X53	Пользователи интернета	Internet users	Подписок на 100 чел. населения	World population review	2023	196
X54	Военные расходы, доля от ВВП	Military expenditure by country as percentage of GDP	Процентов от ВВП	SIPRI	2023	167
X55	Индекс политической стабильности Мирового банка	Political stability and absence of violence/terrorism (index)	Единиц	World population review (source – World Bank)	2023	196
X56	Энергетическая обеспеченность рациона питания	Dietary energy supply (kcal/cap/day)	Ккал/суточная норма на душу	FAO	2023	170
X57	Потребление мяса – кг/чел./год	Meat consumption – kg/person/year	Кг на человека в год	FAO	2023	177
X58	Индекс научного цитирования Nature,	Nature index	Число цитирований авторов страны	Nature	2023	182
X59	Индекс демократии The Economist, единиц	Democracy Index by The Economist Intelligence Unit	Единиц	The Economist	2024	163
X60	Индекс счастья Oxford – Gallup	World Happiness Report	Единиц	Oxford – Gallup	2024	136

Примечание: * Из общего количества 197 стран, исследуемых в статье;
 ** Макроэкономические данные по Кубе взяты из CIA World Factbook.
 Источник: составлено автором.

С сайтов Всемирной организации здравоохранения были получены данные об охвате населения услугами здравоохранения X42-X44¹⁵, потреблении алкоголя (X45)¹⁶, ожирении (X46)¹⁷, курении (X47)¹⁸.

Доля расходов на образование в ВВП взята из доклада ЮНЕСКО¹⁹.

Обеспеченность мобильными телефонами X52 – с сайта агрегатора демографической и социальной информации «World population review»²⁰. Также с этого сайта были заимствованы данные о числах подписок на интернет X53²¹.

Доля военных расходов в ВВП X54 была заимствована из публикаций Стокгольмского института проблем мира (SIPRI)²².

Индекс политической стабильности и отсутствия терроризма Всемирного бан-

ка был получен с сайта агрегатора «World population review»²³.

Данные о потреблении продуктов питания X56-X57 взяты с сайта Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН– FAO²⁴. Кроме того, индекс научного цитирования в естественных науках X58, отражающий научную базу для экономического развития, взят с сайта журнала Nature²⁵, «индекс демократии» X59 с сайта журнала The Economist²⁶. «Индекс счастья» X60, который публикуется Центром благополучия Оксфорда в партнёрстве с Gallup, SDSN и независимой редколлегией (с 2024 г.) был взят с сайта The World Happiness Report²⁷.

Заключение

В настоящее время в российской литературе присутствуют официальные нормативные типологии стран ООН, МВФ, МОТ, Всемирного банка которые классифицируют страны по уровню производства ВВП или ВНД на душу населения. Актуальной является задача разработки комплексной многокритериальной типологии, методология которой выходит за рамки одного статистического показателя. В статье обосновано применение в качестве критериев типологии 60 статистических показателей по макроэкономике, отраслям хозяйства, демографии, урбанизации, человеческому потенциалу и трудовым ресурсам, уровню жизни, образованию и здравоохранению, обеспеченности населения наиболее важными товарами и услугами, средствами связи и интернетом. В следующих статьях серии будут представлены корреляционный, факторный и кластерный анализ перечисленных показателей.

¹⁵ Всемирная организация здравоохранения: официальный сайт. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/indicators> (дата обращения: 01.02.2025).

¹⁶ Всемирная организация здравоохранения. Доклад о глобальном состоянии алкоголя, здоровья и лечения расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ. 2024. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/377960/9789240096745-eng.pdf> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁷ Всемирная организация здравоохранения. URL: [https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/prevalence-of-obesity-among-adults-bmi--30-\(crude-estimate\)-\(-\)](https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/prevalence-of-obesity-among-adults-bmi--30-(crude-estimate)-(-)) (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁸ Всемирная организация здравоохранения: WHO global report on trends in prevalence of tobacco use 2000–2030. 2024. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/375711/9789240088283-eng.pdf?sequence=1> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁹ ЮНЕСКО: Global Education Expenditure. 2024. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure> (дата обращения: 01.03.2025).

²⁰ Всемирный обзор населения (агрегатор информации). URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/cell-phones-by-country> (дата обращения: 01.05.2025).

²¹ Всемирный обзор населения (агрегатор информации). URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/internet-users-by-country> (дата обращения: 01.05.2025).

²² Стокгольмский институт проблем мира (SIPRI). URL: <https://milex.sipri.org/sipri> (дата обращения: 01.02.2025).

²³ Всемирный обзор населения (World population review). URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/political-stability-by-country> (дата обращения: 01.02.2025).

²⁴ Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН– FAO. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data> (дата обращения: 01.02.2025),

²⁵ Nature index. URL: <https://www.nature.com/nature-index> (дата обращения: 01.02.2025).

²⁶ Economist Intelligence Unit. URL: <https://www.eiu.com/democracy-index> (дата обращения: 01.01.2025).

²⁷ The World Happiness Report. URL: <https://www.worldhappiness.report> (дата обращения: 01.02.2025).

Библиографический список

1. Бельнская И.И., Бородин С.М., Заславская Т.И. и др. Социально-демографическое развитие села: Регион. анализ / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. Москва: Статистика, 1980. 343 с.
2. Кулаичев А.П. Методы и средства анализа данных в среде Windows: Stadia. Москва: НПО «Информатика и компьютеры», 1999. 340 с.
3. Вольский В.В. О типах стран капиталистического мира // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 1968. № 6.
4. Вольский В.В. Избранные сочинения. Москва: Ойкумена, 2009. 376 с.
5. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
6. География мирового развития: Сборник научных трудов. Том Выпуск 3. Москва: ООО Товарищество научных изданий КМК, 2016. 486 с. ISBN 978-5-9907572-7-1. EDN: ZCWHOJ.
7. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 684 с.
8. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 5-29. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-7-5-29. EDN: ХТВYLR.
9. Кашепов А.В. Экономический рост, занятость и заработная плата в регионах России: динамика и типология // Экономические и социальные проблемы России. 2024. № 4(60). С. 34-62. DOI: 10.31249/espr/2024.04.02. EDN: НТХТJX.
10. Россия и страны мира. 2024 // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241> (дата обращения: 01.05.2025).
11. Содружество Независимых Государств в 2023 году: Статистический ежегодник / Межгосударственный статистический комитет СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://new.cisstat.org/documents/20143/1035730/> (дата обращения: 01.05.2025).

УДК 332.1

В. А. Клименко

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск

Т. И. Банникова

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, e-mail: Tanya-b1@yandex.ru

Е. А. Чудинова

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИНФРАСТРУКТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КРЕАТИВНЫХ КЛАСТЕРОВ

Ключевые слова: креативный кластер, креативная экономика, оценка потенциала региона, социально-экономические показатели, показатели развития инфраструктуры.

В современных условиях креативные кластеры становятся важным инструментом экономического развития, повышения конкурентоспособности и улучшения качества жизни. Их создание и поддержка являются приоритетными задачами для многих стран и регионов. В статье представлена оценка социально-экономического и инфраструктурного потенциала региона как ключевого фактора успешного формирования креативных кластеров. Подчеркивается, что создание эффективных креативных кластеров требует комплексного анализа региональных особенностей, включая уровень развития экономики, социальной сферы, образования, науки и инноваций, а также состояния инфраструктуры. Акцентируется внимание на необходимости учета таких показателей, как наличие квалифицированных кадров, развитость творческих индустрий, доступность финансовых ресурсов, поддержка со стороны региональных властей и наличие современной инфраструктуры, включая цифровые коммуникации и транспортную доступность. В результате исследования сделаны выводы о том, что оценка текущего состояния и перспектив развития социально-экономического и инфраструктурного потенциала способствует не только выявлению сильных и слабых сторон региона, но и определению приоритетных направлений развития креативных кластеров, разработке эффективных стратегий и инструментов их поддержки, а также повышению конкурентоспособности региона в целом.

V.A. Klimenko

National Research Tomsk State University, Tomsk

T.I. Bannikova

National Research Tomsk State University, Tomsk, e-mail: Tanya-b1@yandex.ru

E.A. Chudinova

National Research Tomsk State University, Tomsk

ASSESSMENT OF SOCIAL-ECONOMIC AND INFRASTRUCTURE POTENTIAL OF THE REGION IN THE FORMATION OF CREATIVE CLUSTERS

Keywords: creative cluster, creative economy, assessment of regional potential, socio-economic indicators, indicators of infrastructure development.

In modern conditions, creative clusters are becoming an important tool for economic development, increasing competitiveness and improving the quality of life. Their creation and support are priorities for many countries and regions. The article presents an assessment of the socio-economic and infrastructural potential of the region as a key factor in the successful formation of creative clusters. It is emphasized that the creation of effective creative clusters requires a comprehensive analysis of regional characteristics, including the level of development of the economy, social sphere, education, science and innovation, as well as the state of the infrastructure. Attention is focused on the need to take into account such indicators as the availability of qualified personnel, the development of creative industries, the availability of financial resources, support from regional authorities and the availability of modern infrastructure, including digital communications and transport accessibility. As a result of the study, conclusions were made that the assessment of the current state and prospects for the development of socio-economic and infrastructural potential helps not only to identify the strengths and weaknesses of the region, but also to determine priority areas for the development of creative clusters, develop effective strategies and tools for their support, and increase the competitiveness of the region as a whole.

Введение

В современном мире, характеризующемся стремительным развитием креативной экономики, города приобретают статус ключевых центров инноваций и экономического роста. Именно они, преобразуясь в точки притяжения, способствуют привлечению и концентрации талантливых людей, созданию благоприятной среды для развития инноваций, формированию здоровой конкуренции между организациями и одновременно развитию сотрудничества между ними. Поэтому развитие городской инфраструктуры и создание благоприятных условий для функционирования городов становится приоритетной задачей для государственных органов власти.

Одним из эффективных механизмов повышения конкурентоспособности и устойчивого развития городов в контексте развития креативной экономики является формирование креативных кластеров. Креативные кластеры, объединяющие предприятия креативной экономики, образовательные учреждения и исследовательские центры, способны генерировать новые идеи, создавать добавленную стоимость и привлекать инвестиции в регион. Однако успешное функционирование креативных кластеров требует комплексного подхода к управлению, учитывающего не только специфику креативных индустрий, но и социально-экономический и инфраструктурный потенциал территории. Города, обладающие благоприятными условиями для развития креативности, инноваций и предпринимательства, имеют больше шансов стать центрами притяжения для креативных кадров и компаний, а также успешно интегрироваться в глобальные креативные сети.

В связи с вышеизложенным, **целью исследования** является определение и обоснование ключевых факторов, характеризующих социально-экономический и инфраструктурный потенциал городов с точки зрения их способности к формированию и развитию креативных кластеров.

Материал и методы исследования

При проведении исследования использовались такие методы, как анализ, сравнение, обобщение. На основе теоретического анализа российских и зарубежных публикаций были определены основные показатели социально-экономического развития городов. Изучение нормативно-правовых

актов позволило определить основные направления государственной политики в Российской Федерации по регулированию и поддержке креативных индустрий, развитию инновационной инфраструктуры. Сравнительный анализ креативных кластеров, а также экспертная оценка специалистов в области креативных индустрий, городского планирования и социально-экономического развития позволили обобщить ключевые факторы, влияющие на формирование и развитие креативных кластеров в городах и регионах.

Результаты исследования и их обсуждение

Вопрос позитивного влияния креативных кластеров на развитие экономики региона не вызывает сомнения. Еще в 2008 году в Стокгольме государства ЕС подписали Европейский кластерный меморандум, в котором кластеры были названы главной движущей силой европейской экономики и инноваций [1]. Стоит отметить, что концепция создания креативных кластеров была впервые предложена еще в 2000 году специалистом по городскому планированию Ч. Лэндри в работе «Креативный город» [2]. Исследователь в своих трудах упомянул о перспективах объединения творческих ресурсов людей и сообществ для формирования экономически и социально благополучной городской среды, подчеркнув положительные последствия такой интеграции. Позднее С. Эванс, куратор программы ЮНЕСКО «Креативные города», сформулировал понятие «креативный кластер» как сообщество креативно ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на закрытой территории.

И в настоящее время вопрос о развитии креативных кластеров является актуальным. Ученые со всего мира занимаются исследованием таких направлений, как влияния на валовой региональный продукт и добавленную стоимость, на занятость, развитие культурной инфраструктуры и туризма и пр. Так, Л. Альдианто и др. в своих трудах указывают на то, что кластеризация оказывает серьезное воздействие на стимулирование инноваций [3]. По их мнению, чтобы творческая индустрия не теряла своего потенциала по сравнению с другими отраслями, необходимо создавать интегрированные креативные кластеры, которые будут поддерживать эффективность отрасли в целом,

создавать преимущества и адаптировать инфраструктуру к особенностям развития региона. М. Бялич-Давендра и соавторы видят в развитии кластеров возможность повышения благосостояния и увеличения инвестиций в регионах, а также повышение конкурентоспособности компаний-участников кластера [4].

Интересное, на наш взгляд, мнение высказали Хунцзяо Л., Юнхэн Ф, Цзямиь Л. и Яцань Ч., утверждающие о существовании двустороннего влияния: «креативные кластеры играют важную роль в повышении экономической устойчивости регионов, а регионы с высокой экономической устойчивостью могут способствовать формированию кластеров» [5].

В России проблему развития креативных кластеров в экономике страны и региона ведущие ученые и практики поднимали уже давно. Однако на законодательном уровне поддержка кластеров со стороны государства была обозначена только в 2021 года в Концепции развития креативных (творческих) индустрий [6]. Стоит отметить, что данный документ является ключевым в обозначении приоритетов и направлений государственной политики в исследуемой отрасли. Он определяет цели, задачи и механизмы государственной поддержки креативных индустрий, включая создание креативных кластеров. В 2025 году также вступил в силу закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», в котором определены основы правового регулирования организации и развития креативных индустрий как базового сектора креативной экономики [7]. Следом за законом вышло Постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2025 года № 789, устанавливающее порядок признания территории креативным кластером, на которой расположены объекты недвижимости и инфраструктура для деятельности субъектов креативных индустрий, а также есть условия для создания, продвижения на внутреннем и внешнем рынках, распространения и (или) реализации креативных продуктов и развития человеческого потенциала [8]. Кроме того, в последние годы активизировалось правительство ряда регионов, разрабатывая и реализуя собственные программы поддержки креативных индустрий, в рамках которых так же предусматриваются меры по созданию и развитию креативных кластеров.

Однако, как показывает практика, не всегда процесс создания креативных кластеров становится успешным. Примером подобного результата, например, является креативный кластер на базе завода «Кристалл» в городе Калуга [9]. Изначальная идея была амбициозной, но проект столкнулся с проблемами управления, финансирования и привлечения действительно интересных резидентов. Часть помещений была отдана под офисы, не связанные с креативными индустриями, что размывало концепцию. Некоторые критики отмечали недостаточную проработку концепции и отсутствие четкой стратегии развития. Еще одним примером является проект креативного кластера в историческом здании на главной пешеходной улице Екатеринбурга. Изначально рассматривались территории завода «Уралмаш» и бывшего металлургического завода в Сысерти, но по разным объективным причинам эти локации не смогли участвовать в проекте [10].

Причин создания неудачных креативных кластеров множество. Это и недостаточно проработанная стратегия создания, слабые система управления и маркетинг, недостаточное финансирование, приводящее к плохому качеству инфраструктуры, отсутствию маркетинговой поддержки и неспособности привлечь интересных резидентов, отсутствие поддержки со стороны местных органов власти и др. Однако, среди исследуемых причин, по мнению авторов, стоит обратить особое внимание на следующую: слабый анализ особенностей региона, где планируется размещение кластера.

В процессе исследования было выявлено, что большинство ученых и практиков в первую очередь занимаются изучением особенностей создания креативных кластеров и их влиянием на экономику города или региона. Однако, крайне редко рассматривается вопрос об обосновании необходимости создания кластеров и определении их специализации на территории конкретного региона. При этом, как отмечает президент TCI Network К. Кетелса, при создании креативных кластеров необходимо «критически оценить активы региона, его ресурсную базу, чтобы понять свое место в картине будущих глобальных рынков и технологий... Кластерный подход действительно эффективен в том случае, если экономика региона диверсифицирована, в определенных отраслях уже накоплена критическая мас-

са, и кластер помогает полнее реализовать имеющийся потенциал» [11]. Подобной позиции придерживается С.С. Ипполитов, отмечая, что природное и культурное наследие региона «является тем базовым капиталом, на котором, как правило, строится и произрастает местная творческая индустрия» [12]. В своих трудах А.С. Ванюшкин также предпринимает попытку на основе анализа

характеристики региона определить отраслевую ориентацию на примере креативного кластера в Республике Крым [13]. Как отмечает ученый, «одним из ключевых факторов формирования кластеров, в т.ч. в сфере креативных индустрий, является связанность: внутренняя между участниками кластера и внешняя с другими ключевыми отраслями экономики региона».

Социально-экономические и инфраструктурные показатели для оценки потенциала региона

Направление	Показатели
<i>Социально-экономический потенциал</i>	
Экономическая структура	Диверсификация экономики
	Уровень развития креативных индустрий
	Инвестиционный климат
	Уровень развития рынка труда
	Поддержка со стороны властей
Социальная среда	Культурная инфраструктура
	Частота проведения культурных мероприятий
	Уровень качества жизни
	Активность гражданского общества
	Открытость и толерантность населения
Человеческий капитал	Численность и возрастная структура населения
	Образование (уровень развития системы образования)
	Наличие творческих кадров
	Предпринимательское сообщество
	Демографическая структура
<i>Инфраструктурный потенциал</i>	
Транспортная доступность	Уровень развития транспортной сети
	Внутригородская транспортная система
	Развитие пешеходной и велосипедной инфраструктуры
Коммуникационная инфраструктура	Доступная мобильная связь
	Доступный интернет
Деловая инфраструктура	Офисные помещения
	Выставочные площади
	Гостиницы и рестораны
Специализированная инфраструктура	Творческие пространства
	Производственные площадки
	Объекты культурного наследия
Городская среда	Благоустройство города
	Сохранение исторического наследия
	Развитие общественных пространств
	Доступность жилья

Источник: составлено авторами.

Несмотря на общий курс на создание креативных кластеров в регионах России, на наш взгляд, необходимо учитывать специфику каждого региона и понимать, что не везде создание кластера будет одинаково эффективным или даже возможным. Как отметила в своих выступлениях Е. Черкес-заде, директор Центра развития креативной экономики АСИ, «единого шаблона для создания кластеров не существует, все зависит от конкретного региона и его особенностей, возможностей и запросов со стороны творческого сообщества» [14].

Схожей позиции в своих трудах придерживается А.С. Ванюшкин. Для устойчивого развития региона, по мнению ученого, необходима взаимосвязь креативных кластеров «с отраслями экономики региона, имеющими наибольший вклад в валовый региональный продукт (ВРП). Связи креативной индустрии с ключевыми отраслями экономики региона могут оказаться продуктивными» [13].

Таким образом, при принятии решения о создании кластера необходимо провести анализ региона, где планируется его размещение. Группой специалистов в области креативных индустрий и городского планирования Сибирского центра дизайна была проведена экспертная оценка факторов, оказывающих влияние на создание и успешное функционирование креативных кластеров. Основным акцент был сделан на изучение двух направлений для анализа: социально-экономическом и инфраструктурном. По результатам оценки были определены и систематизированы показатели, представленные в таблице.

Актуальность комплексной оценки *социально-экономического потенциала* региона при создании креативных кластеров сложно переоценить. Эта оценка является фундаментальной основой для успешного планирования, реализации и устойчивого развития креативного кластера. Благодаря этому возможно точное определение актуальных направлений, выявление наиболее перспективных креативных отраслей для развития в конкретном регионе, учитывая его специфику и существующие конкурентные преимущества. А это, в свою очередь, позволяет более эффективно направлять инвестиции и ресурсы, избегая распыления средств на неэффективные проекты. Кроме того, понимание сильных и слабых сторон региональной экономики, социальной

среды и человеческого капитала позволяет минимизировать риски, связанные с созданием кластера. Зная о потенциальных проблемах, можно заранее разработать стратегии их преодоления.

В процессе социально-экономического анализа определяются факторы, которые необходимо улучшить или создать для формирования благоприятной экосистемы креативных индустрий, в том числе инфраструктуру, образование, правовую среду. В свою очередь, понимание потребностей и мотивации творческих людей позволяет создать условия, привлекательные для их проживания и работы в регионе, что критически важно для успешного развития креативного кластера, так как именно талантливые люди являются его движущей силой.

Каждый регион обладает уникальными характеристиками, которые необходимо учитывать при создании креативного кластера. Анализ позволяет адаптировать концепцию кластера к конкретным условиям региона, учитывая его культурное наследие, географическое положение, экономическую структуру и социальные особенности, а также какие уникальные конкурентные преимущества может предложить регион в сфере креативных индустрий. Это может быть наличие уникальных ресурсов, традиций, культурного наследия, квалифицированных специалистов и т.д.

Стоит отметить, что взаимодействие и сотрудничество между креативными индустриями и другими секторами экономики, такими как туризм, образование, информационные технологии и т.д., способствует созданию синергетического эффекта и повышению конкурентоспособности региона.

Второе направление связано с изучением инфраструктурного потенциала региона. Инфраструктура – не просто физические объекты, а сложная система, обеспечивающая функционирование креативного кластера и определяющая его конкурентоспособность. К базовым условиям для функционирования кластера следует отнести транспортную доступность, цифровизацию (интернет, связь и пр.), коммунальные услуги. Данные элементы обеспечивают доступность и комфорт кластера для резидентов, партнеров, клиентов и туристов. Это критически важно для привлечения резидентов, организации мероприятий и развития бизнеса.

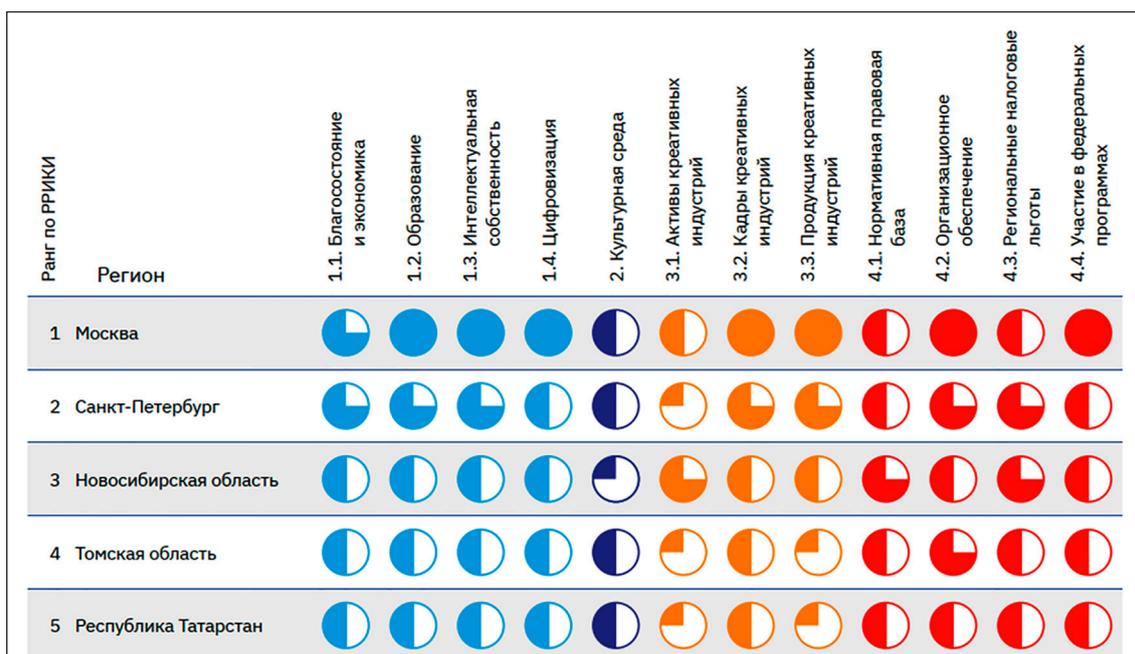

Рис.1 Рейтинг субъектов Российской Федерации по значению РРИКИ и региональные профили по рубрикам рейтинга: 2023
 Источник: результаты исследования Центра междисциплинарных исследований человеческого потенциала Высшей школы экономики [15]

Привлекательной средой для креативных кластеров могут сделать специализированные помещения, такие как студии, мастерские, выставочные залы, коворкинги, инфраструктура для отдыха и развлечений, доступность образовательных учреждений и жилья. Устойчивость кластера может обеспечить экологическая обстановка в регионе, развитая социальная инфраструктура (наличие детских садов, школ, больниц, поликлиник и других объектов), а также наличие инновационных объектов, таких как бизнес-инкубаторов, технопарков, центров трансфера технологий.

В контексте исследования объектом для апробации полученных данных был выбран город Томск. Стоит отметить, что Томск – это город, обладающий значительным потенциалом для успешного создания креативных кластеров. По результатам исследований, проведенных Научным центром междисциплинарных исследований человеческого потенциала Высшей школы экономики в 2023 году, город занял 4 место по уровню создания условий для развития креативных индустрий (рис.1). Однако в процессе работы основное внимание экспертами Сибирского центра дизайна было уделено не столько обоснованию возможно-

сти создания креативного кластера, сколько определению его специализации и основных направлений деятельности.

По результатам исследования к факторам, оказавшим существенное влияние на принятие решения о создании креативного кластера в городе и определении направлений деятельности, были отнесены следующие:

- высокая концентрация талантливых людей. Томск – крупный образовательный и научный центр с множеством университетов и исследовательских институтов. Следовательно, это молодежный город, а именно молодежь представляет собой самый творческий, открытый всему новому слой общества. Именно молодые творцы и экспериментаторы становятся активными создателями и потребителями продуктов и услуг креативной экономики. Кроме того, в университетах Томска реализуется множество программ, связанных с дизайном, архитектурой, искусством и другими креативными направлениями, что обеспечивает постоянный приток в кластер новых специалистов;

- развитая научно-исследовательская база. Наличие исследовательских институтов и лабораторий в городе способствует развитию инновационных технологий

и созданию новых продуктов, которые могут быть востребованы в креативных индустриях. Сотрудничество между университетами, научными организациями и бизнесом, в свою очередь, позволяет генерировать уникальные идеи и создавать конкурентоспособные креативные продукты;

- *богатая история и культура.* Томск – один из старейших городов Сибири с уникальной архитектурой, историческим наследием и культурными традициями. Наличие исторических зданий, музеев, театров и других культурных учреждений способствует формированию особой атмосферы и креативной среды, становится источником вдохновения для художников, дизайнеров, архитекторов и других представителей творческих профессий;

- *развитая инфраструктура.* В Томске имеется необходимая инфраструктура для развития креативных кластеров: офисные помещения, коворкинги, выставочные площадки, культурные центры и т.д. Транспортная доступность и наличие международного аэропорта облегчают взаимодействие с партнерами из других регионов и стран;

- *поддержка со стороны местных властей.* Важную роль играет политика местных властей, направленная на поддержку креативных индустрий. Администрация Томской области и города Томска активно поддерживают развитие и создание креативных кластеров. Предоставляются гранты, льготы и другие формы поддержки для

предпринимателей, работающих в этой сфере. Кроме того, создаются благоприятные условия для привлечения инвестиций в креативный сектор экономики.

С учетом вышеизложенного, в 2019 году было принято решение о создании креативного кластера «Пенаты». Миссией «Пенат» стала поддержка и развитие креативных индустрий в России и мире посредством реализации проектов, оказания консультационных услуг, поддержки представителей креативной молодёжи и сопровождения стартапов в сфере креативных индустрий. Целевой аудиторией с учетом специфики города были выбраны дети дошкольного возраста и их родители (досуг, развлечения), школьники (профориентация, экскурсии), студенты (стажировки, практики, дополнительное обучение), работающая молодёжь (реализация стартапов) и бизнес (заказ услуг у резидентов).

Кластер расположен в старинной усадьбе сибирского купца Родюкова, что позволяет органично сочетать масштабность и «дух предпринимательства». Он вмещает в себя четыре основные площадки: для культурных событий, креативное производство, общественное пространство и образовательные проекты (рис.2). Основными резидентами кластера являются: Сибирская школа бариста, декор-мастерская, керамическое пространство, швейный цех лаборатории моды и стиля, лаборатория проектирования и прототипирования.

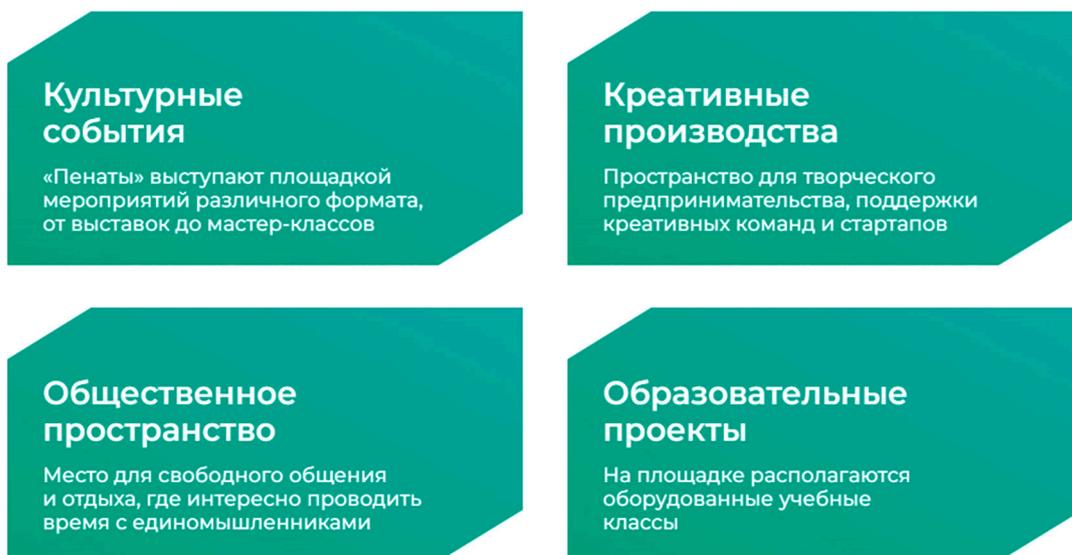

Рис.2 Структура креативного кластера «Пенаты»
Источник: составлено авторами

Стоит отметить, что в настоящее «Пенаты» активно и динамично развиваются. Кластер становится одновременно местом для творческой самореализации молодежи, бизнес-инкубатором и образовательной площадкой. Осуществляется активная работа по взаимодействию не только с представителями бизнеса, но и с университетами в части создания условий для формирования практических профессиональных компетенций обучающихся. Кластер не только стал «точкой притяжения» местных жителей и обучающихся студентов. О его успехах известно далеко за пределами региона. В 2023 году креативный кластер «Пенаты» стал первым и единственным кластером сети федеральных резиденций арт-кластера «Таврида.Арт» в Томской области. Участие в этом проекте позволяет кластеру «Пенаты» стать партнёрами разных организаций для реализации проектов арт-кластера «Таврида» по всей стране.

Заключение

Оценка потенциала городов при формировании креативных кластеров требует комплексного анализа множества факторов. Успешные креативные кластеры формируются

мируются в городах, которые обладают не только развитой экономикой, благоприятной социальной средой, но и развитой инфраструктурой и активной государственной поддержкой.

В рамках проведенного исследования было выявлено, что анализ социально-экономического и инфраструктурного потенциала региона позволяет не только обосновать необходимость создания креативных кластеров, но и определить их специфику и направления деятельности с учетом региональных особенностей.

Формирование креативного кластера «Пенаты» в Томске стало результатом сочетания нескольких факторов. Важную роль сыграли наличие университетов, развитая научно-исследовательская база, богатое культурное наследие, активное гражданское общество, а также поддержка со стороны местных властей. Развитая инфраструктура, наличие специализированных площадок и доступность жилья также способствовали формированию благоприятной среды для развития креативных индустрий. Анализ этих факторов помог лучше понять причины успеха кластера и разработать стратегии для его дальнейшего развития.

Библиографический список

1. The European Cluster Memorandum, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://silo.tips/download/the-european-cluster-memorandum> (дата обращения: 12.07.2025).
2. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2018. 400 с.
3. Aldianto L., Wirawan C., Anggadwita G., Nur Rizqi V. Integrated clustering of creative industries to foster innovation: Bandung's creative industries // International Journal of Entrepreneurial Venturing. 2020. Vol. 12(4). P. 420-438. DOI: 10.1504/IJEV.2020.109542.
4. Bialic-Davendra M., Bednár P., Danko L., Matošková J. Creative Clusters in Visegrad Countries: Factors Conditioning Cluster Establishment and Development // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2016. No. 32. P. 33–47. DOI: 10.1515/bog-2016-0013.
5. Hongjia L., Yongheng F., Jiamin L., Yaqian C. The Interaction of Cultural and Creative Industries Clusters and Regional Economic Resilience from the Perspective of Spatial Analysis. Sustainability. 2023. No.15(6). DOI: 10.3390/su15065542.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/136723/> (дата обращения: 18.07.2025).
7. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912> (дата обращения: 18.07.2025).
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2025 года № 789 «Об утверждении критериев признания территории креативным кластером и Правил признания территории креативным кластером» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020045?ysclid=mevpxho69684594422> (дата обращения: 18.07.2025).

9. Разумовский Д. Арт-пространство под крышей «Кристалла» не появится // Калуга.ТВ. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://kaluga24.tv/news/023758?ysclid=me0afcgjyi473384235> (дата обращения: 19.07.2025).
10. Реутова А. Уралмашу прописали креатив // Коммерсант. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4721752?ysclid=me0avxjddq413734129> (дата обращения: 19.07.2025).
11. Исланкина Е. Кристиан Кетелс о кластерах и умной специализации: «Приоритеты регионального развития должны иметь качественную доказательную базу» // Российская кластерная обсерватория ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://cluster.hse.ru/news/211276114.html> (дата обращения: 19.07.2025).
12. Ипполитов С.С. Творческие кластеры как драйвер роста региональных экономик // Вестник МГУ-КИ. 2021. № 3 (101). С. 152-167.
13. Ванюшкин А.С. Отраслевая структура перспективного креативного кластера в республике Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2023. Т. 9. № 1. С. 68-83.
14. Каневская П. Идея на миллион: как в России создают инфраструктуру для развития творческих индустрий // Газета.Ru. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2025/04/22/20915642.shtml?ysclid=md93bg9efz418558979> (дата обращения: 19.07.2025).
15. Боос В.О., Гершман М.А., Гохберг Л.М., Куценко Е.С., Остащенко Т.В. Рейтинг креативных регионов России // Научный дайджест. 2023. Спецвыпуск № 3. URL: <https://publications.hse.ru/books/880971306> (дата обращения: 17.07.2025).

УДК 332.1

А. М. Конорев

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск,
e-mail: konorev04@mail.ru

ОЦЕНКА ЦЕННОСТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, система традиционных ценностей, эффективный ответ, вызовы и угрозы, социальный регулятор, ценностная устойчивость, индекс ценностной устойчивости, ВРП.

В условиях современного мира, где глобальные вызовы и угрозы становятся все более актуальными. Необходимость обращения к традиционным ценностям приобретает особую важность. Глобализация, быстрое развитие технологий, изменение климата, социальные конфликты и экономическая нестабильность требуют от общества поиска глубоких принципов, на которых можно построить устойчивое будущее. Традиционные ценности могут стать ориентиром в условиях неопределенности. В кризисное время важно помнить о тех основах, на которых строится наше общество. Обращение к традиционным ценностям помогает сохранять социальную стабильность. Ценности служат основой для формирования идентичности, укрепляют связи в обществе и создают чувство принадлежности. В частности, ценности, связанные с семьей и сообществом, способствуют сплочению людей и помогают им преодолевать трудности вместе. В работе рассмотрена система традиционных духовно-нравственных ценностей российской цивилизации и дана оценка ценностной устойчивости региона на примере Курской области. Представлен индекс ценностной устойчивости региона и осуществлен его расчет. Проведен регрессионный анализ связи между ВРП и индексом. Сделаны выводы о стабильности социальных отношений в регионе и уровне его социально-экономического развития.

А. М. Konorev

Kursk State University, Kursk, e-mail: konorev04@mail.ru

ASSESSMENT OF THE VALUE SUSTAINABILITY OF THE REGION IN THE CONTEXT OF THE VALUE ORIENTATIONS OF THE RUSSIAN CIVILIZATION

Keywords: socio-economic development, traditional value system, effective response, challenges and threats, social regulator, value sustainability, value sustainability index, GRP.

In the conditions of the modern world, where global challenges and threats are becoming increasingly urgent. The need to turn to traditional values is becoming especially important. Globalization, rapid technological development, climate change, social conflicts and economic instability require society to search for deep principles on which to build a sustainable future. Traditional values can be a guide in times of uncertainty. In times of crisis, it is important to remember the foundations on which our society is built. Turning to traditional values helps maintain social stability. Values serve as the basis for the formation of identity, strengthen social ties and create a sense of belonging. In particular, values related to family and community help people to unite and overcome difficulties together. The paper examines the system of traditional spiritual and moral values of the Russian civilization and assesses the value sustainability of the region using the example of the Kursk region. The index of value sustainability of the region is presented and its calculation is carried out. A regression analysis of the relationship between GRP and the index is carried out. Conclusions are made about the stability of social relations in the region and level of its socio-economic development.

Введение

В настоящее время в условиях постоянного повышения уровня мировых угроз, обращенных непосредственно к российскому обществу и государству актуальной является проблема поиска эффективного ответа на соответствующие вызовы с целью противодействия негативному влиянию

на исторические, духовные, социально-экономические факторы развития российской цивилизации. В этой связи важно обратиться к традиционным ценностям российской цивилизации как фундаментальной культурной, духовной основе консолидации российского общества перед внешними угрозами [1, с.6059].

Исторически ценности взаимосвязаны с политической и философской деятельностью и иногда являются частью государственной идеологии, проводимой политики. В последние годы научным сообществом активизировано исследование базовых ценностей российских граждан [2, с. 8]. Базовые ценности способствуют формированию особых поведенческих практик и, соответственно, оказывают влияние на различные общественные процессы.

Цель исследования – оценка ценностной устойчивости региона на примере Курской области; изучение теоретико-методологических аспектов формирования системы современных традиционных ценностей российской цивилизации как фактора социально-экономического развития государства.

Материал и методы исследования

Информационной базой исследования послужили материалы научной периодической и неперiodической литературы, нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов Российской Федерации, результаты опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения. При написании работы применялись теоретические общенаучные методы исследования. Историко-сравнительный метод был использован при изучении особенностей формирования российских традиционных ценностей. Системный анализ применялся при анализе нормативно-правовых актов, с помощью метода классификации были выделены группы основных видов традиционных духовно-нравственных ценностей. С помощью регрессионного анализа установлена взаимосвязь между изменением индекса ценностной устойчивости и ВРП.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследователи с разных позиций подошли к определению базовых традиционных российских ценностей и процессу их становления.

Однако несмотря на различные подходы к определению сущности традиционных ценностей, базисные традиционные ценности представляют собой основные принципы и моральные ориентиры, которые формируют основу для нравственного и культурного поведения в обществе. К ним

относятся такие ценности, как семья, уважение к родителям, честность, взаимопомощь и солидарность [3, с. 613]. Семья играет центральную роль в передаче этих ценностей от поколения к поколению, обеспечивая поддержку и стабильность. Кроме того, традиционные ценности включают в себя патриотизм и уважение к культуре и традициям своего народа, что укрепляет национальную идентичность и способствует единству в многообразии [4, с. 21].

Российские традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности – это ценности, которые свойственны российской цивилизации и отмечены в целом комплексе нормативно-правовых документов Российской Федерации. Так, например, согласно статье 72 Конституции Российской Федерации в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» [5].

В Указе №808 отмечено, что одним из результатов реализации государственной культурной политики должно стать «содействие сбережению российских культурных ценностей, росту общественной ценности и повышению статуса семьи, утверждению традиционных семейных ценностей как основы личного и общественного благополучия» [6].

В соответствии со Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года приоритетная задача Российской Федерации в сфере воспитания детей состоит в развитии высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины [7].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации перечислены основные традиционные ценности: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [8].

Нормативно-правовое закрепление традиционных российских ценностей

№	Наименование нормативно-правового акта	Традиционные российские ценности
1.	Конституция Российской Федерации	Защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; достойное воспитание детей в семье, обязанность совершеннолетних детей заботиться о родителях
2.	Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»	Жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России
3.	Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	Приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины
4.	Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»	Ценность накопленного исторического и культурного опыта, эстетическая ценность архитектурной среды, социальная ценность просвещения, этическая ценность, общественная ценность и повышение статуса семьи
5.	Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 г. № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»	Повышение престижа семьи, отцовства и материнства

Источник: составлено автором по [5-9].

В соответствии с Указом №809 к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [9].

Анализ законодательных актов Российской Федерации позволил определить главные центральные ценности современной российской цивилизации: семья, историческая память, преемственность истории, историческое единство народов России. Указанные ценности отмечены практически во всех рассмотренных нормативных документах (таблица).

По итогам, проведенного ВЦИОМ опроса, россияне назвали аналогичные традиционные ценности, которые условно можно объединить в следующие 4 группы: семья,

патриотизм, гуманность и национальная культура и религия [10].

Таким образом, основной задачей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей является сбережение народа России, сохранение фундаментальных ценностей и принципов, на которых основано единство российского общества. Вместе с тем в целях эффективной реализации данной политики следует ориентироваться на изменение ценностной устойчивости определенной территории.

Ценностная устойчивость региона предполагает сбалансированное развитие в экономической, социальной и экологической сферах. Это достигается через реализацию экономических, социальных и экологических ценностей. Составляющие ценностной устойчивости базируются в первую очередь на реализации социальных ценностей, а именно сохранении культурно-исторического опыта и передаче его из прошлого в настоящее и будущее.

Компонентами ценностной устойчивости региона являются:

- история: уважение к памяти предков, историческое единство народа, общность исторической судьбы, традиционные ремесла, народные искусства;

- передача ценностей: преемственность культурно-исторического опыта, отраженно-го в системе ценностей, лежит в основе взаимодействия поколений. Механизм передачи включает в себя передачу культурных ориентиров, усвоение норм и предписаний старших поколений, выработку новых идеалов и принципов, соответствующих новым условиям;

- нормы поведения: традиции, которые включают комплекс норм поведения, форм сознания и институтов человеческого общения;

- уважение к природе: ответственность за ее сохранение перед будущими поколениями, защита и восстановление природы, бережливость в использовании природных богатств и ресурсов;

- преемственность в управлении: исторически сложившееся государственное единство, гражданское участие в управлении.

Оценка стабильности социальных отношений в регионе осуществляется с помощью индекса ценностной устойчивости. Индекс ценностной устойчивости региона – это комплексный показатель, который отражает степень устойчивости определенного региона к различным социальным, экономическим и экологическим вызовам. Создание и использование такого индекса позволяет исследовать и оценивать, насколько эффективно регион справляется с вызовами, такими как экономические кризисы, экологические проблемы, миграционные потоки и другие факторы, способные нарушить общественную гармонию. Индекс ценностной устойчивости выступает инструментом для государства и организаций, работающих в регионе, позволяя им лучше понимать потребности местного населения и выстраивать стратегии на основе данных о ценностных ориентирах и приоритетах сообщества.

Для оценки уровня ценностной устойчивости региона автором был разработан соответствующий индекс, который обобщает такие социально-экономические категории как сохранение исторической памяти, преемственность культурно-исторического опыта, соблюдение норм поведения и бережное отношение к природе. В качестве количественных показателей за основу взя-

ты число посещений историко-культурных памятников (музеев), расходы регионально-го бюджета на образование, количество совершенных правонарушений и затраты областного бюджета на охрану окружающей среды. Исходя из уровня значимости для населения традиционных ценностей и используя метод расстановки приоритетов количественным показателям присвоены соответствующие весовые коэффициенты: 0,3, 0,4, 0,2 и 0,1. Проведенный факторный анализ подтвердил данный вывод. Коэффициентами модели соответственно стали значения 0,3, 0,099, 0,4 и -0,199. Таким образом формула индекса ценностной устойчивости региона (ИЦУР) имеет вид:

$$\text{ИЦУР} = 0,3\text{М} + 0,4\text{О} + 0,1\text{Э} - 0,2\text{П} \quad (1)$$

где ИЦУР – индекс ценностной устойчивости региона;

М – число посещений историко-культурных памятников (музеев);

О – расходы регионального бюджета на сферу образования;

Э – затраты областного бюджета на охрану окружающей среды;

П – темп прироста совершенных правонарушений;

Приведение различных социально-экономических показателей к общей шкале было осуществлено с помощью методов нормализации. В результате расчета индекса было установлена положительная динамика изменения индекса ценностной устойчивости региона. В соответствии с рисунком 1 за исследуемый период с 2014 года по 2023 год индекс (ИЦУР₀) увеличился в 5,7 раза. Следует отметить, что, начиная с 2014 года были приняты основные федеральные законы, регламентирующие государственную политику в сфере сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Анализ чувствительности изменения весовых значений на 25% показал значительный рост индекса в 10,3 раз в случае повышения весового коэффициента по числу посещений историко-культурных памятников.

При аналогичном повышении весовых коэффициентов при расходах на образование и на охрану окружающей среды ИЦУР возрастет в 6,5 и 6,2 раза соответственно. В соответствии с рисунком 2 изменение весовых коэффициентов на 25% в обратную сторону демонстрирует снижение темпов роста ИЦУР в случае уменьшения коэффициента при расходах на образование (с 5,6 до 5 раз).

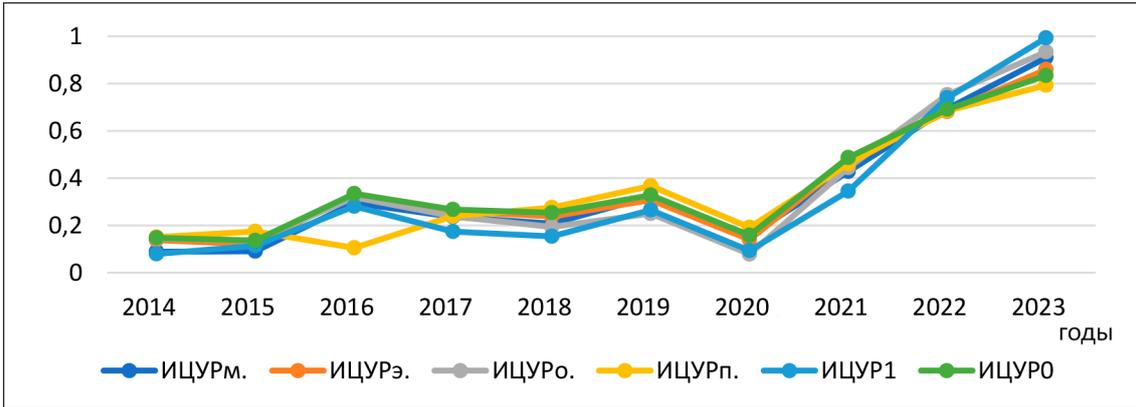

Рис. 1. Динамика индекса ценностной устойчивости региона при повышении весовых значений на 25%
Источник: составлено автором

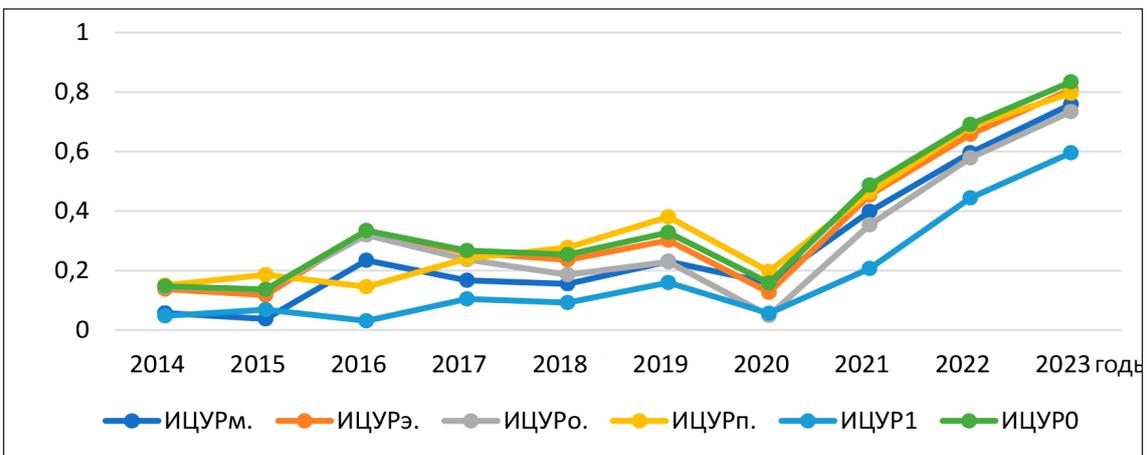

Рис. 2. Динамика индекса ценностной устойчивости региона при уменьшении весовых значений на 25%
Источник: составлено автором

Рис. 3. Динамика ВРП и индекса ценностной устойчивости Курской области
Источник: составлено автором

Последующий анализ устойчивости ранжирования ИЦУР был проведен с помощью расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена. При оценке силы связи между ИЦУР и его параметрами было установлено, что наивысшее влияние на ИЦУР оказывает изменение весового коэффициента объема расходов регионального бюджета на сферу образования – коэффициент Спирмена составил 0,66 и 0,63 при повышении и уменьшении весового значения на 25%. Наиболее тесная зависимость между ИЦУР и параметрами обнаружена аналогично при изменении весовых коэффициентов затрат на охрану окружающей среду и числа посещений историко-культурных памятников. Коэффициент Спирмена составил 0,52 и 0,43 соответственно при повышении на 25% весовых значений. Наименьшее значение коэффициента Спирмена (0,08) показано при оценке влияния темпов прироста совершенных правонарушений на ИЦУР.

За анализируемый период наблюдается сбалансированное развитие и в экономической сфере. В соответствии с рисунком 3 с 2014 по 2023 годы ВРП Курской области увеличился в 2,5 раза.

Исследование регрессионной связи между темпами роста ВРП региона и индексом ценностной устойчивости показало наличие такой зависимости. Коэффициент детерминации составил 74,9%. Стационарность рядов была исследована с помощью ADF-теста (расширенного теста Дики-Фуллера). Уровни значимости по рядам ИЦУР и ВРП составили – 0,01 и 0,06 соответственно, что свидетельствует о стационарности рядов. Тест Дарбина-Уотсона продемонстрировал наличие положительной автокорреляции между рядами. Значение полученного критерия – 0,9. Стандартные ошибки, непротиворечивые гетероскедастичности и автокорреляции (HAC-SE) составили по рядам 0,075 и 49160,1 соответственно. Анализ структурных сдвигов был осуществлен с использованием теста Чоу. При построении регрессионных моделей

были взяты данные в период по 2019 год и с 2020 года. Рассчитанная F-статистика (-21,1) оказалась меньше критического значения (0,8), что говорит об отсутствии значимых доказательств в наличии разрыва. Снижение индекса в 2020 году объясняется снижением большинства социально-экономических показателей в связи с уменьшением экономической активности в тот период. Вместе с тем, проведенный анализ демонстрирует наличие достаточно устойчивой взаимосвязи между ВРП региона и индексом ценностной устойчивости.

Заключение

Результаты оценки ценностной устойчивости Курской области свидетельствуют о стабильности социальных отношений в регионе и достаточном уровне развития социальной сферы. Положительная динамика повышения ценностной устойчивости сохраняется на протяжении последних 10 лет.

Следует отметить особую роль государства в формировании и защите традиционных духовно-нравственных ценностей. Задача государства в данном контексте заключается в сбережении и развитии человеческого капитала, сохранении культурных и духовных традиций общества. Рассматриваемые ценности с одной стороны укрепляют влияние государственной власти, а с другой – являются фактором социально-экономического развития государства и могут выполнять функцию социального регулирования. Однако ценности не могут быть придуманы, они сформированы в течение многолетнего исторического периода, присущи определенной общности и выявляются путем исследования истории функционирования государства.

Таким образом, духовно-нравственные ценности могут выполнять роль социальных регуляторов, на которые государственные органы должны обращать внимание при проведении мероприятий, направленных на культурное, духовное, социальное и экономическое развитие государства.

Работа выполнена в рамках государственного задания FZRF-2023-0028 «Институциональная эволюция архитектуры финансовой модели развития социальной сферы в контексте ценностных ориентиров российской цивилизации в условиях геополитических вызовов и угроз».

Библиографический список

1. Артемов В.А., Кривошлыков В.С., Конорев А.М. Роль ценностных ориентиров при определении направлений трансформации системы финансирования социальной сферы // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 12. С. 6059-6070. DOI: 10.18334/ep.13.12.120221. EDN: ZXDQFR.
2. Багдасарян В.Э. Традиционные ценности и новое мировоззренческое строительство в России: проблемы и решения // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 8-25. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-8-25. EDN: EVATJS.
3. Massenberг J.R., Hansjürgens B., Lienhoop N. Social values in economic environmental valuation: A conceptual framework. Environmental Values. 2023. Vol. 32. No. 5. P. 611-643. DOI: 10.3197/096327123x16702350862728.
4. Дахин А.В., Мозгунова Е.А. Основы российской государственности. Социальная система: учебник для вузов. М: Юрайт, 2025. 176 с. ISBN 978-5-534-18106-7. URL: <https://urait.ru/bcode/568754> (дата обращения: 29.05.2025).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). Москва: Эксмо, 2025. 320 с. ISBN 978-5-04-180882-2.
6. Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации № 808. (подписан Президентом РФ 24.12.2014 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 29.05.2025).
7. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 996-р. (подписано Председателем Правительства РФ 29.05.2015 г.). URL: <http://government.ru/docs/all/133920/> (дата обращения: 29.05.2025).
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 400 (подписан Президентом РФ 02.07.2021 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 29.05.2025).
9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации № 809 (подписан Президентом РФ 09.11.2022 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.05.2025).
10. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Москва. 28.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 29.05.2025).

УДК 334.7

Л. Н. Косова

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
Москва

Ю. А. Косова

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
Москва, e-mail: kopi27@mail.ru

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ – СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: экономика, специализация деятельности, кластер, регион, система, связи, конкурентоспособность, отрасль, анализ, данные, концентрация, территория, развитие.

В статье представлены результаты исследования современных трендов процесса кластеризации в национальной экономической системе Российской Федерации. Авторы сформулировали и подтвердили гипотезу, что высокоразвитые кластеры могут быть организованы на территории имеющей достаточно высокий уровень развития инфраструктуры и привлекательные условия государственного регулирования органами государственного и муниципального управления экономического режима работы компаний. Проведенный анализ развития процесса кластеризации базируется на выборке кластеров зарегистрированных в базе данных «карта кластеров России» подготовленной Российской кластерной обсерватории ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, открытой для широкого доступа. Анализ проведен по нескольким аспектам: концентрация кластеров по регионам, по уровню развития кластеров, по принадлежности к территории, по специализации деятельности. Построены рейтинги уровня развития кластеров по Федеральным округам и по принадлежности конкретной территории. Структурирование кластеров по территориальному признаку позволило отразить направления экономического развития территории и современные тренды изменения специализации экономического развития региона. Также результаты исследования продемонстрировали новые тенденции в экономической деятельности на региональном уровне, активизация таких направлений как услуги образовательные, туристические, консалтинговые. Кластеры, включенные в базу данных структурированы по уровню развития на высокие, средние и начальные, 72% кластеров этой выборки относятся к категории начальные, что подтверждает активность процесса формирования нового вида объединения компаний кластер, обеспечивающий организационную структуру в виде управляющей компании, выполняющую функции интеграции деятельности, формирования устойчивых горизонтальных связей на региональном уровне.

L. N. Kosova

Lebedev Russian State University of Justice, Moscow

Yu. A. Kosova

Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, e-mail: kopi27@mail.ru

CLUSTERING IS A MODERN APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMIC SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Keywords: economics, specialization of activity, cluster, region, system, communications, competitiveness, industry, analysis, data, concentration, territory, development.

The article presents the results of a study of current trends in the clustering process in the national economic system of the Russian Federation. The authors formulated and confirmed the hypothesis that highly developed clusters can be organized in a territory with a sufficiently high level of infrastructure development and attractive conditions for state regulation by state and municipal authorities of the economic regime of companies. The analysis of the clustering process is based on a sample of clusters registered in the database "Cluster map of Russia" prepared by the Russian HSE ISIEZ Cluster Observatory, which is open to the public. The analysis was carried out in several aspects: the concentration of clusters by region, by the level of cluster development, by belonging to the territory, and by specialization of activity. Ratings of the level of cluster development by Federal Districts and by belonging to a specific territory are constructed. The structuring of clusters on a territorial basis made it possible to reflect the directions of the economic development of the territory and current trends in the specialization of the economic development of the region. The results of the study also demonstrated new trends in economic activity at the regional level, the activation of such areas as educational, tourism, and consulting services. The clusters included in the database are structured according to the level of development into high, medium and new, 72% of the clusters in this sample belong to the new category, which confirms the activity of the process of forming a new type of association of companies, a cluster providing an organizational structure in the form of a management company that performs the functions of integrating activities, forming stable horizontal links at the regional level.

Введение

Современный постиндустриальный этап развития экономики характеризуется изменением ключевых факторов, определяющих уровень развития, это природные ресурсы, общая численность и квалификация трудовых ресурсов, финансовые ресурсы, технологии и технические средства, информация и информационные технологии, административная структура, государственная экономическая политика управления. Экономика страны как государства, представляет системный объект, который определяется следующими характеристиками: элементы системы, подсистемы, виды связи; свойства устойчивости и адаптивности; параметры развития системы, показатели динамики изменения. Национальная экономическая система РФ в соответствии с административным делением состоит из восьми региональных подсистем, объединенных связями, формируемыми государственной политикой управления экономикой. Все восемь федеральных округов имеют различные характеристики: географическо-климатические, материальные ресурсы по видам полезных ископаемых, количество населения, проживающего на территории, структура населения по профессиональной специализации и образованию, этнокультурные особенности населения, религиозные традиции, уровень развития инфраструктуры.

В современных условиях рыночных отношений развития экономики страны эти объективные и субъективные характеристики являются причиной различного уровня экономического развития региональных

подсистем и как следствие разного уровня жизни населения этих регионов.

Цель исследования – провести анализ современных тенденций развития кластеров в экономике регионов страны, концентрации кластеров по территории и их влияние на специализацию экономического развития региона.

Гипотеза – определяющими факторами экономической специализации кластеров в национальной экономике РФ является исторически сформированный профиль специализации региона и форма финансирования деятельности организаций входящих в состав кластера.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено на базе открытых источников информации научного и информационного характера, научные публикации, базы данных, статистика, нормативные документы.

Результаты исследования и их обсуждения

Основные положения регламентирующие процессы организации кластеров и задачи были сформулированы в документах: Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 N 488-ФЗ (последняя редакция) [1] и распоряжении правительства. Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 N 1512-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года» [2].

Таблица 1

Рейтинг Федеральных округов по формированию кластеров

Рейтинг ФО по количеству и статусу кластеров	Название федерального округа	Всего	Высоких	Средних
1	ЦФО	29	1	5
2	СЗФО	23	2	4
3	ПФО	22	5	7
4	СФО	18	1	6
5	ЮФО	13	0	0
6	УФО	6	0	0
7	ДФО	3	0	0
8	СКФО	0	0	0

Источник: составлено авторами на основании данных Официального сайта Российской кластерной обсерватории ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Проект ВШЭ «Карта кластеров России» [3].

Таблица 2

Рейтинг кластеров высокого уровня развития по Федеральным округам

Рейтинг кластеров высокого уровня по ФО	Количество кластеров	Название федерального округа	Название территории	Специализация кластера	Историческая экономическая специализация
1	1	ПФО	Ульяновская область	Ядерные и радиационные технологии	Автомобилестроение и авиастроение.
1	1	ПФО	Ульяновская область	Авиастроение	Автомобилестроение и авиастроение.
1	1	ПФО	Республика Башкортостан	Химическое производство	Нефтедобывающая промышленность, химическая промышленность, машиностроение.
1	1	ПФО	Республика Татарстан	Автомобилестроение и производство автокомпонентов	Нефтедобывающая промышленность, нефтеперерабатывающая, химическая промышленность, машиностроение и легкая промышленность. Сельское хозяйство.
1	1	ПФО	Удмуртская республика	Оборонная промышленность	Оборонная промышленность, машиностроение и металлообрабатывающая отрасли
2	1	СЗФО	СПБ	Информационно-коммуникационные технологии	Машиностроение, судостроение, металлургия, оборонная промышленность, научные исследования и культурный центр
2	1	СЗФО	СПБ	Защита окружающей среды и переработка отходов	Машиностроение, судостроение, металлургия, оборонная промышленность, научные исследования и культурный центр
3	1	СФО	Новосибирская область	Информационно-коммуникационные технологии	Машиностроение и металлообработка, пищевая, химическая и строительная промышленность. Научные исследования.
3	1	ЦФО	Калужская область	Фармацевтика	Машиностроение, металлообрабатывающая отрасль, химическая промышленность и легкая промышленность.
Всего	9				

Источник: составлено авторами на основании данных официального сайта Российской кластерной обсерватории ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Проект ВШЭ «Карта кластеров России» [3].

Таблица 3

Рейтинг кластеров среднего уровня развития по Федеральным округам

Рейтинг кластеров высокого уровня по ФО	Количество кластеров	Название федерального округа	Название территории	Специализация кластера	Историческая экономическая специализация
1	1	ПФО	Республика Мордовия	Микроэлектроника и приборостроение	Пищевая промышленность, машиностроение, производство светотехнической и силовой полупроводниковой техники. Сельское хозяйство: растениеводство и животноводство
1	1	ПФО	Республика Татарстан	Автомобилестроение и производство автокомпонентов	Нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, химическая промышленность, машиностроение, легкая промышленность. Сельское хозяйство.
1	1	ПФО	Республика Татарстан	Защита окружающей среды и переработка отходов	Нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, химическая промышленность, машиностроение, легкая промышленность. Сельское хозяйство.
1	1	ПФО	Пензенская область	Медицинская промышленность	Машиностроение, приборостроение, пищевая промышленность и целлюлозно-бумажная промышленность
1	1	ПФО	Пермский край	Космическая промышленность	Топливо-энергетический комплекс, нефтехимическая промышленность, машиностроение, лесная промышленность, пищевая промышленность.
1	1	ПФО	Пермский край	Оптика и фотоника	Топливо-энергетический комплекс, нефтехимическая промышленность, машиностроение, лесная промышленность, пищевая промышленность.
1	1	ПФО	Самарская область	Космическая промышленность	Машиностроение, нефтеперерабатывающая и химическая промышленность, электроэнергетика, металлургия
2	1	СФО	Алтайский край	Фармацевтика	Производство зерновых, гречихи, сахарной свеклы, перерабатывающая промышленность, связанная с сельским хозяйством, машиностроение выпускавшее сельскохозяйственную технику.
2	1	СФО	Алтайский край	Производство машин и оборудования (в т.ч. станков и спецтехники, подъемного и гидропневматического оборудования, роботов)	Производство зерновых, гречихи, сахарной свеклы, перерабатывающая промышленность, связанная с сельским хозяйством, сельскохозяйственное машиностроение
2	1	СФО	Алтайский край	Производство электроэнергии и электрооборудования	Производство зерновых, гречихи, сахарной свеклы, перерабатывающая промышленность, связанная с сельским хозяйством, сельскохозяйственное машиностроение
2	1	СФО	Алтайский край	Новые материалы	Производство зерновых, гречихи, сахарной свеклы, перерабатывающая промышленность, связанная с сельским хозяйством, сельскохозяйственное машиностроение
2	1	СФО	Алтайский край	Химическое производство	Производство зерновых, гречихи, сахарной свеклы, перерабатывающая промышленность, связанная с сельским хозяйством, сельскохозяйственное машиностроение
2	1	СФО	Кемеровская область	Защита окружающей среды и переработка отходов	Угольная и металлургическая отрасли

Окончание табл. 3

Рейтинг кластеров высокого уровня по ФО	Количество кластеров	Название федерального округа	Название территории	Специализация кластера	Историческая экономическая специализация
3	1	ЦФО	Липецкая область	Производство машин и оборудования (в т.ч. машиностроение, металлообработка)	Черная металлургия, машиностроение и пищевая промышленность
3	1	ЦФО	Липецкая область	Производство машин и оборудования (в т.ч. станков и спецтехники, подъемного и гидравлического оборудования, роботов)	Черная металлургия, машиностроение и пищевая промышленность
3	1	ЦФО	Москва	Микроэлектроника и приборостроение	Машиностроение, электротехника, приборостроение, медицинская аппаратура, автомобилестроение
3	1	ЦФО	Москва	Медицинская промышленность	Машиностроение, электротехника, приборостроение, медицинская аппаратура, автомобилестроение
3	1	ЦФО	Московская область	Промышленные биотехнологии (производство продуктов на основе ферментов и микроорганизмов для последующего использования в химической отрасли, здравоохранении, производстве пищевых продуктов и кормов, моющих средств, бумаги и целлюлозы, текстильных изделий, а также в биоэнергетике)	Машиностроение, металлообработка, химическая, легкая и пищевая промышленность. Производство овощей, картофеля, молочное животноводство, птицеводство.
4	1	СЗФО	Архангельская область	Лесоводство и деревообработка; целлюлозно-бумажное производство	Лесной комплекс, деревообработка, целлюлозно-бумажная промышленность, рыбная промышленность, судостроение, разработка природных ресурсов, развивалась добыча алмазов и углеводородного сырья. Крупный порт и транспортный узел
4	1	СЗФО	Архангельская область	Судостроение	Лесной комплекс, деревообработка, целлюлозно-бумажная промышленность, рыбная промышленность, судостроение, разработка природных ресурсов, развивалась добыча алмазов и углеводородного сырья. Крупный порт и транспортный узел
4	1	СЗФО	Вологодская область	Информационно-коммуникационные технологии	Металлургия, деревообработка, химическая промышленность. Кружевоплетение, чернение по серебру и роспись по эмали.
4	1	СЗФО	СПб	Фармацевтика	Машиностроение, судостроение, металлургия и производство оборонной продукции, научные исследования, культурный центр
Всего	22				

Источник: составлено авторами на основании данных официального сайта Российской кластерной обсерватории ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Проект ВШЭ «Карта кластеров России» [3].

Изучение информации о количестве кластеров в стране показало, что данные по количеству существующих на 2025 год кластеров разнятся и единой цифры зарегистрированных работающих кластеров не удалось найти в открытых источниках. Для достижения поставленной цели исследования наиболее репрезентативной выборкой 114 кластеров является информация, собранная в проекте ВШЭ и представленная в форме структурированной по различным признакам базы данных «Карта кластеров России». В рамках проведенного исследования определен рейтинг регионов по степени концентрации, уровню развития и специализации кластеров по сфере экономической деятельности [3].

Количественный анализ представленной выборки показывает, что по общей величине сформированных кластеров лидируют два федеральных округа это ЦФО и СЗФО, по уровню развития кластеров первый и второй рейтинг занимают ПФО и СФО.

Анализ кластеров высокого и среднего статуса развития показал, что промышленные кластеры сформированы на базе отраслевых предприятий, работающих со времен Советского Союза. Как правило два варианта развития, первый это полная преемственность отраслевой специализации, второй это расширение сферы деятельности или новое направление в рамках базовой специализации. Исключением является пример развития Алтайского края. Специализация советского периода производство зерновых, гречихи, сахарной свеклы, перерабатывающая промышленность, связанная с сельским хозяйством, машиностроение, выпускавшее сельскохозяйственную технику.

На современном этапе развития в регионах сформированы кластеры статус «высокий» по следующим направлениям: ядерные и радиационные технологии, авиастроение, химическое производство, автомобилестроение и производство автокомпонентов, оборонная промышленность, информационно-коммуникационные технологии, защита окружающей среды и переработка отходов, фармацевтика.

В этой группе доля кластеров специализация, которых отличается от ранее существовавшей экономической специализации составила 22%.

Кластеры статус «средний» имеют экономическую специализацию по следующим направлениям: автомобилестроение и про-

изводство автокомпонентов, защита окружающей среды и переработка отходов, информационно-коммуникационные технологии, космическая промышленность, лесоводство и деревообработка; целлюлозно-бумажное производство, медицинская промышленность, микроэлектроника и приборостроение, новые материалы, оптика и фотоника, производство машин и оборудования (в т.ч. машиностроение, станков и спецтехники, подъемного и гидropневматического оборудования, роботов, металлообработка), производство электроэнергии и электрооборудования, промышленные биотехнологии (производство продуктов на основе ферментов и микроорганизмов для последующего использования в химической отрасли, здравоохранении, производстве пищевых продуктов и кормов, моющих средств, бумаги и целлюлозы, текстильных изделий, а также в биоэнергетике), судостроение, фармацевтика, химическое производство.

В анализируемой группе кластеров есть примеры территорий, где созданы кластеры по новым для территории направлениям экономической специализации, таким как: образовательные услуги, информационно-коммуникационные технологии, защита окружающей среды и переработка отходов, медицинская промышленность, оптика и фотоника, фармацевтика, новые материалы. (см. табл.3). В этой группе доля кластеров с изменением исторической специализации составила 50%

Группа кластеров, имеющих статус «начальный», включает 83 кластера из этой выборки. Лидерами в этой группе являются ЦФО – 23 кластера, СЗФО – 17 кластеров, ЮФО – 13 кластеров, СФО – 11 кластеров, УФО – 6 кластеров и ДФО – 3 кластера. СКФО 0 кластеров.

Для кластеров этой группы характерны такие же тенденции, как и в первых двух группах по промышленным кластерам, расширение сферы деятельности в рамках существующей отраслевой специализации. Новыми направлениями по сравнению с первыми двумя группами являются: производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий, туризм (индустрия развлечений и отдыха, искусство, спорт), сельское хозяйство и рыболовство, бизнес-услуги (финансы и страхование; консалтинг в области права, бухгалтерского учета, управления; реклама; охрана; аренда и лизинг; обслуживание помещений; операции с не-

движимостью), производство текстильных изделий, одежды, обуви, изделий из кожи). Еще есть интересный тренд большая частотность кластеров по направлениям: новые материалы, фармацевтика, информационно-коммуникационные технологии.

Анализ группы кластеров статус «начальный» показывает, что активизация развития регионов идет в рамках расширения предметной области традиционной специализации и в новых направлениях. Изменяется структура национальной экономической системы, продуктивными для инвестирования сферами деятельности становятся легкая промышленность, пищевая, табачная, фармацевтика и медицинское оборудование, информационные технологии, сфера туризма и развлечений, консалтинговые услуги в сфере финансов и менеджмента, образовательные услуги.

Кластеризация используется при управлении территориальными единицами, а на современном этапе одним из наиболее важных элементов является возможность увеличения скорости обмена информацией между всеми институциональными субъектами экономических отношений, в том числе и органами управления национального уровня, органами управления территориального уровня и гражданами. Государственное управление территориального уровня, к которому относятся кластеры, автономно от федеральных органов власти, поэтому информационное обеспечение при принятии решений учитывает специфику и особенности региона [5]. Однако при оценки эффективности государственного управления территориями четвертого поколения показатели учитывают «способности муниципальных и региональных органов государственной власти эффективно использовать средства привлекая частные инвестиции в развитие технологий и инноваций» [4]. На сегодняшний день кластеры способны противостоять проблемам общества, которые оказывают негативное влияние на граждан, события их жизни и факторы прямого и косвенного воздействия [6].

Отметим, что необходим системный подход, так как на развитие территорий влияют еще и инновационные циклы. Поэтому рекомендовано рассматривать и сетевой подход для дальнейшего стимула сбалансированного развития региона [7]. Тогда и федеральный уровень воспримет позитивный сигнал.

Заключение

Результаты проведенного анализа процесса кластеризации хозяйствующих субъектов национальной экономической системы позволяют сделать следующие выводы. В экономике нашей страны также как в мировой экономике развивается новая форма интеграции деятельности организаций в форме кластеров. Проведенное исследование подтверждает гипотезу, что промышленные кластеры высокого уровня развития формируются в тех территориях, которые имеют достаточный экономический потенциал в большой исторической ретроспективе, доля кластеров этого статуса сохраняющих экономическую специализацию – 78%.

Кластер как организационно-административная форма взаимодействия группы компаний, формирует новые потенциальные возможности, укрепление горизонтальных связей, дополнительные финансовые возможности: государственная поддержка в части налоговой политики, инвестиционной политики финансирования по государственным программам федерального и регионального уровня. Формирование кластера на базе крупной компании создает синергетический эффект повышению конкурентоспособности и финансовой устойчивости для всей группы компаний кластера.

В нашей стране процесс кластеризации имеет несколько форм. Первая форма – традиционный подход объединение по признаку локации размещения компаний и организаций в комплекс, обеспечивающий укрепление горизонтальных связей подсистемы региона и кооперирование по функциональному признаку. Второй вариант объединение в кластер связанных технологически по цепочке ценности компаний или обеспечивающих связанные потребности, профессиональный рост персонала, научные разработки, находящиеся в разных локациях по размещению. Третий вариант международный кластер, объединяющий компании разных стран, имеющих единые цели кооперации ресурсов или единый технологический процесс.

Влияние процесса кластеризации на изменение структуры национальной экономики в последнее десятилетие подтверждается структурой базы данных кластеров проекта ВЦЭ, 72% выборки представляют кластеры категории «начальные». Именно в этой группе кластеров отмечена наибольшая доля кластеров новой экономиче-

ской специализации, что позволяет сделать предположение о влиянии двух факторов: целеполагания стратегии развития национальной экономики и частных инвестиций. Развитие процесса кластеризации повышает

финансовые ресурсы региональных подсистем и позволяет активизировать формирование объединений компаний для развития новых экономических направлений и традиционных отраслевых специализаций.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 N 488-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 14.07.2025).
2. Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 N 1512-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354707 (дата обращения: 14.07.2025).
3. Официальный сайт Российской кластерной обсерватории ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Проект ВШЭ «Карта кластеров России». URL: <https://map.cluster.hse.ru/list> (дата обращения 12.07.2025).
4. Беданок М.К., Машинина Н.Г. Кластерный подход к развитию региональной экономики // Новые технологии. 2012. № 2. С. 123-130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasternyy-podhod-k-razvitiyu-regionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 20.07.2025).
5. Безденежных Т.И., Макенов М.М. Социально-экономическое развитие регионов России: проблемы и пути решения // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 3 (438). С. 541-552. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-regionov-rossii-problemy-i-puti-resheniya/viewer> (дата обращения: 14.07.2025).
6. Даванков А.Ю., Косарева Г.А., Кочеров А.В. Повышение надежности механизма проектирования сбалансированного развития территориальной социо-эколого-экономической системы // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 3. С. 511-524. DOI: 10.24891/re.15.3.511.
7. Исрафилов Н.Н. Стимулирование привлечения частных инвестиций в инфраструктуру особых экономических зон // Вопросы экономики и права. 2011. № 11. С. 113-116. URL: https://www.law-journal.ru/wp-content/uploads/201111_113.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

УДК 336.6

С. В. Кривошапова

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Владивосток

В. К. Калининчева

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Владивосток

О. С. Чертова

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Владивосток,
e-mail: Chertova_olya@edu.vvsu.ru

АНАЛИЗ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: финансовая безопасность, финансовое состояние, ликвидность, платежеспособность, рентабельность, финансовые риски.

В исследовании рассматривается, какую роль играет анализ финансового состояния предприятия в поддержании его устойчивости и защите от возможных рисков. Основное внимание уделено таким характеристикам, как финансовая устойчивость, ликвидность и платежеспособность, поскольку именно они позволяют вовремя выявить слабые места в работе компании. Подробно описаны подходы к анализу: коэффициентный метод, сопоставление динамики ключевых показателей, а также оценка факторов внутреннего и внешнего характера. К внутренним угрозам можно отнести нерациональное использование ресурсов или чрезмерную долговую нагрузку, к внешним – экономические спады и изменения в законодательстве. Подчеркивается, что системный мониторинг финансовых данных, дает возможность заранее заметить угрозы и принять обоснованные управленческие решения. Результаты исследования демонстрируют, что регулярный анализ отчетности снижает вероятность кризисных ситуаций и повышает шансы компании на стабильное развитие.

S. V. Krivoshapova

Vladivostok State University, Vladivostok

V. K. Kalinicheva

Vladivostok State University, Vladivostok

O. S. Chertova

Vladivostok State University, Vladivostok, e-mail: Chertova_olya@edu.vvsu.ru

ANALYSIS OF THE FINANCIAL CONDITION OF THE ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF FINANCIAL SECURITY

Keywords: financial security, financial condition, liquidity, solvency, profitability, financial risks.

The study examines the role of financial analysis in maintaining the stability of a company and protecting it from potential risks. The main focus is on characteristics such as financial stability, liquidity, and solvency, as these are the factors that enable the timely identification of weaknesses in a company's operations. The approaches to analysis are described in detail: the ratio method, comparison of key indicator dynamics, and assessment of internal and external factors. Internal threats include irrational use of resources or excessive debt burden, while external threats include economic downturns and changes in legislation. It is emphasized that systematic monitoring of financial data makes it possible to identify threats in advance and make informed management decisions. The results of the study demonstrate that regular analysis of financial statements reduces the likelihood of crisis situations and increases the company's chances for stable development.

Введение

Финансовый анализ играет ключевую роль в обеспечении безопасности предприятия, так как позволяет глубоко понять текущее состояние компании и результаты её работы. В его рамках используются разные

методы: вертикальный и горизонтальный анализ, сравнение показателей с предыдущими периодами или с данными других организаций, расчет коэффициентов, а также изучение долгосрочных тенденций. Эти подходы дают возможность оценить такие

важные параметры, как ликвидность, рентабельность, уровень задолженности, структура капитала и общая устойчивость бизнеса. Благодаря регулярному анализу руководство может вовремя заметить негативные изменения, определить возможные источники угроз и подготовить меры, которые помогут снизить риски. В итоге финансовый анализ становится не просто технической процедурой, а практическим инструментом, позволяющим принимать более обоснованные решения и поддерживать стабильное развитие организации.

Целью исследования является проведение анализа финансового состояния организации на основе данных бухгалтерской отчетности. Такой подход позволяет объективно оценить уровень финансовой безопасности компании, выявить потенциальные риски и проблемные зоны, а также сформировать рекомендации для принятия управленческих решений. Полученные результаты становятся основой для формирования стратегий, направленных на повышение устойчивости предприятия и его адаптацию в разных экономических условиях, что особенно важно для долгосрочного развития бизнеса.

Материалы и методы исследования

Теоретической и методологической базой настоящего исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области финансового анализа и экономической безопасности, включая работы таких признанных специалистов, как Н.С. Пласкова [1], А.Д. Шеремет [2] и др.

Важным дополнением стали современные исследования, посвящённые вопросам финансовой устойчивости, управления рисками и обеспечения безопасности организаций, выполненные, в частности, А.В. Корень [3,4], Т.Е. Даниловских [5,7], В.А. Водопьяновой [5], А.С. Лукьяновой [6], В.П. Гаджибек [8], Н.С. Самариной [9] и др.

В контексте рассмотрения проблем финансовой устойчивости и антикризисного управления особое внимание было уделено работам Эдварда Альтмана, разработавшего известную пятифакторную Z-модель прогнозирования вероятности банкротства.

При обработке и анализе эмпирических данных использовались комплексные методы, включающие финансовый и статистический анализ, методы обобщения, сравнения,

коэффициентного анализа и систематизации классификационных показателей.

Результаты исследования и их обсуждение

Финансовая безопасность хозяйствующего субъекта представляет собой комплексную систему организационных, экономических и управленческих мероприятий, направленных на защиту его экономических интересов от внутренних и внешних угроз.

К внутренним угрозам относятся угрозы, возникающие внутри самой организации: неэффективное управление денежными потоками, чрезмерная зависимость от заемного финансирования, неоптимизированные расходы, низкая оборачиваемость активов, недостаточный контроль со стороны менеджмента, хищения или злоупотребления сотрудников, а также слабая система риск-мониторинга.

Внешние угрозы формируются под воздействием макроэкономической среды и включают: экономические спады, инфляцию и валютные колебания, ужесточение регуляторных требований, изменения в налоговом законодательстве, рост конкуренции, международные санкции, разрывы логистических цепочек, форс-мажорные обстоятельства (природные катастрофы, пандемии) и киберугрозы.

Финансовая безопасность хозяйствующего субъекта, как комплексная система мероприятий по защите экономических интересов от внутренних и внешних угроз, тесно связана с анализом финансового состояния организации. На рисунке представлены направления оценки финансовой безопасности организации.

Коэффициентный метод анализа играет ключевую роль в оценке финансового состояния организации и в контексте обеспечения её финансовой безопасности. Он заключается в расчетах различных финансовых коэффициентов на основе данных бухгалтерской отчетности (баланса, отчета о прибылях и убытках и других), которые отражают важнейшие аспекты финансовой деятельности предприятия. Для этого используются различные показатели, включая расчет коэффициентов ликвидности, финансовой устойчивости, рентабельности и деловой активности, которые представлены в таблице 1.

Направления оценки финансовой безопасности организации

Одним из важнейших аспектов финансовой безопасности является ликвидность, то есть способность компании своевременно погашать краткосрочные обязательства за счет оборотных активов.

Для оценки ликвидности применяются такие показатели, как коэффициент текущей ликвидности, коэффициент быстрой ликвидности, и коэффициент абсолютной ликвидности.

Финансовая устойчивость организации характеризуется степенью ее независимости от заемных источников финансирования. Ключевыми показателем здесь является коэффициент автономии и коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами.

Рентабельность и деловая активность являются индикаторами эффективности использования ресурсов компании. Рентабельность активов показывает, насколько прибыльно используются активы предприятия, а рентабельность собственного капитала отражает отдачу на вложенные собственниками средства. Снижение этих показателей может указывать на ухудшение финансового состояния, рост затрат или снижение конку-

рентоспособности продукции. Оборачиваемость запасов, дебиторской и кредиторской задолженности позволяет оценить эффективность управления оборотными активами и обязательствами.

Объектом настоящего исследования выступает ООО «Центр Флебологии», который получил в 2024 году статус резидента Свободного порта Владивосток. Статус резидента Свободного порта Владивосток (СВП) представляет собой особую форму государственной поддержки бизнеса, направленную на стимулирование экономического развития Дальневосточного региона.

Для медицинских организаций, таких как ООО «Центр Флебологии», получение этого статуса означает существенное улучшение условий ведения деятельности. В первую очередь это выражается в значительных налоговых преференциях – компании предоставляется право платить пониженные ставки налога на прибыль (вплоть до 0% в первые пять лет), а также полное освобождение от налога на имущество и земельных платежей на десятилетний период.

Таблица 1

Финансовые коэффициенты

Название коэффициента	Формула расчета	Нормативное значение
<i>Коэффициенты ликвидности</i>		
Коэффициент текущей ликвидности	$\frac{\text{Оборотные активы}}{\text{Краткосрочные обязательства}}$	не менее 2
Коэффициент быстрой ликвидности	$\frac{\text{Оборотные активы} - \text{Запасы}}{\text{Краткосрочные обязательства}}$	не менее 0,8-1,0
Коэффициент абсолютной ликвидности	$\frac{\text{Денежные средства} + \text{Краткосрочные фин.вложения}}{\text{Краткосрочные обязательства}}$	не менее 0,2-0,3
<i>Коэффициенты финансовой устойчивости</i>		
Коэффициент автономии	$\frac{\text{Собственный капитал}}{\text{Общие активы}}$	не менее 0,5-0,6
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	$\frac{\text{Собственный капитал} - \text{Внеоборотные активы}}{\text{Оборотные активы}}$	не менее 0,1
<i>Коэффициенты рентабельности и деловой активности</i>		
Рентабельность активов	$\frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Средняя сумма активов}} \cdot 100\%$	зависит от отрасли
Рентабельность собственного капитала	$\frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Средний собственный капитал}} \cdot 100\%$	зависит от отрасли
Оборачиваемость запасов	$\frac{\text{Себестоимость продаж}}{\text{Средние запасы}}$	зависит от отрасли
Оборачиваемость дебиторской задолженности	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Средняя дебиторская задолженность}}$	зависит от отрасли
Оборачиваемость кредиторской задолженности	$\frac{\text{Себестоимость продаж}}{\text{Средняя кредиторская задолженность}}$	зависит от отрасли

Источник: составлено авторами.

Не менее важными являются таможенные льготы, которые особенно актуальны для медицинских учреждений, нуждающихся в современном импортном оборудовании. Резиденты СПВ могут ввозить необходимую технику без уплаты НДС и таможенных пошлин, что существенно снижает затраты на оснащение клиник. Административные преференции выражаются в ускоренных сроках получения различных разрешений и лицензий, а также в упрощенном порядке привлечения квалифицированных ино-

странных специалистов, что крайне важно для медицинской сферы.

ООО «Центр Флебологии» осуществляет оказание высококвалифицированных медицинских услуг как в рамках коммерческой деятельности, так и в системе обязательного медицинского страхования (ОМС), обеспечивая доступность и качество медицинской помощи для различных категорий пациентов. Ниже представлена таблица 2, где указаны поступления средств за операции в рамках системы ОМС.

Таблица 2

Поступления средств за операции в рамках ОМС, руб.

Пациенты	2022	2023	2024
Жители г. Владивосток	9 498 060, 77	3 987 008,18	1 060 579, 8
Иногородние	714 108, 92	1 938 013, 5	1 630 333, 81

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Показатели деятельности ООО «Центр Флебологии»
г. Владивосток за 2022-2024 гг., тыс. руб.

Показатель	2022	2023	2024
Денежные средства	12 772	13 874	3 635
Дебиторская задолженность	12152	10 395	14 209
Оборотные активы	27 613	26 211	18 629
Краткосрочные обязательства	1 094	1 217	2 372
Собственный капитал	29 237	28 216	18 574
Заемный капитал, в том числе	2 419	1 839	2 419
а) долгосрочный	1 325	622	47
б) краткосрочный	1 094	1 217	2 372
Запасы	2 689	1 942	785
Валюта баланса	31 656	30 054	20 992
Чистая прибыль	24701	20 507	357
Средняя сумма активов	25 798	30 855	25 523
Средний собственный капитал	22870	28 727	23 395
Себестоимость продаж	40 128	42 491	55 331
Средние запасы	2253	2 316	1 364
Выручка	67 942	66479	57443
Средняя дебиторская задолженность	9683	11274	12 302
Средняя кредиторская задолженность	1079	1 156	1 795

Источник: составлено авторами.

Поступления средств за медицинские услуги, оказанные в рамках системы обязательного медицинского страхования (ОМС), демонстрируют значительную динамику. Особенно заметным является резкое сокращение объёма поступлений от жителей города Владивосток в период 2023–2024 годов, что сопровождается существенным ростом поступлений от пациентов из других регионов России. Такая тенденция отражает изменения в структуре обращения пациентов и может свидетельствовать о перемещении спроса на медицинские услуги в сторону иногородних пациентов.

Поскольку ООО «Центр Флебологии» осуществляет деятельность в сфере коммерческих медицинских услуг, это накладывает повышенные требования к эффективно-му управлению финансовыми ресурсами

и обеспечению стабильности и устойчивого развития бизнеса. В таблице 3 представлены показатели ООО «Центр Флебологии» за период 2022-2024 гг.

На основе данных, представленных в таблице 3, проведен точный расчет коэффициентов, отражающих финансовое состояние предприятия ООО «Центр Флебологии» с позиции обеспечения финансовой безопасности.

Расчёт финансовых коэффициентов ООО «Центр Флебологии» за период 2022–2024 годы представленных в таблице 4, что позволяет выявить тенденции динамики финансового состояния и оценить уровень рисков, влияющих на функционирование и дальнейшее развитие организации. Это даст возможность выявить сильные и слабые стороны компании.

Расчет финансовых коэффициентов ООО «Центр Флебологии»
г. Владивосток за 2022-2024 гг.

Показатель	2022	2023	2024
Коэффициенты ликвидности			
Коэффициент текущей ликвидности	25,24	21,54	7,85
Коэффициент быстрой ликвидности	22,8	19,94	7,52
Коэффициент абсолютной ликвидности	11,7	11,4	1,53
Коэффициенты финансовой устойчивости			
Коэффициент автономии	0,92	0,94	0,88
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,91	0,93	0,87
Коэффициенты рентабельности и деловой активности			
Рентабельность активов %	95,7	66,5	1,4
Рентабельность собственного капитала %	108,0	71,4	1,5
Оборачиваемость запасов	17,8	18,4	40,6
Оборачиваемость дебиторской задолженности	7,0	5,9	4,7
Оборачиваемость кредиторской задолженности	37,2	36,8	30,8

Источник: составлено авторами.

Анализ коэффициентов ликвидности за 2022–2024 гг. показал их постепенное снижение, в частности, за 2024 год, коэффициент текущей ликвидности составил 7,85, коэффициент быстрой ликвидности 7,52, а коэффициент абсолютной ликвидности 1,53. Несмотря на отрицательную динамику, значения остаются выше установленных нормативов. Это говорит о том, что компания сохраняет достаточный запас ликвидных активов для своевременного выполнения текущих обязательств. Другими словами, можно уверенно сказать, что уровень платежеспособности остается стабильным, что доказывает финансовую устойчивость предприятия в рассматриваемый период.

Дополнительным положительным фактором выступает высокий коэффициент автономии, 0,88 за 2024 год, а также то, что запасы в значительной мере обеспечены собственными средствами, коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами 0,87. Эти показатели указывают на способность организации полагаться прежде всего на внутренние ресурсы, снижая потребность в привлечении заемного капитала. Такой подход снижает финансовые риски и укрепляет независимость предприятия от внешних источников финансирования. В совокупности данные результаты свидетельствуют о достаточном уровне финансовой безопасности и создают основу для долгосрочного устойчивого развития компании.

Анализ коэффициентов рентабельности за 2022–2024 гг. показал отчетливую отрицательную динамику. Так, рентабельность активов снизилась с 95,7% в 2022 году до 1,4% в 2024 году, а рентабельность собственного капитала – с 108,0% до 1,5%. Главной причиной стало резкое сокращение чистой прибыли в 2024 году по сравнению с предыдущими периодами. Такое ухудшение свидетельствует о серьезных проблемах в основной деятельности предприятия, в частности роста расходов на фоне падения объемов продаж.

В то же время отдельные показатели демонстрируют положительные стороны финансового положения. Так, коэффициент оборачиваемости запасов, за период с 2022–2024 гг. вырос с 17,8 до 40,6, что отражает их быструю реализацию и обновление и говорит об эффективной системе управления с хорошей ликвидностью.

Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности в 2024 году составил 4,7 и указывает на достаточно высокую скорость возврата средств, подтверждая взвешенную кредитную политику компании, а также надежный контроль расчетов с клиентами.

Высокая оборачиваемость кредиторской задолженности 30,8 в 2024 г., говорит о своевременных выплатах поставщикам, что формирует положительную деловую репутацию и снижает риски просрочек, и показывает, что компания стремится выстраивать доверительные отношения со своими партнерами.

Таблица 5

Расчет показателей по модели Альтмана по данным ООО «Центр Флебологии» за 2024 год

Показатели	Расшифровка	Расчеты	Итог
x1	Собственный- оборотный капитал/сумма активов	18 574 – 2 363/20 992	0,77
x2	нераспределенная прибыль/сумма активов	18 574/ 20 992	0,88
x3	прибыль до уплаты процентов/сумма активов	2 127 / 20 992	0,1
x4	собственный капитал/заемный капитал	18 574/ 2 419	7,68
x5	выручка/сумма активов	57 443/ 20 992	2,74
$Z=0,717x1+0,847x2+3,107x3+0,42x4+0,995x5$			
$Z=0,717*0,77+0,847*0,88+3,107*0,1+0,42*7,68+0,995*2,74=7,56$			

Источник: составлено авторами.

Таким образом, организация сохраняет базовую финансовую устойчивость за счет ликвидности и автономии, однако снижение рентабельности от показателя 95,7% за 2022 г. до 1,4% в 2024 г. требует пристального внимания. В ближайшей перспективе необходимо разработать меры по повышению эффективности основной деятельности и восстановлению прибыльности, так как именно это является ключевым условием долгосрочной финансовой безопасности.

Для более точной оценки целесообразно использовать не только традиционные методы анализа, но и специализированные модели прогнозирования рисков. В частности, применение пятифакторной модели Эдварда Альтмана к данным ООО «Центр Флебологии» позволило получить комплексную характеристику текущего состояния клиники и определить зоны, требующие оперативного управленческого вмешательства (табл. 5).

Компоненты модели характеризуют основные аспекты финансового состояния клиники:

- Коэффициент ликвидности ($X1 = 0,77$) отражает высокое качество управления оборотным капиталом, что обеспечивает своевременное выполнение краткосрочных обязательств.

- Коэффициент реинвестирования прибыли ($X2 = 0,88$) указывает на сбалансированную политику распределения прибыли и способность реинвестировать средства для поддержания деятельности.

- Операционная рентабельность активов ($X3 = 0,10$), несмотря на положительное значение, сравнительно невысока, что свидетельствует о необходимости оптимизации затрат и возможном пересмотре ценовой политики для повышения эффективности

- Соотношение собственного и заемного капитала ($X4 = 7,68$) демонстрирует

консервативный финансовый рычаг с преобладанием собственного капитала, что снижает финансовые риски, связанные с внешним финансированием.

- Коэффициент оборачиваемости активов ($X5 = 2,74$) свидетельствует об эффективном использовании имущественного комплекса клиники для генерации выручки.

Значение Z-счёта, равное 7,5, существенно превышает критический порог 1,23, что свидетельствует о высокой финансовой устойчивости организации и минимальном риске банкротства в ближайшие 2-3 года. Такой результат находится в «зелёной зоне» по критериям модели Альтмана, указывая на надёжность финансового положения предприятия и эффективное управление ресурсами.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что анализ финансового состояния ООО «Центр Флебологии» по модели Эдварда Альтмана позволил выявить как сильные стороны, так и потенциальные риски.

Во-первых, показатель операционной рентабельности активов ($X3 = 0,10$) остается положительным, но его уровень довольно низок по сравнению с другими коэффициентами. Это говорит о том, что активы используются не максимально эффективно. Причина может заключаться в росте затрат или недостаточной доходности оказываемых услуг. Для улучшения ситуации клинике стоит пересмотреть ценовую политику или оптимизировать структуру расходов, иначе снижение прибыльности может со временем отразиться на устойчивости бизнеса.

Во-вторых, коэффициент ликвидности ($X1 = 0,77$) демонстрирует, что оборотные активы пока позволяют покрывать краткосрочные обязательства. Однако значение близко к нижней границе нормы (около 1,0), что делает компанию уязвимой к кассо-

вым разрывам при неожиданных финансовых трудностях.

В то же время соотношение собственного и заемного капитала ($X4 = 7,68$) подчеркивает сильную сторону клиники – независимость от внешних источников финансирования. Консервативная структура капитала снижает долговые риски, но при этом может ограничивать возможности быстрого привлечения инвестиций для масштабирования или новых проектов.

Таким образом, несмотря на отдельные уязвимости, интегральный показатель Z-счета (7,56) значительно превышает критический порог. Это свидетельствует о высокой финансовой устойчивости и минимальном риске банкротства в ближайшие годы.

Выводы

В результате выявления рисков для ООО «Центр Флебологии» подготовлены рекомендации по их снижению:

1. Усилить меры по повышению операционной рентабельности активов, в том числе за счет анализа и оптимизации затрат-

ной структуры, а также совершенствования ценообразования на медицинские услуги для увеличения маржинальной прибыли.

2. Продолжить поддерживать высокое качество управления оборотным капиталом и контроль над дебиторской задолженностью, чтобы сохранять ликвидность на стабильном уровне.

3. Использовать консервативную структуру капитала как основу для планирования финансовых стратегий, включая оценку возможностей привлечения внешних инвестиций с минимальным риском.

4. Регулярно проводить мониторинг ключевых финансовых коэффициентов и корректировать финансовую политику в соответствии с изменениями рыночной ситуации и внутренними целями компании.

Таким образом, выводы исследования непосредственно подтверждают достижение цели, так как они позволяют ООО «Центр Флебологии» поддерживать стабильность и принимать обоснованные решения для повышения эффективности и долгосрочной финансовой устойчивости.

Библиографический список

1. Пласкова Н.С. Финансовый анализ деятельности организации: учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 372 с. DOI: 10.12737/1977992. ISBN 978-5-16-018324-4.
2. Шеремет А.Д. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций: практическое пособие. М.: ИНФРА-М, 2024. 208 с. ISBN 978-5-16-003068-5.
3. Koren A.V. Approaches to enhance the investment attractiveness of multinational organizations // *Revista de Investigaciones Universidad del Quindío*. 2022. Vol. 34, No. 3. P. 215-221. DOI: 10.33975/riuv.vol34nS3.961. EDN: MXCFIU.
4. Koren A.V., Vodopyanova V.A. Análisis de métodos para aumentar el atractivo de inversión de las empresas transnacionales // *Revista Electrónica de Investigación en Ciencias Económicas*. 2024. Vol. 9. No. 18. P. 32-43. DOI: 10.5377/reice.v9i18.18049. EDN: LJWFUA.
5. Водопоьянова В.А., Даниловских Т.Е., Короткоручко Т.С. и др. Направления совершенствования методики оценки финансовой устойчивости коммерческого банка в современных условиях конкурентной среды // *Фундаментальные исследования*. 2023. № 8. С. 18-23. DOI: 10.17513/fr.43489. EDN: SWHIAM.
6. Кривошапова С.В., Лукьянова А.С. Оценка экономической безопасности региона на примере Приморского края // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2021. № 3. С. 7-20. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2021-3/007-020—eLIBRARY.
7. Danilovskikh T.E., Koren A.V. Desarrollo de enfoques modernos para la evaluación de activos financieros cotizados en bolsa // *Revista Electrónica de Investigación en Ciencias Económicas*. 2024. T. 9. № 18. С. 58-70. DOI: 10.5377/reice.v9i18.18051. EDN: LKZBSL.
8. Gadzhibek V.P., Kryukov V.V., Samarina N.S., Oslopova M.V. Methodical approach to bankruptcy prediction model development // *Mathematical Statistician and Engineering Applications*. 2022. T. 71. № 3s. С. 39-47. DOI: 10.5377/reice.v9i18.18067. EDN: MVXTLU.
9. Samarina N.S., Oslopova M.V., Gadzhibek V.P. Enfoque metódico para el desarrollo del modelo de predicción de quiebras // *Revista Electrónica de Investigación en Ciencias Económicas*. 2024. T. 9. № 18. С. 91-105. DOI: 10.5377/reice.v9i18.18067. EDN: TINUTL.

УДК 338.1

Л. В. Кусургашева

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», Кемерово

С. Н. Черновол

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», Кемерово, e-mail: chsn.eos@kuzstu.ru

ИНТЕНСИВНОСТЬ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Ключевые слова: индекс Рябцева, структурное изменение, структурный сдвиг, структурная трансформация, направленность структурных сдвигов, «обратная индустриализация», трансформационная деиндустриализация.

В статье рассматривается интенсивность структурных сдвигов в российской экономике в течение последних десяти лет. Дано краткое содержание гипотезы негативной структурной трансформации российской экономики в результате санкций. Рассчитан индекс Рябцева по структурам добавленной стоимости, занятости и инвестиций в основной капитал. Определено, что интенсивность изменений в отраслевой структуре не показывает устойчивой динамики после 2022 г. и не выходит за границы низкого уровня различий сравниваемых структур. Подтверждены большая стабильность структуры занятости по сравнению со структурой выпуска и отсутствие задела положительных структурных сдвигов в инвестиционной сфере. На основании динамики индексов Рябцева сделан вывод о том, что в целом за последнее десятилетие, в том числе и за период 2022–2024 гг., значимых структурных сдвигов в российской экономике не произошло. В то же время резкое увеличение значений индекса Рябцева по структуре ВДС в 2022 г. позволяет трактовать этот период как начало процесса структурной трансформации. Показано, что в основе гипотезы негативного структурного сдвига в российской экономике лежит игнорирование негативных последствий трансформационной деиндустриализации и активной роли государства в инициировании и осуществлении структурных преобразований экономики.

L. V. Kusurgasheva

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo

*S. N. Chernovol*T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo,
e-mail: chsn.eos@kuzstu.ru

INTENSITY OF STRUCTURAL CHANGES IN THE RUSSIAN ECONOMY: CURRENT TRENDS

Keywords: Ryabtsev index, structural change, structural shift, structural transformation, direction of structural shifts, «reverse industrialization», transformational deindustrialization.

The present article examines the intensity of structural shifts in the Russian economy over the past decade. It provides a brief overview of the hypothesis of negative structural transformation in the Russian economy due to sanctions. The Ryabtsev index was calculated based on the structures of value added, employment, and fixed capital investment. It was found that the intensity of changes in the sectoral structure does not show a stable trend after 2022 and remains within the bounds of low-level differences between the compared structures. The study confirms the greater stability of the employment structure compared to the output structure and the lack of groundwork for positive structural shifts in the investment sector. Based on the dynamics of the Ryabtsev indices, it is concluded that no significant structural shifts occurred in the Russian economy over the past decade, including the 2022–2024 period. At the same time, the sharp increase in the Ryabtsev index for the gross value added (GVA) structure in the 2022 suggests that this period marks the beginning of a structural transformation process. The article demonstrates that the hypothesis of a negative structural shift in the Russian economy stems from ignoring the adverse effects of transformational deindustrialization and the active role of the state in initiating and implementing structural economic reforms.

Введение

Мировая экономика продолжает меняться с возрастающей скоростью вследствие исчерпания потенциала глобализации в ее современной неолиберальной политико-экономической форме. Обусловленный этим переход к новому порядку сопровождается ростом фрагментации, нарастанием неопределенности и обострением геополитической ситуации. В данных условиях российская экономика столкнулась с острой необходимостью реформирования по разным направлениям, уровням и элементам, главным из которых выступает структурно-технологическая трансформация сложившейся эволюционно хозяйственной системы.

Уверенный восстановительный рост экономики в 2023-2024 гг. с темпом, превышающим среднемировой уровень, свидетельствует не только о высокой адаптивности российского бизнеса и взвешенной макроэкономической политике, но и о сохранении потенциала факторов роста, в том числе со стороны его структуры [1, с. 70–71]. Однако, с другой стороны, очевидно, что эти факторы носят краткосрочный характер; в средне- и долгосрочной перспективе обеспечение экономической безопасности и качества роста будут определяться успешностью структурной трансформации, основанной на инвестициях и технологической модернизации отраслей экономики.

Анализу процессов структурных изменений, происходящих в российской экономике после начала СВО на Украине, посвящено довольно много публикаций. При этом сформировался широкий спектр мнений: от констатации факта масштабной структурной трансформации [2] и до отрицания таковой [3]. Исходя из этого, в статье ставится **цель** – оценить интенсивность структурных изменений с количественной стороны и дать качественную характеристику полученным результатам.

Материал и методы исследования

В связи с современными тенденция-ми структурного развития российской экономики интерес представляет бюллетень Департамента исследований и прогнозирования (далее ДИП) Банка России «О чем говорят тренды» (далее «Тренды»), выпу-

щенный в апреле 2022 г. В нем было высказано предположение (гипотеза) о том, что в экономике после февраля 2022 г. началась структурная трансформация, в результате которой произойдет «обратная индустриализация» (уменьшение доли сектора услуг и увеличение доли инвестиционного сектора) с одновременным снижением технологического уровня производства в ряде отраслей [4]. По существу, речь идет о негативном (отрицательном) структурном сдвиге или деструктивной (отрицательной) трансформации экономики под влиянием беспрецедентных санкционных мер и сворачивания деловых связей с Россией многими зарубежными компаниями.

Содержание выдвинутой гипотезы представлено в бюллетене в виде четырех этапов (таблица 1).

Для того чтобы проверить гипотезу ДИП Банка России, в статье оценивается интенсивность сдвигов в структуре выпуска, инвестиций и занятости на протяжении последнего десятилетия.

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики, аналитические материалы других официальных структур, научные публикации по теме исследования. Наряду с общенаучными методами и приемами исследования, в работе был применен метод эмпирического структурного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Методология и методика оценки структурных изменений представлены во многих работах отечественных авторов [5]. В них дается обоснование и описание системы показателей, с помощью которых можно дать содержательный анализ как самой структуры экономики, так и ее динамики. В подсистеме интегральных показателей структурных сдвигов выделяется индекс Рябцева, имеющий некоторые преимущества перед другими сводными индексами, главным из которых является наличие шкалы оценивания меры существенности (значимости) структурных сдвигов (таблица 2) [6, с. 71-72].

Величина индекса Рябцева, как видно из таблицы 2, заключена в интервале от 0 до 1, и при этом чем больше индекс, тем больше различия сравниваемых структур.

Таблица 1

Этапы структурной трансформации российской экономики в условиях санкций (гипотеза ДИП Банка России)

Этапы	Содержание
I	– разрыв многих устоявшихся технологических, производственных и логистических цепочек; – общее снижение технической эффективности и ухудшение финансового положения компаний; – падение (спад) производства
II	– первичная подстройка компаний и производственных цепочек к новым условиям функционирования и возрастание роли посреднических и сервисных компаний; – продолжение тенденции к снижению технико-технологического уровня из-за старения материально-технической базы и ее замещения менее производительными аналогами; – сокращение занятости в наиболее пострадавших отраслях при одновременном росте спроса на труд в среднем и малом бизнесе, обслуживающем внешнюю торговлю и представляющем ремонтные и сервисные услуги; – продолжение падения (спада) производства
III	– «обратная индустриализация» или индустриализация на основе развития менее передовых технологий; – увеличение доли промышленности в структуре экономики; – частичное импортозамещение технологий и производств, увеличение производства техники и технологий на более низком технологическом уровне; – снижение экологичности производства; – снижение уровня цифровизации техники и бизнес-процессов; – возврат экономики на траекторию роста и временное превышение потенциальных темпов роста; – снижение общего уровня безработицы при одновременном отставании роста заработных плат от роста производства
IV	– завершение структурной перестройки, достижение нового равновесия и развитие на новой, менее совершенной технологической базе, постепенный возврат к прежним технологическим уровням; – возможность локальных технологических прорывов по отдельным направлениям

Источник: составлено авторами на основе [4].

Таблица 2

Шкала оценивания меры существенности структурных различий по индексу Рябцева

Интервал значений	Характеристика меры структурных различий
0,000–0,030	Тождественность структур
0,031–0,070	Весьма низкий уровень различий структур
0,071–0,150	Низкий уровень различий структур
0,151–0,300	Существенный уровень различий структур
0,301–0,500	Значительный уровень различий структур
0,501–0,700	Весьма значительный уровень различий структур
0,701–0,900	Противоположный тип структур
0,901 и выше	Полная противоположность структур

Источник: [6, с. 71–72].

Формула для подсчета индекса выглядит следующим образом:

$$K_t^P = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_{it} - x_{it-1})^2}{\sum_{i=1}^n (x_{it} + x_{it-1})^2}},$$

где x_{it} – доля i -го элемента в общей совокупности в период t ,

x_{it-1} – доля i -го элемента в общей совокупности в период $t - 1$,

n – количество элементов совокупности.

Произведем расчет индекса Рябцева в период с 2015 по 2024 год (год к году) по официальным данным Росстата о произведенном ВВП, балансе трудовых ресурсов и инвестициям в основной капитал. Исходным годом, используемым в расчетах, т.е. $t - 1$ в приведенной выше формуле, выступает 2014 г.

Как известно, произведенный ВВП или ВВП, рассчитанный производственным методом, представляет собой валовую добавленную стоимость (ВДС) всех отраслей (видов

экономической деятельности) в основных ценах, суммированную с чистыми налогами на товары. ВДС, создаваемая в различных видах экономической деятельности, традиционно используется в абсолютном большинстве работ, исследующих структурную динамику, в качестве эквивалента структуры произведенного ВВП, поскольку «различия между этими структурами крайне незначительны и существенного влияния на получаемые оценки не оказывают» [7, с. 510]. С целью снижения влияния инфляции при расчете индекса Рябцева взяты данные о ВДС в постоянных ценах (в ценах 2021 г.).

Баланс трудовых ресурсов, содержащий сведения о среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности, является основой для расчета интенсивности сдвигов по структуре занятости, которая предоставляет возможность дать оценку того, подкрепляются ли и в какой мере структурные изменения выпуска перемещением трудовых ресурсов между отраслями [8, с. 15]. Интуитивно понятно, что изменения в структуре занятости выступают следствием изменений структуры производства и выпуска, причем, первые имеют лаг по отношению ко вторым. Этот лаг вытекает из необходимости подготовки и переподготовки квалифицированных кадров в соответствии с потребностями производства [7, с. 506]. Кроме того, следует учитывать специфическую реакцию российского рынка труда на изменение экономической конъюнктуры. В частности, утверждается, что распределение занятости по сферам деятельности более стабильно по сравнению со структурой выпуска [8, с. 15-16].

Еще один рассчитываемый показатель – индекс интенсивности структурного сдвига по инвестициям в основной капитал – не только отражает происходящие сдвиги в структуре экономики России, но и позволяет судить об их потенциале в будущем:

«При состоянии, близком к экономическому равновесию, именно текущие изменения в отраслевой структуре инвестиций в основной капитал обеспечивают изменения структуры экономики» [8, с. 16]. Динамика индекса Рябцева, рассчитанного по структуре добавленной стоимости, структуре занятых и структуре инвестиций в основной капитал, представлена в таблице 3 и на рисунке.

Как показывают расчеты, значение индекса Рябцева по структуре добавленной стоимости видов экономической деятельности за период 2015–2024 гг. изменяется в пределах от 0,0065 (2018 г.) до 0,0307 (2022 г.). Это свидетельствует о весьма низких уровнях различия структур и даже их тождественности (таблица 2).

На рисунке явно выделяются два года с пиками в динамике индекса Рябцева: интенсивность сдвигов возросла с 0,0094 в 2019 г. до 0,0206 в 2020 г. (рост в 2,1 раза) и с 0,0123 в 2021 г. до 0,0307 в 2022 г. (рост в 2,5 раза). Рост интенсивности сдвигов в 2020 г. и в 2022 г. был вызван, соответственно, ковидным и санкционным кризисами, которые, как всякий кризис, характеризуются ускорением структурных изменений [8, с. 17]. Отметим также снижение интенсивности сдвига в 2023 г., что говорит об отсутствии устойчивой тенденции и возвращении к предыдущей траектории.

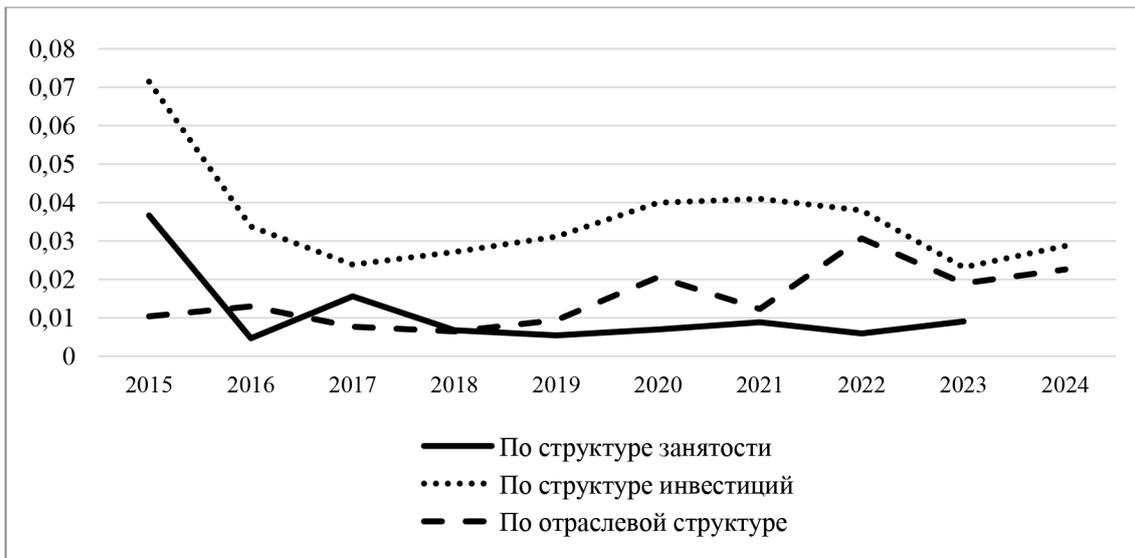
С точки зрения изменений в отраслевой структуре, произошедших после февраля 2022 г., необходимо отметить сокращение доли добывающей промышленности, а также оптовой и розничной торговли: в 2024 г. по отношению к 2021 г. первая уменьшилась на 1,24%, вторая – на 1,27%. Виды деятельности, доля которых увеличилась: обрабатывающая промышленность (+ 0,71%), строительство (+ 0,46%), финансы и страхование (+ 1,02%) государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение (+ 1,15%) [9].

Таблица 3

Индекс интенсивности структурных сдвигов (индекс Рябцева)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
По отраслевой структуре	0,0104	0,0130	0,0077	0,0065	0,0094	0,0206	0,0123	0,0307	0,019	0,0226
По структуре занятости	0,0366	0,0047	0,0156	0,0068	0,0054	0,0070	0,0089	0,0060	0,0091	–
По структуре инвестиций	0,0714	0,0338	0,0239	0,0271	0,0312	0,0400	0,0410	0,0380	0,0232	0,0287

Источник: рассчитано авторами на основе [9]

*Индекс интенсивности структурных сдвигов
Источник: составлено авторами на основе [9]*

Сравнение интенсивности структурных сдвигов в последние три года и предшествующего периода показывает их ускорение, что объясняется низкой исходной базой: интенсивность структурных сдвигов выпуска по видам экономической деятельности в период до 2020 г. была на крайне невысоком уровне. При этом отмечался процесс последовательного сближения структуры российской экономики со структурой развитых сырьевых стран (Австралия, Канада, Норвегия) [8, с. 21].

Колебания индекса интенсивности структурных сдвигов по занятости также демонстрируют тождественность и весьма низкий уровень различий структур. И при этом, начиная с 2017 г., индекс находится практически на одном уровне. Это подтверждает тезис о стабильности распределения занятости по сферам деятельности. Обращает на себя внимание рост интенсивности структурных сдвигов по занятости в 2017 г., а также небольшое снижение ее в 2022 г. как реакция на спад в производстве добавленной стоимости с лагом в два года.

Индекс Рябцева по доле инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности также не подтверждает наличие существенных различий в их структуре по годам. Хотя его значения ожидаемо выше, чем у аналогичных индексов по структуре ВДС и структуре занятости, его динамика скорее следует за дина-

микой структурных изменений в производстве, а не опережает ее.

Необходимо подчеркнуть, что малое значение индексов структурных сдвигов, рассчитанных год к году, еще не говорит о том, что структура экономики не претерпевает существенных изменений. Это связано с тем, что последние являются результатом не только краткосрочных шоков, но и постепенного накопления изменений за ряд лет. По этой причине рассчитаем кумулятивные индексы Рябцева за исследуемый период.

Сравнение 2024 с базисным 2014 г. по шкале меры существенности структурных различий оценивается как низкий (по ВДС и инвестициям) и весьма низкий (по занятости) уровень различия структур: индекс Рябцева по структуре добавленной стоимости составил 0,079; по занятости – 0,069; по инвестициям – 0,097. Это означает, что накопленных изменений в отраслевой структуре оказалось недостаточно для инициации существенных структурных сдвигов в ней.

Результаты расчетов индексов интенсивности структурных сдвигов, на первый взгляд противоречат содержащемуся в некоторых исследованиях выводу о масштабном структурном сдвиге, произошедшем в 2022-2024 гг. Так, авторитетные эксперты из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, анализируя развитие российской экономики в этот период,

констатируют, что «за два года в экономике России произошли структурные изменения, на которые в обычных условиях потребовалось бы около 10 лет. <...> Основные направления структурных сдвигов, произошедшие в 2022-2024 гг., были связаны со снижением значимости экспорта углеводородов для экономической динамики; увеличением вклада инвестиций и государственного спроса; ростом значимости для экономики реального сектора; уменьшением роли сырьевого комплекса в формировании ВВП» [2, с. 6].

Согласимся с тем, что в указанный период в экономике России произошли довольно серьезные изменения в структуре экономики, однако выразим сомнение, что их можно охарактеризовать как произошедшую в реальности структурную трансформацию.

В статье О.В. Буклемишева, в которой высказывается поддержка тезиса ДИП Банка России о неизбежности негативной структурной трансформации российской экономики, выделено два имеющихся в отечественной литературе подхода к трактовке структурной трансформации: традиционный (узкий) и широкий. Традиционный подход предполагает «... масштабные, продолжительные и относительно редкие изменения в макроотраслевой структуре экономики, т.е. в пропорциях между сельским хозяйством (в широком смысле – первичным сектором), промышленностью (вторичным сектором) и сектором услуг (терциарным сектором)» [10, с. 42]. В этом смысле на Западе обычно исследуется взаимосвязь между ростом, развитием и структурными изменениями. По мнению автора, российские исследователи применяют более широкую трактовку, в соответствии с которой под структурной трансформацией понимаются любые изменения пропорций экономической системы [10, с. 44]. На наш взгляд, это не совсем адекватная интерпретация взглядов российских исследователей.

Анализ работ, посвященных структурной тематике, показывает, что во многих из них различаются понятия структурных изменений и структурных сдвигов: «Структурное изменение – это некое, даже совсем небольшое по величине изменение соотношения между элементами системы, происходящее под влиянием телеологических и генетических причин. Структурный

сдвиг – это такое структурное изменение, которое рельефно демонстрирует существенное изменение соотношения между элементами на оцениваемом интервале времени» [11, с. 72]. Несмотря на то, что критерий масштабности (глубины) структурных изменений в данном случае не определен и у разных авторов может пониматься по-разному, структурную трансформацию ассоциируют именно со структурными сдвигами, а не с любыми изменениями пропорций экономической системы.

Кроме того, большинство российских авторов связывают структурные сдвиги с качественным изменением взаимосвязей между сопоставимыми элементами экономической системы, обусловленным неравномерной динамикой соотношения их количественных характеристик [12, с. 10], то есть, по существу, с изменением качества самой системы под влиянием накопления количественных изменений в ней.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что структурные изменения в российской экономике действительно происходят (динамика индекса Рябцева это наглядно демонстрирует), но в то же время они не достигли того предела, когда количественные изменения привели бы к модификации основных характеристик действующей модели развития. Представляется поэтому, что на текущий момент изменения в структуре российской экономики не являются трансформационными по своей сути.

Необходимо также подчеркнуть, что количественные показатели структурных сдвигов не измеряют их качества и поэтому не могут служить основой для определения того, в каком направлении – позитивном или негативном – идут структурные изменения. В литературе отмечается, что «в принципе возможно построение показателя структурных сдвигов, имеющего определенный знак. В частности, если можно указать некоторую эталонную структуру, то структурные изменения, связанные с приближением к эталону, можно рассматривать как положительные, а изменения, ведущие к удалению от эталона – как отрицательные» [13, с. 24]. При этом эталонная структура задается субъективно, что, с одной стороны, снижает эвристичность предлагаемого метода, а с другой – позволяет сделать некоторые выводы относительно глобального тренда развития экономических систем.

Как было отмечено выше, в «Трендах» направленность структурных сдвигов после февраля 2022 г. определена как «обратная индустриализация» с увеличением доли промышленности в структуре экономики и переходом на более низкую технологическую траекторию. Это трактуется как отрицательный структурный сдвиг или негативная структурная трансформация экономики. Очевидно, что в данном случае в качестве эталона принимается вектор общественно-экономического прогресса человечества, понятый как поступательное развитие общества от доиндустриальной стадии к индустриальной и далее – к постиндустриальной.

Представляется, что в такой трактовке направленности структурной трансформации российской экономики не учитываются два важных аспекта, связанных со спецификой этапа, на котором она находится.

Во-первых, гипотеза об «обратной индустриализации» российской экономики как негативном структурном сдвиге основывается на игнорировании реального уровня деиндустриализации, произошедшей в результате трансформационного спада и не преодоленной до сих пор.

Деиндустриализация традиционно определяется как процесс сокращения доли промышленности в ВВП и занятости при увеличении доли сферы услуг. О.С. Сухарев, один из известных российских экономистов в области технологических и структурных изменений, выделяет два типа деиндустриализации: эволюционный и трансформационный. Эволюционный тип, по его мнению, сопровождается повышением технологичности, наукоемкости производства и ростом в связи с этим производительности обрабатывающих видов деятельности. Трансформационный тип связан с упрощением технологических операций, снижением глубины переработки сырья и уровня сложности конечной продукции, понижением квалификации работников, ростом импорта промышленных изделий [14, с. 3-4]. В России, в отличие от промышленно развитых стран Запада, деиндустриализация проходила по трансформационному типу, и уже это обусловило ее большую глубину в смысле развала научно-производственной сферы, особенно в обрабатывающих отраслях, с одновременным усилением сырьевой специализации экономики [15, с. 70]. Поэтому

существует настоятельная необходимость перехода к неоиндустриальной парадигме развития, которая включает в себя, во-первых, модернизацию базовых отраслей обрабатывающего и минерально-сырьевого секторов на основе их технологического перевооружения, автоматизации, цифровизации и экологизации производственных процессов, и, во-вторых, создание индустрий нового технологического уклада (ядерная, электронная промышленность, приборостроение, ракетно-космическая промышленность, авиа-, станко-, судостроение, фармацевтика, химическая промышленность, информационно-коммуникационный сектор) [16, с. 190]. В этом смысле неоиндустриализацию можно представить как «обратную» или «повторную» индустриализацию, однако она в данном случае не будет носить характер негативного структурного сдвига.

Во-вторых, гипотеза об «обратной индустриализации» как негативном структурном сдвиге идеологически базируется на концепте свободного рынка с минимальной ролью государства. В «Трендах», в частности, подчеркивается, что «... успех адаптации и последующей структурной трансформации экономики в первую очередь зависит от *предпринимательской активности*. Поэтому стратегическая задача государства состоит в том, чтобы всячески ее поддерживать. Это предполагает масштабную экономическую либерализацию, радикальное снижение госрегулирования и контроля, уменьшение налогового бремени (за исключением рентных налогов)» [5, с. 13].

Высказанная в «Трендах» гипотеза, очевидно, отражает консенсусную позицию ЦБ относительно вектора развития российской экономики в условиях продолжения санкционного давления на нее, хотя во всех бюллетенях ДИП подчеркивается, что выводы и рекомендации, содержащиеся в них, могут не совпадать с официальной позицией Банка России. Однако, анализ программных документов Банка России и выступлений его руководства показывает, что по крайней мере в отношении идеологии проводимой мегарегулятором политики его аналитики придерживаются общей неолиберальной концептуальной рамки. Так, Председатель Банка России в своем недавнем выступлении в Государственной Думе еще раз подчеркнула *абсолютную*,

фундаментальную ценность макроэкономической стабильности [17]. Это означает, кроме всего прочего, устранение мегарегулятора от задач структурной перестройки экономики, поскольку политика макроэкономической стабилизации противоречит структурным преобразованиям, как минимум, в двух аспектах: «... во-первых, она ориентирована на относительно короткий срок, а структурные преобразования охватывают, как правило, значительный интервал времени. Во-вторых, ее критериальная основа абсолютно не совпадает с принципами, описывающими структурные сдвиги в экономике и устанавливающими мероприятия, пригодные для управления ими» [18].

Преодоление чрезмерной деиндустриализации путем неоиндустриализации, отказ от политики макроэкономической стабильности и проведение политики новой индустриализации – вот путь к прогрессив-

ной структурной трансформации российской экономики.

Заключение

Рассчитанный в ходе исследования индекс Рябцева по структуре ВДС по видам экономической деятельности, структуре занятости и структуре инвестиций в основной капитал показал неустойчивую динамику структурных изменений за последние три года при их ускорении в 2022 г. Это говорит о том, что российская экономика вошла в фазу структурной трансформации, однако, устойчивый тренд качественного преобразования экономической системы пока еще не сформировался. Тем самым не получает верификации и гипотеза о негативном структурном сдвиге российской экономики под влиянием санкций. Вероятность его осуществления снижается путем проведения государством активной структурной политики в виде проведения политики новой индустриализации.

Библиографический список

1. Кусургашева Л.В., Якунина Ю.С. Угольная промышленность в контексте структурно-технологической трансформации российской экономики // Уголь. 2025. № 2. С. 69-74. DOI: 10.18796/0041-5790-2025-2-69-74.
2. Широков А.А., Гусев М.С., Некрасов Ф.О. Природа инфляции в современной российской экономике и ее влияние на экономический рост // Проблемы прогнозирования. 2025. № 2 (209). С. 5-19. DOI: 10.47711/0868-6351-209-5-19.
3. Сухарев О. Экономический рост и структурная трансформация: нерешенные задачи теории и практики // Общество и экономика. 2025. № 1. С. 5-22. DOI: 10.31857/S0207367625010014.
4. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки // Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. 2022. № 2. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40953/bulletin_22-02.pdf (дата обращения: 01.05.2025).
5. Маршова Т.Н. Структура национальной экономики и ее изменение: методические подходы к оценке и система показателей // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2016. № 3 (9). С. 36-64. EDN: XAMGUD. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27348714> (дата обращения: 01.05.2025).
6. Рябцев В.М. Методы анализа структурных различий в регионе // Региональная статистика: учебник / под ред. Е.В. Заровой, Г.И. Чудилина. М.: Финансы и статистика, 2006. С. 68-74. ISBN 5-279-03175-5.
7. Кузнецов С.Г. Структурные сдвиги в занятости и качество экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 504-520. DOI: 10.47711/2076-318-2020-504-520.
8. Лякин А.Н. Структурные сдвиги в российской экономике: потенциал деловых циклов исчерпан // ЭКО. 2020. № 7. С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-8-28.
9. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 01.05.2025).
10. Буклемишев О.В. «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 42–53. DOI: 10.47711/0868-6351-199-42-53.
11. Сухарев О.С. Макроструктурный анализ в исследовании экономических и технологических изменений // Экономические стратегии. 2024. Т. 26. № 4 (196). С. 62-73. DOI: 10.33917/es-4.196.2024.62-73.
12. Красильников О.Ю. Структурные сдвиги в экономике. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 168 с. ISBN 5-292-02718-9.

13. Спасская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. Т. 1. С. 20-39. EDN: KWEAFN. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12893768> (дата обращения: 01.05.2025).

14. Сухарев О.С. Теория индустриального развития: основные понятия и приложения // Инвестиции в России. 2024. № 8. С. 3-7. EDN: JSSQMW. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=74509326> (дата обращения: 05.05.2025).

15. Рязанов В.Т. Новая индустриализация и экономическое возрождение России: восточный вектор // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5 (73). С. 68-80. DOI: 10.29141/2073-1019-2017-17-5-6.

16. Тополева Т.Н. Парадигма неоиндустриализации: теория, методология, стратегические императивы России // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 3. С. 183-198. DOI: 10.15593/2224-9354/2023.3.13.

17. Выступление Эльвиры Набиуллиной на пленарном заседании Государственной Думы, посвященном рассмотрению Годового отчета Банка России за 2024 год // Банк России. Новости. 9 апреля 2025 года. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=23525> (дата обращения: 05.06.2025).

18. Сухарев О.С. Оценка структурных сдвигов в экономике России (доклад на семинаре у проф. И.А. Поросова). URL: https://inecon.org/docs/Sukharev_seminar_20131024.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

УДК 338.48

Д. П. Мариенко

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, e-mail: dpmarienko@fa.ru

РАЗВИТИЕ MICE-ИНДУСТРИИ: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ В РОССИИ НА 2024–2032 ГОДЫ

Ключевые слова: мисе-индустрия, деловой туризм, event-индустрия, перспективы развития, позиционирование, лояльность, бизнес сообщество, тренды, встречи, прогнозы.

В статье проводится глубокий анализ текущего положения индустрии деловых встреч, оценивается степень сформированности и выявляются особенности функционирования MICE на территории России. Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей потребностью в комплексном анализе генезиса индустрии MICE. Это связано с ее значительной ролью в формировании эффективных бизнес-коммуникаций, а также ее существенным вкладом в мировую экономику и развитие туризма в России и Зарубежом. Исследование выявляет, что в настоящее время нет никаких предпосылок к снижению темпов или активности MICE-туризма. Любые будущие законодательные изменения и новые требования будут лишь стимулом для появления новых возможностей и адаптации рынка. MICE-туризм, несомненно, останется востребованным. Как уже отмечалось, в последние годы MICE-туризм расширил свои форматы, активно внедряя технологии, становясь менее зависимым от сезона и повышая уровень безопасности. В этой статье подробно будут рассмотрены основные аспекты организации и развития MICE-туризма в России и, в частности, в Москве, а также ключевые задачи, стоящие перед ним. По итогам проведенной работы делается вывод о том, что в эпоху нарастающей глобализации MICE-туризм приобретает статус ключевого элемента и ускорителя социально-экономического развития региональных экономик, активно интегрируясь в современную инфраструктуру бизнес-сообщества.

D. P. Marienko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: dpmarienko@fa.ru

DEVELOPMENT OF THE MICE INDUSTRY: ANALYSIS OF OPPORTUNITIES AND FORECAST OF INDUSTRY DEVELOPMENT IN RUSSIA FOR 2024–2032

Keywords: mice industry, business tourism, event industry, development prospects, positioning, loyalty, business community, trends, meetings, forecasts.

The article provides an in-depth analysis of the current state of the business meeting industry, assesses the degree of development, and identifies the specific features of MICE operations in Russia. The relevance of this study is driven by the growing need for a comprehensive analysis of the MICE industry's genesis. This is due to its significant role in facilitating effective business communication and its substantial contribution to the global economy and tourism development in Russia and abroad. The study reveals that there are currently no indications of a decline in the pace or activity of MICE tourism. Any future legislative changes and new requirements will only stimulate new opportunities and market adaptation. MICE tourism will undoubtedly remain in demand. As already noted, in recent years, MICE tourism has expanded its formats, actively introducing technologies, becoming less dependent on the season, and increasing the level of security. This article will provide a detailed analysis of the main aspects of the organization and development of MICE tourism in Russia and, in particular, in Moscow, as well as the key challenges it faces. Based on the results of this research, it is concluded that in the era of increasing globalization, MICE tourism is becoming a key element and accelerator of the socio-economic development of regional economies, actively integrating into the modern infrastructure of the business community.

Введение

В рамках индустрии делового туризма существует такое направление, как MICE (Meetings, Incentives, Conferences, Exhibitions). Оно сосредоточено на планировании и проведении различных корпоративных мероприятий, от деловых встреч

и поощрительных поездок до масштабных конференций и выставок.

Работа в сфере MICE включает в себя широкий спектр услуг и является важным фактором для роста бизнеса, а также для развития городов и туристических зон [1]. Подробнее рассмотрим ключевые аспекты

и услуги, которые предоставляют организаторы мероприятий в этой сфере. Это и ключевые услуги организаторов MICE: оформление выставок (создание уникального дизайна выставочных стендов и пространств, которые привлекают внимание участников и помогают эффективно представить продукцию или услуги), указатели и баннеры, разработка и размещение навигационных указателей и рекламных баннеров для упрощения ориентации участников на мероприятия и повышения видимости брендов, киоски/выставочные площади, фоторепортажи, AV/техническое сопровождение, маркетинг мероприятий, управление спонсорством, обслуживание групповых авиаперевозок, логистика и персонал на месте проведения мероприятий, управление поставщиками, виртуальные встречи, организация онлайн-мероприятий и гибридных форматов, экономический рост, инновации и обмен опытом, продвижение туристических направлений:

Проведение MICE-мероприятий способствует притоку инвестиций в городскую инфраструктуру и создание рабочих мест

Организаторы мероприятий в сфере MICE предоставляют множество креативных услуг, которые способствуют успешному проведению мероприятий и развитию различных секторов экономики. Это делает MICE важным инструментом для бизнеса, городов и туристических направлений в будущем.

Ежегодно сообщество MICE backstage создает рейтинг MICE-услуг для предоставления объективной и прозрачной информации о ключевых игроках и объеме отрасли [10]. Рейтинг объединяет ключевых игроков индустрии MICE и дает преимущества для компаний:

- Демонстрация достижений и финансовых показателей
- Укрепление доверия клиентов и партнеров
- Объективная оценка на фоне конкурентов

Участие в рейтинге доступно для всех юридических лиц, связанных с организацией мероприятий и корпоративным туризмом.

Российский рынок MICE в 2024 году показал уверенный рост в размере 29%,

достигнув объема в 28,8 млрд рублей (против 22,3 млрд в 2023). По сравнению с прошлым годом темпы снизились, однако это в большей степени связано с окончанием периода адаптации рынка после изменений в 2022 году. Таким образом минимальная оценка объема рынка MICE в России составляет 28,8 млрд рублей, а максимальная (с учетом агентских комиссий) в 40 млрд рублей. Существенное влияние оказала инфляция. По данным Росстата, инфляция 2024 – 9,52%; по данным ЦБ/Reuters, в конце 2024 USD≈100 RUB, к середине 2025 – 80–85 RUB (укрепление ~15–20% относительно конца 2024)».

Эта цифра выше прогнозов, которые давали Минэкономразвития в сентябре (7,3%) и Банк России в октябре (8–8,5%). Однако к декабрю 2024 года представители обоих ведомств пересмотрели свои оценки: в ЦБ ожидали роста цен на 9,6–9,8%. Тем не менее, в некоторых областях, напрямую связанных с индустрией, показатели инфляции оказались заметно выше. Так, по данным РСТ, рост цен на авиабилеты в 2024 году превысил 25%, а на железнодорожные перевозки 15%.

Цель исследования заключается в анализе официальной статистической информации компаний, онлайн-опроса участников рынка об итогах их деятельности в текущем году и прогнозах на будущий период, а также интервью экспертов – основных участников рынка корпоративных мероприятий.

Материалы и методы исследования

Основным критерием оценки компаний являются показатели выручки, основанные на данных Государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности, обусловленные совокупностью факторов, обеспечивающих как теоретическую, так и практическую значимость анализа.

Поиск юридических лиц проводится по открытым источникам или предоставляются самими компаниями. Динамика рассчитывается как разница суммы выручки всех участников за текущий и предыдущий годы. Учитываются данные, полученные новыми компаниями, для объективности анализа.

Динамика =	Выручка за текущий год – Выручка за предыдущий год	× 100%
	Выручка за предыдущий год	

Примечание: составлено авторами международного сообщества деловой и событийной индустрии [10].

**Результаты исследования
и их обсуждение**

Индустрия делового туризма (MICE) активно развивается, предлагая инновационные подходы. Специалисты Сбер-Маркетинга проанализировали последние

тенденции и форматы проведения бизнес-мероприятий, а также методы оценки их результативности. MICE-сектор переживает новый этап роста, затрагивая как туристическую отрасль, так и связанные с ней экономические сферы [2].

MICE-рейтинг в РФ за 2024 год

№	№ 23	+/-	КОМПАНИЯ	ВЫРУЧКА, МЛН Р	ПОСТУПЛЕНИЕ СРЕДСТВ	ДИНАМИКА ЗА ГОД	ДОЛЯ ПО РЕЙТИНГУ	ИНН
1	1	0	Аэроclub Тур	4462,3	6687,5	45% ↑	15%	7702520780
2	2	0	TravelMart/Персона	2805,9	3665	68% ↑	10%	7713570937
3	3	0	Upjet	2517,8	3418,1	31% ↑	9%	7708715915
4	5	1 ↑	МАКСИМАЙС	1977,4	1624	40% ↑	7%	7704628250
5	6	1 ↑	Continent Express	1536,1	10999,86	59% ↑	5%	7701152269

6			Випсервис*	1029	2474,9	15% ↑	4%	7705857799, 7701833652
7	7	0	Демлинк Атлас	878,4	2519,9	15% ↑	3%	9705073607
8			Click To Mice	846,8	986,2	95% ↑	3%	9718031442
9	21	12 ↑	Авиацентр	774,1	4608,5	209% ↑	3%	7717595160
10	11	1 ↑	АТН	724,4	3522,2	51% ↑	3%	7704594843, 7703236362, 7701378989
11	8	-3 ↓	Демлинк	717,9	3999,3	11% ↑	2%	7730715646

12	17	5 ↑	IVS Group	707		152% ↑	2%	7727698983
13	9	-4 ↓	Unifest	689,8	750,2	9% ↑	2%	7704639452
14	10	-4 ↓	KMP Group	642,9	1007,2	3% ↑	2%	7713512389
15	12	-3 ↓	IBC	596,8		33% ↑	2%	6661060352
16	14	-2 ↓	Corporate Travel	501,5		24% ↑	2%	7713505462
17	13	-4 ↓	D-MICE	483,4		9% ↑	2%	7701973378

18	26	8 ↑	Триво	449,6	416,7	113% ↑	2%	7713459640
19	19	0	Аэротон	433		62% ↑	2%	9715001665
20	15	-5 ↓	Конкорд	377		9% ↑	1%	7743083708, 7734147578

Примечание: составлено авторами международного сообщества деловой и событийной индустрии [10].

28796,5	22354	29%
Общий объем 2023, млн ₽	Общий объем 2022, млн ₽	Изменение

Примечание: составлено авторами международного сообщества деловой и событийной индустрии [10].

Согласно аналитике, проведенной в 2024 году, и начало 2025 года, в открытой отчетности некоторых компаний помимо показателя выручки доступны показатели прямых поступлений в рамках денежных потоков от текущих операций. Эти данные приведены справочно, так как доступны не для всех участников рейтинга, а также могут включать в себя средства, получаемые в рамках услуг посредников. Итоговые позиции в рейтинге учитываются по показателю выручки.

«Несмотря на некоторое снижение темпов, 2024 год можно назвать удачным для отрасли, даже с учетом поправки на инфляционные процессы и заметного повышения стоимости логистики. Рынок стабилизировался и вероятно прошедший год можно назвать первым относительно спокойным после серьезных пертурбаций последних лет. В целом, можно ожидать, что в этом году показатели как минимум сохранятся на том же уровне, а отрасль продолжит уверенно развиваться» [10].

В 2024 году 52 компании в рейтинге отметились положительными показателями динамики. 42 компании показали рост свыше 10%, 22 – свыше 50%. Средний показатель составил 46%. На ТОП-5 компаний рейтинга приходится 48% общего объема рынка, а на ТОП-10 62%.

Общий облик сегмента MICE по-прежнему определяют крупнейшие игроки. Высокая конкуренция сохраняется и, хотя лидеры отрасли являются безусловными драйверами всего рынка мероприятий, некоторые компании за пределами первой десятки демонстрируют уверенный рост и стимулируют остальных не только поддерживать высокую планку, но и с вниманием относиться к новым практикам и решениям. Такая ситуация создает условия для органичного развития индустрии в целом, стимулирует поиск путей развития и дополнительных точек роста. Выдающиеся креативные события обязательно находят свой успех и признание как со стороны заказчиков, так и среди MICE агентств. Эксперты рассчитывают, что этот год станет ещё более успешным и будет отмечен яркими запоминающимися мероприятиями, опыт реализации которых пойдёт на пользу всем.

Дальнейшая динамика и конъюнктура рынка MICE во многом будут зависеть от внешних факторов, прежде всего политических и экономических. В случае нормализации отношений, возобновления работы консульств и открытия прямых авиарейсов возможна активизация MICE-активностей в США и других регионах. При возвращении прямого технического обслуживания от авиастроительных компаний возможно сдерживание цен на авиабилеты. Другой немаловажный фактор – укрепление российской валюты почти на 20% к концу прошлого года и политика Центробанка. Впрочем, влияние этих факторов в полной мере можно будет оценить только в следующем году.

Современный этап развития MICE-индустрии осложняется нестабильностью в транспортной сфере, включая рост цен на трансферы. Уход иностранных автопроизводителей привёл к удорожанию транспорта и его обслуживания. Несмотря на это операторы стремятся поддерживать качество, инвестируя в персонал, автопарк и цифровизацию. Трансфер становится услугой категории „ценность“, где

важны не только перевозки, но также комфорт и надёжность [10].

Эксперты с многолетним опытом в MICE-индустрии изучают захватывающую трансформацию отрасли, и выделенные ключевые тренды отражают текущие изменения и вызовы:

1. Гибридные и удаленные события.

Гибридный формат позволяет не только расширить географию участников, но и повысить уровень вовлеченности благодаря интерактивным элементам, таким как опросы и чаты. Это также дает возможность организаторам собирать данные о поведении участников, что может помочь в дальнейшем улучшении мероприятий.

2. Устойчивость и экологичность.

С учетом глобальных вызовов, таких как изменение климата, компании стремятся минимизировать свой углеродный след. Это включает использование экологически чистых материалов, сокращение отходов и выбор мест проведения, соответствующих стандартам устойчивого развития.

3. Технологии и инновации.

Инновационные технологии не только улучшают опыт участников, но и оптимизируют процессы организации мероприятий. Например, использование аналитики больших данных может помочь организаторам лучше понять предпочтения аудитории и адаптировать контент под их интересы.

4. Персонализированный опыт.

Персонализация выходит за рамки простого выбора тематики мероприятия. Это также включает в себя создание индивидуальных маршрутов участия, которые могут учитывать интересы, профессиональные цели и даже предпочтения в формате взаимодействия (например, интерактивные сессии против традиционных лекций).

5. Безопасность и здоровье.

Пандемия COVID-19 подчеркнула важность здоровья и безопасности на мероприятиях. Организаторы теперь должны учитывать не только физическую безопасность, но и психо-эмоциональное состояние участников, создавая комфортную атмосферу и обеспечивая доступ к медицинским услугам при необходимости. Эти тренды не только меняют подход к организации мероприятий, но и формируют новые ожидания у участников, что в свою очередь требует от организаторов гибкости и инновационного мышления.

Основные моменты отчета по MICE-индустрии по типам

Аспекты	Подробные сведения
Объем рынка к 2031 году	2,1 триллиона долларов США
Темпы Роста	Среднегодовой темп роста 15,2%
Прогнозируемый период	2021 – 2031
Страницы отчета	110
По типу события	<ul style="list-style-type: none"> • Выставки • Встречи • Стимулы • Условности
По Регионам	<ul style="list-style-type: none"> • Северная Америка (США, Канада, Мексика) • Европа (Германия, Великобритания, Испания, Франция, Италия, остальная Европа) • Азиатско-Тихоокеанский регион (Китай, Индия, Сингапур, Таиланд, Индонезия, Австралия, Новая Зеландия, Япония, Малайзия, Южная Корея, Вьетнам, Гонконг, Тайвань, остальная часть Азиатско-Тихоокеанского региона) • LAMEA (Бразилия, остальные страны LAMEA) • Ближний Восток (ОАЭ, остальной Ближний Восток) • Африка (Южная Африка, Нигерия, Гана, Кения, Намибия, Руанда, остальная часть Африки)
Ключевые игроки Рынка	ATPI Ltd., ACCESS Destination Services, Meetings and Incentives Worldwide, Inc, One10, LLC, Conference Care Ltd., Maritz, CWT, IBTM World, ITA Group, FCM Travel, 360 Destination Group, CSI DMC, Creative Group, Inc., The Interpublic Group of Companies, Inc., BCD Group International BV, The Freeman Company, LLC, BI WORLDWIDE

Примечание: Отчет о главных особенностях индустрии MICE [9].

Из вышеперечисленного необходимо отметить, что многим крупным отельерам стоит обратить внимание на тренды, которые популярны на Российском рынке и следовать рекомендациям крупных игроков MICE рынка.

Для роста и укрепления своих позиций на рынке, а также для создания новых перспектив в MICE-индустрии, ключевые игроки применяют такие стратегии, как:

- поглощения,
- масштабирование бизнеса,
- формирование альянсов и совместных проектов,
- вывод на рынок новых предложений [7].

Среди ведущих компаний в этой сфере, согласно анализу, выделяются Maritz, BI Worldwide, Ltd., ITA Group, Inc, One10, LLC, Meetings and Incentives Worldwide, Inc. (M&IW), Creative Group, Inc., ACCESS Destination Service, 360 Destination Group, CSI DMC, Carlson Wagonlit Travel, IBTM, BCD Group, Cievents, ATPI Ltd, Conference Care Ltd, Freeman Company и Interpublic Group of Companies, Inc.

Ключевые преимущества для заинтересованных сторон

- *Стратегическое видение рынка:* Наше исследование предоставляет исчерпывающий обзор рынка, включая анализ текущих тенденций и прогнозов на будущее, что служит основой для принятия обоснованных инвестиционных решений.

- *Понимание рыночных драйверов и барьеров:* В отчете содержится информация о важнейших факторах, влияющих на рынок, его ограничениях и возможностях, а также оценка их воздействия.

- *Анализ конкурентной среды:* Модель пяти сил Портера помогает понять, как покупатели и поставщики формируют конкурентную среду в отрасли.

- *Оценка рыночного потенциала:* Количественный анализ индустрии MICE с 2024 по 2032 год дает четкое представление о её перспективах развития [9].

Заключение

Подводя итоги нужно отметить, что MICE-индустрия (Meetings, Incentives,

Conferences, Exhibitions) находится на этапе значительных изменений и требует от участников рынка гибкости и инновационного подхода. Признание отеля «Domina Novosibirsk» в итоговом списке рейтинга «Top 100 Business Hotels» подчеркивает важность качества обслуживания и способности адаптироваться к новым требованиям. Вот несколько ключевых аспектов, которые доказывают это утверждение: гибкость: устойчивость, технологии, персонализация, безопасность. Участники ожидают индивидуального подхода.

Таким образом, успешные отели и площадки будут те, которые смогут эффективно сочетать эти аспекты, создавая не только качественные мероприятия, но и положительный опыт для всех участников. Domina Novosibirsk, как один из лидеров в этой области, демонстрирует пример того, как можно успешно справляться с вызовами современности и при этом оставаться на шаг впереди конкурентов.

Эксперты считают, что Россия обладает значительным потенциалом для того, чтобы занять лидирующие позиции в индустрии MICE-туризма. Расширение списка стран, граждане которых могут получить электронную визу (сейчас их 64), и сокращение срока ее оформления до четырех дней, способствуют этому. Кроме того, планируется дальнейшее упрощение визового режима для деловых поездок и введение групповых безвизовых программ, о чем сообщил Вахруков.

С учетом всех этих факторов, Россия действительно имеет все шансы стать одним из лидеров в сфере MICE-туризма, привлекая международное внимание и создавая уникальные возможности для бизнеса и культурного обмена.

По мнению руководителей ведущих мировых компаний, индустрия MICE приносит большой доход в сфере туризма. Она предлагает простые и удобные способы организации мероприятий и помогает выбрать подходящее направление, что является основой успешного мероприятия.

Гостиничный и транспортный секторы являются неотъемлемой частью индустрии MICE, и их успех напрямую зависит от этого направления. Предоставляя свои услуги организаторам и участникам MICE-мероприятий, эти отрасли получают существенную отдачу. Отели, будучи основными поставщиками MICE-услуг, выступают и главными бенефициарами. Согласно данным мировых бизнес-лидеров, участники MICE-мероприятий направляют более 65% своих расходов на проживание и питание в отелях, а также 15% на посещение других ресторанов. Оставшиеся средства, а именно 10%, направляются на потребительские товары, и еще 10% – на оплату местного проезда. Параллельно с этим, повсеместное внедрение цифровых технологий и интернета в густонаселенных местностях подстегивает рост деловых путешествий. Это, в свою очередь, опосредованно способствует развитию мировой индустрии MICE. В итоге, индустрия MICE играет ключевую роль в ускорении экономического развития, налаживании регионального партнерства и продвижении интеллектуального прогресса.

Таким образом, развитие индустрии MICE действительно имеет многоаспектное влияние на экономику, создавая возможности для гостиничного и транспортного секторов, а также способствуя общему росту регионов. Учитывая текущие тенденции и технологические изменения, можно ожидать дальнейшего роста этой сферы в будущем.

Библиографический список

1. Довгалоук И.М., Колотова Т.Е. Позиционирование и продвижение средств размещения в сфере MICE как основополагающая часть развития рынка делового туризма // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 108-112. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/449/98861/> (дата обращения: 13.07.2025).
2. Официальный сайт электронного журнала «Buying Business Travel Russia [Электронный ресурс]. URL: https://buyingbusinessstravel.com.ru/glossary/_M/mice-meropriyatiya/ (дата обращения: 01.07.2025).
3. Казюлина Н.Н., Сакович С.М. Event – маркетинг: учебное пособие. М.: Русайнс, 2024. 65 с. ISBN 978-5-466-01828-8.
4. Андрущенко Е.Ю. Менеджмент в сфере академической музыкальной культуры и современные event-технологии: учебно-методическое пособие. СПб.: Лань, 2024. 84 с. ISBN 978-5-507-48860-5.

5. Нюренбергер Л.Б., Роголева Н.Л., Петренко Н.Е. Современный деловой туризм: структура, особенности, развитие // Финансовые рынки и банки. 2021. № 8. С. 28–32.
6. Решетникова Н.Н., Змяк С.С., Магомедова М.Г. Современные тенденции и перспективы развития индустрии MICE: российский и мировой опыт // Вестник научно-исследовательского корпоративного управления и инновационное развитие экономики Севера. 2020. № 1. С. 62–72. DOI: 10.34130/2070-4992-2020-1-62-72.
7. Троицкая С.П. Проблемы развития MICE-туризма в Крыму и Севастополе // Туристский сезон 2021: проблемы и перспективы: сборник научных статей научно-практического on-line форума, Севастополь, 02 апреля 2021 года / Под редакцией И.С. Кусов, Н.В. Шабалина, Р.Р. Тимиргалеева. Майкоп: ЭлИТ, 2021. С. 166–170. ISBN: 978-5-6045802-8-8.
8. 5 Устойчивых трендов в MICE Индустрии. Domina Group. 2025. 01 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <https://dominagroup.ru/blog/aktualnye-trendy-mice-industrii-2025-goda/> (дата обращения: 01.04.2025).
9. Индустрия MICE по типу (встречи, поощрительные поездки, конгрессы и выставки): анализ возможностей и прогноз отрасли на 2023–2032 гг. Allied Market Research. 2024. 29 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alliedmarketresearch.com/MICE-industry-market> (дата обращения: 15.05.2025).
10. Официальный сайт рейтинга MICE индустрии в РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.micerating.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

УДК 338.2

А. Е. Неволин

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН,
Апатиты, e-mail: aprec99@mail.ru

КОНЦЕПТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Ключевые слова: стратегическое планирование, управление, концептуальная модель, сравнительные критерии, горно-металлургические компании, сценарии.

В статье обоснована роль стратегического планирования в системе управления. Выявлены различия между стратегическим управлением и планированием в контексте понимания того, что стратегическое планирование выступает, прежде всего, как функция управления, сосредоточенная на процессах прогнозно-аналитической деятельности, определении иерархии стратегических альтернатив, формировании программно-целевых комплексов действий. Представлены ключевые характеристики стратегического планирования и управления, по таким критериям сравнения как: основной акцент, длительность, гибкость, участники, результат. Приведены особенности горно-металлургической отрасли позволяющие выявить специфику стратегического планирования в отрасли. Выделены особенности системы стратегического планирования в крупных горно-металлургических компаниях, таких как: ПАО ГМК «Норильский Никель», ПАО «Уральская горно-металлургическая компания», ПАО Северсталь. Предложены сценарии развития горно-металлургической компании ПАО Норильский никель как важнейшего этапа стратегического планирования.

А. Е. Nevolin

Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre RAS,
Apatity, e-mail: aprec99@mail.ru

THE CONCEPT OF STRATEGIC PLANNING IN THE MINING AND METALLURGICAL INDUSTRY

Keywords: strategic planning, management, conceptual model, comparative criteria, mining and metallurgical companies, scenarios.

The article substantiates the role of strategic planning in the management system. The differences between strategic management and planning are revealed in the context of understanding that strategic planning acts primarily as a management function focused on the processes of predictive and analytical activities, determining the hierarchy of strategic alternatives, and forming programmatic and targeted sets of actions. The key characteristics of strategic planning and management are presented, according to such comparison criteria as: the main focus is duration, flexibility, participants, result. The features of the mining and metallurgical industry are given, which make it possible to identify the specifics of strategic planning in the industry. The features of the strategic planning system in large mining and metallurgical companies, such as PJSC MMC Norilsk Nickel, PJSC Ural Mining and Metallurgical Company, PJSC Severstal, are highlighted. Scenarios for the development of the mining and metallurgical company PJSC Norilsk Nickel as the most important stage of strategic planning are proposed.

Введение

Стратегическое управление представляет собой систематизированный процесс управления организацией, ориентированный на реализацию долгосрочных, необратимых изменений, имеющих стратегическое значение для устойчивого развития компании. В отличие от оперативного и тактического управления, стратегическое управление фокусируется на формировании перспективной траектории развития, адаптации к изменяющимся внешним условиям и обеспечении конкурентных преимуществ

в долгосрочной перспективе. Оно охватывает как внутренние ресурсы и потенциал организации, так и внешние факторы макро- и микросреды, включая экономические, технологические, политические, экологические и социальные аспекты [1,2].

Основной задачей стратегического управления является создание устойчивой модели развития предприятия, способной обеспечить его адаптивность к внешним вызовам и трансформациям, а также эффективное использование внутренних ресурсов. Данный подход предполагает не просто ре-

акцию на внешние изменения, но и активное прогнозирование, моделирование сценариев развития и формирование собственной стратегической поведенческой парадигмы.

В рамках системы стратегического управления особое место занимает стратегическое планирование, которое выступает ключевой управленческой функцией, обеспечивающей детализацию стратегических целей и их перевод на операционный уровень управления промышленным предприятием. Оно представляет собой структурированный процесс выработки и реализации системы управленческих решений, направленных на достижение долгосрочных целей организации с учетом текущего положения и возможного развития внешней и внутренней среды.

Стратегическое планирование в научной и управленческой практике часто рассматривается как ключевой инструмент, обеспечивающий чёткую постановку целей и координацию усилий всех структурных подразделений организации для их эффективной реализации. В рамках данного подхода акцент делается на системном характере планирования, направленном на достижение устойчивого развития и конкурентоспособности предприятия в долгосрочной перспективе. Согласно ряду исследований, стратегическое планирование представляет собой комплекс управленческих решений и организационных действий, ориентированных на разработку и реализацию функциональных стратегий, соответствующих общей стратегической направленности компании [3-6].

В условиях современной экономической реальности, характеризующейся высокой степенью турбулентности и неопределённости внешней среды, возрастает значимость повышения эффективности долгосрочного стратегического планирования. Это связано с необходимостью минимизации потенциальных рисков, обусловленных нестабильностью макроэкономической среды, изменениями в законодательстве, колебаниями рынков сырья и готовой продукции, а также технологическими вызовами. В этих условиях стратегическое планирование становится не только механизмом управления, но и инструментом обеспечения устойчивости и адаптивности организации [7-10].

Цель исследования заключается в уточнении роли стратегического планирования в системе организационно-экономического фокуса характерного для горно-металлургических компаний.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить различия между стратегическим управлением и планированием;
- обосновать концептуальную модель стратегического планирования;
- выявить особенности стратегического планирования и построения сценариев развития в горно-металлургической отрасли.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют комплексный подход, позволяющий рассматривать стратегическое планирование как целостную систему в контексте организационно-экономического фокуса долгосрочного развития горно-металлургических компаний. В работе применяется сравнительно-аналитический метод для выявления различий между стратегическим управлением и стратегическим планированием, а также метод концептуального моделирования для обоснования места стратегического планирования в системе стратегического управления. В статье значительное внимание уделяется отраслевой специфике, что предполагает использование экспертных оценок и анализа отраслевых практик.

В исследовании использовались такие методы как: анализ и синтез научной литературы по проблеме исследования; сравнительно-аналитический метод, позволяющий определить существенные и несущественные различия между стратегическим управлением и планированием; абстрагирование и формализация способствуют построению концептуальной модели стратегического планирования; классификация и обобщение позволяют структурировать отраслевые особенности горно-металлургического комплекса.

В статье использовался метод сценариев по развитию развития производства и рынков критических металлов. При использовании сценарного подхода выделены такие сравнительные критерии как доля внутреннего рынка; риски; инвестиции в технологии (включая экологическую модернизацию), логистику, научные исследования; ключевые преимущества.

Результаты исследования и их обсуждение

Выделим отличия стратегического управления от стратегического планирования. Несмотря на тесную взаимосвязь

понятий «стратегическое управление» и «стратегическое планирование», они имеют различное содержание и не могут рассматриваться как взаимозаменяемые термины. Ниже представлены ключевые различия между ними:

1. *Понятийная сущность.* Стратегическое управление представляет собой управленческую парадигму, охватывающую полноту процессов формирования, реализации и адаптации стратегических решений. Данная концепция включает в себя не только разработку стратегических планов, но и организацию их практической реализации, систематический мониторинг эффективности исполнения, а также оперативную корректировку управленческих воздействий в ответ на трансформацию внешней и внутренней среды промышленной компании.

Стратегическое планирование выступает в качестве функции стратегического управления, представляя собой специализированный процесс определения альтернатив и сценариев развития, формулирования задач и разработки конкретных программ и проектов, направленных на достижение желаемого будущего состояния промышленной компании. Указанная деятельность включает в себя не может обойтись без прогнозирования и анализа текущего положения компании, при этом научно обоснованное прогнозирование развития внешней среды позволит более адекватно определить важнейшие стратегические направления производственно-хозяйственной и рыночной деятельности.

2. *Функциональная направленность.* Стратегическое управление охватывает полный цикл стратегической деятельности организации, включающий системный анализ макро- и микросреды, научную разработку стратегических альтернатив, организацию их практической реализации, институциональный контроль за эффективностью исполнения и оперативную корректировку целевых установок в соответствии с динамикой изменяющихся условий внешней и внутренней среды.

Стратегическое планирование характеризуется специализированной функциональной направленностью, сосредоточенной на процессах прогнозно-аналитической деятельности, определении иерархии стратегических альтернатив, формировании программно-целевых комплексов действий и идентификации необходимых

ресурсных потенциалов для обеспечения эффективной реализации поставленных задач развития.

3. *Динамичность и гибкость.* Современное стратегическое управление представляет собой высокоскоростной и адаптивный процесс, предполагающий возможность оперативной корректировки управленческих решений в зависимости от трансформации как внешних, так и внутренних параметров функционирования компании.

Стратегическое планирование, в отличие от стратегического управления, связано с разработкой нормативно-регулятивного документа – стратегического плана, который закрепляет систему целей и задач развития компании. Как правило, данный процесс осуществляется на длительный временной горизонт (5–10 лет) и предполагает относительную стабильность системы целевых ориентиров и программных мероприятий.

4. *Временной горизонт.* Стратегическое управление реализуется на всех этапах жизненного цикла стратегии, включая не только её разработку и формализацию, но и краткосрочные операционные меры по практическому воплощению в жизнь, а также своевременную корректировку в зависимости от объективных изменений.

Стратегическое планирование, напротив, сосредоточено преимущественно на долгосрочной перспективе, формируя основные стратегические ориентиры и цели развития организации на протяжении нескольких лет, что обеспечивает необходимую преемственность и целостность стратегического развития

5. *Участники процесса.* Стратегическое управление предполагает вовлечение всех уровней руководства и персонала, так как его успешная реализация зависит от ежедневных действий и оперативных решений сотрудников на различных ступенях иерархии.

Стратегическое планирование, как правило, осуществляется специализированными отделами или квалифицированными экспертами, занимающимися разработкой стратегических документов и направлений развития.

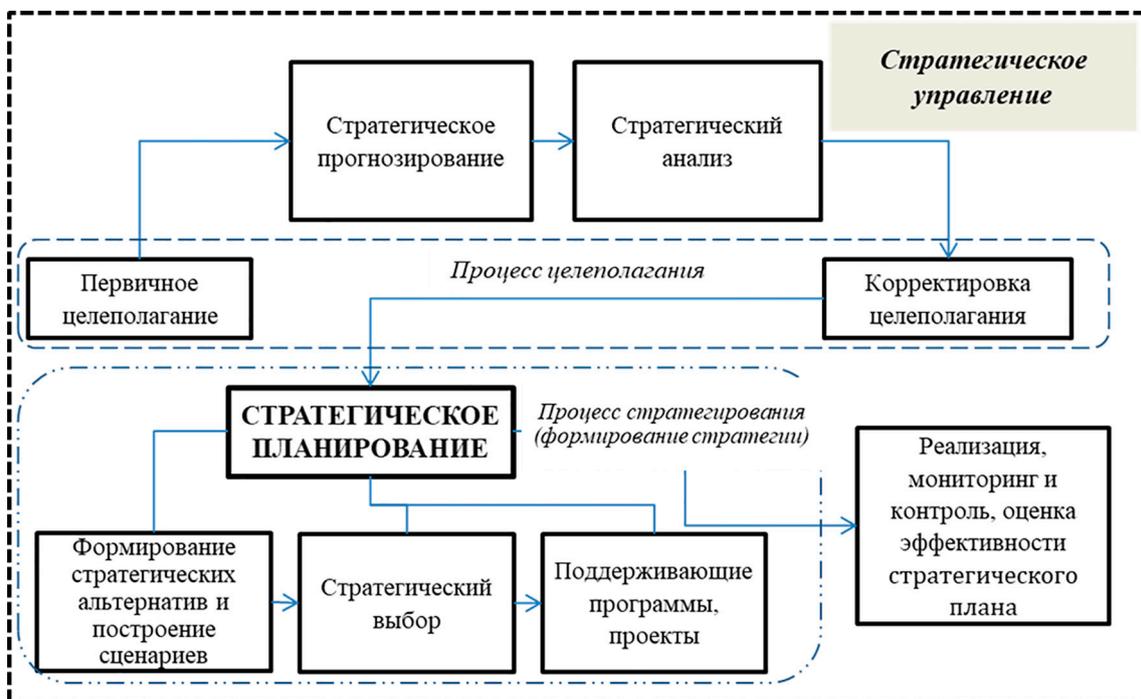
6. *Результат.* Эффективность стратегического управления проявляется в достижении поставленных стратегических целей и обеспечении устойчивого, сбалансированного развития организации в условиях изменяющейся внешней и внутренней среды.

Таблица 1

Ключевые характеристики стратегического планирования и управления

Характеристика	Стратегическое планирование	Стратегическое управление
Основной акцент	Формулировка целей и задач. Обоснование комплекса мероприятий и альтернатив развития компании	Реализация и адаптация стратегии
Длительность	Долгосрочный период	Непрерывный процесс. В современной экономике формат онлайн корректировок
Гибкость	Менее гибкое – такой документ как стратегический план может быть пересмотрен, но для этого требуется время	Высокая адаптивность
Участники	Эксперты, аналитики, экономисты-исследователи	Все уровни управления
Результат	Стратегический план развития сопутствующие программы и проекты	Долгосрочное устойчивое развитие компании

Источник: составлено автором.

Концептуальная модель, обозначающая роль и место стратегического планирования в системе стратегического управления
 Источник: составлено автором

Эффективность стратегического планирования оценивается по качеству разрабатываемых комплексных документов – таких как стратегия развития, а также сопутствующие программы и планы. При этом факт достижения или отклонения от намеченных стратегических целей фиксируется и учитывается при корректировке текущих программ и проектов.

Представленное сравнение кратко можно отразить в таблице 1.

Таким образом, стратегическое планирование целесообразно рассматривать как важный инструмент и один из ключевых этапов в рамках более обширной системы стратегического управления.

Стратегическое планирование выступает отправной точкой, обеспечивающей струк-

турированный подход к определению целей и задач, тогда как стратегическое управление гарантирует их успешное воплощение в жизнь через согласованные управленческие действия, распределение ресурсов и постоянное сопровождение стратегического процесса.

Следовательно, без эффективного стратегического планирования невозможно построить устойчивую систему стратегического управления, равно как и без последнего – реализовать разработанную стратегию в полной мере.

Место и составляющие стратегического планирования в системе стратегического управления представлен на рисунке.

В контексте горно-металлургической промышленности можно выделить следующие характерные черты производственно-хозяйственной деятельности компаний отрасли, которые оказывают существенное влияние на процесс стратегического планирования [11]:

1. Дефицит новых месторождений с высоким содержанием полезных компонентов и значительными запасами сырья.

2. Высокая себестоимость добычи, обогащения и переработки руды, обусловленная сложностью технологических процессов и энергоёмкостью производства.

3. Многокомпонентный состав руд, предоставляющий возможность извлечения попутных ценных металлов, что может стать как важным источником дополнительного дохода, так и возможным увеличением затрат на извлечение новых полезных компонентов.

4. Значительный уровень экологических рисков, включая климатические риски (актуальность которых растёт). В этой связи важна интеграция ESG-принципов (экология, социальная ответственность, корпоративное управление) в систему стратегического планирования развития компании. Ответственное инвестирование и забота об окружающей среде позволит горно-металлургическим компаниям получать ESG – премии.

Выделим особенности системы стратегического планирования в крупных горно-металлургических компаниях.

ПАО ГМК «Норильский Никель» Компания активно использует инструменты стратегического планирования для разработки долгосрочных программ развития. В рамках данного процесса были сформированы три ключевых сценария экономического

развития, которые определяют возможные альтернативные пути эволюции компании под воздействием актуальных макроэкономических и технологических трендов. Характерной чертой применяемых подходов к стратегическому планированию является их тесная увязка с глобальными тенденциями, включая переход к «зеленой» экономике и устойчивому развитию.

ПАО «Уральская горно-металлургическая компания» (УГМК). В рамках стратегического планирования основное внимание сосредоточено на устойчивом развитии производственного потенциала компании в долгосрочной перспективе. Базой для разработки стратегических планов и программ служат данные о текущей производственной мощности активов, а также оценка потенциальной ёмкости рынков металлов. Приоритетными направлениями развития выступают автоматизация

ПАО «Северсталь» Одним из ключевых преимуществ системы стратегического планирования является возможность декомпозиции долгосрочных целей на этапы, что позволяет обеспечить последовательный контроль за их реализацией и достижением промежуточных результатов. Также важным достоинством выступает успешная интеграция целей устойчивого развития с текущими операционными задачами компании, что способствует сбалансированному и эффективному управлению развитием организации.

Для ПАО «ГМК «Норильский никель» ключевым вопросом является выбор стратегии сбыта продукции в условиях геополитических вызовов и растущего спроса на «зелёные» металлы

Далее рассмотрены сценарии стратегического развития экспортно-ориентированной горно-металлургической компании на примере ПАО ГМК Норильский Никель (выполнена оценка производства и рынков таких металлов как: родий, платина, никель). В рамках диссертационного исследования разработана и реализована сценарная модель, предусматривающая три варианта развития внутреннего рынка: *стабильный, умеренный и интенсивный*. Данный подход позволяет оценить устойчивость и адаптивность стратегических решений в различных условиях рыночной конъюнктуры и спрогнозировать ключевые показатели эффективности при различных уровнях экономической активности.

Сценарное моделирование включает:

– *Стабильный сценарий* – отражает поступательное развитие внутреннего рынка с умеренными темпами роста и чуть превышающими существующие тенденции;

– *Умеренный сценарий* – предполагает невысокое ускорение экономических процессов в отраслях-потребителях с меньшими показателями роста внутреннего рынка по сравнению со *стабильным сценарием* показателями роста и изменением структуры рыночных условий;

– *Интенсивный сценарий* – характеризуется высокой динамикой развития внутреннего рынка, значительными структурными изменениями и максимальными темпами экономического роста.

Сценарий 1 (стабильный) – Экспорт в страны, не использующие санкции в отношении России.

Основные направления стратегического развития:

– углубление экономического и торгового сотрудничества с государствами БРИКС, ЕАЭС (преимущественно Китай и Индия), на которые в 2023 году приходилось около 45% объёмов экспорта продукции компании;

– развитие альтернативных логистических маршрутов, включая использование Северного морского пути и железнодорожных коридоров в Азию, в том числе и с целью снижения зависимости от транспортной инфраструктуры западных стран.

– осуществление инвестиций в строительство перерабатывающих мощностей на территории стран-партнёров (в частности, в Китае) для выпуска высокотехнологичной и высокомаржинальной продукции, такой как соли никеля для литиевых аккумуляторов и катализаторы на основе палладия [12].

Ожидаемые результаты:

– увеличение доли азиатского рынка в общем объёме экспорта до 60–70% к 2030 году;

– увеличение доли внутреннего рынка до 15%;

– снижение логистических издержек на 15–20% за счёт оптимизации транспортных схем;

– ежегодный рост выручки на 8–10% благодаря выводу на рынок продукции с высокой добавленной стоимостью.

Потенциальные риски такого сценария связаны с возможным введением вторичных санкций на третьи страны, сотрудничающие

с российскими компаниями, а также растущая конкуренция со стороны китайских производителей никеля, таких как Tsingshan Holding Group, способных вытеснить российский продукт с локального рынка [13].

Сценарий 2 (умеренный) – Развитие поставок на внутренний рынок.

Основные направления стратегического развития:

– репрофилирование части производственных мощностей для удовлетворения потребностей отечественной промышленности;

– организация поставок никеля и кобальта для проектов по производству аккумуляторов, реализуемых под эгидой «Росатома» и «Концерн Калашников»;

– расширение производства меди для нужд кабельной промышленности и проектов в сфере возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Здесь целесообразно отметить и обязательно необходимые меры государственной поддержки производителей металлов и, в частности, например введение государственной поддержки в виде субсидирования тарифов на электроэнергию для металлургических предприятий, а также разработка и внедрение налоговых льгот для производителей «зелёных» металлов с низким углеродным следом [14].

Ожидаемые результаты:

– увеличение доли внутренних продаж с 4% до 12% к 2030 году;

– снижение зависимости от колебаний экспортных цен на металлургическую продукцию [15];

– формирование новых продуктовых линеек, включая производство никеля для водородной энергетики и других инновационных направлений.

Потенциальные риски характеризуются ограниченностью объёмов внутреннего спроса: ёмкость российского рынка никеля составляет порядка 20–25 тыс. тонн в год при текущем уровне производства в 209 тыс. тонн. Также может наблюдаться низкая рентабельность операций из-за регулирования цен государством и отсутствия рыночных механизмов ценообразования [16].

Сценарий 3 (интенсивный) – Развитие всех возможных экспортных направлений.

Основные направления стратегического развития:

– применение схем трейдинга через нейтральные юрисдикции (например, ОАЭ,

Турция) с целью минимизации влияния санкционных ограничений;

- формирование имиджа экологически ответственного производителя через сертификацию продукции по международным стандартам, включая LPPM (Лондонская ассоциация рынка платины и палладия) и CERA4in1 (Система сертификации, охватывающая всю цепочку поставок минерального сырья – от этапа разведки месторождений до выпуска конечного продукта. Она универсальна и применима ко всем видам минералов по всему миру, а также может использоваться предприятиями независимо от их размера.) [17];

- возобновление поставок в страны ЕС и США через независимых посредников, как это было реализовано в 2023 году при продаже Norilsk Nickel USA компании TMP Metals Group.

Ожидаемые результаты:

- сохранение доли экспорта на уровне 80% от общего объёма реализации;
- увеличение доли внутреннего рынка до 20%;
- рост ценовой премии за экологичность продукции на 5–7%.
- диверсификация клиентской базы за счёт выхода на новые рынки Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Потенциальные риски сопряжены с возможной блокировкой финансовых транзакций через систему SWIFT и заморозка активов в странах, поддерживающих санкции;

репутационные потери и усиление международной изоляции из-за использования схем обхода санкционных ограничений.

В таблице 2 представлены исходные данные для экономических расчетов по предлагаемым сценариям.

По результатам расчетов каждого сценария были получены следующие показатели экономической эффективности в расчете на 10 лет (таблица 3).

Проведённый экономический анализ сценариев развития производства критически важных металлов в ПАО «ГМК «Норильский никель» подтверждает высокую целесообразность выбранных стратегических решений, направленных на диверсификацию рынков сбыта, повышение глубины переработки и развитие внутреннего потребления продукции. В условиях сохраняющегося внешнего давления, волатильности мировых цен и логистических ограничений компания демонстрирует способность адаптироваться к новым вызовам за счёт комплексного подхода к управлению производственными и сбытовыми цепочками.

Результаты моделирования *стабильного сценария* показывают, что проект по увеличению выпуска родия, платины и никеля обеспечивает значительный экономический эффект при сохранении высокой инвестиционной привлекательности: чистая приведённая стоимость (NPV) составляет 420,1 млрд руб., внутренняя норма доходности (IRR) – 68%.

Таблица 2

Исходные данные по сценариям

Показатель/ Сценарий	Стабильный	Умеренный	Интенсивный
Производство родия, т/год	4,0	3,5	4,5
Производство платины, т/год	20,0	17,0	23,0
Производство никеля, т/год	205 000	190 000	220 000
Внутренний рынок, %	15	12	20
Цена родия (внутренний рынок), млн руб./т	370	370	370
Цена родия (экспорт), млн руб./т	405	405	420
Цена платины (внутренний рынок), млн руб./т	85	85	90
Цена платины (экспорт), млн руб./т	94,5	94,5	95
Цена никеля (внутренний рынок), млн руб./т	1,5	1,5	1,6
Цена никеля (экспорт), млн руб./т	1,62	1,62	1,75
ОРЕХ, % от выручки	60	64	58
САРЕХ, % от выручки	10	12	14

Источник: составлено автором с использованием [18-20].

Таблица 3

Сравнение сценариев по количественным и качественным показателям

Показатель / Сценарий	Стабильный	Умеренный	Интенсивный
Количественные показатели			
Доля внутреннего рынка, %	15 %	12 %	20 %
Темпы роста внутреннего рынка, %/год	3	1,5	4
Чистая приведенная стоимость (NPV), млрд руб.	420, 116	304, 200	495, 700
Внутренняя норма доходности (IRR), %	68	49	74
Срок окупаемости, лет	<2	2,5	1,7
Среднегодовая прибыль, млрд руб.	96	68,5	116
Рентабельность продаж, %	21–23	17–19	24–26
Качественные показатели			
Инвестиции	Высокие	Умеренные	Очень высокие
Риски	Управляемые: рыночные, технологические, низкая вовлеченность отечественной промышленности, геополитические (изменение позиции нейтральных стран)	Управляемые: рыночные, неэффективное госрегулирование	Слабо управляемые: санкции, конкуренция с Китаем, волатильность цен
Ключевые преимущества	Сбалансированность доходности и устойчивости	Минимизация внешних рисков	Максимальный финансовый результат

Источник: составлено и рассчитано автором с использованием [18-20]

Необходимо отметить, что при полученных более высоких экономических показателей *интенсивного сценария*, его реализация в ближайшее 10 лет маловероятна, поскольку требуется существенное увеличение продаж рассматриваемых металлов на внутреннем рынке. Это сопряжено с высокими рисками, неуправляемого характера для компании ПАО «ГМК «Норильский никель», поскольку развитие рынков зависит от отраслей-потребителей и интенсивного создания новых отечественных высокотехнологичных производств.

Безусловно, особое значение имеет стратегический разворот компании в сторону внутреннего рынка и глубокого передела. В условиях, когда внутреннее потребление никеля, платины и родия существенно уступает объемам производства, а экспорт сопровождается ценовыми скидками и ростом логистических расходов, развитие отечественных цепочек создания добавленной стоимости становится ключевым фактором устойчивости бизнеса. Примеры успешных проектов по локализации производства катализаторов для нефтехимии, автокатализато-

ров и медицинских изделий подтверждают, что даже относительно небольшие объемы внутреннего потребления формируют стабильную выручку, способствуют импортозамещению и технологическому суверенитету, а также создают мультипликативный эффект для смежных отраслей. Однако развитие внутреннего рынка не может произойти моментально. Данный факт необходимо принимать во внимание.

Переход к выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью (катоде, соли никеля, компоненты для электроники и медицины) позволяет повысить маржинальность, снизить зависимость от экспортной конъюнктуры и обеспечить долгосрочную загрузку производственных мощностей. При этом сохраняется возможность экспорта избыточных объемов на внешние рынки, что поддерживает валютную выручку и диверсифицирует риски. Такой комбинированный подход – развитие внутреннего потребления при сохранении экспортного потенциала – обеспечивает ПАО «ГМК «Норильский никель» устойчивость к внешним шокам, оптимизацию струк-

туры доходов и повышение инвестиционной привлекательности.

Заключение

Место и роль стратегического планирования в системе управления компанией определяется формированием альтернатив и сценариев, инструментами стратегического выбора и реализацией поддерживающих программ и проектов долгосрочного развития.

Особенности горно-металлургических компаний определяет ряд технологических и рыночных сценариев развития. Стратегические планы должны быть направлены на соблюдения баланса между экспортом продукции и развитием поставок на внутренний рынок. Технологические аспекты связаны с модернизацией производства на всех стадиях, включая развитие природоохранных и климатических технологий.

Современные подходы к стратегическому планированию в горно-металлургическом комплексе формируются под влиянием ряда ключевых факторов:

– усиление глобальной конкуренции, требующей от компаний повышения операционной и стратегической эффективности,

быстрой реакции на потребности рынков в критически важных металлах;

– технологическая трансформация, связанная с переходом к новому технологическому укладу, требующая оперативного внедрения передовых технологий и развития инноваций, в том числе в вопросах цифровизации и роботизации, а также в применении систем искусственного интеллекта. Вопросы технологической модернизации и внедрения цифровых технологий существенно влияют и на промышленную безопасность, что крайне важно для компаний горно-металлургического сектора;

– увеличение значимости мероприятий в сфере повышения климатической эффективности, направленных на снижения выбросов парниковых газов;

– развитие ESG-финансирования (экологической, социальной и управленческой ответственности), что стимулирует внедрение передовых бизнес-практик;

– возрастание роли человеческого капитала в условиях экономики знаний, где квалификация персонала и инновационная активность становятся ключевыми факторами конкурентоспособности.

Библиографический список

1. Ансофф И. Стратегический менеджмент. Классическое издание. СПб.: Питер, 2009. 342 с.
2. Томпсон А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа: пер. с англ. 12-е изд. М.: Вильямс, 2011. 928 с.
3. Глазьев С.Ю. Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием // Экономическое возрождение России. 2021. № 3(69). С. 14-19. DOI 10.37930/1990-9780-2021-3-69-14-19. EDN: AOJQPU.
4. Горбачев Д.А. Стратегическое планирование в организации // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2023. № 2. С. 100-105. DOI: 10.47576/2782-4586_2023_2_100. EDN: USOSKR.
5. Штезель А.Ю. Стратегическое маркетинговое планирование как инструмент обеспечения конкурентоспособности предприятия // Сфера услуг: инновации и качество. 2020. № 46. С. 100-108. EDN: EXYBEN.
6. Сасаев Н.И., Квинт В.Л. Стратегирование промышленного ядра национальной экономики // Экономика промышленности. 2024. Т. 17, № 3. С. 245-260. DOI: 10.17073/2072-1633-2024-3-1349. EDN: ММЕЕСW.
7. Куликова М.А., Крылова Е.А. Стратегическое планирование в интересах устойчивого развития организации // Агентство «Слияния и Поглощения». 2022. № 2(7). С. 17-19. EDN: IHSRHV.
8. Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимуратов М.К., Сасаев Н.И. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // Управленческое консультирование. 2022. № 9(165). С. 57-67. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67. EDN: RZGDLM.
9. Cherepovitsyn A., Kazanin A., Rutenko E. Strategic Priorities for Green Diversification of Oil and Gas Companies // Energies. 2023. Vol. 16, No. 13. P. 4985. DOI: 10.3390/en16134985. EDN: ZXNTTL.
10. Cherepovitsyn A., Rutenko E. Strategic Planning of Oil and Gas Companies: The Decarbonization Transition // Energies. 2022. Vol. 15, No. 17. P. 6163. DOI: 10.3390/en15176163. EDN: EQJIV.
11. Неволин А.Е., Череповицын А.Е. Анализ миссий и стратегических целей российских горно-металлургических компаний // E-Management. 2024. Т. 7, № 3. С. 40-51. DOI: 10.26425/2658-3445-2024-7-3-40-51. EDN: IVDRSO.

12. Инновации [Электронный ресурс] // Норникель. URL: <https://nornickel.ru/innovation/> (дата обращения: 03.07.2025).
13. Инновационное развитие – ГМК «Норильский никель» [Электронный ресурс]. Норильск, 2023. URL: <https://sr2023.nornickel.ru/download/csr/ru/pdf/parts/innovative-development.pdf> (дата обращения: 03.07.2025).
14. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. М., 2021. URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0VhtIpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).
15. Заполярный филиал «Норникеля»: Эффект реализации программы повышения эффективности [Электронный ресурс] // up-pro.ru. URL: https://up-pro.ru/library/production_management/systems/effekt-realizacii-programmy-povysheniya-effektivnosti/ (дата обращения: 03.07.2025).
16. Ожидаемый эффект от программы повышения эффективности [Электронный ресурс] // ТТелеграф. URL: <https://www.ttelegraf.ru/news/aleksandr-mamontov-ozhidaemyj-effekt-ot-programmy-povysheniya-effektivnosti-okolo-115-milliarda-rublej/> (дата обращения: 03.07.2025).
17. Научно-техническая деятельность. Инновационное развитие – ГМК «Норильский никель» [Электронный ресурс]. URL: <https://sr2023.nornickel.ru/innovative-development> (дата обращения: 03.07.2025).
18. Годовой отчет ПАО «ГМК «Норильский никель» за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: https://ar2023.nornickel.ru/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_nornickel_2023.pdf (дата обращения: 03.07.2025).
19. Годовой отчет ПАО «ГМК «Норильский никель» за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: https://ar2022.nornickel.ru/download/ar/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_nornickel_2022.pdf (дата обращения: 03.07.2025).
20. Отчет об устойчивом развитии за 2023 год [Электронный ресурс]. URL https://sr2023.nornickel.ru/download/full-reports/csr_ru_annual-report_pages_nornickel_2023.pdf (дата обращения: 03.07.2025).

УДК 336.6

С. Ю. Перцева

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, e-mail: sup.05@mail.ru

Г. Д. Голуб

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва

ПОТЕНЦИАЛ СТЕЙБЛКОИНОВ ДЛЯ СТРАН БРИКС НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ

Ключевые слова: стейблкоины, БРИКС, мировая финансовая систем, юаневый стейблкоин.

Статья посвящена исследованию потенциала стейблкоинов как в мировой финансовой системе, так и в странах БРИКС. В рамках анализа было выявлено, что стейблкоины в современной экономике становятся ключевым механизмом, который обуславливает связь между миром криптовалют и традиционными финансами, обеспечивая стабильность внутри криптосферы. Стабильные монеты демонстрируют как преимущества, так и недостатки. В большинстве стран мира наметилась тенденция к формированию инициатив по созданию и внедрению национальных стейблкоинов. В ходе исследования было выявлено, что данные цифровые финансовые активы играют двойственную роль: с одной стороны, они имеют высокий потенциал в качестве катализатора инноваций, а с другой — провоцируют возникновение значительных макроэкономических рисков. Авторы уделили особое внимание моделям обеспечения стейблкоинов и мировому опыту их внедрения. Проанализирована инициатива Китая по созданию юаневого стейблкоина для укрепления позиций национальной валюты в мировой финансовой системе. Были разработаны сценарные прогнозы использования этой новой формы денежной единицы Китая в странах БРИКС. Сделан вывод о том, что необходимы скоординированные действия национальных регуляторов для создания четких правил функционирования рынка стейблкоинов.

S. Yu. Perseva

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, e-mail: sup.05@mail.ru

G. D. Golub

Moscow State Institute of International Relations, Moscow

POTENTIAL OF STABLECOINS IN THE BRICS COUNTRIES WITH A FOCUS ON CHINA

Keywords: Stablecoins , BRICS, Global Financial System, Yuan-Backed Stablecoin.

This article investigates the potential of stablecoins within both the global financial system and the BRICS nations. The analysis reveals that stablecoins are emerging as a pivotal mechanism in the modern economy, bridging the cryptocurrency realm with traditional finance and ensuring stability within the crypto sphere. Stablecoins demonstrate both advantages and disadvantages. A global trend has been identified towards developing initiatives for the creation and implementation of national stablecoins. The study establishes that these digital financial assets play a dual role: on one hand, they possess significant potential as a catalyst for innovation, while on the other hand, they provoke substantial macroeconomic risks. The authors paid particular attention to stablecoin collateral models and global implementation practices. The Chinese initiative to develop a yuan-backed stablecoin to strengthen the national currency's position in the global financial system is examined. Scenario-based forecasts for the utilization of this new form of Chinese monetary unit within BRICS countries were developed. It is concluded that coordinated actions by national regulators are necessary to establish clear rules for the stablecoin market.

Введение

Для современной глобальной финансовой системы характерно появление и стремительно развитие цифровых финансовых инструментов. Особое место среди них за-

нимают криптоактивы, в том числе криптовалюта, стейблкоины и цифровые валюты центральных банков [5]. Фокус внимания мировой общественности направлен на стейблкоины, которые представляют со-

бой цифровые активы, стоимость которых имеет обеспечение (фиатные валюты, ценные бумаги) или особый алгоритм стабилизации [6].

Сегодня стейблкоины становятся ключевым механизмом, обуславливающим связь между миром криптовалют и традиционными финансами, обеспечивая стабильность внутри криптосферы. Преимущества активного внедрения инновационного финансового инструмента очевидны. К их числу стоит отнести: ускорение и удешевление трансграничных платежей и расчетов, в том числе по ценным бумагам, возможность обеспечения финансовой инклюзии. Безусловно, выделяется и ряд существенных рисков, таких как риск кризиса ликвидности в связи с высокой концентрацией капитала на данном сегменте финансового рынка [3], угроза потери финансового суверенитета для стран, активно использующих иностранные стабильные монеты, а также проблемы регулирования.

Согласно исследованию МФВ высокий спрос на стейблкоины в условиях ужесточения санкций и геополитической неопределенности предъявляют участники международных расчетов из блока БРИКС (Бразилии, России, Китая, Индии и Южной Африки) [7]. Кроме того, в этих странах наметилась тенденция к формированию инициатив по созданию и внедрению национальных стейблкоинов. В этой связи актуальность и научный интерес к данному финансовому явлению возрастает.

Объектом исследования является потенциал использования стабильных монет странами БРИКС, а предметом – вызовы и возможности применения этого цифрового актива. Основными методами выступают: сравнительный и статистический анализ, а также синтез подходов.

Цель работы состоит в анализе текущего состояния и перспектив использования стейблкоинов странами БРИКС на примере Китая.

Материалы и методы исследования

Глобальные и национальные регуляторы обеспокоены возрастающей ролью криптовалют. В современных условиях они выступают с инициативами по усилению мониторинга операций с ними и контроля за международными потоками [1]. На национальном уровне об этом говорят Международный валютный фонд, Банк между-

народных расчетов, Совет по финансовой стабильности и др. Недавние исследования показывают, что криптовалюты, прежде всего стейблкоины, все чаще используются для международных транзакций, и их объемы весьма значительны [2]. В тоже время, оценка международных потоков криптовалют остается сложной задачей из-за их непрозрачной природы.

В этих условиях особую важность приобретает необходимость проведения комплексного анализа потенциального воздействия стейблкоинов – криптовалют, имеющих обеспечение, как на национальные платежные системы стран БРИКС, так и на глобальную финансовую инфраструктуру.

Следует подчеркнуть двойственную роль данного класса цифровых активов. С одной стороны, они имеют высокий потенциал в качестве катализатора инноваций: снижение издержек и длительности проведения трансграничных транзакций, повышение доступности финансовых сервисов (финансовая инклюзия) и развитие новых платформ для расчетов. С другой стороны, они провоцируют возникновение значительных рисков макроэкономического характера. К ним отнесены: угроза финансовой стабильности в случае кризиса доверия к крупнейшим эмитентам стейблкоинов, вызовы для денежно-кредитного суверенитета государств и проблемы в области противодействия отмыванию доходов.

Результаты исследования и их обсуждение

Стейблкоины: механизм функционирования

Полагаем справедливо утверждать, что стейблкоины сегодня представляют собой важную технологическую инновацию и новый класс финансовых активов, способный трансформировать сложившуюся архитектуру мировой экономики [7].

Механизм обеспечения стейблкоинов основан на различных моделях, которые представлены в таблице 1.

Как видно из данных таблицы 1, современная финансовая системы предлагает экономическим агентам многообразие инновационных моделей стабильных монет, что свидетельствует как о росте рынка стейблкоинов, развитии инфраструктуры и регулирования, так и появлении новых вызовов, механизм управления которыми находится на стадии разработки.

Типология моделей обеспечения стейблкоинов*

№	Вид	Описание	Примеры
1	Полностью обеспеченные фиатными валютами	Самая распространенная модель, в рамках которой стейблкоин на 100% обеспечен фиатной валютой. Эмитент размещает обеспечение в форме срочных депозитов в традиционных валютах и краткосрочных государственных ценных бумагах (например, казначейских векселях США). Доверие к такому стейблкоину напрямую зависит от доверия к эмитенту, прозрачности его резервов и аудиту.	<ul style="list-style-type: none"> • USDT, эмитент компания Tether, занимает около 70% рынка стейблкоинов и 3-е место по общей капитализации среди всех криптоактивов. Объем ежедневных торгов является рекордным. • USD Coin (USDC), эмитент компания Circle, рыночная доля -21%. Интегрирован в множество традиционных финтех-проектов и государственных программ.
2	Привязанные к товарным активам	Стоимость этих криптоинструментов обеспечена физическими активами: драгоценными металлами (золото), сырьем или недвижимостью. Часто используются для инвестиций. Трендом является рост интереса к токенизации реальных активов (RWA). Крупные традиционные финансовые институты (BlackRock, JPMorgan) запускают пилотные проекты.	<ul style="list-style-type: none"> • PAX Gold (PAXG) является лидером среди золотых токенов (1 токен = 1 тройская унция золота). • Tether Gold (XAUT): капитализация • Проекты с недвижимостью. Развиваются, но остаются нишевыми (например, RealT).
3	Обеспеченные криптовалютами	Модель стейблкоинов, в рамках которой обеспечением являются криптовалюты (например, криптовалюта Эфириум, ETH), из-за волатильности которых требуется избыточное обеспечение (over – collateralization). В этой связи, размер резервного фонда может составлять от 150 до 200%. Для таких инструментов характерна высокая степень децентрализации.	Dai (DAI), протокол MakerDAO. Поддерживает привязку 1:1 к доллару США через механизм избыточного залога. Пользователи генерируют DAI, депонируя активы на базе Эфириума в смарт-контракты, создавая позицию задолженности под залог. Эта система обеспечивает поддержку каждого DAI избыточным залогом, поддерживая его стабильность во время рыночной волатильности.
4	Гибридные	Обеспечением выступают как фиатные и криптовалютные резервы, так и особый алгоритм и смарт-контракты для автоматической покупки / продажи токенов и поддержания цены. Такой подход позволяет снизить риски, связанные с полной децентрализацией.	Примером выступал стейблкоин Frax (FRAX) до октября 2023 г., имевший сложный механизм функционирования (Fractional-Algorithmic), работавший по трёхступенчатой системе: ежечасный мониторинг отклонения от паритета, автоматическая коррекция через арбитражные пулы, изменение ставок стейкинга, непосредственная эмиссия или сжигание токенов, динамическое перераспределение резервов. С октября 2023 г. введена версия FRAX v3 с полной коллатерализацией, т.е. 100% обеспечением долларом США.

Источник: составлено авторами на основе [6],

* URL: <https://coinmarketcap.com/ru/view/stablecoin/> (дата обращения: 15.05.2025).

В сложившейся ситуации, следует выделить ряд ключевых трендов, среди которых [10]:

- доминирование USDT и рост USDC. Потенциал стейблкоинов, обеспеченных фиатными валютами чрезвычайно высок, спрос на них постоянно растет, а сферы при-

менения, в том числе в международных расчетах, расширяются;

- рост конкуренции на рынке стабильных монет. Крупнейшие технологические гиганты, такие как PayPal, J.P. Morgan и ряд других активизируют усилия по завоеванию высоких позиций на рынке;

Таблица 2

Объем транзакций в стейблкоинах в региональном разрезе, долл США

№	Регион	Средний объем операций	Средняя стоимость одной операции
1	Африка и Ближний Восток	13 108	100
2	Азиатско-Тихоокеанский регион	11 493	94
3	Европа	18 878	200
4	Латинская Америка и страны Карибского бассейна	14 005	51
5	Северная Америка	35 016	101

Источник: составлено авторами на основе [7].

- высокий интерес к токенизации реальных активов (RWA). Тенденция, которая началась в 2024 г. Крупнейшие традиционные управляющие активами компании, такие как BlackRock, запустили фонды токенизированных активов (например, BUIDL), что стимулирует интерес к стейблкоинам, обеспеченным облигациями и другими ценными бумагами;

- регуляторное давление. Так, в США (GENIUS Act¹) и ЕС (MiCA²) ужесточаются требования к эмитентам стейблкоинов, особенно к обеспечению и прозрачности резервов, что выгодно для крупных, регулируемых игроков [9].

Стейблкоины в странах БРИКС через призму Китая

Макроэкономическая неопределенность, ужесточение санкций и стремительная цифровизация обусловили необходимость разработки странами БРИКС проектов национальных стейблкоинов. Безусловно, важную роль сыграло распространение по миру обеспеченных фиатными валютами стабильных монет компании Tether (USDT). Несмотря на то, что компания – эмитент находится в США, данный криптоактив широко распространен по всему миру, в том числе в странах БРИКС. Ключевой причиной такого явления является возможность осуществления международных расчетов между странами в условиях современной геополитической

ситуации. Так, согласно докладу МВФ, региональное использование стейблкоинов характеризуется следующими данными, представленными в таблице 2.

Таблица 2 демонстрирует не только широкое использование стейблкоинов, но и подчеркивает их доминирование за пределами США. В этой связи, стоит обратить внимание на то, стейблкоины (USDT и USDC) способствуют долларизации повсеместно, поскольку обуславливают перемещение долларовой ликвидности из США в другие страны мира. Следовательно, активизация применения стейблкоинов, эмитентами которых являются американские компании, способствует укреплению финансового доминирования США по всему миру.

Согласно исследованию МВФ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, потоки стейблкоинов составляют значительную долю ВВП [9]. В этих регионах также наблюдаются самые высокие темпы роста международных платежей в стабильных монетах, что свидетельствует о трансформации глобальной финансовой системы посредством цифровых долларов.

В целях снижения зависимости от американской валюты (в фиатной и цифровой формах) Правительство Китая, в рамках стратегии интернационализации национальной денежной единицы, готовится к внедрению и широкомасштабному использованию стейблкоинов, обеспеченных юанем [4]. В разработанном Плане зафиксированы целевые показатели использования новой формы валюты на глобальных рынках, распределение полномочий между регуляторами и рекомендации по управлению рисками.

¹ URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582/text> (дата обращения: 05.05.2025).

² URL: <https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/markets-crypto-assets-regulation-mica> (дата обращения: 05.05.2025).

Юаневые стейблкоины в странах БРИКС: сценарные прогнозы

№	Сценарий	Описание	Возможные последствия
1	Ограниченное внедрение (пилотные проекты)	Применение данной валюты в отдельных секторах (например, торговля углеводородами и сырьем, логистика и т.п.) через банки с доступом к китайской инфраструктуре. Преимущества: быстрота, сокращение комиссий, снижение санкционных рисков. Ограничения: необходимость технологической интеграции, возможное давление США и пр.	Рост доли юаня в двусторонних и многосторонних расчетах, ускорение платежей, снижение роли доллара США.
2	Расширенное региональное внедрение	Стейблкоин в юане становится расчетным инструментом трансграничных торговых платформ БРИКС, выступающих альтернативой SWIFT с потенциалом использования в качестве инвестиционной инфраструктуры. Преимущества: независимость платежной архитектуры, повышение ликвидности юаня. Ограничения: политическая координация внутри стран БРИКС и противодействие со стороны стран Запада.	Формируется альтернативная инфраструктура международных расчетов, усиливающая фрагментацию мировой экономики
3	Полное доминирование в расчетах с КНР	Массовое использование юаневых стейблкоинов в расчетах с Китаем, вытеснение доллара и евро. Риски: подрыв финансового и технологического суверенитета, жесткое давление со стороны Западных стран.	Усиление зависимости от КНР, ужесточение санкций со стороны США и ЕС.
4	Отказ от участия в проекте	Тотальный отказ от использования стейблкоинов КНР, в том числе в связи с разработкой собственных стейблкоинов в рамках национальных инициатив стран БРИКС.	Технологическое отставание, сохранение долларовой зависимости

Источник: составлено авторами.

Реализация начнется в Гонконге, где введено законодательство для применения стейблкоинов³, а также в Шанхае, который создает центр по цифровому юаню. Данные меры свидетельствуют о кардинальной смене подхода Китая к криптоактивам, которые в 2021 г. были запрещены в связи с влиянием на финансовую стабильность. Стейблкоины рассматриваются как инструмент усиления роли юаня на международной арене в условиях доминирования долларовых цифровых валют.

В этой связи, можно говорить о появлении в КНР еще одной формы национальной денежной единицы, наряду с наличной и безналичной, а также цифровой валютой Народного банка Китая (цифрового юаня), возникает юаневый стейблкоин с полностью фиатным обеспечением, повышающим до-

верие и снижающим волатильность. Это говорит не только о серьезной трансформации денежной системы, но и об изменениях инфраструктурного компонента реализации международных расчетов. С точки зрения экономической и финансовой мотивации, данный шаг Китая свидетельствует об уходе от долларовой зависимости, поддержке национального экспорта и ликвидации транзакционных барьеров.

Особенно важным данное решение является для стран БРИКС, где Китай выступает ярким лидером и ключевой фигурой во внешней торговле. Запуск стейблкоина в юане не только создает альтернативу доллару в цифровом виде, но и укрепляет позиции Китая на мировой финансовой арене, позволяет не зависеть от SWIFT и жестко контролируемых долларовых каналов, что особенно важно для государств БРИКС. В тоже время, следует подчеркнуть и перспективы экспансии юаня в этих странах, что может вызывать серьезную озабоченность для обеспечения финансового и платежного суверенитета стран блока.

³ URL: https://www.hkma.gov.hk/eng/other-information/result?ui_lang=en&r_lang=all&ui_charset=utf-8&web=this&gp0=hkma_r3_home&gp1=&p_size=20&last_mod=%23-1&query=stablecoin (дата обращения: 05.05.2025).

Однако, текущие условия глобальной торговой войны обуславливают объективную необходимость поиска ключевыми партнерами из стран БРИКС решений для бесперебойного осуществления международных расчетов и свободного перемещения инвестиций. В этой связи, вероятным представляется вариант пилотного проекта интеграции национальных расчетных платформ с поддержкой юаневого стейблкоина.

Рассмотрим возможные сценарии развития юаневых стабильных монет в странах БРИКС (табл. 3).

На наш взгляд, наиболее реалистичным представляется реализация первого сценария, предусматривающего ограниченное внедрение и использование юаневого стейблкоина. Данный сценарий может быть осуществлен в отдельных пилотных зонах, возможно, в рамках цифровых песочниц стран БРИКС, что позволит усилить как цифровую, так и фиатную дедолларизацию мировой экономики. Однако, при этом может формироваться финансовая и технологическая зависимость от КНР. В этой связи, требуется взвешенный подход и сбалансированное решение об участии стран в данном проекте в целях не только минимизации санкционных рисков, но и сохранения суверенитета.

Интересным представляется российский проект создания токенизированного рубля – RUBx платежной платформы RT-Pay, представляющего собой классическую модель стейблкоина, обеспеченного фиатной валютой в отношении 1:1. Эмитентом является госкорпорация «Ростех»

совместно с партнерами. Проект призван укрепить финансовый суверенитет России, обеспечив расчеты в национальной валюте без использования западных платежных систем [8].

Заключение

Проведенный анализ текущего состояния и перспектив использования стейблкоинов позволяет сделать вывод о том, что данный вид цифровых активов стал критически важным элементом глобальных финансов, являющимся технологическим решением острой проблемы реализации международных расчетов странами БРИКС. В условиях активизации внедрения стабильных монет наметилась противоречивая тенденция связанная, с одной стороны, с возможностью снижения негативного эффекта санкций и обеспечения бесперебойного механизма трансграничных платежей, а, с другой стороны, укрепляющая финансовое доминирование США через цифровую долларизацию мировой экономики. Полагаем, что в долгосрочной перспективе национальные стейблкоины могут сформировать новую архитектуру международных финансов, основанную на цифровых активах. Странам БРИКС требуется согласованное регулирование, направленное на минимизацию рисков при одновременном сохранении пространства для технологического развития. Следовательно, необходимы скоординированные действия национальных регуляторов по созданию четких правил игры: требования к резервам, аудиту и раскрытию информации.

Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках XV конкурса молодых ученых МГИМО «Расширение горизонтов сотрудничества БРИКС».

Библиографический список

1. Alnasa M., Gueorguiev N., Honda J., Imamoglu E., Mauro P., Primus K., Rozhkov D. Crypto-assets, corruption, and capital controls: Cross-country correlations // *Economics Letters*. 2022. Vol. 215. № 110492. DOI: 10.1016/j.econlet.2022.110492 (дата обращения: 20.07.2025).
2. Auer R., Lewrick U., Paulick J. DeFi'ing gravity? An empirical analysis of cross-border Bitcoin, Ether and stablecoin flows // *BIS Working Papers*. 2025. No 1265. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/publ/work1265.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).
3. Cruz W.H., Xu J., Tasca P., Campajola C. No Questions Asked: Effects of Transparency on Stablecoin Liquidity During the Collapse of Silicon Valley Bank // *arXiv preprint arXiv:2407.11716*. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/382302567_No_Questions_Asked_Effects_of_Transparency_on_Stablecoin_Liquidity_During_the_Collapse_of_Silicon_Valley_Bank (дата обращения: 18.07.2025).

4. China considering yuan-backed stablecoins to boost global currency usage, sources say. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/business/finance/china-considering-yuan-backed-stablecoins-boost-global-currency-usage-sources-2025-08-21/?utm_source (дата обращения: 21.07.2025).
5. Горбачева Т.А. Понятие стейблкоинов и актуальное состояние рынка стабильных монет // Финансовый журнал. 2022. Т. 14, № 1. С. 126-139. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-1-126-139. EDN: GDYMXL.
6. Стейблкоины: риски и возможности для мировой финансовой системы. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/steyblkoiny-riski-i-vozmozhnosti-dlya-mirovooy-finansovoy-sistemy/> (дата обращения: 15.07.2025).
7. Романов П.А., Романова А.А., Перепелкин В.А. Стейблкоины как финансовая инновация: проблемы и перспективы // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 2(232). С. 59-68. EDN: QKEDIB. [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.sseu.ru/view_pdf.php?pdf=8329 (дата обращения: 18.07.2025).
8. «Ростех» представил токенизированный рубль RUBx и платежную систему RT-Pay. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/kapital/trends/news/2025/07/02/1121649-sistemu-rt-pay?from=cory_text (дата обращения: 20.07.2025).
9. Decrypting Crypto: How to Estimate International Stablecoin Flows. IMF Working Paper No. WP/2025/141. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2025/07/11/Decrypting-Crypto-How-to-Estimate-International-Stablecoin-Flows-568260> (дата обращения: 15.08.2025).
10. The stable door opens: How tokenized cash enables next-gen payments [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/the-stable-door-opens-how-tokenized-cash-enables-next-gen-payments> (дата обращения: 19.07.2025).

УДК 336.22

Н. В. Рубан-Лазарева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва;
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва,
e-mail: rubanlazareva@mail.ru

ОСНОВЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ БИЗНЕСА В РОССИИ

Ключевые слова: налогообложение, бизнес, основы, системы налогообложения, выбор, налоговая нагрузка.

В статье рассматривается важность исследования основ налогообложения, цель которого заключается в формировании комплексного представления об основах налогообложения бизнеса в России для выявления направлений дальнейшего совершенствования налогового законодательства. Акцентируется внимание на ключевых системах налогообложения и их влиянии на предпринимательскую деятельность. Рассматриваются практики выбора и применения общих и специальных режимов налогообложения, подчеркиваются преимущества использования специальных режимов на начальных этапах бизнес-активности. При использовании методов сравнительного анализа, статистического исследования и экспертных оценок отчетных данных обнаружена устойчивая тенденция к увеличению налоговых поступлений от применения специальных режимов к снижению налоговой нагрузки по наиболее востребованным бизнесом видам деятельности. Под влиянием изменений принципов налогообложения и неравномерного распределения налогового бремени, обозначена утрата значимости справедливости налогообложения. Анализируются изменения в налоговом законодательстве, проблемы и перспективы налогообложения в современных экономических условиях, требующих повышения налоговых поступлений в бюджеты различных уровней. Основное внимание уделяется практическим аспектам применения налоговых норм и их влиянию на устойчивое развитие бизнеса через мониторинг налоговой нагрузки, поскольку ее снижение позволяет направлять сэкономленные средства в бизнес-развитие. В заключение подводится итог, подтверждающий необходимость дальнейшего совершенствования налогового законодательства в создании благоприятной налоговой среды, способствующей развитию бизнеса и экономики в целом.

N. V. Ruban-Lazareva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, e-mail: rubanlazareva@mail.ru

BASICS OF BUSINESS TAXATION IN RUSSIA

Keywords: taxation, business, basics, tax systems, choice, tax burden.

The article discusses the importance of studying the fundamentals of taxation, the purpose of which is to form a comprehensive understanding of the fundamentals of business taxation in Russia in order to identify areas for further improvement of tax legislation. The focus is on the key taxation systems and their impact on entrepreneurial activity. The practices of choosing and applying general and special tax regimes are considered, the advantages of using special regimes at the initial stages of business activity are emphasized. Using the methods of comparative analysis, statistical research and expert assessments of reporting data, a stable trend was found to increase tax revenues from the use of special regimes to reduce the tax burden on the most popular types of business activity. Under the influence of changes in taxation principles and uneven distribution of the tax burden, the loss of significance of tax fairness is noted. The changes in tax legislation, problems and prospects of taxation in modern economic conditions are analyzed, requiring an increase in tax revenues to budgets at various levels. The main attention is paid to the practical aspects of applying tax rules and their impact on sustainable business development through monitoring the tax burden, since its reduction allows directing the saved funds to business development. In conclusion, a conclusion is drawn confirming the need for further improvement of tax legislation in creating a favorable tax environment that promotes the development of business and the economy as a whole.

Введение

Налогообложение является важнейшим инструментом регулирования экономики и финансовой политики государства. В России система налогообложения бизнеса претерпела значительные изменения за по-

следние десятилетия, что обусловлено как внутренними (экономические реформы, новшества в налогообложении, развитие цифровых технологий), так и внешними (глобализация экономики, экономические кризисы, изменения в международной на-

логовой политике) факторами. Понимание основ налогообложения помогает предпринимателям эффективно планировать свою финансовую деятельность и минимизировать налоговые риски.

Основной задачей исследования является анализ существующих налоговых режимов, их особенностей и практического применения в российских условиях. Необходимо выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели в процессе налогообложения, и предложить возможные пути их решения.

Цель исследования: формирование комплексного представления об основах налогообложения бизнеса в России и выявление направлений дальнейшего совершенствования налогового законодательства.

Материал и методы исследования

В ходе исследования использовались методы сравнительного анализа, статистического исследования и экспертных оценок. Основными источниками информации стали законодательные акты, данные Федеральной налоговой службы, научные статьи и исследования в области налогообложения.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования показали, что действующая система налогообложения в России обладает как положительными, так и отрицательными сторонами. Среди положительных аспектов целесообразно выделить разнообразие налоговых режимов, что позволяет предпринимателям выбирать наиболее подходящий вариант для своего бизнеса. Однако существует ряд проблем, таких как высокая налоговая нагрузка на малый и средний бизнес, сложность налогового администрирования и недостаточная прозрачность налоговых процедур.

Современный бизнес функционирует в условиях быстро меняющейся налоговой среды, где каждое принятое решение требует не только экономического анализа, но и тщательного изучения фискальных последствий. И хотя «еще Фома Аквинский определил налоги, как дозволенную форму грабежа» [1], сегодня налоги являются как основным источником финансирования государства, так и фактором, влияющим на активность бизнеса. Они представляют обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, который взимается в денежной

форме для финансирования государственных и муниципальных нужд, представляя налоговые доходы бюджетов всех уровней. В период с 2022 по 2025 годы их доля в федеральном бюджете превышает 80%. Основные источники поступлений – это налог на добавленную стоимость (46–48%), налог на добычу полезных ископаемых (32–37%) и налог на прибыль (7–8%). В городах федерального подчинения, таких как Москва и Санкт-Петербург, доля налоговых доходов достигает 92–93%, что подчеркивает их критическую важность для финансирования инфраструктурных и социальных программ.

Множественность функций налогов первостепенна и значима. Фискальная функция налогов позволяет аккумулировать средств для реализации государственных программ и проектов. Регулирующая функция оказывает влияние на экономику через налоговые льготы и ставки. Действие социальной функции способствует перераспределению доходов в пользу уязвимых слоев населения. Стимулирующая функция налогов способствует поддержке инновационного развития, малого бизнеса и «зеленых» технологий. В свою очередь, контрольная функция налогов обеспечивает прозрачность налоговых потоков и соблюдения налогового законодательства. Адам Смит, в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), выделял только четыре основных принципа налогообложения: справедливость, определенность, удобство и экономичность, которые в современных условиях существенно расширились и предусматривают такие принципы, как:

- императивность, предусматривающий неизбежность уплаты налогов в законодательство установленные сроки;
- обязательность при неотвратимости налоговых платежей;
- определенность при ясном определении налогоплательщиков и элементов налогообложения;
- индивидуальная безвозмездность при отсутствии встречных обязательств со стороны государства при уплате налогов в бюджет;
- безвозвратность, обеспечивающая отсутствие обязательств со стороны государства в ответ на уплату налогов;
- понятность и удобство посредством доступных способов уплаты налогов, включая электронные платформы;

- соразмерность путем установления налоговых ставок в зависимости от доходов плательщика;
- единство при соблюдении единой налоговой политики и системы;
- социальность при соответствии принципам социального государства;
- экономичность путем минимизации затрат на администрирование налогов;
- запрет обратной силы при недопустимости ухудшения положения налогоплательщиков. Принцип справедливости налогообложения, который подразумевает равномерное распределение налогового бремени между всеми участниками экономики, в последние годы утратил свою значимость, так как наблюдается рост неравенства в доходах, наличие налоговых льгот, вычетов и других механизмов, которые создает отступления от единого подхода применения выбранной системы налогообложения. Сложность налогового законодательства и множество исключений делают систему налогообложения менее прозрачной и понятной, затрудняя возможность малых предпринимателей адекватно оценить налоговые обязательства. Многие государства используют налоговые системы для стимулирования определенных секторов экономики, что видно в различиях налоговой нагрузки по видам деятельности и приводит к неравномерному распределению налогового бремени. Например, предоставление субсидий или налоговых льгот определенным отраслям создать преимущества исключительно для них, в то время как другие остаются без поддержки, что нарушает принцип справедливости. Глобализация и мобильность капитала позволяют крупным компаниям и состоятельным индивидуумам минимизировать налоговые обязательства, подрывая идею справедливости в налогообложении. В результате чего принцип справедливости налогообложения становится все более труднодостижимым, и не позволяет обществу ощущать, что налоговая система работает исключительно в его интересах, снижая доверие к государственным институтам.

Нельзя забывать, что налог признается установленным при определении плательщиков и элементов налогообложения, как объекта, налоговой базы, налогового периода, порядка исчисления, порядка и сроков уплаты, которые на старте ведения бизнеса при выборе системы налогообложения необходимо их вдумчиво проанализировать.

По данным аналитического портала ФНС России, устойчивое экономическое развитие страны обеспечивается более чем 3,2 млн организаций, 4,6 млн индивидуальных предпринимателей и 13,3 млн самозанятых.

Если общая система налогообложения предполагает уплату всех видов федеральных, региональных и местных налогов, то специальные налоговые режимы предполагают уплату только тех налогов, которые предусмотрены специальным налоговым режимом.

Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) и Автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН) представляют важные инструменты налоговой политики, направленные на поддержку аграрного сектора и малых предприятий. ЕСХН предназначен для производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, позволяя им снизить налоговую нагрузку и упростить администрирование при условии наличия не менее 70% доходов от сельскохозяйственной деятельности, с правом освобождения от налога на прибыль и налога на имущество, при обязанности уплачивать НДС с доходов свыше 60 млн. рублей в год. АУСН, введенная в 2022 году, ориентирована на малый бизнес до 5 человек с годовым доходом до 60 млн рублей позволяет выбирать между двумя объектами обложения: 8% от доходов или 20% от разницы между доходами и расходами. Ключевым преимуществом АУСН является автоматизация расчетов и отсутствие необходимости подачи деклараций. Несмотря на обязанность уплаты с текущего года НДС с доходов при УСН свыше 60 млн рублей, упрощенная система налогообложения выбирается бизнесом на старте как оптимальная, с сохранением права выбора одного объекта обложения из двух: доходы по ставке 6% или доходы минус расходы по ставке 15% с уплатой минимального 1% налога. Другие специальные налоговые режимы, как патентная система налогообложения (ПСН) и налог на профессиональный доход (НПД) играют значительную роль в поддержке малого бизнеса, предлагая минимальную административную нагрузку. ПСН позволяет индивидуальным предпринимателям работать с фиксированной ставкой налога, в то время как НПД ориентирован на самозанятых лиц, обеспечивая им возможность легально вести бизнес до 2,4 млн рублей.

Динамика начислений и поступлений налогов при применении специальных режимов налогообложения

Показатели	2023	2024
Начислено налогов к уплате – всего, в тыс. руб.	36 933 710 625	43 375 195 866
Поступило налоговых платежей – всего, в тыс. руб.	38 202 570 864	43 078 283 519
в том числе поступило налоговых платежей, предусмотренных специальными налоговыми режимами, в тыс. руб., включая	1 107 904 148	1 484 162 456
УСН	966 215 043	1 316 333 571
АУСН	1 055 436	2 336 527
ЕСХН	17 360 273	24 450 181
ПСН	24 495 850	45 585 969
НПД	59 805 081	95 263 924

Примечание: составлено автором по материалам формы 1-НОМ «Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности». URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 04.07.2025).

Если ранее, в 2006-2009гг. величина поступлений по УСН составляла 2% [2], то в настоящее время доля налоговых поступлений от применения специальных режимов налогообложения привносит до 3,4%, в т.ч. по УСН – 3,1% или 1,3 трлн руб. (табл. 1).

Расчетный уровень собираемости налоговых платежей – отношение суммы поступивших к сумме начисленных платежей – отличается волатильность в эффективности налогового администрирования, свидетельствуя о его снижении со 103% до 99%. Главные достоинства использования специальных режимов налогообложения в начале ведения бизнеса следующие:

- упрощение бухгалтерии и отчетности, позволяя сосредоточиться на развитии бизнеса, а не на сложных налоговых отчетах и заполнении регистров по всем налогам при общей системе налогообложения;
- меньшие финансовые риски и прозрачные условия ведения бизнеса, делающие его привлекательным для инвесторов;
- простота регистрации, в том числе через Мой налог, позволяющая быстрее начать предпринимательскую деятельность;
- стимулирование роста с предоставлением налоговых льгот и преференций;
- снижение вероятности налоговых споров и налоговых проверок в отношении субъектов малого бизнеса;
- гибкость в выборе специальных режимов налогообложения и объекта налогообложения, которые
- более низкие налоговые ставки по сравнению с общим режимом, что значимо для

бизнеса, испытывающего финансовые трудности на начальных этапах развития. Эти достоинства порою являются основанием для минимизации платежей развивающегося бизнеса, заставляя «нередко разделять производственный процесс и выстраивать предпринимательскую деятельность в отсутствии реального экономического смысла хозяйственных операций с подконтрольными взаимозависимыми субъектами» [3] для большего снижения нагрузки по налогам.

Налоговая нагрузка, как индикатор устойчивости бизнеса, представляет собой процентное отношение суммы налогов к годовому обороту, оказывая влияние на макроэкономические процессы [4] и выступая фактором оценки налоговых рисков [5] различных привлекательных для малого бизнеса видов деятельности (табл. 2).

Снижение налоговых выплат и нагрузки позволяет направить дополнительные средства на развитие, поскольку «высокие налоговые ставки побуждают фирмы использовать больше заемных средств в структуре капитала» [6], а следовательно влекут отвлечение средств, которые можно было направить на НИОКР, исполнение международных налоговых обязанностей [7], расширение электронной коммерции [8]. Проблема недостаточной информированности об изменениях налогового законодательства [9] все еще продолжает оставаться актуальной для начинающего предпринимателя, как и разъяснение особенностей налогообложения доходов от трансграничных операций [10].

Таблица 2

Динамика налоговой нагрузки по видам деятельности малого бизнеса

Показатели	2023	2024
Налоговая нагрузка – всего, в %, в т.ч.	12,0	11,6
растениеводство, животноводство, охота	3,8	4,3
рыболовство и рыбоводство	8,2	6,9
производство напитков и пищевых продуктов	18,6	17,3
производство одежды и текстильных изделий	11,1	10,5
деятельность полиграфическая и копирование	10,3	11,0
строительство	13,0	14,4
торговля; ремонт автотранспортных средств	4,1	3,4
общественное питание и гостиничный бизнес	9,2	10,6

Примечание: составлено автором по материалам Приложения № 3 Приказа ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06-333@ (ред.10.05.2012) «Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/ (дата обращения: 04.07.2025).

Малый и средний бизнес набирает обороты и «представляет собой сферу, в которой занято большое количество граждан» [11]. В ситуации нарушения логистических цепочек и макроэкономической нестабильности, ряд авторов высказывается за «обращение к возможностям ЕАЭС» [12] и применение фискальных инструментов, направленных на «стимулирование инвестиций в развитие с использованием современных инноваций» [13]. При этом нельзя забывать, что для эффективного планирования бизнеса необходимо выбрать не только подходящую систему налогообложения, но и регион ведения бизнеса, налоговая нагрузка в котором может отличаться от установленной «в среднем» по стране. Например, в Северо-Кавказском федеральном округе уже несколько лет налоговая нагрузка сохраняется на уровне ниже общероссийских значений – 11%.

Основы налогообложения бизнеса требуют совершенствования, так как налоговое законодательство в двух томах громоздко и сложно в изучении начинающими инициаторами бизнес активностей. Упрощение формулировок и системное представление имеющихся вариантов выбора в налогообложении бизнеса необходимы, как и устранение дублирования порядка налогообложения множественными письмами, приказами, которые изначально уместно прописывать в кодексе. Пониженные налоговые ставки на бизнес старте, с последующим их ростом в активной бизнес фазе, способствовали бы снижению налоговой нагрузки на этапе за-

рождения бизнеса в целях последующего его устойчивого развития. Штрафы за несданную нулевую отчетность не повышают понятность, удобство, соразмерность налогообложения. Обременительные налоговые обязательства, сложная и множественная отчетность по всей совокупности налога отдельным налогоплательщиком снижает мотивацию проявления бизнес активностей и отвлекает ресурсы (технические, человеческие, временные, финансовые) на их исполнение. Недостаток простой и понятной информации-инструкции о том, как начать и развить бизнес, какую систему налогообложения выбрать и почему, затрудняет получение знаний и не повышает уровень налоговой грамотности предпринимателей. Создание информационно-образовательных ресурсов и горячих линий консультаций помогло бы лучше ориентироваться предпринимателям в налоговых вопросах.

Заключение

Обоснованный выбор региона предпринимательской активности и системы налогообложения важны на старте ведения бизнеса, а проведение мониторинга налоговой нагрузки следует осуществлять в ходе ведения бизнеса непрерывно. Специальные режимы налогообложения создают условия для роста и устойчивости развития бизнеса, а введение цифровых технологий открывает новые горизонты повышения прозрачности и эффективности в управлении налоговыми обязательствами. Проведенное исследование подтверждает, что заданные основы на-

логообложения бизнеса в России требуют дальнейшего совершенствования. Необходимо упрощение налогового законодательства, снижение налоговой нагрузки на малый и средний бизнес, повышение уровня

налоговой грамотности среди предпринимателей. Эти меры способствуют созданию благоприятной налоговой среды, что, в свою очередь, будет способствовать развитию бизнеса и экономики в целом.

Библиографический список

1. Дармокрик В.Ф., Морозов И.М., Михайлев П.А. Налогообложение предприятий малого бизнеса // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. Т. 5, № 3. С. 122-125. EDN: UVGFKR.
2. Гринкевич Л.С., Дорошенков А.С. Налогообложение малого бизнеса в Российской Федерации // Финансы и кредит. 2010. № 41(425). С. 34-39. EDN: MVMXHT.
3. Ильин А.В. Налогообложение при искусственном дроблении бизнеса // Аудиторские ведомости. 2019. № 4. С. 30-35. EDN: WKZUQZ.
4. Смирнова Е.Е., Глебов Г.О. Налоговая нагрузка на макроуровне: влияние на развитие экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 1. С. 235-240. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-1-235-240. EDN: AEVIXQ.
5. Комарова Г.П., Базарова М.У., Баниева М.А., Цыдыпова А.В. Налоговая нагрузка как фактор оценки налоговых рисков в сельском хозяйстве // Финансовая жизнь. 2024. № 1. С. 72-78. EDN: EDZUJB.
6. Nazeer R., Mukarram S.Sh., Saleem F. Taxation and Financial Leverage in Emerging Markets: Insights from Pakistan's Karachi Stock Exchange-100 // Journal of Tax Reform. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 57-73. DOI: 10.15826/jtr.2025.11.1.192. EDN: IFGMAE.
7. Трофимов С.В. Налогообложение прибыли предприятий, производящих инновационные продукты // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2025. № 3. С. 70-80. EDN: ULEVAT.
8. Клоницкая А.Ю., Стенникова С.А., Фалалеева А.Д. Налогообложение электронной коммерции: мировой опыт в контексте глобального цифрового рынка // Журнал экономических исследований. 2025. Т. 11, № 2. С. 69-73. EDN: DLMQRZ.
9. Павлова М.В., Рябич О.Н. Налогообложение малого бизнеса новых регионов Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Финансовые рынки и банки. 2025. № 4. С. 580-586. EDN: DXKXSO.
10. Кадет А.В. Налогообложение доходов от трансграничных услуг в условиях цифровой экономики: поиск баланса между юрисдикциями // Финансы. 2025. № 8. С. 37-43. EDN: LJJRTS.
11. Маргазанов А.К. Налогообложение малого бизнеса как инструмент легализации трудовых отношений в Республике Ингушетия // Экономические и гуманитарные науки. 2025. № 2(397). С. 29-34. DOI: 10.33979/2073-7424-2025-397-2-29-34. EDN: WYBUGC.
12. Агеев С.С., Нижник Д.А. Налогообложение субъектов малого и среднего предпринимательства в Евразийском экономическом союзе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 2. С. 470-484. DOI: 10.21638/spbu14.2025.212. EDN: IUZZSY.
13. Гончаренко Л.И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17, № 3. С. 156-166. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166. EDN: QQYEJM.

УДК 338.43

О. А. Рущицкая

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», Екатеринбург

Е. С. Куликова

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», Екатеринбург,
e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

Т. И. Кружкова

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», Екатеринбург

А. В. Фетисова

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», Екатеринбург

ТЕНДЕНЦИИ ЭКСПОРТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ РОССИИ

Ключевые слова: аграрный экспорт, конкурентоспособность, продовольственная безопасность, логистика, цифровизация, государственная поддержка, прогнозирование.

В последние десять лет экспорт сельскохозяйственной продукции России превратился из периферийного направления торговой политики в один из ключевых драйверов экономического роста, обеспечивающий дополнительные валютные поступления, занятость в сельских территориях и технологическую модернизацию перерабатывающих отраслей. Целью настоящего исследования является комплексное выявление тенденций, факторов и ограничений российского аграрного экспорта на горизонте до 2030 года на основе синтеза статистических показателей, стратегических документов и академических работ. Методологически применены сравнительный анализ динамических рядов, индексная декомпозиция, а также сценарное моделирование, учитывающее воздействие мирового спроса, колебаний валютного курса, трансформации логистических цепочек и мер государственной поддержки. Установлено, что с 2018 по 2024 год стоимость российского аграрного экспорта возросла более чем на сорок процентов при устойчивой диверсификации товарной структуры: доля зерновых сократилась с пятидесяти шести до сорока одного процента, в то время как поставки готовых пищевых продуктов выросли более чем вдвое. География экспорта сместилась в сторону стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки, что обусловлено переориентацией логистических потоков и активизацией государственной экспортной инфраструктуры. Ограничивающее влияние оказывают санкционные риски, дефицит судоходных мощностей, валютная волатильность и недостаточная цифровизация маркетинговых инструментов. При оптимистичном сценарии объем экспорта может достигнуть сорока семи миллиардов долларов к 2030 году, однако для этого требуется интенсификация инновационных агротехнологий, развитие внутренних систем прослеживаемости качества и расширение сети международных распределительных хабов.

О. А. Rushchitskaya

Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

E. S. Kulikova

Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

T. I. Kruzhkova

Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

A. V. Fetisova

Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

TRENDS IN RUSSIAN AGRICULTURAL EXPORTS

Keywords: agricultural exports, competitiveness, food security, logistics, digitalisation, government support, forecasting.

Over the past decade, Russian agricultural exports have evolved from a peripheral policy concern into a major driver of economic growth, generating additional foreign exchange earnings, sustaining rural employment, and stimulating technological upgrading in processing industries. The purpose of this study is to com-

prehensively identify the trends, drivers and constraints shaping Russian agricultural export performance through to 2030 by synthesising statistical indicators, strategic documents and scholarly contributions. The methodology combines comparative time-series analysis, index decomposition and scenario modelling that incorporates global demand shifts, exchange-rate fluctuations, reconfigured logistics chains and government support measures. Findings reveal that between 2018 and 2024 the value of Russian agricultural exports expanded by more than forty percent while the commodity mix became more diversified: the share of cereals fell from fifty-six to forty-one percent, whereas shipments of processed food products more than doubled. Export geography has pivoted towards South-East Asia, the Middle East and Africa, reflecting logistic realignment and the activation of dedicated state-backed export infrastructure. Constraining factors include sanctions-related risks, limited shipping capacity, exchange-rate volatility and insufficient digital marketing penetration. Under an optimistic scenario, export revenues could reach forty-seven billion United States dollars by 2030 provided that innovation-driven agricultural technologies are intensified, domestic quality-traceability systems are expanded and the network of international distribution hubs is broadened.

Введение

В начале третьего десятилетия XXI века российский агропромышленный комплекс (АПК) вышел на траекторию устойчивого роста, закрепив своё положение нетто-экспортера продовольствия. Переход от превалирования сырьевых поставок к высокодоходному сегменту продуктов глубокой переработки сопровождается институциональными реформами и технологическим обновлением. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года фиксирует целевое значение аграрного экспорта сорок пять миллиардов долларов США, что вдвое превышает показатели 2020 года. Однако на пути к реализации стратегических амбиций сохраняется сложный комплекс внешних и внутренних ограничений, начиная от санкционного давления и геополитической турбулентности и заканчивая недостаточным уровнем инновационной активности фермерских хозяйств.

Рост мирового спроса на экологически чистые продукты и корма, а также тренд на региональную продовольственную безопасность, создают окна возможностей для российской продукции, обладающей конкурентным преимуществом по себестоимости производства зерна, масличных и рыбы. При этом структура экспорта постепенно трансформируется в пользу продуктов с высокой добавленной стоимостью, включая мясopереработку, кондитерские изделия и масложировые товары. Географическая диверсификация потоков способствует снижению рисков, однако приводит к удлинению транспортных плеч и потребности в модернизации портовой инфраструктуры Азово-Черноморского и Дальневосточного бассейнов.

Научный интерес к теме обусловлен необходимостью комплексной оценки ко-

личественных и качественных параметров российского агроэкспорта, выявлением скрытых зависимостей между мерами государственной поддержки, логистическими инновациями и ценовой конъюнктурой мировых рынков. С учётом того, что до недавнего времени экспортные поставки формировались в основном ситуативно, отсутствие системного анализа препятствовало выработке долгосрочных решений. Современные вызовы – глобальная климатическая нестабильность, технологическая гонка пищевых технопарков и усиление протекционизма – требуют от исследователей междисциплинарного подхода, сочетания эконометрических методов и экспертной оценки.

Цель исследования – определить ключевые тенденции, факторы конкурентоспособности и возможные траектории роста экспорта сельскохозяйственной продукции России до 2030 года на основе комплексного анализа статистических данных и разработать практические рекомендации для повышения эффективности экспортной политики.

Отечественная исследовательская школа по проблематике аграрного экспорта зародилась в 2000-е годы и сегодня представлена широким спектром научных работ. Так, Бутакова М.М. подчёркивает влияние технологической модернизации перерабатывающих предприятий на рост добавленной стоимости продукции [1]. В свою очередь, Джангарова Г.К. совместно с коллегами акцентируют значимость логистических коридоров «Север-Юг» для расширения азиатских рынков сбыта [2]. Азжеурова М.В. отмечает, что рыбная продукция остаётся недооценённым резервом валютных поступлений, несмотря на высокую биоресурсную базу [3]. Александрова Л.А. выделяет категорию «экспортная конкурентоспособность» и предлагает авторскую методи-

ку её оценки на уровне мезорегионов [4], в то время как Беляев С.А. характеризует геополитические угрозы как ключевой внешний ограничитель [5]. Борзунов И.В. и Калицкая В.В. анализируют санкционные шоки 2022–2024 годов, показывая адаптационный потенциал через цифровые биржевые платформы [6]. Экспортно-ориентированную модель развития сельских территорий предложили Воронин Б.А. и соавт., подчёркивая мультипликативный эффект на доходы домохозяйств [7].

Исследования Исаевой О.В. демонстрируют растущую роль малых и средних предприятий в сегменте нишевых продуктов, например органического мёда [8]. Киселёв С.В. совместно с Ромашкиным Р.А. применяют модель частичного равновесия, выводя прогноз экспорта до 2030 года на уровне 1,2-кратного увеличения, при условии расширения посевных площадей масличных культур [9]. Назаров Д.М. раскрывает зарубежный опыт цифровизации сельского хозяйства, пригодный для локализации в российских условиях [10].

По мнению Петруниной И., потенциал экспорта мясной индустрии ограничен несоответствием ветеринарных стандартов стран-импортёров [11]. Водясов П.В. и коллеги показывают, что зерно остаётся фундаментом экспортного портфеля: без учёта этого сегмента положительное сальдо резко сократится [12]. Савельева М.И. подчёркивает, что именно экспорт является целевым индикатором приоритетного проекта в аграрной сфере [13]. Стадник А.Т. оценивает федеральный механизм финансового субсидирования экспортёров и предлагает дифференциацию ставок компенсации в зависимости от технологичности продукции [14, 15].

Таким образом, анализ литературы демонстрирует многочисленные подходы к оценке экспортного потенциала, однако остаётся недостаточно изученным вопрос комплексной интеграции логистических, финансовых и технологических факторов в единую прогнозную модель.

Методы и материалы исследования

Эмпирической основой послужили официальные статистические ряды экспорта сельскохозяйственной и продовольственной продукции России за 2018–2024 гг. Источники: Федеральная таможенная служба (коды ТН ВЭД 4–6 знаков), Министерство

сельского хозяйства и Центр отраслевой экспертизы, ФГИС «Зерно», международная база FAOSTAT. Стоимость пересчитана в доллары США по среднегодовым курсам Банка России. Период 2018–2023 – окончательные данные; 2024 – предварительные (оперативные). Товарные позиции сведены в пять групп: зерновые; масличные и растительные масла; рыбная продукция; мясо и переработка; продукты глубокой переработки. Выполнены: удаление дубликатов, проверка выбросов по межквартильному размаху с ручной верификацией по первоисточникам, унификация единиц измерения (тонны и доллары США). Далее выполнена валютно-ценовая нормализация: номинальные значения переведены в доллары США по среднегодовым курсам; для отделения ценового и количественного компонентов применена индексная декомпозиция Ласпейреса на основе мировых индикаторов цен и фактических экспортных объёмов.

Общая стоимость экспорта за период t рассчитывается как сумма по товарным группам:

$$V_t = \sum(\text{цена}_t \times \text{объем}_t),$$

где цена_t – средняя экспортная цена одной группы в долларах/тонну; объем_t – физический объём в тоннах.

$$I_{\text{цена}} = \frac{\sum(\text{цена}_t \times \text{объем}_0)}{\sum(\text{цена}_0 \times \text{объем}_0)},$$

где «0» – базовый год (2018). Он показывает, во сколько раз изменилась стоимость из-за цены при неизменных базовых объёмах.

Декомпозиция изменения стоимости между базовым годом и годом t раскладывается на три части:

$$\begin{aligned} \Delta V = & \sum(\text{цена}_t - \text{цена}_0) \text{объем}_0 + \\ & + \sum \text{цена}_t (\text{объем}_t - \text{объем}_0) + \\ & + \sum(\text{цена}_t - \text{цена}_0) (\text{объем}_t - \text{объем}_0) \end{aligned}$$

Все величины – по товарным группам; «совместный эффект» показывает, как одновременные изменения цены и объёма усиливают (или ослабляют) общий результат. Прогноз строится ежемесячно до декабря 2030 года с последующей годовой агрегацией. Задаются внешние траектории: мировые цены на продовольствие (FAOSTAT), курс рубля (Банк России), для каждой величины рассчитывается коэффициент чувстви-

тельности – на сколько процентов меняется экспортная выручка при изменении фактора на 1%. Эти коэффициенты подбираются по фактическим данным 2018–2023 годов и проверяются на 2024-м (предварительные данные). Рассматриваются три сценария: базовый (инерционный), оптимистичный (улучшение логистики и финансирования, снижение фрахта) и консервативный (ограничения усиливаются).

Результаты исследования и их обсуждение

Перед представлением анализа стоимости российского аграрного экспорта необходимо подчеркнуть, что оценка темпов роста российских аграрных поставок за последние семь лет обусловлена одновременным влиянием макроэкономических и отраслевых драйверов. К числу макроэкономических факторов относим курс рубля, глобальную ценовую конъюнктуру и изменение логистических плеч в связи с ограничениями на западных направлениях. Отраслевые драйверы включают совершенствование семеноводческого фонда, рост урожайности за счёт точного земледелия и расширение линейки продуктов глубокой переработки. Синергия данных факторов обуславливает положительную динамику экспортной выручки при неоднородности в разбивке по товарным сегментам. Анализируя официальную статистику Федеральной таможенной службы и Центра отраслевой экспертизы Минсельхоза, мы фиксируем, что ключевым переломным моментом стал 2022 год, когда совокупный сельскохозяйственный экспорт достиг 38,1 млрд долл., превысив докризисный уровень на 22%. Вместе с тем дисперсия прироста по годам связана с волатильностью мировых цен на зерно и масличные (таблица 1).

Представленные данные показывают устойчивый восходящий тренд с кумулятивным приростом 49% за семилетний период. Средний ежегодный темп роста составил 6,6%, что превышает средний темп мирового аграрного экспорта (около 4%). Максимальный скачок отмечен в 2021 году вследствие бума мировых цен на зерновые и растительные масла. Замедление 2023–2024 гг. обусловлено насыщением рынков Турции и Египта, а также повышением фрахтовых ставок. Несмотря на это, структурные реформы в логистике и финансовые меры (льготное аккредитивное финансирование 2,5% годовых) удерживают положительную

динамику. Проекция тренда методом экспоненциального сглаживания предполагает достижение 47 млрд долл. в 2030 г., однако при условии сохранения текущих господдержек.

Таблица 1

Стоимость российского аграрного экспорта, 2018–2024 гг.

Год	Экспорт, млрд долл.	Темп роста к пред. году, %
2018	27,0	–
2019	28,4	5,2
2020	30,1	6,0
2021	34,6	14,9
2022	38,1	10,1
2023	39,5	3,7
2024	40,2	1,8

Источник: составлена авторами на основе данных Федеральной таможенной службы. Таможенная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 01.07.2025).

Перед анализом структуры российского аграрного экспорта отметим, что диверсификация номенклатуры является маркером зрелости экспортной стратегии: чем выше доля переработанной продукции, тем устойчивее национальная продовольственная система к ценовым шокам сырьевых рынков. В российском контексте трансформация товарной структуры происходит через инвестиции в глубинную переработку зерна (глютен, крахмало-паточная продукция), развитие масложирового кластера и ускоренный рост мясопереработки. Дополнительным импульсом служат программы экспортных сертификационных центров, обеспечивающие допуск на рынки стран Персидского залива и Юго-Восточной Азии. Анализ структурных сдвигов базируется на параллельном использовании данных таможенной статистики и реестра ФГИС «Зерно» (табл. 2).

Сравнение с 2018 годом, когда доля зерновых превышала 56%, подтверждает прогресс в диверсификации. Увеличение веса переработанных продуктов на 9,1 п.п. свидетельствует о смещении экспортной ориентации к высокой добавленной стоимости. Масложировой сегмент вырос на 140% за счёт введения новых мощностей по глубокой переработке сои и рапса в Приволжском федеральном округе. Рыбная продукция укрепила позиции благодаря расшире-

нию квот на экспорт минтая и лососёвых. Мясной сектор показал самый высокий относительный прирост (около 170%) после открытия рынка Китая для российской говядины и птицы. Вывод: дальнейшее сокращение доли зерновых до 35% к 2030 году является реалистичной целью при условии поддержки пищевых технопарков и субсидирования логистики холодной цепи.

Систематизируем ключевые детерминанты конкурентоспособности российского аграрного экспорта, выделенные в ходе эмпирического анализа. Эти детерминанты сгруппированы по направлениям воздействия: ресурсно-технологический потенциал, институционально-финансовая среда и внешнеэкономические условия. Практическая значимость сводится к возможности

адресного распределения бюджетных стимулов и корректировки регуляторики.

Матрица демонстрирует (табл. 3), что решающим драйвером станет ускоренная цифровизация агропроизводства: повышение проникновения систем точного земледелия на 25 п.п. способно обеспечить до 1,8 млрд долл. дополнительной экспортной выручки. Логистическое расширение Дальневосточного порта «Суходол» с вводом глубоководного терминала увеличит пропускную способность на 17 млн т, что эквивалентно 3,4 млрд долл. экспорта зерна и масличных. Финансовый рычаг льготного кредитования при повышении доли субсидируемых контрактов до 40% позволяет нейтрализовать эффект укрепления рубля в коридоре 5–7%.

Таблица 2

Структура российского аграрного экспорта в 2024 году

Товарная категория	Объём, млрд долл.	Доля, %
Зерновые культуры	16,5	41,0
Масличные и масла	7,4	18,4
Рыбная продукция	5,8	14,4
Мясо и продукты переработки	4,2	10,4
Продовольственные товары глубокой переработки	6,3	15,8
Итого	40,2	100

Источник: составлена авторами на основе данных Федеральной таможенной службы. Таможенная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 01.07.2025).

Таблица 3

Интегрированная матрица факторов и прогнозных показателей экспорта РФ до 2030 года

Группа факторов	Ключевые показатели (значение 2024 г.)	Влияние (+/-)	Целевой ориентир 2030 г. (оптимистичный)
Ресурсно-технологические	Урожайность зерновых = 3,4 т/га; цифровизация пашни = 45%	+	Урожайность = 3,9 т/га; цифровизация = 70%
Институционально-финансовые	Доля льготных экспортных кредитов = 27%	+	40%
Логистические	Портовая мощность Дальнего Востока = 38 млн т	+	55 млн т
Санкционные риски	Ограничения страхования судов	-	Смягчение через азиатских страховщиков
Рыночные	Средняя мировая цена пшеницы = 260 долл./т	±	240–270 долл./т
Прогнозная стоимость экспорта, млрд долл.	40,2	-	47,0
Доля переработанной продукции, %	59	+	65

Источник: составлена авторами на основе данных Федеральной таможенной службы. Таможенная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 01.07.2025).

На рынке страхования морских перевозок ключевым инструментом видится заключение рамочных соглашений с азиатскими страховщиками, снижая транзакционные издержки на 0,3–0,5 п.п. операционной прибыли. Если все позитивные факторы реализуются, оптимистичный сценарий 47 млрд долл. в 2030 г. достижим. В консервативном случае, при усилении санкций и сохранении узких мест логистики, экспорт может зафиксироваться на уровне 42 млрд долл.

Заключение

Проведённое исследование выявило системную трансформацию российского сельскохозяйственного экспорта: от доминирования сырьевых поставок к возрастающему присутствию высококонкурентных продуктов глубокой переработки. Ключевыми факторами успешного развития выступают технологические инновации, институциональные механизмы финансирования и географическая диверсификация рынков. Рост экспортной стоимости на 49% за 2018–2024 гг. демонстрирует потенциал освобождения отрасли от зависимости

от конъюнктуры товарных площадок. Однако сохраняющиеся внешние ограничения – санкционные риски, логистические издержки и валютная волатильность – требуют адресных мер.

Прогноз до 2030 года при благоприятной макросреде предусматривает достижение уровня 47 млрд долл., при этом доля переработанной продукции способна превысить 65%. Достижение целевых ориентиров возможно при условии синергии государственной поддержки, частных инвестиций и научно-технологического обеспечения. Результаты исследования могут служить основанием для корректировки федеральных и региональных экспортных программ, разработки отраслевых дорожных карт и внедрения инновационных финансовых инструментов страхования торговых рисков. Таким образом, российский агропромышленный комплекс имеет потенциал стать устойчивым источником валютных доходов и технологического развития, способствующим продовольственной безопасности как внутри страны, так и на международных рынках.

Библиографический список

1. Butakova M.M., Sokolova O.N., Churina L.I. Export of agro-industrial products of Russia: new opportunities and development problems // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Vol. 14, No. 3. P. 342-354. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-3-342-354. EDN: SDUJQC.
2. Dzhancharova G.K., Ilyasov R.H., Romadikova V.M. Assessment of export potential of the Russian agro-industrial complex // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Krasnoyarsk, 18–20 ноября 2021 года. Krasnoyarsk: IOP Publishing Ltd, 2022. P. 022051. DOI: 10.1088/1755-1315/981/2/022051. EDN: DPGPEE.
3. Азжеурова М.В. Экспорт российской продукции АПК: состояние и перспективы развития // Труды ВНИРО. 2020. Т. 182. С. 166-173. DOI: 10.36038/2307-3497-2020-182-166-173. EDN: WKMMUA.
4. Александрова Л.А., Анфиногентова А.А., Глебов И.П., Тараскин Д.С. Экспортная конкурентоспособность российского АПК: оценка и потенциал роста // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2023. Т. 16, № 4(79). С. 210-222. DOI: 10.53914/issn2071-2243_2023_4_210. EDN: SKUXJD.
5. Беляев С.А., Вакуленко Р.Я., Скрипкина Е.В., Репринцева Е.В. Угрозы и перспективы российского агропродовольственного экспорта // Международный сельскохозяйственный журнал. 2022. № 5(389). С. 468-472. DOI: 10.55186/25876740_2022_65_5_468. EDN: OGLHMW.
6. Борзунов И.В., Калицкая В.В., Рыкалина О.А. Экономика агропромышленного комплекса России в условиях санкций // Агропродовольственная экономика. 2025. № 2. С. 61-69.
7. Воронин Б.А., Чупина И.П., Воронина Я.В. Экспортно-ориентированное развитие российского сельского хозяйства и АПК // Аграрный вестник Урала. 2020. № S13. С. 2-9. DOI: 10.32417/1997-4868-2021-13-2-9. EDN: DKWHZK.
8. Исаева О.В. Российский агроэкспорт: современное состояние и перспективы развития // АПК: экономика, управление. 2023. № 4. С. 33-40. DOI: 10.33305/234-33. EDN: RMAOJN.
9. Киселев С.В., Ромашкин Р.А., Белугин А.Ю. Агропродовольственный экспорт России до 2030 г.: прогноз на основе модели частичного равновесия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 4(56). С. 69-90. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-56-4-4. EDN: DPDIPY.

10. Назаров Д.М., Кондратенко И.С., Сулимин В.В., Шведов В.В. Цифровизация сельского хозяйства на примере Румынии // Международный сельскохозяйственный журнал. 2022. № 6(390). С. 622-624. DOI: 10.55186/25876740_2022_65_6_622.
11. Петрунина И. Перспективы развития экспорта отдельных сегментов пищевой промышленности // Мясная индустрия. 2021. № 7. С. 10-15. DOI: 10.37861/2618-8252-2021-07-10-14. EDN: QPWGYK.
12. Водясов П.В., Миненко А.В., Хорунжин М.Г., Селиверстов М.В. Российский экспорт зерна: тенденции, проблемы и перспективы // АПК: экономика, управление. 2024. № 2. С. 114-126. DOI: 10.33305/242-114. EDN: DLYRMS.
13. Савельева М.И. Экспорт продукции АПК – ключевая цель приоритетного проекта РФ // Все о мясе. 2020. № 1. С. 6-9. DOI: 10.21323/2071-2499-2020-1-6-9. EDN: DCQFGN.
14. Сарсадских А.В., Эйрян Н.А. Обзор цифровых технологий для внедрения в агропромышленный комплекс России // Агропродовольственная экономика. 2025. № 2. С. 7-16.
15. Стадник А.Т., Шелковников С.А., Чепелева К.В. Оценка функционирования организационно-экономического механизма поддержки экспорта на федеральном уровне // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 6. С. 15-23. DOI: 10.32651/226-15. EDN: GAAENK.

УДК 336.14

Н. Ю. Симонова

Омский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Омск;
АНОО ВО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий», Омск, e-mail: sim_nu_a@mail.ru

Ю. Н. Ан

АНОО ВО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий», Омск

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖБЮДЖЕТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: межбюджетное регулирование, муниципалитет, дотации, выравнивание, межбюджетные отношения, сбалансированность.

Актуальность необходимости совершенствования межбюджетного регулирования не вызывает сомнений. Оно играет ключевую роль в обеспечении социального благополучия, экономической стабильности и устойчивого развития регионов и муниципалитетов, позволяя создавать эффективные финансовые механизмы для решения местных проблем и повышения качества жизни населения. Несмотря на достаточно обширный список работ и публикаций, посвященных вопросам межбюджетного регулирования, необходимо отметить, что в научно-исследовательской литературе до сих пор не разработано совершенной методики распределения бюджетных средств между муниципалитетами. В качестве основных показателей, на основе которых было проведено исследование, выступают данные Министерства финансов Омской области. В статье был не только разработан новый подход к распределению дотаций между муниципальными образованиями, но и проведена оценка его эффективности. Целью исследования выступает совершенствование механизма распределения дотаций для повышения качества межбюджетного регулирования на основе изменения критерия для бюджетного выравнивания и оценка эффективности предложенного мероприятия. В ходе исследования были определены основные проблемы организации межбюджетного регулирования в регионах, прежде всего несовершенство методики распределения дотаций на выравнивание уровня расчетов бюджетной обеспеченности, основанной на определении налогового потенциала. Практика показала, что в ряде муниципалитетов, значительную роль играют неналоговые доходы, при их не учете в рамках межбюджетного регулирования, не решается задача оптимального выравнивания всех муниципальных образований. Для решения данной проблемы было предложено заменить при проведении расчетов индекс налогового потенциала муниципалитета на индекс доходного потенциала территории. Проведенный анализ показал, что в данном случае выравнивание уровня доходов муниципальных образований осуществляется более равномерно. Реализация данных мероприятий позволит повысить эффективность системы межбюджетного регулирования, осуществляемую Министерством финансов Омской области в отношении муниципальных образований, а также этот опыт может быть заимствован другими регионами для совершенствования системы бюджетного федерализма.

N. Yu. Simonova

Omsk branch Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk;
Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk,
e-mail: sim_nu_a@mail.ru

Yu. N. An

Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk

WAYS TO OPTIMISING THE SYSTEM OF INTER-BUDGETARY REGULATION IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF OMSK REGION)

Keywords: interbudgetary regulation, leader, subsidies, competition, interbudgetary relations, balance.

The relevance of the need to improve interbudgetary regulation is beyond doubt. It plays a key role in ensuring social well-being, economic stability and sustainable development of regions and municipalities, allowing the creation of effective financial mechanisms to solve local problems and improve the quality of life of the population. Despite the fairly extensive list of works and publications devoted to interbudgetary

regulation, it should be noted that the research literature has not yet developed a perfect methodology for distributing budget funds between municipalities. The main indicators on the basis of which the study was conducted are data from the Ministry of Finance of the Omsk Region. The article not only developed a new approach to distributing subsidies between municipalities, but also assessed its effectiveness. The purpose of the study is to improve the mechanism for distributing subsidies to improve the quality of interbudgetary regulation based on changing the criterion for budget equalization and assessing the effectiveness of the proposed measure. The study identified the main problems of organizing interbudgetary regulation in the regions, primarily the imperfection of the methodology for distributing subsidies to equalize the level of calculations of budget security based on determining the tax potential. Practice has shown that in a number of municipalities, non-tax revenues play a significant role, and if they are not taken into account within the framework of interbudgetary regulation, the problem of optimal equalization of all municipalities is not solved. To solve this problem, it was proposed to replace the municipality's tax potential index with the territory's revenue potential index when conducting calculations. The analysis showed that in this case, the level of income of municipalities is equalized more evenly. The implementation of these measures will improve the efficiency of the interbudgetary regulation system carried out by the Ministry of Finance of the Omsk Region in relation to municipalities, and this experience can be borrowed by other regions to improve the system of budget federalism.

Введение

Межбюджетное регулирование в субъектах Российской Федерации является важным аспектом финансовой политики и управления экономикой на уровне регионов. Актуальность этого процесса связана с несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, межбюджетное регулирование обеспечивает сбалансированность бюджетов различных уровней – федерального, регионального и муниципального. Сбалансированность бюджетов рассматривается с позиции оценки целевых параметров состояния бюджета, оценки качества управления общественными финансами [8, с. 15].

Во-вторых, межбюджетное регулирование способствует более высокому уровню прозрачности в расходовании бюджетных средств.

В-третьих, в условиях федерального устройства России немалую роль играет необходимость учета специфики каждого региона и муниципалитета. Региональные власти должны иметь возможность адаптировать свои бюджетные стратегии в соответствии с местными условиями, что делает межбюджетное регулирование крайне актуальным.

Цель исследования совершенствование механизма распределения дотаций для повышения качества межбюджетного регулирования на основе изменения критерия для бюджетного выравнивания и оценка эффективности предложенного мероприятия.

Материал и методы исследования

Исследование основывалось на материалах деятельности Министерства финансов Омской области, публикуемых на официальных сайтах.

При проведении исследования авторами использовались методы теоретического и эмпирического исследования, в частности, анализ, сравнение, синтез, наблюдение, статистического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Важнейшая цель бюджетного федерализма – баланс между интересами государства и его субъектов. Сбалансированность доходов и расходов бюджета создает базовые условия для выполнения полномочий органами государственной власти в полном объеме [5, с. 154].

Межбюджетные отношения играют важную роль в бюджетном процессе в Российской Федерации, поскольку путем межбюджетного взаимодействия осуществляется оперативное управление общественными финансами [7, с. 74]. Система бюджетного федерализма выступает основой для обеспечения регионов и муниципалитетов финансовыми ресурсами в современных условиях.

Важнейшим условием при формировании основ бюджетного федерализма является необходимость в разработке действенных бюджетных взаимоотношений на всех уровнях бюджетной системы, что бы позволило обеспечить необходимый баланс между доходами и расходами, а также справедливое распределение финансового бремени на все субъекты и на все муниципальные образования внутри них [6, с. 389]. Однако, в настоящих условиях более важной проблемой, которую необходимо решить выступает обеспечение бюджетов нижестоящих уровней финансовыми ресурсами через систему межбюджетного регулирования.

Инструментом межбюджетного регулирования для повышения сбалансированности местных бюджетов выступают дотации на выравнивание уровня расчетной бюджетной обеспеченности. Дотации предназначены для обеспечения равных возможностей в реализации конституционных прав граждан и предоставлении на территории России государственных и муниципальных услуг [9, с. 76]. Методика распределения дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований Омской области установлена Законом Омской области от 27.07.2007 г. № 947-ОЗ «О межбюджетных отношениях в Омской области» [1]. В действующей редакции закона от 30 июля 2025 года определена методика расчета дотации, отвечающая актуальным требованиям бюджетного законодательства с учетом элементов лучшей практики регионов. Распределение дотации, согласно методике, применяемой Министерством финансов Омской области, осуществляется исходя из достижения бюджетами муниципальных образований критерия выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований, устанавливаемого законом Омской области об областном бюджете на очередной финансовый год и на плановый период. Применяемый в настоящее время способ расчета объемов дотаций предполагает длительную и трудоемкую работу по сбору исходной информации и ее анализу. Вместе с тем, несмотря на усовершенствование и формализацию методики, расчет не позволяет полно и всеобъемлюще учесть социально-экономические различия в развитии муниципальных образований при применении имеющейся методики.

Неналоговые доходы занимают существенную долю в поступлениях в бюджеты муниципальных районов. Доля неналоговых доходов в бюджетах муниципальных районов составляет 5,7% [10]. Используемая в настоящее время методика расчета дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований Омской области не предполагает использование данных показателей. При оценке доходных возможностей используются исключительно налоговые поступления в бюджеты муниципальных образований. Это приводит к недостоверной оценке реального финансового положения муниципальных образований. В связи с этим, предлагается изменить методику расчета дотаций на выравнивание

бюджетной обеспеченности муниципалитетов, заменив расчет налогового потенциала на расчет совокупного доходного потенциала, включающего как налоговые поступления в бюджеты, так и поступления от неналоговых доходов.

При определении базы для выравнивания будет использоваться формула доходного потенциала i -го муниципального образования (1).

$$ДП_i = \sum ДП_{yi}, \quad (1)$$

где $ДП_{yi}$ – доходный потенциал i -го муниципального образования по y -му доходу (налоговому или неналоговому).

Индекс доходного потенциала i -го муниципального образования будет рассчитан по формуле 2.

$$ИДП_i = (ДП_i / N_i) / (ДП / N), \quad (2)$$

где N_i – численность постоянного населения i -го муниципального образования;

$ДП$ – доходный потенциал муниципальных образований;

N – численность постоянного населения муниципальных образований.

Формула расчета общего объема дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований приобретает следующий вид (3).

$$\Phi = \sum_{i=1}^n \left(\frac{ДП}{N} \times (K - БО_i) \times КРП_i \times N_i + ОТ_i \right), \quad (3)$$

где Φ – общий объем дотаций;

K – критерий выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности муниципальных образований;

$ОТ_i$ – расчетный размер субсидии из областного бюджета;

n – общее количество муниципальных образований.

Использование новой методики расчета дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности представляется в виде следующего алгоритма:

1 этап – запрос исходных данных, необходимых для расчета объема дотации, таких как численность населения, площадь территории муниципального образования, предполагаемый объем налоговых и неналоговых доходов муниципального образования. На данном этапе к традиционным показателям добавляется расчет доходов, получаемых от муниципальной собствен-

ности, реализации имущества и прочих неналоговых доходов;

2 этап – выборка исходных данных, на данном этапе осуществляется определение расходных обязательств муниципальных образований, в рамках данного этапа изменения в методику не вносятся;

3 этап – подготовка информации и согласование расчета дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. На данном этапе производится непосредственно расчет дотации с учетом представленных выше формул на основе использования доходного потенциала территорий;

4 этап – согласование результатов расчета размеров дотаций с Министром финансов Омской области.

Таким образом, основные новации вносятся на 1 и 3 этапе определения дотаций.

Эти нововведения направлены на использование подхода, позволяющего объективно оценить собственные доходные возможности территорий с учетом уровня и структуры их экономического развития, а также обеспечить мотивацию развития собственной налоговой базы.

Проведем исследования эффективности изменений в методику расчета. С целью удобства расчетов и наглядности предлагаемых направлений совершенствования муниципальные районы Омской области были сгруппированы по уровню бюджетной обеспеченности после распределения дотации (таблица 1). По итогам распределения дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности минимальный ее уровень по бюджетам муниципальных образований в целом составил менее 1,0.

Таблица 1

Распределение муниципальных районов по уровню бюджетной обеспеченности после распределения дотации за 2022-2024 гг.

Группа	Уровень бюджетной обеспеченности после распределения дотации	Количество муниципальных районов, бюджетная обеспеченность бюджетов которых входит в соответствующий диапазон		
		2022	2023	2024
1	<1,0	25	26	20
2	1,11 <1,2	4	4	0
3	1,21 <1,5	2	1	4
4	1,51 <1,7	0	1	0
5	>1,71	1	0	8
Всего	x	32	32	32

Примечание: составлено авторами по [2-4, 10].

Таблица 2

Распределение муниципальных районов по уровню бюджетной обеспеченности после распределения дотации за 2022-2024 гг. по усовершенствованной методике

Группа	Уровень бюджетной обеспеченности после распределения дотации	Количество муниципальных районов, бюджетная обеспеченность бюджетов которых входит в соответствующий диапазон		
		2022	2023	2024
1	<1,0	0	0	0
2	1,11 <1,2	0	0	0
3	1,21 <1,5	20	25	26
4	1,51 <1,7	11	6	5
5	>1,71	1	1	1
Всего	x	32	32	32

Примечание: составлено авторами по [2-4, 10].

Средний уровень сбалансированности бюджетов муниципальных районов после внедрения усовершенствованной методики
Примечание: составлено авторами по [2-4, 10].

Таблица 3

Оценка среднего квадратичного отклонения и коэффициента вариации при изменении методики расчета дотации

Показатели	2022 г.		2023 г.		2024 г.	
	По прежней методике	По новой методике	По прежней методике	По новой методике	По прежней методике	По новой методике
Среднее квадратичное отклонение	0,291	0,269	0,292	0,169	0,311	0,149
Коэффициент вариации, в %	20,94	19,35	21,01	12,16	22,37	10,72

Примечание: составлено авторами по [2-4, 10].

Далее проведем расчеты после распределения дотаций в соответствии с усовершенствованной моделью расчета бюджетной обеспеченности муниципальных районов (таблица 2).

Более наглядно изменения бюджетной обеспеченности муниципалитетов вследствие изменения методики представлены на рисунке.

Можно отметить, что в целом уровень сбалансированности повысился. Так в 2022 году средний уровень сбалансированности повысился с 1,06 до 1,45, в 2023 году с 1,05 до 1,41, в 2024 году с 1,22 до 1,40.

Для подтверждения качества предложенных изменений рассчитаем среднее квадратичное отклонение и коэффициент вариации (таблица 3).

Расчет среднеквадратичного отклонения показал, что при изменении методики расчета дотаций наблюдается более плот-

ная группировка вокруг среднего значения, особенно это заметно по итогам 2024 года, когда среднее квадратичное отклонение снижается с 0,311 до 0,149. Расчет коэффициента вариации свидетельствует, что по прежней методике степень рассеивания данных составляла выше 20% и оценивалась как значительная, после применения новой методики степень рассеивания колеблется от 10,72% в 2024 году до 19,35% в 2022 году и приобретает среднее значение, что говорит о большей однородности муниципальных образований по степени бюджетной сбалансированности после изменения методики расчета дотаций.

Таким образом, можно отметить, что использование новой методики повышает уровень сбалансированности местных бюджетов и способствует более объективному распределению финансовых ресурсов между муниципальными районами.

Заключение

Дотации играют ключевую роль в обеспечении муниципальных образований финансовыми ресурсами. Проведенный анализ показал, что при расчете размера дотации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности муниципальных районов учитываются только потенциальные налоговые доходы, которые могут быть получены муниципальным районом. При этом в составе доходов муниципальных районов существенную роль играют и неналоговые доходы, прежде всего доходы от использования муниципального имущества, доходы от предоставления платных услуг и компенсации затрат государства и штрафы, санкции, возмещения ущерба. В свя-

зи с этим для совершенствования системы межбюджетного регулирования возможно изменение критерия для распределения: замена индекса налогового потенциала территории на индекс доходного потенциала территории, включающего и налоговые и неналоговые доходы.

Проведенный анализ на примере муниципальных образований Омской области демонстрирует при расчете дотаций в соответствии с усовершенствованной методикой более высокий уровень сбалансированности бюджетов. Следовательно, данный подход, является более рациональным и позволяет учесть различные возможности муниципальных образований, имеющих разную структуру бюджетных источников.

Библиографический список

1. Закон Омской области от 27 июля 2007 г. № 8947-ОЗ «О межбюджетных отношениях в Омской области» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.base.garant.ru/15531020/> (дата обращения: 20.07.2025).
2. Закон Омской области от 16 декабря 2021 г. №2450-ОЗ «Об областном бюджете на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.base.garant.ru/35508972/> (дата обращения: 20.07.2025).
3. Закон Омской области от 22 декабря 2022 г. №2537-ОЗ «Об областном бюджете на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW148&n=192084 (дата обращения: 20.04.2025).
4. Закон Омской области от 21 декабря 2023 г. № 2650-ОЗ «Об областном бюджете на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов» [Электронный ресурс]. URL: mf.omskportal.ru/oiv/mf/otrasl/otkrbudg/obl-budget/2024-2026/01 (дата обращения: 20.07.2025).
5. Завьялова Л.В., Демченко Ю.В. Сбалансированность бюджетов субъектов Российской Федерации: вызовы и решения // *Управленческий учет*. 2024. № 4. С. 152-159. EDN: OLAUCG.
6. Зубарева Э.В., Щукина Н.В., Пацюк Е.В., Секачева Т.В. и др. Сбалансированность региональных бюджетов: проблемы и пути решения (на примере Волгоградской области) // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2022. № 11. С. 388-392. EDN: IHQGMT.
7. Караулова Ю.В. Сущностные основы межбюджетных отношений // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 4-1. С. 69-74. EDN: WHAFXR.
8. Масимова К.А. Сбалансированность местных бюджетов в современных условиях // *Тенденции развития науки и образования*. 2019. № 50-5. С. 14-19. DOI: 10.18411/lj-05-2019-88. EDN: CYVMXP.
9. Пронина Л.И., Белобородов А.Н., Городниченко А.А. Межбюджетное регулирование в условиях создания единой системы публичной власти в России // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022. Т. 1. № 9 (129). С. 73-89. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.09.01.008. EDN: HSEYKD.
10. Открытый бюджет Омской области. Основные характеристики исполнения бюджета. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.budget.omsk.ifinmon.ru/analitika/ispolnenie-byudzgheta/osnovnye-kharakteristiki-ispolneniya-byudzgheta> (дата обращения 12.07.2025).

УДК 330.354

В. В. Скалкин

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при правительстве Российской Федерации»,
Москва, e-mail: vskalkin@fa.ru

А. П. Щербаков

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при правительстве Российской Федерации»,
Москва

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Ключевые слова: устойчивая политическая экономия (УПЭ), энтанглированная политическая экономия, рынок, как моральный императив честного и справедливого обмена, цифровые технологии блокчейн, динамика экономического развития.

В данной статье предлагается расширенный взгляд на концепцию устойчивой политической экономии (УПЭ) как потенциальный ответ на современные вызовы, возникающие в глобальной экономической системе. Использование политико-экономических парадигм в процессе экономического развития нуждается в адекватной проверке на «устойчивость» – то есть адаптивность и жизнеспособность в условиях несоблюдения базовых предпосылок рациональности и доброжелательности индивидуумов. В частности, анализируются такие политико-экономические конструкты, как энтанглированная политическая экономия (ЭПЭ) и рынок, как моральный императив честного и справедливого обмена (РМИЧСО). В заключение формулируются теоретические и практические выводы, подкрепляющие идею о том, что переход к более гибким и устойчивым экономическим структурам способен обеспечить долгосрочный социально-экономический рост в условиях непрерывных изменений.

V. V. Skalkin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: vskalkin@fa.ru

A. P. Scherbakov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

THE CONCEPT OF ROBUST POLITICAL ECONOMY AS A POTENTIAL RESPONSE TO CONTEMPORARY CHALLENGES OF THE GLOBAL ECONOMIC SYSTEM

Keywords: robust political economy (SPE), entangled political economy, market as a moral imperative of fair and just exchange (MMIFJE), digital blockchain technologies, dynamics of economic development.

This article offers an expanded view of the concept of robust political economy (RPE) as a potential response to contemporary challenges emerging in the global economic system. The use of political-economic paradigms in the process of economic development requires an adequate test of “robustness” – that is, adaptability and viability in conditions of non-compliance with the basic assumptions of rationality and benevolence of individuals. Such political-economic constructs as entangled political economy (EPE) and the market as a moral imperative of fair and just exchange (MMIFJE) are analyzed. In conclusion, theoretical and practical conclusions are formulated that support the idea that the transition to more flexible and sustainable economic structures can ensure long-term socio-economic growth in the context of continuous change.

Введение

Современные экономические системы сталкиваются с новыми вызовами, которые требуют переосмысления устоявшихся подходов к управлению и развитию. Пандемии, усиление климатических изменений, ускоренная цифровизация, гео-

литико-экономические сдвиги и растущее социальное неравенство демонстрируют уязвимость традиционных экономических моделей-, а именно – крах кейнсианства в 1970-х годах, монетаризма и коммунизма в конце 1980-х годов, крах планирования развития в 1990-х годах и глобальный фи-

нансовый кризис 2007–2009. Эти события побудили многих экономистов-теоретиков, как и большинство экономистов и политиков, обратить внимание на идеи, сочетающие гибкость, справедливость и устойчивость, способные обеспечить долгосрочное развитие общества.

Одним из перспективных направлений, предлагаемых рядом исследователей, включая авторов, выступает концепция устойчивой политической экономии (УПЭ), призванная ответить на перечисленные вызовы. Впервые концепция УПЭ упоминалась в 2004 г. исследователями Университета Джорджа Мейсона Питером Боттке и Питером Лисоном применительно к сравнительному анализу теорий социализма и либерализма. Под «устойчивостью» политико-экономической теории понимается ее возможность функционирования при несоблюдении базовых предпосылок доброжелательности и информированности экономических агентов [1].

Инструментарий УПЭ был в больших деталях этой методологии изложен в последующей работе П. Лисона и Дж. Субрика «Устойчивая политическая экономия». (Leeson & Subrick) (2006) [2]. В этом сборнике статей RPE рассматривается теоретически и прикладным образом. Поскольку стандартные предположения о полной и совершенной информации, мгновенной адаптации рынка, совершенной рациональности агента, благожелательности политических деятелей и т. д. редко, если вообще когда-либо, выполняются, реалистичная картина и точная оценка желательности альтернативных политико-экономических систем требуют анализа устойчивости альтернативных систем. Критика социализма Мизесом-Хайеком формирует основу для исследований устойчивости, которые ослабляют идеальные информационные предпосылки [3]. Подход Бьюкенена-Таллока к теории общественного выбора дополняет эту основу, формируя основу для исследований устойчивости, которые ослабляют идеальные мотивационные предпосылки [4].

Термин «устойчивое развитие» (sustainable development) имеет много значений и часто упоминается в современной литературе. Так ЦБ РФ дает следующее определение: «Устойчивое развитие – это развитие, отвечающее потребностям настоящего времени без ущерба для благополучия будущих поколений» [5]. Несмотря на то, что на русском языке термин «устойчивость»

является переводом термина “sustainability” и “robustness” (качество или состояние, при котором нечто или некто находится в хорошей форме и силе), смысл этих терминов различен. С другой стороны, известная работа Нобелевских лауреатов по экономике (2013) Ларса Питера Хансена, и Томаса Сарджента (2011) так же называется “Robustness” [6], (даже в русскоязычном переводе англоязычное наименование оставлено), однако посвящена и общей теории моментов (средних величин) в эконометрике и термин «устойчивость» здесь и в других работах относится к устойчивости эконометрических выводов и наблюдений [7].

Когда речь идет о больших системах, то «устойчивость системы» можно определить как «способность системы противостоять изменениям, не адаптируя свою первоначальную стабильную конфигурацию». «Устойчивость к малым возмущениям» относится к ситуациям, когда возмущения малы по величине, что предполагает, что гипотезу о «малой» величине может быть трудно проверить, поскольку «малая» или «большая» величина зависит от конкретной проблемы. И наоборот, «Устойчивость к большой проблеме» относится к ситуациям, когда невозможно сделать никаких предположений о величине возмущений, которые могут быть как малыми, так и большими. В исследовании Дюраха (Durach C.L. et al) об управлении цепочками поставок было отмечено, что устойчивость имеет два измерения: сопротивление и избегание [8]. Следует также заметить, что УПЭ само по себе не является направлением или школой экономической мысли, а инструментом анализа и проверки теорий других экономических школ и направлений на предмет реалистичности и исполнимости.

Цель исследования – разработка концептуальной основы анализа политико-экономических систем и концепций на основе теории устойчивой политической экономии (УПЭ) для изучения возможности их последующего практического применения в образовании, политико-экономическом дискурсе и выработки стратегий развития экономики. Тест на устойчивость экономической теории в работе применяется на примере ряда политико-экономических теоретических конструкций – энтанглированной политической экономии (ЭПЭ), теории рынка, как морального императива честного и справедливого обмена (РМИЧСО). В качестве дальней-

ших этапов исследовательской программы по УПЭ можно предложить исследовать иные теоретические парадигмы, такие как марксистская политическая экономия, неоклассическая экономика, социализм, капитализм и другие.

Новизна исследования. Концепция устойчивости (в смысле Robustness) в авторском изложении применительно к предмету исследования впервые анализируется в российской экономической науке. В работе А.А. Пороховского «Устойчивость и гибкость политической экономии» (SUSTAINABILITY AND FLEXIBILITY OF POLITICAL ECONOMY), термин «устойчивость» используется в смысле «sustainability» и речь идет об актуальности и живучести марксистской политической экономии по отношению к текущим геоэкономическим и геополитическим вызовам [9]. Аналогичные подходы используются и у Дудина М.Н. «Политическая экономия в эпоху цифровой революции: устойчивость и гибкость объекта, предмета и метода К. Маркса» [10]. Проблема устойчивости при ослаблении базовых предпосылок человеческого поведения, а также по критериям системного анализа – избегания и сопротивления, и в данных работах не исследуется.

В зарубежных источниках тема устойчивости ограничена анализом только двух подходов – либерализма и социализма. В упомянутых источниках принята на наш взгляд ложная взаимоисключающая дихотомия «рынок-государство». Авторская концепция предполагает, что честный и справедливый обмен может существовать как между частными агентами, так и публичными. Также в работах отсутствует анализ устойчивости с позиций системного подхода – сопротивление и избегание.

Новизна также заключается в применении анализа на устойчивость в отношении энтанглированной политической экономии, теории рынка, как морального императива честного и справедливого обмена (РМИЧСО), неоклассической теории, экономики развития, социализма и капитализма.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования главным образом могут применяться в учебном процессе для преподавания дисциплин: «Экономическая теория», «Политическая экономия», «История экономической мысли», «Современные экономические учения». Другой практической областью применения УПЭ

может быть цифровизация экономики, в т. ч. Блокчейн, а также применения в других областях планирования развития национальной экономики.

Материалы и методы исследования

При рассмотрении вопросов устойчивости политической экономии в целом и концепции энтанглированной (переплетённой) экономики теории рынка, как морального императива честного и справедливого обмена (РМИЧСО) и других теорий, подверженных исследованию, авторы опираются на междисциплинарные методологические подходы, объединяющие институциональный анализ, системный подход, историко-сравнительные исследования и экономико-математические модели.

Методологическая база исследований устойчивости политической экономии сочетает качественные методы (анализ дискурса и контента, экспертные интервью, кейс-стади, историко-сравнительные исследования), количественные инструменты (эконометрика, моделирование, анализ больших данных) и междисциплинарный синтез (экономическая теория, социология, политология, правовые исследования).

Результаты исследования и их обсуждение

Энтанглированная (переплетённая) политическая экономия предлагает альтернативу традиционному, «аддитивному» представлению, в котором экономика и политика рассматриваются как отдельные сферы, а политические решения выступают механизмом коррекции того, что принято называть «провалами рынка» (согласно авторской концепции, это провалы отсутствия рынка. т. к. базовое определение рынка во всех «рыночных провалах» не соблюдается. Согласно аддитивному подходу, политика формулируется преимущественно «сверху вниз», исходя из постулата о существовании неких «провалов рынка», которые государство пытается нейтрализовать, используя инструменты налогообложения и регулирования. В рамках этого упрощённого взгляда политические акторы играют роль исправителей недостатков рынка, а их вмешательство трактуется как, по сути, бескорыстное и направленное на обеспечение экономической и социальной эффективности.

Сторонники энтанглированной политической экономии, напротив, утверждают,

что экономические, политические и социальные взаимодействия принципиально невозможны в режиме строгой изоляции друг от друга. Общество при этом не представляется «гомогенной массой»; оно формируется как система сложных сетевых отношений, которая постоянно эволюционирует. Данное эволюционное развитие не является результатом централизованного замысла, а порождается целенаправленной деятельностью различных агентов, стремящихся к собственным выгодам (прибыль, получение голосов избирателей, поддержка со стороны партнёров и т. д.). Подобная сетевая организация общества приводит к тому, что агенты действуют одновременно в политической и экономической плоскостях, формируя переплетённую структуру отношений. Основателем этого течения экономической мысли является Ричард Вагнер (Richard Wagner), (Университет Джорджа Мейсона) впервые выдвинувший «манифест» (keynote address) в 2014г., отвечая на кризис неоклассическо-неокейнсианско-неоинституционального синтеза, и «Великую рецессию 2007–10 годов» [11, 12]. Глобальный финансовый кризис выявил фундаментальные слабости современной международной финансовой системы и в качестве альтернативы традиционным платёжным средствам, основанных на фиатных валютах в 2008 году была предложена принципиально новая концепция организации платежей на основе технологии распределённого реестра, Блокчейн (хэшаф и т.д), первым представителем которой стало «электронное золото» Биткойн [13]. Подробный обзор литературы по энтанглированной политической экономии, а также его применения в условиях цифровизации на основе технологии блокчейна на русском языке содержится в монографии Скалкина, Щербакова и др. «Политическая экономия цифровизации на основе TRP» [14].

Однако фундаментом энтанглированной (переплетённой «запутанной») является концепция «устойчивой (надёжной) политической экономии» (Robust Political Economy, RPE) представляющей механизм проверки на прочность любого из направлений экономической теории, как прошлых, так и современных (сам термин «энтанглированный» заимствован из ядерной физики и предполагает использование соответствующих математических моделей). Изначально, конструкт (RPE) применялся представителями ряда экономических школ (Мизес [3], Хайек

[15]) и теории общественного выбора (Бьюкенен, Таллок) в [4]. Они концентрируются на сравнительном анализе относительной силы или слабости альтернативных институциональных механизмов с учётом реальных ограничений в знаниях и возможного оппортунизма участников. Её предпосылка состоит в том, что любая система должна функционировать даже при отклонениях от наилучших предположений, связанных с совершенством эпистемики и стимулов: если система разрушается, стоит лишь её участникам выйти за рамки «идеального» поведения, она считается «хрупкой».

Адам Смит, по мнению Ф.Хайека [15], интересовался не столько тем, чего человек может достичь при своих лучших качествах, сколько тем, как ограничить вред, наносимый человеком в его худшем состоянии. Именно эта идея лежит в основе работ Л. Мизеса и Ф.Хайека о «социалистическом расчёте» начала XX века: когда централизованное планирование сталкивается с реальными условиями (неполнотой знаний, динамичностью среды, отсутствием эффективного механизма ценообразования), оно терпит крах, поскольку плановики не могут производить экономические расчёты и одновременно получают соблазн злоупотреблять дискреционной властью, что подрывает верховенство права и приводит к политическому оппортунизму [15]. В свою очередь, теория общественного выбора подчёркивает необходимость учитывать стимулы реальных людей, склонных заботиться прежде всего о собственной выгоде, а не об абстрактном общественном благе.

Устойчивость рыночной системы (РМИЧСО) в рамках RPE связана с тем, что сама её структура – рыночные цены, система прибылей и убытков, конкуренция – призвана выявлять и аккумулировать рассеянные знания, позволяя людям координировать действия без центрального планировщика. Кроме того, поскольку рыночные механизмы поощряют выгоду участников лишь при условии учёта интересов других, эгоистические мотивы становятся продуктивным фактором, а не деструктивным. Как уже отмечалось, современная работа по RPE начинается с Voettke & Leeson (2004) [1], где подробно рассматривается сама структура «устойчивой политической экономии» и оценивается функционирование социализма и рынков: авторы показывают, что рынки оказываются более «надёжными» системами, потому что

при их эпистемических ограничениях (неполной информации) всё равно существует механизм децентрализованной корректировки планов, а при узких личных интересах участников система по-прежнему вынуждает их считаться с благополучием других. Пеннингтон (2011) [17] в своём комплексном исследовании развивает аргументацию в защиту рынков от традиционных претензий теории рыночных провалов, а также от критики коммунитариев и эгалитаристов, и применяет подход RPE к конкретным сферам политики, включая международную помощь и экологические вопросы. Все эти исследования сходятся к выводу, что рыночная экономика, опирающаяся на институты частной собственности, свободного ценообразования и конкуренции, наиболее устойчива к отклонениям от «идеальных» условий, так как в ней нет единого центра принятия решений, зависящего от хороших намерений или совершенного знания планировщиков, а децентрализованная система стимулирует агентов взаимодействовать добровольно, максимально учитывая взаимные интересы и адаптируясь к изменениям в реальном времени, что, согласно В.В. Скалкину и А.П. Щербакову [13, 14] наиболее полно отвечает требованиям новых платежных систем в условиях цифровизации к взаимодействию частных и публичных агентов в распределении функций управления обществом. В частности,

технология распределённых реестров (DLT/блокчейн) устраняет два фундаментальных ограничения, выявленных в рамках концепции устойчивой политической экономии:

1. Информационные провалы (эпистемические ограничения): асимметрия информации между агентами; непрозрачность транзакций; задержка верификации и аудита данных. Блокчейн обеспечивает публичную, неизменяемую запись, что снижает транзакционные издержки и делает возможным децентрализованный расчёт доверия.

2. Стимульные провалы (мотивы и оппортунизм): риск злоупотребления властью централизованных акторов (государство, корпорация); оппортунистическое поведение в многосторонних отношениях; проблемы «безбилетника» при коллективных действиях. Механизмы токенизации и смарт-контрактов создают встроенные стимулы к добросовестному поведению, так как правила выполняются автоматически, а нарушение фиксируется необратимо. Парадоксом является, однако сам факт, что представители школы, впервые представившие концепцию RPE сами не прошли «тест на живучесть»: либертарианская школа так и не сумела объяснить наличие феномена «государства», и тем более предложить более-менее социально приемлемые советы практической политики, оставаясь своего рода «нормативным заповедником» (определение авторов).

Таблица 1

«Риск → институциональный инструмент → технологический инструмент → метрика»

Риск / уязвимость	Институциональный инструмент	Технологический инструмент (блокчейн)	Метрика устойчивости
Асимметрия информации (непрозрачность сделок, госзакупок, выборов)	Прозрачность процедур, аудит	Распределённый реестр (DLT), открытый доступ к данным	Доля операций, доступных для независимой верификации; время доступа к информации
Оппортунизм агентов (коррупция, сговор)	Контроль и санкции	Смарт-контракты, автоматическая фиксация условий	Количество оспоренных сделок; доля автоматизированных исполнений
Нарушение прав собственности (манипуляции с записями, ценными бумагами, активами)	Судебная защита, регистрация прав	Токенизация активов, неизменяемые записи	Количество инцидентов изменения данных; доля цифровых прав в реестре
Неэффективное распределение ресурсов (высокие транзакционные издержки)	Конкуренция, рыночные механизмы	Децентрализованные финансы (DeFi), P2P-платформы	Средние транзакционные издержки (% от суммы); скорость клиринга
Недоверие к институтам (низкая легитимность)	Независимые регуляторы, выборные процедуры	Прозрачные публичные блокчейны, системы голосования на DLT	Уровень доверия участников (опросы); доля пользователей системы

Источник: разработано авторами.

Устойчивость политико-экономических конструктов

№	Политико-экономический конструкт	Устойчивость	Обоснование
1	Марксизм	да	Неприятие эксплуатации (нечестный и несправедливый обмен)
2	Капитализм	нет	(К.Маркс, Капитал)
3	Социализм (Административно-командный)	нет	«Дефицит» (Я.Корнаи)
4	Либертарианство	нет	Неспособность объяснить наличие публичных агентов (государство)
5	Неоклассическо-неокейнсианский консенсус	нет	Нейроэкономические открытия (человек в принципе не мыслит рационально). (Г. Саймон, С. Кин, Р. Камерер)
6	Институционализм	нет	Общество не является онтологическим целым (Дж. Ходжсон)
7	Социализм рыночный	да	Сочетание публичных и частных агентов
8	Неоинституционализм	да	Р. Коуз, О.Уильямсон, Д. Норт
9	Либертарианский патернализм	да	Нейроэкономика ((Р.Талер, Д.Канеман, А.Тверски)
10	Рынок как честный и справедливый обмен	да	Золотое правило симметрии (А.Смит , «Теория нравственных чувств», Н.Талеб)
11	Энтангированная политэкономия	да	Сетевое взаимодействие агентов. Преодоление рамок экономического и исторического детерминизма (Р.Вагнер)

Источник: разработано авторами.

Также тест на «устойчивость» не проходят многие современные школы экономической теории. Так, направления «мейнстрима» как выяснилось, несостоятельны, поскольку человек не ведет себя и не мыслит так, как описывают его предпосылки [18].

Авторы полагают, что кроме ЭПЭ есть также школа экономической мысли, которая отвечает требованиям RPE. Это теория рынка РМИЧСО, выдвинутая авторами [19, 20]. (Рынок как моральный императив честного и справедливого обмена). В экономической теории существует множество трактовок рынка, начиная от узко утилитарных (как системы товарно-денежного обмена) и заканчивая этическими и философскими (где рынок определяется как моральный императив честного и справедливого взаимодействия). Установлено, что тяга человека к справедливости является базовым человеческим инстинктом, что доказывает устойчивость этого института вне зависимости от любых форм насилия и обмана. Это обстоятельство также доказывает неустойчивость социализма, (административно-командная экономика), капитализма (нечестная эксплуатация человека человеком). И это подтверждает целый ряд исследований, опирающихся на морально-нравственную традицию (на-

чиная с Адама Смита) и на концепции нового институционализма (Рональд Коуз) [21, 22, 23], которые показывают, что движение к более совершенному рыночному порядку можно понимать не как догму, а как стремление к снижению транзакционных издержек и повышению справедливости обмена уже сейчас можно повсеместно наблюдать в области цифровой экономики

1. Идея «совершенного рынка» и его этическая подоплёка

В классической либеральной теории (Адам Смит) рынок трактуется прежде всего как морально обоснованный механизм: люди в нём взаимодействуют добровольно, обмениваясь товарами и услугами, когда обе стороны считают условие сделки «честным и справедливым».

2. Роль транзакционных издержек в понимании рынка

Согласно Рональду Коузу [5], идеальным состоянием экономического взаимодействия была бы ситуация отсутствия транзакционных издержек.

3. Методология и переход от «теории» к «дискурсу»

Современная экономическая наука смещает акцент от поиска «абсолютных» категорий (как в естественных науках) к концеп-

туальным ориентирам. Движение к совершенной рыночной среде – это идеал-ориентир, подразумевающий минимизацию транзакционных издержек и честные правила конкуренции. Таким образом, «рынок как идеалистическая категория» предполагает прежде всего осмысленный проект по созданию институциональных условий, в которых честный обмен становится не только этической нормой, но и практической основой экономического развития. То есть движение к более совершенному рыночному порядку можно понимать не как догму, а как стремление к снижению транзакционных издержек, что уже сейчас можно повсеместно наблюдать в области цифровой экономики. Кроме применения в учебном

процессе, теория устойчивости РМИЧСО авторами применялась в сфере закупок [24].

Заключение

Устойчивая политическая экономия (УПЭ) в современном мире оказывается одним из ключевых направлений, способных обеспечить решение целого ряда системных проблем: от изменения климата и продовольственной безопасности до более эффективного восстановления после кризисов. Опора на децентрализованные механизмы, гибкую институциональную среду и передовые технологии (включая блокчейн) создаёт условия, при которых экономические системы становятся более адаптивными и способными противостоять внешним шокам.

Библиографический список

1. Boettke P.J., Leeson P.T. Liberalism, Socialism, and Robust Political Economy // Journal of Markets & Morality. 2004. Vol. 7, № 1. P. 99–111. URL: https://www.peterleeson.com/liberalism_link.pdf (дата обращения: 15.05.2025). ISSN: 1098–1217.
2. Leeson P.T., Subrick J.R. Robust Political Economy // The Review of Austrian Economics. 2006. Vol. 19, No 2–3. P. 99–105. DOI: 10.1007/s11138-006-7342-7. URL: https://www.researchgate.net/publication/5156587_Robust_Political_Economy (дата обращения: 15.05.2025).
3. Мизес Людвиг фон. Регулирование экономики и бюрократия. Серия: Политология. М.: Социум, 2024. 432 с. ISBN 978-5-91603-186-7.
4. Бьюкенен Джеймс. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. Серия: Нобелевские лауреаты по экономике. М.: Таурис Альфа, 1997. 560 с. ISBN: 5-7952-0001-8.
5. Сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/develop/ur/> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Hansen L.P., Sargent T.J. Robustness. Princeton University Press. 2016. 464 p. ISBN 9780691170978.
7. Maronna Ricardo A., Martin R. Douglas, Yohai Victor J., Salibián-Barrera Matías. Robust statistics: Theory and methods (with R), Wiley Series in Probability and Statistics (2nd ed.), Chichester: John Wiley & Sons, Ltd. 2019. DOI: 10.1002/9781119214656. ISBN 978-1-119-21468-7.
8. Durach C.F. et al. Antecedents and dimensions of supply chain robustness: a systematic literature review // International Journal of Physical Distribution & Logistics Management. 2015. Vol. 45, No. ½. P. 118-137. DOI: 10.1108/IJPDLM-05-2013-0133.
9. Пороховский А.А. Устойчивость и гибкость политической экономии. Всероссийский экономический форум. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-i-gibkost-politicheskoy-ekonomii> (дата обращения: 15.05.2025).
10. Дудин М.Н. Политическая экономия в эпоху цифровой революции: устойчивость и гибкость объекта, предмета и метода К. Маркса // Экономика и социум: современные модели развития. 2019. Т. 9, № 2. С. 205–218. DOI: 10.18334/ecsoc.9.2.40865.
11. Wagner Richard E. Entangled Political Economy: A Keynote Address // Advances in Austrian Economics. 2014. Vol. 18. P. 15-36.
12. Wagner Richard E. Social science, administrative science, and entangled political economy. George Mason University. Department of Economics. Working Paper No. 22-49. November 30, 2022. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4289156 (дата обращения: 15.05.2025).
13. Орлов Ф.П., Скалкин В.В., Щербаков А.П. Экономико-теоретические аспекты влияния блокчейн и DLT технологий на мировую финансово-экономическую систему: взаимодействие, конкуренция или замещение // Транспортное дело России. 2019. № 5. С. 12-15.
14. Скалкин В.В., Щербаков А.П., Орлов Ф.П. Политическая экономия цифровизации на основе технологии распределенного реестра: монография. М.: Прометей, 2023. 196 с. ISBN 978-5-00172-453-7.

15. Хайек Фридрих Август фон. Дорога к рабству. Серия: Эксклюзивная классика. М.: АСТ, 2025. 352 с. ISBN 978-5-17-135141-0.
16. Boettke P.J., Piano E.E. 41. Public Choice and Libertarianism. P. 814–830. In: Congleton R.D., Grofman B., Voigt (Eds.). The Oxford Handbook of Public Choice. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, Part IV Normative Political Theory: Evaluating Policies and Politics 2019. 984 p. ISBN 9780190469733.
17. Pennington M. Robust Political Economy: Classical Liberalism and the Future of Public Policy. Cheltenham: Edward Elgar, 2010. ISBN: 978-1-84542-621-7.
18. Neuroeconomics. Decision Making and the Brain. Eds: Glimcher P.W., Camerer C.F., Fehr E., Pol-drack R.A. Elsevier Inc. 2009. 512 p. ISBN: 978-0-12-374176-9.
19. Скалкин В.В., Сидорова С.А. Основы теории рынка: метафизика, эпистемология, этика: монография. М.: Прометей, 2019. 154 с. ISBN 978-5-907166-51-6.
20. Скалкин В.В., Щербаков А.П., Сидорова С.А. Экономика развития: опыт лучших мировых практик: учебное пособие. М.: Прометей, 2021. 423 с. ISBN 978-5-00172-185-7.
21. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2007. 224 с. ISBN 978-5-98379-087-2.
22. Зададаев С.А., Скалкин В.В., Великороссов В.В., Аниканов Е.И. Взгляд на природу образования и развития фирмы: транзакционный подход на базе агент-ориентированного моделирования // Финансы и кредит. 2020. Т. 26. № 2 (794). С. 442–455. ISSN 2071-4688. eISSN 2311–8709.
23. Скалкин В.В., Сидорова С.А. Проблема достижения нулевых транзакционных издержек в теореме Р. Коуза // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 8. С. 194-197.
24. Скалкин В.В., Аниканов Е.И. Оценка регулятивного воздействия формальных институтов в сфере государственных закупок // Финансовая экономика. 2020. № 4. С. 194–200. ISSN: 2075–7786.

УДК 332.1

К. Ю. Смирный

АНО ВО «Российский новый университет», Москва

Л. В. Егорова

ФГБОУ ВО «Российский университет медицины», Москва,

e-mail: lvegorova@yandex.ru

РОЛЬ МЕГАРЕГИОНОВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ НА ПРИМЕРЕ АЗИАТСКОГО МЕГАРЕГИОНА

Ключевые слова: регионализация, Азиатский мегарегион, региональная экономическая интеграция, трансрегиональные партнерства.

В данной статье исследуется важнейшая роль мегарегионов в мировой экономике с акцентом на азиатский мегарегион. Мегарегионы, как крупные взаимосвязанные территории, охватывающие ключевые города и регионы, играют ключевую роль в понимании динамики регионального развития и глобализации. Азиатский мегарегион является важным игроком в мировой торговой системе, характеризующимся экономической интеграцией, огромными трудовыми ресурсами и специализированными секторами. Хотя он вносит существенный вклад в мировой ВВП и торговлю, такие проблемы, как перенаселенность, экологические проблемы и социальное неравенство, сохраняются. В исследовании рассматривается влияние мегарегиона на экономику, подчеркивается его роль в технологических инновациях, урбанизации и инвестициях. В нем также рассматривается необходимость эффективного управления и стратегий устойчивого развития для смягчения экологических и социальных проблем. В конечном счете, в исследовании подчеркивается важность сбалансированного распределения ресурсов и совместного управления для содействия устойчивому глобальному экономическому росту.

К. Yu. Smirniy

Russian New University, Moscow

L. V. Egorova

Russian University of Medicine, Moscow, e-mail: lvegorova@yandex.ru

THE ROLE OF MEGAREGIONS IN THE GLOBAL ECONOMY ON THE EXAMPLE OF THE ASIAN MEGAREGION

Keywords: regionalization, Asian megaregion, regional economic integration, trans-regional partnerships.

This article explores the critical role of megaregions in the global economy, with a focus on the Asian megaregion. Megaregions, as large interconnected territories encompassing key cities and regions, are pivotal in understanding regional development and globalization dynamics. The Asian megaregion exemplifies a significant player in the global trading system, characterized by economic integration, vast labor resources, and specialized sectors. While it contributes substantially to global GDP and trade, challenges such as overpopulation, environmental issues, and social inequality persist. The research examines the megaregion's economic impact, highlighting its role in technological innovation, urbanization, and investment. It also addresses the need for effective governance and sustainable development strategies to mitigate environmental and social challenges. Ultimately, the study emphasizes the importance of balanced resource distribution and cooperative governance to foster sustainable global economic growth.

Введение

Современная международная регионализация представляет собой процесс формирования и институционализации региональных структур. Он детерминирован совокупностью объективных факторов – экономических, политико-географических, культурно-исторических – а также стратегическими целями участвующих акторов

[1]. Несмотря на различия в конкретных формах и механизмах, ключевым объединяющим принципом традиционно выступает географическая близость. Она создает предпосылки для снижения транзакционных издержек, развития транспортно-логистических связей и многоуровневого взаимодействия, катализируя экономическую кооперацию.

Однако современная динамика глобальной экономики приводит к эволюции моделей регионализации. На первый план выходит формирование крупномасштабных экономических мегартнерств трансрегионального характера. Их участники, несмотря на географическую удаленность, объединяются на основе общности стратегических интересов и взаимодополняемости экономик [7]. Такие структуры, как Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), преодолевают континентальные границы, формируя новые оси экономического притяжения и трансформируя глобальные цепочки создания стоимости.

Цель исследования – оценить влияние Азиатского мегарегиона на мировую экономику в условиях глобализации, проанализировав ключевые тенденции его развития в 2022–2024 гг. Для достижения цели поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Какова динамика экономической интеграции стран Азиатского мегарегиона после вступления в силу ВРЭП?

2. Каков вклад мегарегиона в перестройку глобальных цепочек создания стоимости?

Выбор периода 2022–2024 гг. обусловлен несколькими факторами. Во-первых, в январе 2022 года вступило в силу соглашение ВРЭП, что позволяет анализировать краткосрочные эффекты его функционирования. Во-вторых, данный период характеризуется повышенной геополитической нестабильностью, влияющей на интеграционные процессы. В-третьих, именно в этот период наблюдается активизация переориентации российской внешнеэкономической стратегии на восточное направление.

Материал и методы исследования

Анализ современной отечественной экономической литературы выявляет существенный пробел в исследованиях, посвященных комплексной оценке влияния новейших трансрегиональных объединений на глобальную экономическую среду [6]. Объективная сложность формирования такой оценки во многом связана с относительной новизной самих соглашений. Так, Всестороннее региональное экономическое партнерство, являющееся крупнейшим в мире соглашением такого типа, вступило в силу лишь в январе 2022 года [5]. Столь непродолжительный срок его функционирования

ограничивает возможность эмпирического анализа долгосрочных эффектов и траекторий развития, что закономерно отодвигает формирование всесторонних научных выводов на этап накопления достаточной релевантной базы данных.

В условиях глобализации процесс трансрегионализации становится особенно заметным на примере мегарегионов, которые представляют собой динамичные, экономически интегрированные территории с высокой концентрацией населения, производственных и инновационных центров [3]. Мегарегионы относятся к крупным, взаимосвязанным городским районам, которые охватывают несколько городов или столичных регионов. Они характеризуются интенсивной экономической интеграцией, общей инфраструктурой, общими экологическими проблемами и пересекающимися социальными и культурными сетями.

В контексте данного исследования приоритетное внимание уделяется Азиатскому мегарегиону. Этот выбор обусловлен не только его глобальной экономической значимостью, но и активной переориентацией внешнеэкономической и геополитической стратегии Российской Федерации в восточном направлении.

Под «Азиатским мегарегионом» понимается обширная, экономически динамичная и урбанизированная территория в Азии, интегрирующая сеть взаимосвязанных и высокоразвитых городских агломераций. Регион переживает крупнейшую в истории человечества волну урбанизации, сопровождаемую взрывным ростом населения. Здесь расположены некоторые из самых густонаселенных городов мира, включая Токио, Шанхай, Дели и Джакарту. Городские центры региона привлекают людей из сельской местности и других стран в поисках лучших экономических возможностей, что приводит к расширению и уплотнению городских районов. Согласно данным Международного валютного фонда, население Южной Азии составляет около 1,9 миллиарда человек (Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри-Ланка), Восточной Азии – около 1,59 миллиарда человек (Китай, Гонконг, Япония, Республика Корея), Юго-Восточной Азии – около 670 миллионов человек (Бруней, Камбоджа, Филиппины, Лаос, Индонезия, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Восточный Тимор) [4].

Исследование базируется на комплексном применении количественных методов анализа:

1. Индекс интенсивности региональной торговли (RTI):

$$RTI = \frac{X_{aa} + M_{aa}}{(X_a + M_a) - (X_{aa} + M_{aa})}$$

где X_{aa} и M_{aa} – региональный экспорт и импорт региона;
 X_a и M_a – совокупный экспорт и импорт региона.

2. Индекс симметричной торговой интроверсии (STI):

$$STI = \frac{HIT_i - HET_i}{HIT_i + HET_i}$$

где HIT_i – гомогенный индекс интенсивности внутренней торговли;
 HET_i – гомогенный индекс интенсивности внешней торговли.

3. Регрессионный анализ взаимосвязи между показателями экономической интеграции и темпами роста ВВП:

$$GDP_Growth = \beta_0 + \beta_1(RTI) + \beta_2(FDI_flow) + \beta_3(Trade_share)$$

где RTI (Regional Trade Intensity Index) – индекс интенсивности региональной торговли;

FDI_flow – поток прямых иностранных инвестиций;

Trade_share – доля торговли (или торговый оборот) в экономике региона или страны;

GDP_growth – темп роста валового внутреннего продукта (ВВП);

$\beta_0, \beta_1, \beta_2, \beta_3$ – коэффициенты регрессии, показывающие влияние каждого фактора на темп роста ВВП.

Динамика изменения ВВП стран АТР представлена в таблице.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона: реальный ВВП (годовое изменение в процентах) [4]

	Реальный ВВП		
	2022	2023	2024
Азия	3,8	4,6	4,4
Страны Азии с развитой экономикой	1,8	1,8	1,8
Япония	1,1	1,3	1
Республика Корея	2,6	1,5	2,4
Тайвань	2,5	2,1	2,6
Австралия	3,7	1,6	1,7
Сингапур	3,6	1,5	2,1
Гонконг	-3,5	3,5	3,1
Новая Зеландия	2,4	1,1	0,8
Макао	-26,8	58,9	20,6
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Азии	4,4	5,3	5,1
Китай	3	5,2	4,5
Индия	6,8	5,9	6,3
Индонезия	5,3	5	5,1
Таиланд	2,6	3,4	3,6
Вьетнам	8	5,8	6,9
Филиппины	7,6	6	5,8
Малайзия	8,7	4,5	4,5

Источник: составлено автором по данным международного валютного фонда.

Динамичный рост среднего класса в Азиатском мегарегионе выступает ключевым драйвером формирования масштабного и высокопотенциального потребительского рынка. Повышение покупательной способности этой значительной демографической группы интенсифицирует спрос на широкий спектр товаров и услуг, стимулируя внутреннее потребление и структурные сдвиги в экономике региона. Результатом этой тенденции стало, в частности, взрывное развитие сектора электронной коммерции. Китайский рынок онлайн-торговли, являясь абсолютным мировым лидером, достиг объема продаж в 2,9 трлн долларов США в 2023 году, что эквивалентно более чем половине глобального оборота в этом сегменте [2]. Глубина проникновения цифровых каналов сбыта иллюстрируется вовлеченностью свыше 840 миллионов потребителей (более 60% населения страны). Подобная концентрация покупательской активности не только трансформирует розничный ландшафт внутри региона, но и оказывает существенное влияние на глобальные цепочки поставок и логистические модели.

Азиатский мегарегион утвердился как глобальный эпицентр технологических инноваций и цифровой экономики, концентрируя ведущие технологические корпорации, исследовательские институты и стартапы мирового уровня. Ключевые города – Токио, Сеул, Бангалор, Шэньчжэнь и Сингапур – формируют взаимосвязанные инновационные кластеры, задающие тенденции в таких

областях, как микроэлектроника, ИИ и цифровая инфраструктура. Ярким примером технологического лидерства региона является Южная Корея: страна доминирует в производстве смартфонов и полупроводников.

Усиление региональной кооперации стало ключевым трендом развития азиатского экономического пространства. Инициативы, такие как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), проект «Пояс и путь» (BRI) и Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), активно способствуют углублению экономической интеграции, наращиванию взаимосвязанности и либерализации торговых потоков. Эти механизмы стимулируют масштабные инфраструктурные проекты, упрощают инвестиционные процедуры и создают условия для более тесной кооперации стран-участниц.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный расчет индексов торговой интенсивности для стран ВРЭП показал следующие результаты:

1. Индекс интенсивности региональной торговли для ВРЭП в 2023 году составил 1,34, что превышает пороговое значение 1,0 и свидетельствует о высокой степени региональных торговых предпочтений.

2. Регрессионный анализ взаимосвязи темпов роста ВВП и показателей интеграции выявил статистически значимую положительную корреляцию:

$$(R^2 = 0,67, p < 0,05):$$

$$GDP_growth = 2,1 + 1,8(RTI) + 0,3(FDI_flow) + 1,2(Trade_share)$$

Коэффициент детерминации показывает, что 67% вариации темпов роста ВВП объясняется включенными в модель факторами интеграции.

Азиатское экономическое пространство утвердилось как ключевой игрок в мировой экономике. Регион выступает главным драйвером глобального роста, внося существенный вклад в увеличение мирового ВВП. Его динамика способствовала сокращению бедности и стала катализатором мировой экономической активности. Здесь сформирован центральный производственный узел глобальных цепочек создания стоимости.

Доминирующая экспортно-ориентированная модель укрепила позиции азиат-

ских экономик в системе международного товарообмена. Растущий азиатский средний класс создал обширный потребительский рынок, привлекающий международный бизнес.

Рекомендации для российских экспортно-ориентированных регионов:

1. Диверсификация экспортных направлений с акцентом на страны ВРЭП, демонстрирующие высокие темпы роста (Вьетнам – 6,9%, Индия – 6,3%, Филиппины – 5,8%).

2. Развитие цифровой торговой инфраструктуры для участия в азиатских цепочках электронной коммерции, объем которых превышает 2,9 трлн долларов США.

3. Формирование технологических партнерств с инновационными кластерами Токио, Сеула, Сингапура для доступа к передовым технологиям.

4. Адаптация к новым стандартам ВРЭП в области таможенного оформления, сертификации продукции и цифрового документооборота.

Заключение

В целом, азиатский мегарегион играет все более важную и многогранную роль в мировой экономике. Его продолжающийся рост и интеграция потенциально могут изменить глобальную экономическую и политическую динамику в ближайшие десятилетия. Для региона крайне важно решать свои проблемы и содействовать инклюзивному и устойчивому развитию для обеспечения долгосрочного процветания и стабильности. Мировому сообществу также необходимо конструктивно взаимодействовать с азиатским мегарегионом для укрепления сотрудничества, решения общих проблем и содействия установлению более справедливого и устойчивого глобального экономического порядка.

Исследование теоретических и методологических подходов к изучению Всестороннего регионального экономического партнерства позволило сформировать ком-

плексное понимание его роли в контексте современных глобальных экономических процессов.

Во-первых, развитие конкурентного регионализма демонстрирует, что регионализация стала ключевым ответом на вызовы глобализации и протекционизма. Развитие мегапартнерств демонстрирует, как страны создают масштабные экономические блоки для усиления коллективных переговорных позиций.

Во-вторых, анализ трансрегионализации подчеркивает, что ВРЭП воплощает переход от традиционного регионализма к трансграничной модели интеграции. Объединяя экономики Азии, Океании и Тихоокеанского бассейна, оно преодолевает жесткие границы макрорегионов в условиях фрагментации рынков.

В-третьих, изучение международной специализации в рамках ВРЭП выявило, что мегапартнерство способствует углублению разделения труда в Азиатском мегарегионе. Страны-участницы, сочетая конкурентные преимущества в технологиях, производстве и ресурсах, формируют синергетический эффект. При этом ВРЭП активизирует интеграцию развитых и развивающихся экономик, создавая платформу для гармонизации стандартов и снижения барьеров.

Библиографический список

1. Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World // Review of International Studies. 1995. Vol. 21. No. 4. P. 331-358. DOI: 10.1017/S0260210500117954.
2. Kremmer-Flad E. China Ecommerce Forecast 2023 // eMarketer. 2023. URL: <https://www.emarketer.com/content/china-ecommerce-forecast-2023> (дата обращения: 12.02.2025).
3. Megaregionalism 2.0. Trade and Innovation within Global Networks / Ed. by Dieter Ernst and Michael G. Plummer. Singapore: World Scientific Studies in International Economics. 2018. Vol. 67. 532 p. DOI: 10.1142/10784.
4. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/LP@WEO/SAQ/EAQ/SEQ> (дата обращения: 10.02.2025).
5. Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // Department of Foreign Affairs and Trade Australia. URL: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/rcep> (дата обращения: 10.02.2025).
6. Сологуб В.И. Современные интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2019. 25 с.
7. Хейфец Б.А. Трансрегионализация глобального экономического пространства // Общество и экономика. 2016. № 6. С. 19-42. URL: <http://elib.fa.ru/art2016/bv2050.pdf> (дата обращения: 10.02.2025). EDN: WQXPZN.

УДК 331

Л. В. Сулова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
e-mail: larisasuslova@yandex.ru

СУЩНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ “GHOST WORK” И “GHOSTWORKING” КАК ФЕНОМЕНОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: гост ворк, гостворкинг, экономика организации, гиг-экономика, форма труда, взаимоотношения работодателя и сотрудника, трудовая модель поведения, профессиональное развитие.

Статья посвящена исследованию сущности явлений ghost work и ghostworking как феноменов современной экономики организации. Оба термина не имеют переводных эквивалентов в русском языке, так как описываемые явления не изучались в трудах русских авторов. В работе изучена сущность трудовой модели ghost work, при которой отдельная осуществляемая посредством цифровой платформы задача выполняется исполнителем, не входящим в штат сотрудников компании. Выявлены общеэкономические, технологические и индивидуальные драйверы, способствующие возникновению и распространению описываемого явления; а также последствия его развития и меры по их регулированию. Далее в статье конкретизировано понятие ghostworking, означающее трудовую модель поведения, характеризуемую систематическим бездельем сотрудников под видом занятости, и определены сферы распространения явления в экономике организации. В работе изучены предпосылки для возникновения данного явления и последствия его популяризации; а также предложен ряд регуляторных импликаций, противодействующих развитию феномена ghostworking в экономике организации.

L. V. Suslova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: larisasuslova@yandex.ru

THE ESSENCE OF “GHOST WORK” AND “GHOSTWORKING” AS PHENOMENA OF THE MODERN ECONOMY OF THE ORGANIZATION

Keywords: ghost work, ghostworking, economy of the organization, gig economy, form of work, remote work, relationship between the employer and the employee, labor model of behavior, professional development.

The article is devoted to the study of the essence of such phenomena in the modern economy of the organization as ghost work and ghostworking. Both terms have no translation equivalents in Russian, since the described phenomena have not been studied in the works of Russian authors. In the paper the essence of the ghost work labor model is studied, in which a separate task carried out through a digital platform is performed by an executor who is not a part of the organization's staff. General economic, technological and individual drivers are identified that contribute to the emergence and spread of the described phenomenon; as well as the consequences of its development and measures to regulate them are revealed. Further in the article, the concept of ghostworking is concretized, which means a labor model of behavior characterized by systematic idleness of employees while pretending some busyness and the areas of spread of the phenomenon in the economy of the organization are identified. In the article the prerequisites for the emergence of this phenomenon and the consequences of its popularization are studied; and also a number of regulatory implications to counteract the development of the phenomenon of ghostworking in the organization's economy are proposed.

Введение

Актуальность темы работы обусловлена, во-первых, трансформациями в сфере труда, где множество современных сотрудников склонны к выполнению краткосрочных проектов и задач работодателя, выдвигая на первый план собственные приоритеты, такие как гибкость рабочего графика, мобильность

и готовность к переменам. В связи с этим появилась альтернативная форма занятости, именуемая англоязычными исследователями термином ghost work (гост ворк), который на данный момент времени не описан в исследованиях русских экономистов и не имеет устоявшегося русскоязычного переводного эквивалента. Словосочетанием ghost

work в англоязычных научных исследованиях обозначают тип занятости, который используется в работе онлайн-систем и приложений, когда сотрудник выполняет задачи, приписываемые пользователями этого программного обеспечения искусственному интеллекту. Во-вторых, в трудах иноязычных ученых изучается похожий по звучанию и написанию термин ghostworking (гостворкинг), состоящий из тех же основ, что и описанное выше понятие но со слитным написанием, однако принципиально отличающийся в плане смыслового содержания. Под словом ghostworking англоязычные исследования подразумевают систематическое безделье работника в течение рабочего дня, где он создает видимость рабочей активности. Ввиду отсутствия русскоязычных эквивалентов обоих понятий в данной работе мы будем пользоваться языковыми соответствиями гост ворк и гостворкинг, полученными путем их межъязыковой передачи с помощью транскрипции.

Учитывая описанные выше факты, возникает ряд противоречий между:

1) наличием и достаточно широким распространением названных явлений в экономике организации и отсутствием эквивалентов для их обозначения в русском языке;

2) появлением и распространением такой новой трудовой группы населения, как ghost workers, и ограниченностью знаний о ее взаимодействии с современной экономикой;

3) существующими знаниями о трудовой модели поведения работников под названием ghostworking и недостаточной изученностью специфических сторон данного явления.

Описанные выше противоречия необходимо решить в ходе специального анализа, раскрывающего сущность явлений ghost work и ghostworking как двух разных феноменов современной экономики организации, влияющих на изменения взаимоотношений между работником и работодателем. Изучение явлений ghost work и ghostworking позволит объяснить многие трансформации, происходящие на современном рынке труда.

Цель исследования – изучение сущности феноменов ghost work и ghostworking на предмет исключения их логического смешения.

Материал и методы исследования

Исследование ограничено тем, что при изучении сущности явлений ghost work

и ghostworking как феноменов современной экономики организации могут быть использованы только статьи и документы иностранных авторов ввиду отсутствия работ по данной теме у русскоязычных ученых. Информационной базой исследования послужили научные статьи и монографии по вопросам нового формата взаимоотношений между работодателем и сотрудником в рамках гиг-экономики. При проведении анализа явления ghostworking в данной работе привлекались медиа-источники. Мы также опирались на отдельные положения психологии и управления человеческими ресурсами русскоязычных ученых.

В работе были применены методы анализа и синтеза полученных данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Современное общество сталкивается с огромными изменениями, происходящими в образе жизни людей, а в экономике меняются способы функционирования рабочей силы. В контексте концепции «четвертой промышленной революции», которая была изложена в 2016 году в одноименной книге автора К. Шваба, связанной с усиленной интеграцией киберфизических систем в производство [1]; а также в связи с новыми технологическими явлениями, такими как развитие искусственного интеллекта и интернета вещей, появилось понятие гиг-экономики, которая во многом будет определять будущее общества [2, с. 85]. Англоязычные авторы применяют для обозначения данного явления несколько синонимичных терминов: gig economy (гиг-экономика), sharing economy (экономика обмена), collaborative economy (коллаборативная экономика), creative economy (креативная экономика) [3]. Под гиг-экономикой понимается модель работы, когда бизнес привлекает стороннего специалиста на краткосрочной основе, который получает оплату за выполнение отдельного проекта или другой задачи в поставленные сроки. Данный исполнитель не входит в штат сотрудников компании, не связан с работодателем трудовым договором и не устроен на полную занятость. Посредничество между работодателем и исполнителем осуществляется через цифровые платформы [4, с. 232], что позволяет сообщать работникам их должностные инструкции для координации ра-

боты, требования и ожидания работодателя, а также объединять их в команды для выполнения краткосрочных задач, способствовать повышению их мотивации. Другими словами, цифровая платформа служит средством связи, через которую дается поручение, происходит контроль за выполнением работ и осуществляется оплата труда исполнителя на сдельной основе [5, с. 2]. Американские исследователи используют ряд терминов для обозначения подобного рода сотрудников: ghost workers, gig workers, giggers, modern precariat [6].

Термин ghost work был впервые введен антропологом М.Л. Грей и ученым-программистом С. Сури в книге “Ghost Work: How to Stop Silicon Valley from Building a New Global Underclass”. Основным мотивом для создания термина была попытка определить тип работы и условий труда, где как бы «стерта» ценность человека, предоставляющего услугу. По словам авторов, гост воркеры – это невидимые работники, управляющие просматриваемыми нами приложениями на телефонах и веб-сайтах. Такой вид работы выполняется человеком, но, по мнению пользователя платформы, это автоматизированный процесс [7]. Очевидно, что в связи с ускоряющимися темпами инновационного обустройства человеческой жизни количество сотрудников типа ghost workers и организаций, использующих такую форму труда, будут неуклонно расти.

На основе описанных выше фактов можно дать следующее определение изучаемому явлению. Гост ворк – это нестандартный тип занятости, при которой бизнес без заключения трудового договора привлекает стороннего специалиста на условиях сдельной формы оплаты труда для выполнения отдельных задач по тегированию, модерации, редактированию и сортировке информации или контента на цифровой платформе.

В таблице 1 рассмотрим основные драйверы развития явления гост ворк.

Распространение явления ghost work в экономике организации может привести к:

1. Финансовым потерям в связи с теневой занятостью в бюджетных организациях. Исследователи отмечают колоссальную коррупцию в качестве последствия наличия гост воркеров в бюджетных организациях [8, с. 674], где правительство тратит миллиарды долларов на оплату труда несуществующих сотрудников [9].
2. Низкому моральному духу сотрудников и снижению эффективности их работы, отсутствию карьерных перспектив [8, с. 674].
3. Эксплуатации труда и отсутствию защиты работников.

Возможные регуляторные импликации для изучаемого феномена представлены на рисунке 1.

Далее перейдем к рассмотрению похожего по звучанию и написанию термина ghostworking, однако принципиально отличающегося в плане смысловой нагрузки.

Таблица 1

Драйверы распространения явления ghost work

Вид драйверов	Описание
Общэкономические	1. Пандемия COVID-19 повлияла на рынок труда, вызвав закрытие ряда организаций в сфере услуг и рост безработицы. В результате чего удаленный формат работы, считавшийся ранее исключением для ряда отраслей и компаний, стал нормой. 2. Низкие доходы жителей периферии страны повышают уровень их мотивации к занятости гост ворк.
Технологические	1. Внедрение инноваций и развитие технологий снижают стоимость передачи информации, позволяя бизнесу во многом снизить затраты; а также способствуют росту увеличения мобильности населения. 2. Растет цифровая грамотность сотрудников.
Индивидуальные	1. Гост воркеры обеспечивают надлежащее качество и скорость выполнения работ в обмен на оговоренный размер оплаты труда. 2. Занятость типа гост ворк – это возможность человека организовать комфортную карьеру, не зависящую от образования и не требующую лидерских качеств. Гост воркеры могут самостоятельно выбирать проекты для реализации по своим интересам. Их также устраивает гибкий график работы из любой точки мира.

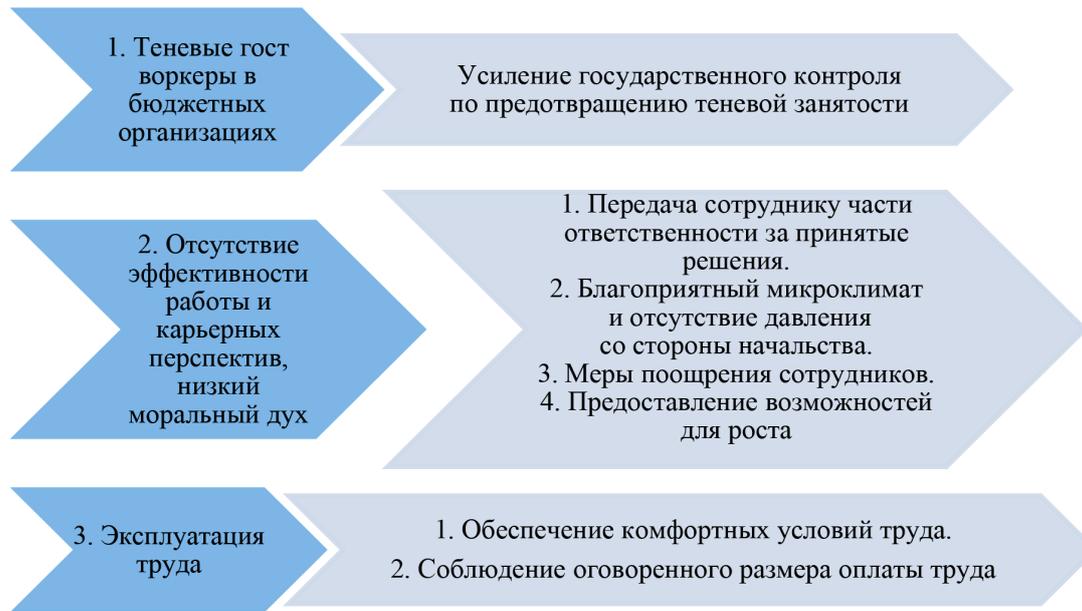

Рис. 1. Последствия распространения явления *ghost work* и регуляторные импликации

Проблемы гостворкинга в настоящее время широко дискутируются в СМИ, однако на данный момент не существует ни одной научной публикации, посвященной изучению данного феномена в экономике организации. Это не удивительно, так как науке известно множество случаев, когда журналисты являются авторами новых терминов, которые позже прочно входят в научный оборот. Примером тому служит относительно недавнее становление в экономических научных публикациях термина *quiet quitting* (тихое увольнение), изначально появившегося на одной из цифровых платформ для создания и просмотра коротких видео [10, с. 21], и привлечшего к себе широкое внимание СМИ.

Под обозначением *ghostworking* кандидат экономических наук Б. Робинсон в своей статье для «Форбс» понимает явление, когда работники создают видимость занятости, но не выполняют при этом реальную работу [11]. Согласно майской статье 2025 года журналистки А. Грэйс для «Нью-Йорк Пост», 58% сотрудников признают, что регулярно притворяются, делая вид, что работают [12]. Очевидно, что малоактивным работникам не свойственно проявление инициативы, дополнительных усилий или творческого подхода, они не готовы работать сверхурочно и не являются частью команды [10, с. 21].

В связи с перечисленными фактами можно установить, что явление *ghostworking* особенно распространено в тех сферах, где

не измеряется эффективность труда либо производительность. Например, оно популярно среди сотрудников современных офисов, где большая часть выполняемой работы характеризуется однотипностью операций, в которых нет места творчеству. В результате человек выполняет несложную порученную работу, знакомую ему до тонкостей, фактическое осуществление которой не занимает у него много времени. При первой же возможности можно застать таких сотрудников глубоко погруженными в просмотр сайтов, фильмов или социальных сетей. Неслучайно бытует мнение, что именно в среде офисных сотрудников изначально появились интернет-мемы, флешмобы и другие виртуальные феномены. Ситуацию с полной потерей инициативы зачастую усугубляет непонимание людьми цели своей деятельности или ее практической пользы.

К представителям профессий, чаще имитирующих занятость в течение рабочего дня, относят, главным образом, офисных сотрудников нижнего и среднего звена, число которых, по имеющимся в России оценкам, составляет почти половину от всех занятых в сфере экономики. Сюда причисляют работников бухгалтерии, секретариата, охраны, служб по подбору персонала; а также представителей творческих профессий: специалистов по маркетингу и рекламе, дизайнеров. Однако сложнее всего контролировать рабочее поведение тех, кто работает удаленно.

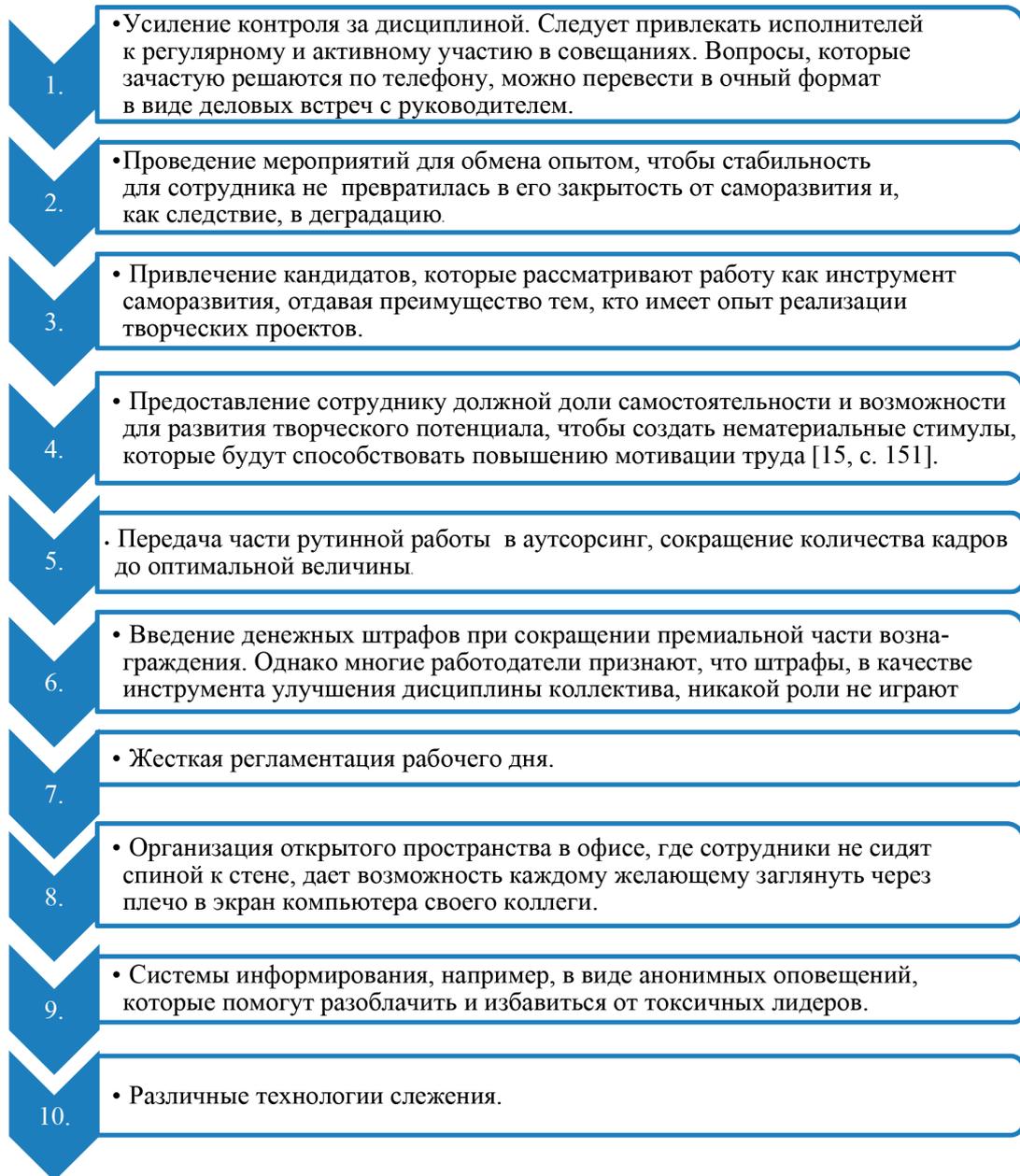

Рис. 2. Регуляторные импликации для феномена ghostworking

В таблице 2 попытаемся выявить основные драйверы развития явления ghostworking в экономике организации.

При наличии у сотрудников поведения, имитирующего работу, все бизнес-процессы в компании замедляются, и она теряет возможность быстро адаптироваться к изменениям деловой среды. В связи с этим требуется разработка мер, которые будут нацелены на противодействие гостворкингу в коллективе. Исследования показывают, что эффективными мероприятиями по повышению общей удовлетворенности со-

трудников, которые на 20 – 30% снижают уровень текучести кадров, являются гибкий график, улучшение офисной среды, доступность программ обучения и повышения квалификации, нематериальное поощрение [14, с. 152].

Учитывая особенности, характерные для феномена ghostworking в организации, а также общие положения менеджмента персонала, предложим ряд регуляторных импликаций, которые помогут избавиться от распространения поведения ghostworking среди сотрудников (рисунок 2).

Драйверы распространения трудового поведения ghostworking

Вид драйверов	Описание
Общэкономические	При повышении уровня жизни и общего благосостояния основные потребности обеспечиваются на должном уровне, и многие люди начинают находить работу бессмысленной, больше ценя свои личные интересы.
Социальные	Популярность психологической литературы о самопомощи, согласно которой, человек может стать, кем захочет, мотивирует сотрудников тратить свое внимание лишь на вещи, по-настоящему значимые для них самих. Людей интересует только то, что способствует росту их собственного благополучия [13, с.141].
Организационные	1. Однотипная рутинная работа убивает в человеке стремление к творчеству. 2. Отсутствие ответственности за принятое решение ведет к потере инициативы. 3. При наличии давления со стороны работодателя даже самый совестливый и инициативный человек может стать равнодушным к качественному выполнению своих служебных обязанностей. Такой же результат наблюдается при недооцененности сотрудника руководством.
Индивидуальные	Сотрудники с фактической низкой компетентностью, как правило, не несут ответственность за принятие важных решений.

Следует заметить, что в системе современного образования нужно уделять особое внимание профориентационным мероприятиям молодежи. Особенно важны для молодежи такие профориентационные мероприятия, как тренинги, профильные мастер-классы и встречи с успешными людьми [16, с. 117]. Удобные и понятные образовательные инструменты будут способствовать развитию навыков, которые делают работу продуктивной, успешной и полезной для общества.

Заключение

Таким образом, похожие по звучанию и написанию термины ghost work и ghostworking – это два абсолютно разных феномена современной экономики организации.

1. Ghost work – это нестандартный тип занятости, при которой бизнес без заключения трудового договора привлекает стороннего специалиста на условиях сдельной формы оплаты труда для выполнения отдельных задач по тегированию, модерации, редактированию и сортировке информации на цифровой платформе.

Основными драйверами для развития изучаемого феномена в экономике организации могут быть экономические (рост популярности удаленного формата работы после пандемии COVID-19, а также в связи с низкими доходами жителей периферии страны), технологические (снижение затрат бизнеса и рост компьютерной грамотности населения в результате развития цифровых технологий) и индивидуальные драйверы (возможность комфортной работы из любой точки мира с учетом собственных интересов).

Среди негативных последствий развития явления гост ворк исследователи отмечают финансовые потери в бюджетных организациях, вызванные теневой занятостью; снижение морального духа, эффективности работы и карьерных перспектив сотрудников; а также возможную эксплуатацию труда и отсутствие защиты трудовых прав.

Минимизация негативных последствий от распространения феномена гост ворк может осуществляться как на государственном уровне в рамках усиления контроля по предотвращению теневой занятости, так и на внутриорганизационном уровне в ходе создания благоприятного микроклимата и комфортных условий труда, обеспечения соответствующих мер поощрения сотрудников и предоставления им возможностей для роста.

2. Ghostworking – это трудовое поведение, характеризующееся систематическим бездельем сотрудников в течение рабочего дня под видом занятости.

Среди драйверов распространения такой модели трудового поведения можно выделить общэкономические и социальные драйверы (обусловленные новой постановкой приоритетов в современном обществе, когда люди ставят свои личные интересы выше интересов компании); организационные (связанные с потерей рабочей инициативы из-за рутинных задач и отсутствия ответственности за принятые решения, с наличием давления со стороны менеджера или недооцененностью сотрудника); а также индивидуальные (например, низкая компетентность работника).

К негативным последствиям развития феномена гостворкинг в экономике организации помимо финансовых потерь относятся замедление всех бизнес-процессов и отсутствие возможности быстро адаптироваться к изменениям рыночной среды.

В качестве регуляторных импликаций феномена можно предложить более тщательный отбор кандидатов, различные способы усиления контроля за дисциплиной, проведение мероприятий для обмена опытом, предоставление сотруднику самостоятельности и возможности развития творче-

ского потенциала и другие. Управленческие импликации могут быть разнообразными и должны быть согласованы с кадровой стратегией организации.

Как видим, явления ghost work и ghost-working как два разных феномена не являются объектами пристального изучения современных ученых, хотя они продолжают набирать популярность в экономике организации. В связи с этим остается много открытых вопросов, среди которых наиболее актуально переосмысление подходов к управлению персоналом.

Библиографический список

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с. ISBN 978-5-699-90556-0.
2. Maradin D., Malnar A., Dujmović J. Ghost work in modern business: opportunities and challenges // Perspectives on the resilience of economic systems. Rijeka, 2025. P. 85–103.
3. Kuek S.C., Paradi-Guilford C., Fayomi T., Imaizumi S., Ipeirotis P., Pina P., Singh M. The global opportunity in online outsourcing. Washington, DC: World Bank. 2015. 68 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/4444b259-4bd5-5b6f-b0e3-b7e1ab92ebde/content> (дата обращения: 28.07.2025).
4. Lenart-Gansiniec R. Ghost workers – the essence and importance for creating scientific knowledge // Scientific papers of Silesian university of technology // Organization and management series. 2022. № 164. P. 229–242. DOI: 10.29119/1641-3466.2022.164.17.
5. Flanagan F. Symposium on work in the ‘gig’ economy: Introduction // The economic and labour relations review. 2017. № 28(3). P. 378–381. DOI: 10.1177/1035304617724302.
6. Block S., Hennessy T. Sharing economy or on-demand service economy? Ontario: Canadian Centre for Policy Alternatives. 2017. 27 p. ISBN 978-1-77125-337-6.
7. Gray M.L., Suri S. Ghost Work: How to Stop Silicon Valley from Building a New Global Underclass. Boston: Houghton Mifflin Harcourt. 2019. 288 p. ISBN 9781328566249.
8. Moyo H. A Paper on Ghost Worker Syndrome: A Panacea to Zimbabwe’s Bloated Public Service // International Journal of Social Science and Humanities Research. 2017. Vol. 5. Issue 2. P. 674–683. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchpublish.com/papers/a-paper-on-ghost-worker-syndrome-a-panacea-to-zimbabwe-bloated-public-service> (дата обращения: 28.07.2025).
9. Hernanz-Lizarraga C. Ghost work is taking over the world – and you may not even know it // Prospect. 2021. June 27. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/society/37746/ghost-work-is-taking-over-the-worldand-you-may-not-even-know-it> (дата обращения: 28.07.2025).
10. Горскина Л.С. «Тихое увольнение» – новое явление в управлении персоналом // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 5. С. 21–24. DOI: 10.37882/2223-2974.2024.05.11.
11. Robinson B. Ghostworking: 92% Of Employees Job Search On Company Time // Forbes. 2025. May 24. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/bryanrobinson/2025/05/24/ghostworking-92-of-employees-job-search-on-company-time/> (дата обращения: 28.07.2025).
12. Grace A. What is the ‘ghostworking’ trend? Here’s how a majority of burned-out employees pretend to do their jobs every day // New York Post. 2025. May 21. [Электронный ресурс]. URL: <https://nypost.com/2025/05/21/lifestyle/what-is-ghostworking-trend-how-burned-out-employees-pretend-to-do-their-jobs-every-day/> (дата обращения: 28.07.2025).
13. Чиксентмихайи М. В поисках потока: Психология включенности в повседневность. М.: Альпина Паблишер, 2017. 461 с. ISBN 978-5-91671-647-4.
14. Савватеев Е.В. Исследование стратегий снижения текучести кадров в малом бизнесе посредством улучшения условий труда // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 11-1. С. 152-164. DOI: 10.34670/AR.2024.19.45.017.
15. Звягинцева О.С., Исаенко А.П. Особенности коммуникации и мотивации дистанционных работников // Известия Дагестанского ГАУ. 2019. № 4 (4). С. 150–155. EDN: HDUSKB.
16. Молодёжь и молодёжная политика в современной России: монография / Под общей ред. П.А. Меркулова. М.: Дело, 2024. 264 с. ISBN 978-5-93179-793-9.

УДК 339.92

И. Ю. Храмова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, e-mail: khramova.irina@mail.ru

Т. В. Зыкова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА ДЛЯ ЭКОНОМИКИ СТРАН-ЧЛЕНОВ БРИКС

Ключевые слова: индустрия туризма, статистика туризма, показатели, рейтинг, страны БРИКС.

Развитие туризма, повышение вклада отрасли в экономику РФ относится к приоритетным направлениям государственной деятельности. Об этом свидетельствует целый ряд нормативно-правовых документов, направленных на развитие и поддержку данного вида экономической деятельности. Особое внимание уделяется развитию туристических обменов со странами межгосударственного объединения БРИКС. В статье приводится сравнительная оценка пяти стран, составляющих ядро БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), по значимости индустрии туризма для экономики этих стран. Значимость туристской индустрии оценивалась методом рейтинговой оценки по совокупности шести факторов: доля отрасли в валовом внутреннем продукте страны, доля занятых в сфере туризма, количество въездных туристов на 100 человек населения, расходы иностранных туристов в стране, количество туров внутри страны на 100 человек населения, средней процент загрузки гостиниц. Лидером рейтинга оказался Китай, на втором месте Индия, далее идут ЮАР, Россия и Бразилия. Для всех рассматриваемых стран индустрия туризма является значимым сектором экономики с хорошими перспективами роста. Каждая из них конкурирует в сфере туризма, предлагая уникальное сочетание достопримечательностей, культурного наследия и гостеприимства. Совместная работа в данной сфере помогает участникам объединения преодолевать барьеры и добиваться более высоких результатов.

I. Yu. Khramova

National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, e-mail: khramova.irina@mail.ru

T. V. Zyкова

National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE OF THE TOURISM INDUSTRY IMPORTANCE FOR THE ECONOMIES OF THE BRICS COUNTRIES

Keywords: tourism industry, tourism statistics, indicators, rating, BRICS countries.

The development of tourism and the increasing contribution of the industry to the economy of the Russian Federation are among the priority areas of government activity. This is evidenced by a number of regulatory documents aimed at the development and support of this type of economic activity. Special attention is paid to the development of tourist exchanges with the countries of the BRICS interstate group. The article provides a comparative assessment of the five BRICS core countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa) in terms of the importance of the tourism industry for the economies of these countries. The importance of the tourism industry was assessed using the rating method. A set of six factors was assessed: the industry's share in the country's GDP, the share of people employed in the tourism sector, the number of inbound tourists per 100 people of the country's population, the international tourism expenditure, the number of domestic tours per 100 people of the country's population, and the average occupancy rate for star-rated hotels. The tourism industry is an important economic sector with good growth prospects for all the countries under consideration. Each of them competes in the field of tourism, offering a unique combination of attractions, cultural heritage and hospitality. Working together in this area helps the BRICS countries overcome barriers and achieve better results.

Введение

Туризм стал третьей по величине экспортной отраслью в мире после топливно-энергетического и химического секторов, опередив пищевую промышленность и автомобилестроение. По итогам 2024 года объем глобального туристического рынка достиг 10,9 триллиона долларов США. По сравнению с 2023 годом и пиковым значением 2019 года, это выше на 8,5% и 6% соответственно. По материалам Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), в 2024 году на сферу путешествий и туризма пришлось 10% мировой экономики. По данным Всемирной туристской организации (UNWTO) в 2024 году международные поездки совершили 1,4 миллиарда туристов, что говорит о фактическом восстановлении отрасли (на 99%) до уровня, который наблюдался до начала пандемии COVID-19. По информации WTTC международные туристические расходы в 2024 году выросли почти на 12% – до 1,87 триллиона долларов США [1, 2].

По оценкам российского союза туриндустрии после сильного падения в 2022 году в 2023 году восстановились две трети туристического рынка РФ, а в 2024 году количество туристических поездок в России составило около 92 миллионов, что на 18% больше, чем годом ранее, международные туристы совершили 1,5 миллиона туров в Россию (с туристическими и деловыми целями). Это на 134,4% больше, чем в 2023 году, но в 3,22 раза меньше, чем в 2019 году [3]. Добиться такого результата позволила совместная работа государства и бизнеса.

Развитие туризма, повышение вклада отрасли в экономику РФ относится к приоритетным направлениям государственной деятельности. Об этом свидетельствует целый ряд нормативно-правовых документов, направленных на развитие и поддержку данного вида экономической деятельности. К ним, в частности, относятся «Стратегия развития туризма до 2035 года», национальный проект «Туризм и гостеприимство», государственная программа развития туризма до 2030 года, Указ Президента РФ от 08.08.2023 N 588 «О совершенствовании государственного управления в сфере туризма и туристской деятельности» [4, 5].

Авторский анализ вышеуказанных документов показал, что ключевыми целями развития туризма в стране на период до 2035 года стали: комплексное развитие

туризма (внутреннего и въездного), усиление его социальной роли, обеспечение доступности туристских услуг для широких слоёв населения. Целевыми показателями стали: рост объёма туристской индустрии до 16 306 млрд рублей, удвоение количества внутренних туристских поездок на одного жителя Российской Федерации, тройной рост вложений в сферу туризма, рост экспорта туристских услуг РФ до 28,6 млрд долларов США к 2035 году [4, 5].

К 2030 году туристская отрасль должна выйти на уровень 16 миллионов иностранных туристов в год. [6]. Для достижения этой цели требуется длительная, постоянная работа с зарубежными партнерами, начало которой уже положено.

Основными направлениями такой работы стали:

- официальный запуск трека сотрудничества БРИКС в сфере туризма и подписание «дорожной карты»;

- включение в «дорожную карту» вопросов цифровизации и развития компетенций туроператоров, совместного продвижения и инвестиций отрасли;

- начало программы в 2023 году по оформлению электронных виз, предусматривающей оформление онлайн (для 55 стран уже доступны электронные визы);

- планирование туристического обмена с Индией по примеру двух существующих программ с Китаем и Ираном, предусматривающих взаимные безвизовые поездки;

- проведение переговоров и подготовка к полной отмене виз с рядом стран Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки;

- реализация инициативы по созданию туристического клуба городов БРИКС для прямого взаимодействия между городами-туристическими центрами стран БРИКС и обмена практиками, совместного создания туристических продуктов нового типа»;

- разработка единого туристического брэнда Discover Russia для продвижения России за рубежом, ориентации и знакомства с её туристским потенциалом [7-9].

Для диверсификации международного и внутреннего туризма решаются вопросы обеспечения безопасности путешествий через совместную работу всех участников индустрии туризма [10].

Под влиянием внешнего санкционного давления туристская отрасль России начала более активный процесс развития вну-

тренного и въездного туризма, что привело к изменению приоритетов и направлений, структуры иностранного турпотока в РФ.

Для нашей страны стало особенно актуально расширение туристского обмена со странами БРИКС, так как они являются крупными индустриальными державами, обладающими большим демографическим потенциалом и быстрыми темпами экономического развития, что позволяет их гражданам тратить большие суммы в туристических целях, и сами являются привлекательными для иностранных туристов, так как имеют уникальное культурное и духовное наследие, много красивых мест для путешествий и предлагают разнообразные виды отдыха.

В настоящее время в объединение БРИКС входят 10 стран. С 2024 к Бразилии, России, Индии, Китаю и ЮАР присоединились ОАЭ, Иран, Эфиопия, Египет, а в январе 2025 года – Индонезия. Четыре страны БРИКС (Китай, Индия, Россия и ОАЭ) входят в топ государств, жители которых тратят наибольшие суммы в туристических целях. В 2023 году их расходы составили 287,9 млрд долларов США [7].

Взаимный турпоток между Россией и странами БРИКС в первой половине 2024 года превысил 1,5 миллиона человек, что в четыре раза больше показателя аналогичного периода прошлого года. По прогнозам министерства экономического развития РФ, в 2025 году турпоток между странами БРИКС может вырасти более чем в четыре раза, доля стран БРИКС на рынке МСЭ-туризма составит 60%. К 2030 году планируется рост средней доли туристической отрасли в странах БРИКС до 8%, что приблизится к показателю стран с развитым туристическим сектором. [8, 9, 11].

Туризм является приоритетным направлением для стран БРИКС. Каждая из стран-участниц объединения стремится привлечь и удержать туристов, используя своё уникальное сочетание достопримечательностей, культурного наследия и предложений гостеприимства.

Целью исследования ставится проведение сравнительной оценки стран-членов БРИКС по значимости индустрии туризма для экономик стран-членов БРИКС.

Материал и методы исследования

В работе использованы аналитический и описательный методы исследования,

а также математический аппарат обработки статистических данных.

Несмотря на то, что с 1 января 2024 года в объединение БРИКС входят 10 государств, к рассмотрению были приняты только пять стран, составляющих его ядро: Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР. Это объясняется тем, что наиболее полные открытые данные для сравнения возможно было получить за 2023 год, когда членами объединения были лишь вышеперечисленные страны.

Сравнительная оценка объектов исследования проводилась методом рейтинговой оценки. Значимость туристской индустрии для экономики стран оценивалась по совокупности факторов, в наибольшей степени, по мнению авторов, эту значимость отражающих. Для сравнения были отобраны шесть факторов.

Каждый из факторов оценивается по формулам 1 и 2 зависимости от величины показателя. Формула 1 используется для показателей, оказывающих прямое воздействие, а формула 2 – для показателей имеющих обратную зависимость. Итоговый результат по совокупности показателей для каждой из исследуемых стран формируется по формуле 3 и является результатом, на основании которого формируется рейтинг (формулы 4 и 5). В итоге, чем выше итоговый результат у страны, тем выше ее рейтинг и, соответственно, тем более значимой для экономики является туристская отрасль.

Используется следующая методика рейтинговой оценки

$$P_{ij} = X_{ij} / X_{i \max}, \quad (1)$$

$$P_{ij} = X_{i \min} / X_{ij}, \quad (2)$$

$$Rank_j = \sqrt[6]{p_{1j} \times p_{2j} \times \dots \times p_{6j}} \quad (3)$$

$$Posit 1 = \max Rank_j, \quad (4)$$

$$Posit 5 = \min Rank_j, \quad (5)$$

где j – страна; i – показатель.

Результаты исследования и их обсуждение

Для проведения сравнительной оценки показателей туристской индустрии исследуемых стран использован метод рейтинговой оценки.

Сравнительная оценка проводилась с использованием данных открытых источ-

ников. К сожалению, актуальной единой базы данных показателей туристической индустрии различных стран не существует. Кроме того, значения показателей отрасли, представленные на сайтах статистических ведомств стран и публикуемые Всемирной туристской организацией (UNWTO), зачастую отличаются. Это усложняет межстрановое сопоставление и повлияло на выбор сопоставляемых показателей. В качестве информационной базы для исследования использованы официальные данные, опубликованные на сайтах национальных статистических ведомств и министерств стран БРИКС (Министерство туризма Бразилии, Росстат, Министерство туризма Индии, Национальное бюро статистики Китая, Министерство туризма ЮАР), бизнес-платформы данных statista.com и CEIC Data, отраслевые исследования специализированных консалтинговых компаний.

Наиболее полные актуальные открытые данные для межстранового сравнения оказалось возможным получить лишь за 2023 год, что и определило временной период для сопоставления.

Были отобраны следующие ключевые факторы, определяющие по нашему мнению роль отрасли в экономике страны. Доля отрасли в валовом внутреннем продукте (ВВП) страны и доля занятых в сфере туризма в общей численности занятых выбраны как классические общие показатели, отражающие значимость туристской индустрии для экономики. В качестве частных выступили показатели въездного туризма (ко-

личество въездных туристов и их расходы внутри страны) и внутреннего туризма (количество туров внутри страны). Рост въездного турпотока и соответственно расходов иностранных туристов внутри страны, как и увеличение внутренних туров положительно влияют на экономику, стимулируя рост ВВП, поддерживая и создавая новые рабочие места в секторах услуг, строительства, транспорта, связи, банковского дела, страхования, производства товаров народного потребления, сельского хозяйства и других. Поскольку сравниваемые страны имеют сильно выраженные отличия по масштабам (количество населения, размеры территории и т.д.), количество въездных туристов и показатель количества туров, характеризующий развитие внутреннего туризма в стране, сопоставлялись с численностью населения страны. Показатели выездного туризма не рассматривались, так как они вызывают чистый отток денежных средств из экономики страны. Ввиду отсутствия достоверных сопоставимых данных о количестве коллективных средств размещения по всем исследуемым странам в качестве показателя, отражающего до некоторой степени доступность, востребованность, и потенциал использования средств размещения был выбран показатель среднего процента загрузки гостиниц как одного из видов коллективных средств размещения. Данный показатель характеризует соотношение количества проданных гостиничных номеров и общего количества доступного номерного фонда.

Таблица 1

Ключевые факторы, характеризующие значимость индустрии туризма для экономики ядра стран-членов БРИКС

Страна	Доля отрасли в ВВП страны, %	Количество въездных туристов на 100 чел. населения	Расходы иностранных туристов в стране, млрд долл.	Внутренний туризм, количество туров на 100 чел. населения	Средней процент загрузки гостиниц, %	Доля занятых в сфере туризма, %
	(*)	(**)	(***)	(****)	(*****)	(*****)
Бразилия	7,8	2,79	6,90	9,97	60,8	7,77
Россия	2,8	5,60	6,70	53,32	87,8	3,10
Индия	5,0	1,36	28,08	180,21	62,1	9,10
Китай	7,3	5,81	52,96	346,64	50,7	10,46
ЮАР	8,2	13,67	5,70	60,93	42,7	9,93

Источники: * [12-15], ** рассчитано авторами на основе [13, 14, 16-19], *** [12-14, 19, 20], **** рассчитано авторами на основе [17, 21], ***** [22-26], ***** рассчитано авторами на основе [12, 14, 17, 27-31].

Все вышеуказанные факторы, характеризующие значимость индустрии туризма для экономики ядра стран-членов БРИКС, можно отнести к факторам прямого действия, рост которых оказывает положительное влияние на экономику. Соответственно итоговые баллы для каждой страны будут получены на основе коэффициентов, рассчитанных по формуле (1).

Таблица 1 содержит исходную информацию, на основе которой будет проводиться сравнительная оценка.

Как следует из данных таблицы, наиболее значим вклад индустрии туризма в ВВП ЮАР, Бразилии и Китая (8,2%, 7,8% и 7,3% соответственно). Наименее значим вклад данного сектора в экономику Индии и России (5% и 2,8% соответственно). По количеству въездных туристов на 100 человек населения лидером с большим отрывом является ЮАР. Для ЮАР это неожиданный результат, так как по абсолютным цифрам въездной турпоток данной страны в разы меньше аналогичных показателей Китая и Индии. По объёму въездного турпотока в 2023 году на первом месте находится Китай с 82,03 млн человек, на втором месте – Индия с 18,89 млн человек, далее идут ЮАР и Россия с 8,5 и 8,2 млн человек соответственно. Въездной поток в Бразилию составил всего 5,91 млн человек, что в 13,9 раза меньше турпотока в Китай и в 3,2 раза меньше турпотока в Индию. Интересно, что значения показателя коли-

чества въездных туристов на 100 человек населения для Китая и России очень близки (5,81 и 5,60 человек на 100 человек населения страны соответственно). При том, что в абсолютных показателях въездной туристский поток в Китай почти в 10 раз превышает показатель России. Это подтверждает, на наш взгляд, целесообразность использования для сравнения относительных показателей. Наиболее значим вклад иностранных туристов в экономику Китая и Индии. Расходы иностранных туристов составили в этих странах 52,96 и 28,08 млрд долларов США соответственно. Значения показателей России и Бразилии почти в 8 раз меньше показателя Китая, а показатель ЮАР – более чем в 9 раз. Межстрановое сравнение показателей количества туров на 100 человек населения говорит о том, что по уровню развития внутреннего туризма лидером среди пяти стран с большим отрывом является Китай (346,64 туров на 100 человек населения). На втором месте находится Индия (180,21 туров на 100 человек населения). Значение показателей России и ЮАР в 6,5 и 5,7 раза меньше показателя лидера, а у Бразилии почти в 35 раз. По доле занятых в сфере туризма лидируют Китай, ЮАР и Индия с показателями 10,5%, 9,9% и 9,1% соответственно. Наименьшая доля занятых в России – 3,1%.

Результаты оценки стран-членов БРИКС по значимости индустрии туризма для экономики отражены в таблице 2.

Таблица 2

Оценка стран-членов БРИКС по значимости индустрии туризма для экономики

Рейтинг	Страна	Доля отрасли в ВВП страны, %	Количество въездных туристов на 100 чел. населения	Расходы иностранных туристов в стране, млрд долларов США	Внутренний туризм количество туров на 100 чел. населения	Средней процент загрузки гостиниц, %	Доля занятых в сфере туризма, %	Итоговый результат
1	Китай	0.8902	0,4250	1,0000	1,0000	0,5774	1,0000	0.7761
2	Индия	0.6098	0,0995	0,5302	0,5199	0,7073	1,0000	0.4773
3	ЮАР	1.0000	1,0000	0,1076	0,1758	0,4863	0,9493	0.4538
4	Россия	0,3415	0,4097	0,1265	0,1538	1,0000	0,8700	0.3651
5	Бразилия	0.9512	0,2041	0,1303	0,0288	0,6925	0,7428	0.2684

Источник: расчеты авторов на основе таблицы 1.

По результатам расчётов первое место в рейтинге занимает Китай с итоговым результатом 0,7761. На втором месте Индия. Далее идут ЮАР, Россия и Бразилия. Итоговые результаты Индии и ЮАР очень близки и отличаются всего на 0,0235. Незначительные различия в значении итоговых результатов наблюдаются у Бразилии и России. Соответственно представленным в таблице 2 результатам, наиболее значим вклад индустрии туризма в экономику Китая.

Заключение

Анализ стран-членов БРИКС по значимости индустрии туризма для экономики показал, что путешествия – важная тема для союза государств и приоритетное направление для всех стран-участниц объединения.

В настоящее время страны БРИКС имеют широкие возможности для развития разных видов туризма: делового, культурного, природного и спортивного. Для того чтобы сделать путешествия доступнее и придать новый импульс развитию отрасли, представители стран объединения проводят встречи, форумы и др. мероприятия. Страны-участницы стремятся к продвижению устойчивого, инклюзивного и экологичного туризма и отмечают важность взаимодействия в вопросах цифровизации индустрии туризма, в продвижении и увеличении туристического обмена, что позволит повысить эффективность туристской индустрии и качество туристского продукта.

Российская туристическая индустрия становится более привлекательной для туристов, так как в стране активно развивается транспортная инфраструктура, появляются новые и реконструируются действующие курорты, строятся новые гостиницы и модульные отели, открываются рестораны и кафе, благоустраиваются общественные пространства. Государство активно поддерживает предпринимательские инициативы и проекты в сфере туризма, большое количество компаний малого и среднего бизнеса в туристической сфере уже получили финансовую поддержку от государства. Проводится работа по расширению авиасообщения, организации системы пересадок, упрощения въезда и визовых процедур, а также обеспечению комфортных платежей для туристов из государств БРИКС. Все это способствует росту взаимного туристического потока между Россией и странами БРИКС, повышению интереса иностранных туристов к нашей стране, даже несмотря на непростую политическую ситуацию в мире.

Россия была и остается открытой для туристов из разных стран, в том числе из БРИКС, в стране созданы все условия для комфортного и безопасного пребывания иностранных туристов. Реализуемая в РФ стратегия развития туризма позволяет комплексно развивать внутренний и въездной туризм, формировать и продвигать качественный и конкурентоспособный туристский продукт на внутреннем и международном рынках.

Библиографический список

1. Travel & Tourism set to Break All Records in 2024, reveals WTTC. [Электронный ресурс]. URL: <https://wtcc.org/news/travel-and-tourism-set-to-break-all-records-in-2024-reveals-wtcc> (дата обращения: 29.07.2025).
2. The World Tourism Organization (UN Tourism). International tourism recovers pre-pandemic levels in 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwto.org/news/international-tourism-recovers-pre-pandemic-levels-in-2024> (дата обращения: 22.07.2025).
3. Дмитрий Чернышенко: 2024 год – рекордный по числу туристических поездок по России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/53924/> (дата обращения: 30.07.2025).
4. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.» [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb8a-4b084460e064e787d6f199dba82e/strategiya_razvitiya_turizma.pdf (дата обращения: 28.07.2025).
5. Указ Президента Российской Федерации от 08.08.2023 г. № 588 «О совершенствовании государственного управления в сфере туризма и туристской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49710> (дата обращения: 30.07.2025).
6. Министерство экономического развития РФ. Минэкономразвития: к 2030 году въездной туризм в России увеличится в 1,5 раза [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_k_2030_godu_vezdnoy_turizm_v_rossii_uvelichitsya_v_15_raza.html (дата обращения: 30.07.2025).

7. Центр стратегических разработок. ЦСР ожидает четырехкратного роста турпотока между странами БРИКС до конца 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/tssr-ozhidaet-chetyrekhkratnogo-rosta-turpotoka-mezhdu-stranami-briks-do-kontsa-2024-goda/> (дата обращения: 30.07.2025).

8. Министерство экономического развития РФ. Страны БРИКС создадут платформу цифровых решений в сфере туризма. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/strany_briks_sozdadut_platformu_cifrovyyh_resheniy_v_sfere_turizma.html (дата обращения: 30.07.2025).

9. Центр международной торговли. Новости БРИКС: что обсуждали на первом Туристическом Форуме 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://wtcmoscow.ru/company/news/5463/> (дата обращения: 30.07.2025).

10. Ефремова М.В., Кочкурова Е.А., Зыкова Т.В., Рябова О.В. Анализ возможностей диверсификации внутреннего туризма в условиях новых вызовов // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21, № S1. DOI: 10.14529/hsm21s124. EDN: YVITJB.

11. Министерство экономического развития РФ. Объем российского рынка делового туризма вырос на четверть в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/obem_rossiyskogo_rynka_delovogo_turizma_vyros_na_chetvert_v_2024_godu.html (дата обращения: 30.07.2025).

12. Статистический бюллетень РОССТАТА к всемирному дню туризма – 2024. [Электронный ресурс]. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turizm_2024.pdf (дата обращения: 25.07.2025).

13. Government of India Ministry of Tourism. «INDIA TOURISM DATA COMPENDIUM KEY HIGHLIGHTS 2024». [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.in/sites/default/files/2025-02/India%20Tourism%20Data%20Compendium%20key%20highlights%202024.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

14. Nicholson Z. Economic impact of the Tourism Sector: Tourism is a key economic driver and it is on the rise. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.southafrica.net/gl/en/trade/press/economic-impact-of-the-tourism-sector-tourism-is-a-key-economic-driver-and-it-is-on-the-rise> (дата обращения: 25.07.2025).

15. Travel and tourism industry's share of GDP in China from 2014 to 2024 with a forecast for 2034. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/249794/contribution-of-chinas-travel-and-tourism-industry-to-gdp/> (дата обращения: 25.07.2025).

16. Российский статистический ежегодник. 2024: Статистический сборник / Росстат. М., 2024. 630 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (дата обращения: 24.07.2025).

17. BRICS Joint Statistical Publication 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://brics.br/en/documents/collection-of-previous-presidencies/statistical-publications> (дата обращения: 24.07.2025).

18. Brazilian Ministry of Tourism. Brasil supera estimativa da OMT com chegada de cerca de 6 milhões de turistas em 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/turismo/pt-br/assuntos/noticias/brasil-supera-estimativa-da-omt-com-chegada-de-cerca-de-6-milhoes-de-turistas-em-2023> (дата обращения: 25.07.2025).

19. National Bureau of Statistics of China. «China Statistical Yearbook 2024». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexeh.htm> (дата обращения: 24.07.2025).

20. Historic record: international tourism injects US\$ 6.9 billion into the Brazilian economy in 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.br/planalto/en/latest-news/2024/02/copy2_of_historic-record-international-tourism-injects-us-6-9-billion-into-the-brazilian-economy-in-2023#:~:text=The%20international%20tourists%20who%20visited,hosted%20the%20FIFA%20World%20Cup (дата обращения: 25.07.2025).

21. The World Tourism Organization (UN Tourism). Tourism Statistics – Domestic Tourism. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwto.org/tourism-statistics/tourism-data-domestic-tourism> (дата обращения: 25.07.2025).

22. Центр экономики рынков. Маркетинговое исследование «Анализ рынка гостиничных услуг России в 2023 году». [Электронный ресурс]. URL: <https://research-center.ru/analiz-rynka-gostinichnyh-uslug-rossii-v-2023-godu/> (дата обращения: 25.07.2025).

23. CEIC Data. China Hotel Room Occupancy Rate: Total. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/starrated-hotel-room-occupancy-rate/hotel-room-occupancy-rate-total> (дата обращения: 25.07.2025).

24. JLL. Report «Lodging Industry in Numbers – Brazil 2024». [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1756102868&tld=ru&lang=en&name=Hotelaria_em_Numeros_2024.pdf&text=JLL%20Report%20«Lodging%20Industry%20in%20Numbers%20-%20Brazil%202024»&url=https%3A%2F%2Ffohb.com.br%2Fwp-content%2Fuploads%2F2022%2F06%2FHotelaria_em_Numeros_2024.pdf&lr=47&mime=pdf&110n=ru&sign=f5dd65ec9082756efee49aa82f233039&keyno=0&serpParams=tm%3D1756102868%26tld%3Dru%26lang%3Den%26name%3DHotelaria_em_Numeros_2024.pdf%26text%3DJLL%2BReport%2B%25C2%25ABLodging%2BIndustry%2Bin%2BNumbers%2B-%2BBrazil%2B2024%25C2%25BB%26url%3Dhttps%253A%2F%2Ffohb.com.br%2Fwp-content%2Fuploads%2F2022%2F

06%2FHotelaria_em_Numeros_2024.pdf%26lr%3D47%26mime%3Dpdf%26110n%3Dru%26sign%3Df5dd65ec9082756efee49aa82f233039%26keyno%3D0/ (дата обращения: 25.07.2025).

25. Horwath HTL India. Report «Hotel Market Review 2024». [Электронный ресурс]. URL: <https://horwathhtl.com/wp-content/uploads/2025/02/India-Hotel-Market-Report-2024.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

26. Department of Tourism Republic of South Africa. «BI-ANNUAL TOURISM PERFORMANCE REPORT JULY – DECEMBER 2024». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tourism.gov.za/AboutNDT/Publications/Bi-Annual%20Tourism%20Performance%20Report%20Jul-Dec%202024.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

27. Федеральная служба государственной статистики. Международные сравнения. Отдельные социально-экономические показатели России и стран мира в 2000–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/incomparisons> (дата обращения: 25.07.2025).

28. Total number of travel and tourism industry jobs in China from 2019 to 2024 with a forecast for 2034. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1414296/china-number-of-travel-and-tourism-jobs/> (дата обращения: 25.07.2025).

29. Number of jobs related to travel and tourism in Latin America in 2022, by country. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1110886/total-number-of-tourism-jobs-tourism-latin-america-by-country/> (дата обращения: 25.07.2025).

30. Number of direct and indirect jobs in the travel and tourism sector across India from financial year 2014 to 2023, with projection for 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1094224/india-employment-in-travel-and-tourism-sector/> (дата обращения: 25.07.2025).

31. South African Government: official information and services. Minister of Tourism Patricia De Lille. Economic impact of the Tourism Sector: Tourism is a key economic driver and it is on the rise. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/news/speeches/minister-patricia-de-lille-economic-impact-tourism-sector-06-aug-2024#:~:text=Tourism's%20employment%20statistics,2.23million%20jobs%20in%202030> (дата обращения: 24.07.2025).

УДК 336.14(045)

Н. С. Шмиголь

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
e-mail: nshmigol@fa.ru

ВОЗМОЖНОСТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В РАМКАХ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: бюджетная политика, инновационное развитие, инструменты бюджетной политики, обзоры расходов, бюджетное правило, Фонд национального благосостояния, бюджетная устойчивость.

Обеспечение технологического лидерства является одной из приоритетных национальных целей Российской Федерации, и ее достижение невозможно без стабильного финансового обеспечения инновационной деятельности в необходимом объеме. Предметом настоящего исследования являются инструменты бюджетной политики, позволяющие в условиях ограниченности бюджетных средств поддерживать одновременно сбалансированность федерального и региональных бюджетов и бюджетную устойчивость и стимулирование инновационного развития экономики. Результатом исследования выступают предложенные меры и инструменты бюджетной политики, в числе которых дифференцированные меры поддержки за счет бюджетных средств отраслей экономики, инструменты политики «умного протекционизма», обзоры расходов, встроенные в межведомственный мониторинг и оценку эффективности бюджетных мер стимулирования, уточнение бюджетного правила в части нефтегазовых доходов федерального бюджета и его первичного структурного дефицита. Полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности органов государственной власти в ходе адаптации инструментов бюджетной политики к продолжающимся меняться макроэкономическим условиям, обеспечивая баланс между бюджетной устойчивостью и выполнением обязательств по структурной модернизации и инновационному развитию российской экономики.

N. S. Shmigol

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: nshmigol@fa.ru

POSSIBILITIES OF STIMULATING INNOVATIVE DEVELOPMENT AND ENSURING FISCAL SUSTAINABILITY IN FISCAL POLICY

Keywords: fiscal policy, innovative development, fiscal policy instruments, budget rule, spending reviews, National Welfare Fund, fiscal sustainability.

Ensuring technological leadership is one of the priority national goals of the Russian Federation, and its achievement is impossible without stable financial support for innovation activities to the required extent. The subject of this study is fiscal policy instruments that, in conditions of limited budgetary resources, simultaneously support the balance of federal and regional budgets and fiscal sustainability and stimulate innovative economic development. The research results in proposed measures and instruments of fiscal policy, including differentiated measures of support from budget funds for economic sectors, tools for the policy of “smart protectionism”, spending reviews integrated into interdepartmental monitoring and evaluation of the effectiveness of budgetary incentive measures, clarification of the budget rule regarding oil and gas revenues of the federal budget and its primary structural deficit. The results obtained can be used in the practical activities of public authorities in the course of adapting fiscal policy instruments to the continuing changing macroeconomic conditions, ensuring a balance between fiscal sustainability and the fulfillment of obligations for structural modernization and innovative development of the Russian economy.

Введение

Стимулирование инновационного развития экономики является одной из главных целей, на достижение которой направлены основные документы стратегического планирования Российской Федерации, включая Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации

на период до 2030 года и на плановый период до 2036 года, Концепцию технологического развития до 2030 года, ориентированную на развитие высокотехнологичных отраслей, другие отраслевые стратегические документы, в которых одним из основных источников финансового стимулирования выступают средства бюджетов бюджетной

системы, преимущественно федерального бюджета. Вместе с тем, ограниченность бюджетных средств обуславливает необходимость формирования и применения инструментов бюджетной политики, способствующих инновационному развитию без усиления нагрузки на бюджеты бюджетной системы и при сохранении бюджетной устойчивости.

Цель исследования – на основе анализа практики применения действующих инструментов бюджетной политики, направленных на стимулирование инновационного развития российской экономики, выявить их недостатки, предложить направления их модернизации, а также новые инструменты, которые позволят без усиления бремени на бюджеты бюджетной системы аккумулировать дополнительные инвестиционные ресурсы в инновационную сферу, повысить результативность бюджетного стимулирования инновационной деятельности одновременно обеспечивая сбалансированность и бюджетную устойчивость.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии концепции инновационного развития российской экономики за счет обоснования требуемого инструментария бюджетной политики для достижения баланса между сбалансированностью и бюджетной устойчивостью и распределением бюджетных средств на программы и проекты инновационной направленности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности органов государственной власти в ходе адаптации инструментов бюджетной политики к продолжающимся меняться макроэкономическим условиям.

Гипотеза исследования: определенные инструменты бюджетной политики, в том числе применяемые в настоящее время, при условии их модернизации способны решать одновременно задачу сбалансирования бюджетов бюджетной системы и бюджетной устойчивости и создавать необходимую финансовую базу для бюджетного стимулирования инновационного развития экономики.

Материал и методы исследования

В период 2022-2024 гг. бюджетная политика имела адаптационный характер и в части стимулирования инновационного развития строилась исходя из необходимости реализации краткосрочных мер противодей-

ствия торговым, логистическим, финансовым санкционным ограничениям, в результате которых происходила переориентация российских производителей продукции, в том числе высокотехнологичной, на национальный рынок, выстраивание цепочек взаимодействия с дружественными и нейтральными странами. Финансовой базой реализации данных мер стал существенный бюджетный импульс в размере более 10% годового ВВП [1], примененный в рамках перехода от консервативной бюджетной политики на основе соблюдения бюджетного правила к ее экспансионистскому варианту. Источником бюджетного импульса стало накопленное к началу 2022 г. фискальное пространство в виде средств ФНБ, низкого уровня госдолга, а также рост доходного потенциала федерального бюджета за счет проведенной налоговой реформы в части НДС, повышения ставки налога на прибыль, модернизации упрощенной системы налогообложения.

Основными результатами бюджетной политики в 2022-2024 гг. стали расширение расходных обязательств бюджетов бюджетной системы (+36,6% величины расходов в реальном выражении по сравнению с 2019 г.), в том числе в части расходов на инновации, а также рост расходов на обслуживание государственного долга Российской Федерации и субсидирование льготных кредитов (в 2025 г. их совокупный объем прогнозируется в размере 14% расходов федерального бюджета) [2]. В рассматриваемый период были сформированы основные инструменты бюджетной политики в части стимулирования инновационного развития как прямые (субсидии, бюджетные инвестиции), так и косвенные (государственные гарантии, специальные инвестиционные контракты (СПИК), субсидирование процентной ставки по кредитам). Каждый из данных инструментов бюджетной политики имеет свои особенности и целевое назначение. Так, субсидии и бюджетные инвестиции предоставляются в рамках программно-проектного управления расходами бюджетов бюджетной системы, связанными с инновационным развитием экономики, например, при реализации национальных проектов «Промышленное обеспечение транспортной мобильности», «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности», «Новые материалы и химия», «Новые атомные и энергетические технологии

и ряда других. Вместе с тем, субсидии относятся к текущим расходам бюджета, предоставляются на определенные цели, в рамках утвержденных бюджетных ассигнований, их выделение осуществляется из бюджетов разных уровней бюджетной системы, что позволяет реализовать многоуровневую, комплексную поддержку инновационной деятельности на территории страны.

Бюджетные инвестиции относятся к капитальным расходам бюджета, результатом их выделения является рост стоимости государственного (муниципального) имущества и соответственно государственной (муниципальной) казны, что определено статьями 6, 79 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Начиная с 2024 г., реализация программы капитальных вложений за счет средств федерального бюджета осуществляется на основе реестра объектов капитального строительства, объектов недвижимого имущества, строительство или приобретение которых осуществляется (планируется осуществлять) за счет средств федерального бюджета (далее – Реестр). В 2025 г. в Реестре насчитывает 629 объектов с общим объемом бюджетных ассигнований в форме капвложений 698,5 млрд руб. В целом в текущем бюджетном цикле 2025-

2027 гг. предусмотрено 758 объектов на сумму 2668,1 млрд руб. Вместе с тем, реализация программы капитальных вложений за счет средств федерального бюджета в 2025 г. сопровождается следующими рисками: неосвоение бюджетных средств из-за отсутствия по многим объектам утвержденной проектной документации с положительным заключением государственной экспертизы; увеличение стоимости строительства объекта вследствие некорректного определения размера бюджетных ассигнований; невысокая эффективность реализации ряда инвестиционных проектов из Реестра (например, по отдельным укрупненным инвестиционным проектам отсутствует информация в отношении планируемого результата и детализация расходных операций).

Важным фактором, влияющим на инновационную активность, становится снижение уже с 2024 г. доли бюджетных средств в структуре инвестиций в основной капитал (рисунок). Так, если в период 2017 г. до 2023 г. наблюдается относительно устойчивый тренд роста бюджетных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал, то в 2024 г. произошло их снижение на 3 процентных пункта по сравнению с 2023 г.

*Динамика структуры источников финансирования инвестиций в 2019-2024 гг., %
Составлено автором на основе данных Центра макроэкономического анализа
и краткосрочного прогнозирования [3]*

В текущем бюджетном цикле 2025-2027 гг. возможности государства по стимулированию инвестиций также ограничены, и в 2025 г. расходы федерального бюджета на осуществление капитальных вложений в соответствии с Реестром запланированы в сумме на 38,6%, меньше показателя сводной бюджетной росписи на 1 сентября 2024 года.

Другим фактором, обеспечивающим технологическую модернизацию экономики, является динамика инвестиций в машины и оборудование, и по данному показателю за последние годы отмечается существенное недоинвестирование: уровень инвестиций в машины и оборудование только в 2024 г. восстановился до 99%, составляя в 2022 г. – 87%, в 2023 г. – 89% уровня инвестиций 2013 года [3]. Основной рост инвестиций в 2019-2024 гг. происходил в здания и сооружения, а также в объекты интеллектуальной собственности, в большей части в программное обеспечение, что стало вынужденной мерой в условиях пандемии, а с 2022 г. – санкционных ограничений на поставки товаров недружественных стран и необходимости импортозамещения и выстраивания новых логистических цепочек.

Помимо субсидий и бюджетных инвестиций, одним из источников финансирования инвестиционных проектов выступает Фонд национального благосостояния (далее – ФНБ), сформированный за счет части средств федерального бюджета в виде дополнительных нефтегазовых доходов. Размещение средств ФНБ в инвестиционные проекты, в том числе связанные с обеспечением технологического суверенитета и инновационной трансформацией производства, осуществляется путем покупки ценных бумаг российских эмитентов, реализующих такие проекты и отражается в неликвидной части фонда, которая на 01 января 2025 г. составила 68% объема ФНБ (8070,1 млрд руб.). Так, например, в соответствии с постановлениями Правительства Российской Федерации от 19 января 2008 г. № 18, от 5 ноября 2013 г. № 990 и от 16 декабря 2023 г. № 2189, а также паспортами проектов, включенных в Перечень № 2044-р, средства ФНБ в были размещены в 2024 году в объеме 283,8 млрд руб. в облигации Государственной корпорации «Ростех» (процентная ставка купона – 1,5% годовых) в целях финансирования инфраструктурного проекта «Комплексная программа по расширению производства воз-

душных судов, авиационных двигателей, приборов и агрегатов, в том числе в целях создания системы послепродажного обслуживания гражданских воздушных судов, реализуемая Государственной корпорацией «Ростех», предусмотренного пунктом 24 Перечня № 2044-р [4]. По отдельным инвестиционным проектам за счет средств ФНБ через уполномоченные институты развития (например, ГК ВЭБ.РФ) также предоставляются инвестиционные ресурсы на заемной основе по льготным процентным ставкам до 1,5% годовых, что позволяет снизить финансовую нагрузку для частных инвесторов, предоставив им доступ к длинным деньгам на выгодных условиях. Такие инвестиции за счет средств ФНБ имеют строго целевой характер и направляются на проекты с доказанной экономической эффективностью и возвратностью средств фонда.

В составе источников финансирования инновационных проектов, в том числе в рамках импортозамещения и обеспечения технологического лидерства, средства ФНБ следует рассматривать как резервный источник Правительства Российской Федерации, поскольку ликвидная часть ФНБ весьма ограничена (за 2024 г. она уменьшилась на 24% и составила к 01 января 2025 г. эквивалент 3809,9 млрд руб. или 32% объема ФНБ) и используется в первую очередь для сбалансирования федерального бюджета [4].

Среди косвенных инструментов бюджетной политики, применяемых для стимулирования инновационного развития, в том числе долгосрочных инвестиций в основные фонды, важное место занимают специальные инвестиционные контракты (СПИК). Так, СПИК является контрактом между публично-правовым образованием в лице Российской Федерации или субъекта Российской Федерации и инвестором, в котором государство гарантирует на период действия контракта неизменность налогового режима, преференций и мер государственной поддержки, а инвестор обеспечивает долгосрочные капиталовложения за счет собственных и заемных источников. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.07.2020 № 1048 «Об утверждении Правил заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов» и Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.11.2020 № 3143-р «Об утверждении перечня видов технологий, признаваемых

современными технологиями в целях заключения специальных инвестиционных контрактов» Минпромторг России определяет перечень требований к инвестиционным проектам, претендующим на заключение СПИК, в числе которых степень технологической новизны, обязательный объем капиталовложений, уровень локализации производства, число созданных рабочих мест. Такой отбор обеспечивает выбор инвестиционных проектов, соответствующих требованиям и приоритетам технологической модернизации отраслей экономики.

Сохранение предсказуемых, стабильных фискальных условий ведения экономической деятельности инвестора на всех этапах реализации инвестиционного проекта, минимизация инвестиционных рисков является главным преимуществом СПИК. С позиции государства СПИК позволяет, не наращивая капитальные расходы бюджета, обеспечивать привлечение инвестиционных ресурсов частного бизнеса, достигая стратегических целей импортозамещения критически важных технологий и продукции, создания высокотехнологичной продукции, технологического обновления производства и в конечном итоге инновационного развития экономики.

В числе косвенных инструментов стимулирования инноваций Правительство Российской Федерации активно использует и субсидирование процентной ставки по банковским кредитам. Применение данного инструмента позволяет в условиях санкционных ограничений компенсировать ограниченный доступ к рынкам капитала и точечное финансирование приоритетных проектов. Вместе с тем, активное использование данного инструмента бюджетной политики в 2022-2024 гг. в условиях роста уровня процентных ставок привело к существенной нагрузке на федеральный бюджет. Уже в 2025г. совокупный объем расходов на субсидирование льготных кредитов АПК, МСП, льготной ипотеки и расходов на обслуживание государственного долга Российской Федерации может составить около 14% от общего объема расходов федерального бюджета, что в 2,5 раза выше уровня таких расходов в 2022 г.

Вызовом современного этапа развития российской экономики становится сохраняющийся высокий уровень инфляции и высокий уровень ключевой ставки, что обуславливает требование обеспечения устойчиво-

сти государственных финансов, в том числе за счет снижения объемов бюджетных расходов. В этих обстоятельствах актуальным становится перенастройка инструментов бюджетной политики в сфере стимулирования инновационной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

В стратегических документах Правительства Российской Федерации начиная с 2025 года окончательно определен курс на реализацию долгосрочных мер инновационного развития российской экономики, основанный на реализации политики технологического суверенитета за счет развития собственного производства и реализации инновационной, высокотехнологичной продукции. В условиях сохраняющихся внешних и внутренних факторов развития национальной экономики, применяемые для стимулирования ее инновационного развития инструменты бюджетной политики должны обеспечивать одновременно устойчивость бюджетов бюджетной системы (в первую очередь федерального бюджета) и результативность используемых бюджетных инструментов и мер [5,6]. В качестве таких мер и инструментов бюджетной политики, по мнению автора, должны стать:

- дифференцированные меры поддержки отраслей и предприятий с учетом специфики их деятельности и стадии технологического развития взамен применяемого в настоящее время унифицированного подхода;

- обзоры расходов, встроенные в межведомственный мониторинг и оценку эффективности бюджетных мер стимулирования технологического суверенитета и инновационного развития отечественных предприятий;

- фискальные меры в отношении импортеров технологического оборудования, обеспечивающие новые источники бюджетных инвестиций;

- уточнение действующего бюджетного правила по нефтегазовым доходам федерального бюджета, которое бы обеспечивало одновременно сохранение долгосрочной сбалансированности, устойчивости федерального бюджета и дополнительные доходы для финансирования инвестиционных проектов инновационного характера.

Дифференцированные меры поддержки организаций с учетом их отраслевой специфики, размера и стадии технологического

развития призваны способствовать сокращению дисбаланса между применяемыми мерами бюджетного стимулирования инноваций и достигаемыми эффектами и результатами. Отчасти такие меры также должны способствовать решению проблем финансово-хозяйственной деятельности организаций, связанных с санкционным давлением, в числе которых препятствия в получении импортного сырья и комплектующих, запуск процессов модернизации производства. При этом меры финансовой поддержки федерального правительства в настоящее время более действенны, чем на региональном уровне, где имеется потенциал повышения их результативности. Так, например, для малых инновационных предприятий широкую линейку финансовой поддержки проектов предоставляет ФГБУ «Фонд развития малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия инновациям)», учредителем и собственником которого является Российская Федерация. Фонд участвует в реализации ряда государственных программ Российской Федерации: «Экономическое развитие и инновационная экономика» (26% фактически профинансированных фондом грантов в 2024 г.), «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (4%), «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности» (10%), «Информационное общество» (1%), «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (59%) [7].

В целях повышения эффективности мер и инструментов бюджетной политики на региональном уровне предлагается при выделении средств из региональных бюджетов бюджетной системы в виде грантов и субсидий на создание высокотехнологичной продукции и инновационное развитие в стратегии социально-экономического развития региона предусмотреть раздел, описывающий стратегию инновационного развития региона и критерии соответствия производимой продукции целевым показателям стратегии инновационного развития. Анализ основных мер государственной поддержки по привлечению инвестиций в приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики, исходя из критериев максимального количества мер, охвата регионов, объема выделяемых средств из федерального бюджета более 100 млрд руб. и стоимости поддерживаемых проектов

(50 млн руб. и выше), сосредоточены в рамках четырех основных мер:

- две программы Фонда развития промышленности «Проекты развития» (объем финансового обеспечения за 2018-2024 гг. составляет 206,6 млрд руб., 65% профинансировано из федерального бюджета) и «Комплекующие изделия» (62,1 млрд руб., 28% профинансировано из федерального бюджета);

- кластерная инвестиционная платформа (645 млрд руб., 2% профинансировано из средств федерального бюджета);

- промышленная ипотека (82,8 млрд руб., 5% профинансировано из средств федерального бюджета).

Вместе с тем, согласно данным Счетной палаты Российской Федерации, указанные меры поддержки в 14 субъектах Российской Федерации не реализованы, также отмечена концентрация более 50% всех реализуемых проектов в 12 из 71 регионов. В 8 субъектах Российской Федерации, где не реализованы меры поддержки, отмечен более замедленный рост производства и падение показателей обрабатывающей промышленности [14, с.38-42]. В целях повышения результативности государственных мер поддержки проектов технологического суверенитета и инноваций в стратегических документах региона необходимо отразить критерии и целевые показатели для их оценки, которые позволят оценивать эффективность использования бюджетных средств и результативность реализации государственных мер поддержки.

Другой мерой предлагается создание в регионах организаций инновационной инфраструктуры, центров коммерциализации технологий, оказывающих для малых и средних предприятий услуги по оформлению пакета документов, в том числе проектной документации, необходимых для получения средств как из Фонда поддержки инноваций, так и из федерального и региональных бюджетов.

Для организаций, собственником которых выступает государство, предлагается в рамках реализации закупочных процедур по приобретению оборудования и технологий предусмотреть возможность закупки новых разработок и патентов у поставщиков в России. В настоящее время процедура госзакупок не предусматривает возможности указать в техзадании преимущества новых технологий и патентов, что приводит к закупке дешевых технологий и техники,

не соответствующих современным требованиям, а в конечном счете ведет к технологическому отставанию.

Обзоры расходов, встроенные в межведомственный мониторинг и оценку эффективности бюджетных мер стимулирования технологического суверенитета и инновационного развития отечественных предприятий еще один предлагаемый результативный инструмент бюджетной политики на федеральном уровне. Применение обзоров бюджетных расходов позволит выявить следующие негативные ситуации и принять меры к устранению их неблагоприятных последствий:

- дублирование мер фискального стимулирования или асинхронный, разнонаправленный характер применяемых налоговых льгот, субсидий, мер поддержки с участием институтов развития для определенного сегмента экономики/отрасли, что приводит к неэффективному использованию бюджетных средств и поддержке нерентабельных предприятий в курируемых подведомственных отраслях экономики;

- отсутствие взаимоувязанных конечных результатов в отраслевых документах разных ведомств, курирующих организации, производящие высокотехнологичную продукцию и/или реализующие инвестиционный проект;

- несоответствие отдельных решений (например, закупки импортных комплектующих или техники при наличии на рынке соответствующих российских аналогов) в ходе финансово-хозяйственной деятельности организаций, получающих государственную финансовую поддержку, декларируемым в документах стратегического планирования целям технологического суверенитета и инновационного развития.

Так, например, в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов в рамках стратегической приоритизации расходов федерального бюджета предусмотрены меры государственной финансовой поддержки отраслей промышленности в форме налоговых вычетов, субсидирования процентных ставок по инвестиционным кредитам для реализации инвестиционных проектов, льготных краткосрочных и инвестиционных кредитов экспортерам продукции в рамках национальной цели «Технологическое лидерство». Вместе с тем, в одной отрасли

промышленности меры господдержки могут реализовываться разными ведомствами и их действия могут быть несогласованными и не давать ожидаемую бюджетную отдачу, технологический и экономический эффекты (например, в авиационной отрасли такие меры реализуют Минпромторг России, Минтранс России, Минобороны России и Ростех).

Другой пример, свидетельствующий о необходимости использования обзоров расходов, можно привести с льготой по налогу на прибыль для сельхозпроизводителей, являющейся налоговым расходом федерального бюджета. Данная льгота предоставляется в целях увеличения оборотных средств, прибыли, объемов производства у предприятий АПК без привлечения кредитов и займов. Согласно проведенной Минсельхозом России оценки эффективности налоговых расходов за 2023 г., в том числе данной льготы, ее вклад в достижение показателя «Фактический объем инвестиций в основной капитал по виду экономической деятельности «сельское хозяйство»» составил + 123,2 млрд руб. [15]. В то же время по данным Росстата, степень износа основных фондов в сельском хозяйстве за 6-летний период 2017-2023 гг. выросла на 6% при общем снижении данного показателя в целом по стране на 1% ежегодно. В 2022 г. по виду деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» доля инвестиций в основной капитал составила 3,7% в общем объеме данной группы инвестиций в целом по стране, индекс физического объема инвестиций сократился до 92% к 2021 г., в 2023 г. такая отрицательная динамика сохранилась [16]. Минсельхозом России совокупный бюджетный эффект от налоговой льготы оценен как отрицательный, то есть налогоплательщики не компенсируют выпадающие доходы и не обеспечивают прирост дополнительных доходов в федеральный бюджет в результате прироста объема инвестиций в основной капитал.

Минсельхоз России в своем отчете сделал вывод, что налоговую льготу по налогу на прибыль для сельхозпроизводителей надо сохранить, поскольку она обеспечивает стимулирование инвестиционной деятельности предприятий АПК, однако представленные выше статистические показатели об этом не свидетельствуют. Полагаем, что применение в такой ситуации обзоров расходов

позволит сделать более аргументированные выводы о необходимости сохранения налоговой льготы или ее замены на прямую бюджетную субсидию, которая имеет не только целевой и адресный характер, но и учитывает реальную нуждаемость получателя в государственной финансовой поддержке.

С 2023 г. Правительством Российской Федерации реализуется политика «умного протекционизма», в рамках которой первоначально в среднем на 35% были повышены ввозные таможенные пошлины на отдельные группы импортируемых товаров из недружественных стран. Представляется, что одним из дополнительных источников финансового обеспечения отраслевых программ производства высокотехнологичной продукции и внедрения инноваций могут стать повышенные таможенные платежи на импортируемые товары и комплектующие изделия, которые закупаются российскими предприятиями при наличии их российских аналогов. Введение повышенных таможенных платежей на импортные технологии и технологическое оборудование позволит постепенно выровнять на внутреннем рынке конкурентоспособность зарубежных и отечественных товаров и создаст дополнительный источник инвестиций в соответствующую отрасль экономики, например, для финансирования программ промышленной поддержки, модернизации производств и внедрения новых технологий и других инноваций. При этом предлагаемые фискальные меры «умного протекционизма» в отношении российских импортеров и зарубежных поставщиков должны предусматривать 1) дифференцированную систему ставок таможенных платежей в зависимости от стратегической важности импортируемой продукции, текущего уровня технологического развития отрасли и ее специфики; 2) гибкий механизм регулирования импортозамещения за счет перераспределения полученных в федеральный бюджет дополнительных доходов в виде повышенных таможенных пошлин и иных платежей на программы поддержки конкурентоспособных отечественных производств, распределяя средства в том числе с учетом масштабов присутствия импортных комплектующих в производственном цикле предприятия; 3) контроль за качеством производимой высокотехнологичной продукции и эффективностью использования дополнительных инвестиций с одной

стороны, и за уровнем потребительских цен на внутреннем рынке, не допуская их необоснованного роста в результате переложения дополнительной фискальной нагрузки на потребителей товаров.

Как было отмечено выше, в 2022-2024 гг. одним из действенных механизмов финансирования инфраструктурных инвестиционных проектов стали средства Фонда национального благосостояния, формируемого за счет дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета и доходов от управления его активами. При этом произошло серьезное сокращение ликвидной части средств ФНБ. Одной из задач современной бюджетной политики является перенастройка действующего бюджетного правила по нефтегазовым доходам, которое бы обеспечивало одновременно сохранение долгосрочной сбалансированности, устойчивости федерального бюджета за счет поддержания достаточного уровня ликвидных средств в ФНБ и дополнительные доходы для финансирования инвестиционных проектов инновационного характера.

Вопрос изменения параметров бюджетного правила по параметру базовой цены на нефть продолжает активно обсуждаться в научном сообществе и среди практиков [8-13]. Ряд из них видит главную цель бюджетного правила в первую очередь в обеспечении долгосрочной сбалансированности федерального бюджета, что позволит сохранить возможность финансирования всех ключевых направлений расходов федерального бюджета, включая инвестиции в технологии и высокотехнологичное производство. Соответственно, они предлагают не снижать цену отсечения ниже установленного уровня 60\$ за баррель. При этом, согласно прогнозам аналитиков Управления энергетической безопасности (EIA) США, Goldman Sachs и ряда российских инвестиционных компаний цена на нефть марки Brent в 2026 г. будет ниже 60\$ за баррель, соответственно и цена на российскую нефть марки Юралс также снизится. Главным недостатком данного варианта, по нашему мнению, является сохранение риска снижения ликвидной части ФНБ и его полного исчерпания, как это произошло к началу 2018 г. с Резервным фондом. В этом случае правительство лишится главного бюджетного резерва, обеспечивающего сбалансированность федерального бюджета при непредвиденном отклонении фактических

параметров федерального бюджета от их плановых показателей.

Представляется, что в условиях прогнозируемого снижения цены на нефть на мировых рынках сырья в российском бюджетном правиле необходимо сократить цену отсечения до уровня не выше 50\$ за баррель, что позволит одновременно поддерживать сбалансированность федерального бюджета и обеспечить сохранность ликвидной части ФНБ. При этом дополнительные финансовые ресурсы на реализацию инвестиционных проектов в области инноваций предлагается аккумулировать на финансовом рынке, установив в подпрограмме «Обеспечение долгосрочной устойчивости федерального бюджета» Государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» целевой показатель первичного структурного дефицита федерального бюджета в диапазоне 0,5-1,0% ВВП на период реализации Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации. Такой подход будет соответствовать общемировой практике реализации «золотого правила» государственных заимствований под капитальные расходы бюджета, обе-

спечит поддержание необходимого уровня инвестиционных расходов федерального бюджета, а также предсказуемость бюджетной политики и ее соответствие стратегическим приоритетам.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о наличии инструментов бюджетной политики, способных обеспечить инновационное развитие российской экономики без усиления бремени на бюджеты бюджетной системы. Для этого предложено перейти от унифицированного подхода к стимулированию инноваций в отраслях экономики к дифференцированным мерам поддержки за счет бюджетных средств, учитывая масштабы предприятий, уровень их технологического развития, доли критического оборудования в производственном цикле и отраслевой специфики. Другими инструментами должны стать инструменты политики «умного протекционизма», обзоры расходов, встроенные в межведомственный мониторинг и оценку эффективности бюджетных мер стимулирования. Предложено уточнение бюджетного правила в части нефтегазовых доходов федерального бюджета, его первичного структурного дефицита.

Статья подготовлена по результатам фундаментальных научных исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Библиографический список

1. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/09/main/ONBNiTTP_2025_2027.pdf?ysclid=meh1dyt9h8279133258 (дата обращения: 18.08.2025).
2. Аблаев Э.Ю. О сбалансированной налогово-бюджетной политике. М.: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. [Электронный ресурс]. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2025/TT4_2025.pdf (дата обращения: 18.08.2025).
3. Сальников В.А., Галимов Д.И., Михеева О.М. Инвестиционная активность в турбулентную пятачку: «грустить нельзя радоваться». [Электронный ресурс]. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2025/TT6_2025.pdf (дата обращения: 19.08.2025).
4. Заключение Счетной палаты Российской Федерации о результатах проверки исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2024 год в Министерстве финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/checks/grbs-2024-minfin> (дата обращения: 21.08.2025).
5. Демидова С.Е. Финансовые механизмы стимулирования инновационной активности в регионах России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 7-2. С. 240-246. DOI: 10.17513/vaael.4248. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=4248> (дата обращения: 29.08.2025).

6. Терехова С.В., Иванов С.Л. Инновационная активность российских промышленных предприятий в современных условиях: проблемы, специфика, пути решения // Проблемы прогнозирования, 2025. № 3. С. 190-203. DOI: 10.47711/0868-6351-210-190-203. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2025/05/innovatsionnaya-aktivnost-rossijskih-promyshlennyh-predpriyatij.pdf?ysclid=mewl213vq9317043065> (дата обращения: 29.08.2025).
7. Заключение Счетной палаты Российской Федерации о результатах проверки исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2024 год в федеральном государственном бюджетном учреждении «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/7bf/0yvozy36csyfyd4ojamnr78z9r6s3mk/GRBS_Fond_sodei_stviya_innovatsiyam.pdf (дата обращения: 22.08.2025).
8. Бальнин И.В. Совершенствование управления суверенными фондами в Российской Федерации // Финансы. 2024. № 6. С. 50-56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67956881> (дата обращения: 22.08.2025).
9. Дорофеев М.Л. Анализ потенциала Фонда национального благосостояния Российской Федерации для финансирования расширенных пенсионных программ в условиях современных вызовов // Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 13-23. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-13-23. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80542541_90885140.pdf (дата обращения: 22.08.2025).
10. Караев А.К., Понкратов В.В., Воронцов А.Н., Сидин Е.Г. Теоретические основы конструирования бюджетных правил в странах, богатых природными ресурсами // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2024. № 4. С. 225-234. DOI: 10.33983/2075-1826-2024-4-225-234. URL: <https://www.mba-journal.ru/archive/2024/4/2075-1826-2024-4-225-234/> (дата обращения: 22.08.2025).
11. Современное состояние национальной финансовой системы: монография / под ред. О.В. Макашиной. Глава 1, п. 1.4. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. 443 с. ISBN: 978-9941-9940-3-6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unity-dana.ru/books/finansy-banki-1/sovremennoe-sostoyanie-natsionalnoy-finansovoy-sistemy-elektronnyu-resurs-monografiya/> (дата обращения: 22.08.2025).
12. Силуанов А.Г. Роль бюджетной политики в обеспечении финансового и технологического суверенитета страны // Экономическая политика. 2024. Т. 19. № 5. С. 6-29. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-5-6-29. URL: <https://www.ecpolicy.ru/jour/article/view/154/120> (дата обращения: 22.08.2025).
13. Шмиголь Н.С. Развитие инструментария современной фискальной политики // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2024. № 4. С. 283-291. DOI: 10.56584/1560-8816-2024-4-283-291. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75189208> (дата обращения: 22.08.2025).
14. Технологический суверенитет. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2025. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-3-2025> (дата обращения: 28.08.2025).
15. Оценка эффективности налоговых расходов. Результаты оценки эффективности налоговых расходов за 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/ministry/departments/departament-byudzhethoy-politiki-i-gosudarstvennykh-zakupok/industry-information/info-otsenka-effektivnosti-nalogovykh-raskhodov-2025/> (дата обращения: 28.08.2025).
16. Инвестиции в России. 2023: Стат.сб./ Росстат. М., 2023. 229 с.

УДК 330.4

И. В. Ясеновская

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск,
e-mail: yiv@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОПОТРЕБЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: электроэнергетика, прогноз электропотребления, временной ряд, методы сезонной декомпозиции и авторегрессионного анализа, Хабаровский край.

Цель исследования заключается в оценке функциональных зависимостей в структуре электропотребления Хабаровского края и построении прогноза электропотребления по оцененным моделям. Теоретическая часть статьи основана на описательном обзоре математического аппарата, использованного автором при разработке методов моделирования электропотребления на территории края. Для подготовки практической части статьи использовалась статистическая информация об объемах электропотребления на территории Хабаровского края, представленная в открытых источниках. В ходе исследования были построены ряд моделей, описывающих тенденции электропотребления на территории края и произведено их сравнение. Выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на электропотребление, а также ряд экономических показателей, влиянием которых при моделировании электропотребления можно пренебречь. С использованием оцененных показателей развития Хабаровского края построен прогноз электропотребления по различным моделям.

I. V. Yasenovskaya

Pacific National University, Khabarovsk, e-mail yiv@mail.ru

MODELING ELECTRICITY CONSUMPTION IN THE TERRITORY OF KHABAROVSK KRAI

Keywords: electric power industry, electricity consumption forecast, time series, seasonal decomposition and autoregressive analysis methods, Khabarovsk Krai.

The purpose of the study is to assess the functional dependencies in the structure of electricity consumption in Khabarovsk Krai and to build a forecast of electricity consumption based on the assessed models. The theoretical part of the article is based on a descriptive review of the mathematical apparatus used by the author in developing methods for modeling electricity consumption in the territory of the region. To prepare the practical part of the article, statistical information on the volume of electricity consumption in Khabarovsk Krai presented in open sources was used. In the course of the study, a number of models were built that describe the trends in electricity consumption in the territory of the region and compared them. The factors that have the greatest impact on electricity consumption, as well as a number of economic indicators, the influence of which can be neglected when modeling electricity consumption, were identified. Using the assessed indicators of the development of Khabarovsk Krai, a forecast of electricity consumption was built using various models.

Введение

В современных условиях одним из важных направлений экономического анализа развития территорий является анализ и прогнозирование потребления электроэнергии, что позволит более эффективно и рационально распоряжаться энергетическими, финансовыми и людскими ресурсами, оптимально располагать во времени и пространстве строительство новых электрогенерирующих сооружений. Электроэнергетика – одна из важнейших отраслей экономики страны, ведь от того, насколько развит ТЭК, и в частности его электроэнергетическая составляющая, зависит, как будет функционировать экономическая

система в целом. Производство электроэнергии всецело зависит от ее электропотребления, поэтому точный и достоверный прогноз даст необходимую информацию об объеме и структуре потребления электроэнергии, что позволит генерирующим компаниям [1]:

- создать оптимальный график генерации электроэнергии в пространстве и времени;
- своевременно и наиболее эффективно обеспечивать собственную потребность в ресурсах;
- с наименьшими издержками проводить плановые ремонты и модернизацию оборудования;

- разработать стратегию развития отрасли на ближайшую и среднесрочную перспективу;

- повысить эффективность сотрудничества между различными генерирующими компаниями.

В долгосрочной перспективе достоверные прогнозы географической структуры спроса на электроэнергию позволят наиболее рационально вести строительство капитальных электроэнергетических объектов. Это все приведет к снижению издержек на производство электроэнергии, позволит более эффективно, рационально и с большей степенью надежности снабжать другие отрасли экономики электроэнергией, что в свою очередь будет способствовать развитию экономики отдельного региона.

Цель исследования заключается в оценке функциональных зависимостей в структуре электропотребления Хабаровского края и построении прогноза электропотребления по оцененным моделям.

Материал и методы исследования

Методические подходы, использованные автором при разработке методов анализа и моделирования, оценивания и прогнозирования спроса на электроэнергию основан из работах О. Деминой [2], А. Макарова [3], а также А. Новака [5].

Социально-экономическая информация и нормативные документы, необходимые для применения инструментов прогнозирования, а также для спецификации модели функциональной зависимости потребления электроэнергии от различных факторов, была взята из следующих официальных статистических источников и положений [7-10].

Результаты исследования и их обсуждение

Основываясь на теоретической функции электропотребления, структуре и тенденции потребления электроэнергии Хабаровского края и исследований прошлых лет можно выделить основные гипотезы факторной зависимости электропотребления и составить следующие математические модели для их описания.

1. Многофакторная модель учета агрегированного выпуска промышленности в сопоставимых ценах.

$$E = \alpha + \beta_1 \text{IndProd} + \beta_2 \text{Agr} + \beta_3 \text{Com} + \beta_4 \text{Trans} + \gamma_1 \text{RDD} + \gamma_2 \text{LvSq} + \gamma_3 \text{Pop} + v \text{Price} + \varphi \text{Temp} + \varepsilon, \quad (1)$$

В данной модели электропотребление на территории Хабаровского края определяется уровнем и динамикой следующих факторов:

E (Electricity consumption) – валовое потребление электроэнергии, млн. кВт·ч;

IndProd (Industrial Production) – агрегированный объем выпуска промышленной продукции, млн. рублей;

Agr (Agricultural Production) – агрегированный объем выпуска сельскохозяйственной продукции, млн. рублей;

Com (Commercial) – объем платных услуг населению в т.ч.: бытовые, пассажирский транспорт, связь, жилищно-коммунальные, услуги предприятий культуры и здравоохранения, туризм, физкультура, спорт и др., млн. рублей;

Trans (Goods Transportation) – железнодорожные грузоперевозки, млн. т. км.;

RDD – реальные денежные доходы населения, рублей;

LvSq (Living Square) – площадь жилого фонда, тыс. кв. м;

Pop (Population) – численность населения, тыс. человек;

Price – средний тариф на электроэнергию, рублей;

Temp (Temperature) – среднемесячная температура, градусы цельсия.

Получается модель функциональной зависимости электропотребления от основных показателей экономической активности и уровня жизни населения с поправкой на природно-климатические условия. В данной спецификации переменные экономической активности используются в сопоставимых ценах.

2. Многофакторная модель с учетом декомпозиции промышленного производства.

Основной задачей модели является выявить эмпирическим путем, какие отрасли промышленности оказывают наибольшее влияние на потребление электроэнергии в крае и оценить электроемкость продукции данных отраслей, при учете других социально-экономических факторов. Поэтому помимо включения факторов из предыдущей модели, общий объем выпуска промышленной продукции был разбит на составляющие, а именно:

$$E = \alpha + \beta_1 \text{ Steel} + \beta_2 \text{ Engin} + \beta_3 \text{ Coal} + \beta_4 \text{ Oil_Ref} + \beta_5 \text{ Agr} + \beta_6 \text{ Com} + \beta_7 \text{ Trans} + \gamma_1 \text{ RDD} + \gamma_2 \text{ LvSq} + \gamma_3 \text{ Pop} + \nu \text{ Price} + \varphi \text{ Temp} + \varepsilon, \quad (2)$$

Steel – физический объем выплавки стали, тыс. т;

Engin (Engineering Industry) – объем выпуска машиностроительной отрасли, млн. рублей;

Coal – физический объем добычи угля, тыс. т;

Oil_Ref (Oil Refinery) – физический объем первичной переработки нефти, тыс. т.

При построении модели были выбраны именно эти отрасли производства, так как качественный анализ структуры экономики и электропотребления Хабаровского края, а также мнение экспертов [2-5] свидетельствуют, что именно эти отрасли являются основными объектами спроса на электроэнергию. Выпуск машиностроения дает около 40% общего выпуска промышленности, металлургия признается наиболее электроемкой отраслью, электроемкость и объем выпуска добывающей и нефтеперерабатывающей промышленности так же достаточно высоки на территории края. В качестве характеристики добывающей промышленности была взята добыча угля, так как именно угледобывающая промышленность является основным потребителем электроэнергии. Добыча других полезных показателей не является электроемкой и происходит на отдаленных участках от ЛЭП с использованием автономных источников питания.

3. Моделирование электропотребления на основе учета временного тренда и сезонных колебаний.

Данные модели являются улучшенной версией общей модели экстраполяции тренда, которые за счет более сложного механизма формирования взаимосвязей позволяют учесть колебания темпов прироста уровней ряда и дать достаточно точный прогноз на основании предыдущих наблюдений. Отличительной особенностью таких моделей является отсутствие необходимости в поиске сопутствующей информации для осуществления прогноза, которая в свою очередь обычно является оцененной с той или иной степенью точности, что подрывает достоверность прогноза по регрессионным моделям.

Кроме того, использование моделирования на основе временных рядов обусловлено

наличием сезонных колебаний в электропотреблении региона, так как именно модели временных рядов наилучшим образом объясняют механизм их формирования. Данные типы моделей предусматривают разложение ряда с помощью аддитивного или мультипликативного методов сезонной декомпозиции, а также использование авторегрессионных моделей с учетом сезонности.

Исходя из предложенных трех подходов к анализу зависимости электропотребления от основных социально-экономических показателей развития региона, а также природно-климатических условий, с учетом принятых обозначений специфицируем общие эконометрические функции для территории Хабаровского края.

1. Многофакторная модель учета агрегированного выпуска промышленной продукции в сопоставимых ценах:

$$E = 0.0227Rdd + 0.0268Rdd(-1) - 0.0251Rdd(-2) + 0.0127IndProd + 0.0518Trans - 10.44Temp + 0.292Pop - 171.43Price + \varepsilon.$$

Анализ полученной модели позволяет сделать выводы о:

- значимом влиянии на электропотребление выпуска промышленности и объема грузоперевозок;
- не значимом влиянии на электропотребление сельскохозяйственной отрасли и сферы услуг, это обуславливается тем, что показатели, характеризующие развитие этих отраслей, были исключены из модели при проверке на значимость;
- сильном влиянии природно-климатических условий на электропотребление;
- присутствии сезонной составляющей, не связанной с температурным режимом.

Кроме того, подтверждена гипотеза о сдерживающем влиянии реального тарифа на электроэнергию на ее потребление. Правда значимость данного показателя варьируется при использовании различных спецификаций модели. Наиболее значимым тариф на электроэнергию является при совместном его использовании с показателями реальных денежных доходов населения и его численности, что говорит о большем влиянии тарифа на потребление электроэнергии населением, нежели предприятиями [6]. Это вполне резонно, так как предприятия в любом случае закладывают тариф на электроэнергию в цену своей продукции,

тем более обоснованным это предположение является на фоне опережающего роста тарифов для населения.

2. Многофакторная модель с учетом декомпозиции промышленного производства:

$$E = 464,6 + 0,426Steel + 0,007Engin + \\ + 0,038Trans - 10,77Temp - 65,36feb + \varepsilon_t.$$

В данной модели факторы отвечающие за потребление электроэнергии населением ушли в константу так как с течением времени, в помесечном периоде, показатели численности населения и площади жилого фонда практически не изменяются, и, следовательно, учитывая низкую вероятность того, что дополнительный рубль дохода домохозяйства будут тратить на увеличение своего электропотребления, потребление населения в краткосрочном периоде есть величина постоянная. Основной упор объяснения изменений электропотребления ложится на две отрасли промышленности (металлургию и машиностроение), грузооборот железнодорожного транспорта и изменения температурного режима. Такие отрасли промышленности как нефтепереработка и добывающая промышленность не оказывают значимого влияния на потребление электроэнергии на территории Хабаровского края.

При более детальном анализе остатков, в частности при анализе графика распределения остатков эконометрической функции выявлено, что всплески отмечаются в феврале каждого года, что подтверждает гипотезу о наличии сезонных колебаний в модели, не зависящих от температурного режима. Поэтому для учета сезонной составляющей в модель была введена логическая переменная feb (February), которая построена путем проставления единиц в наблюдениях, датированных февралем и заполнения остальных наблюдений нулями.

Появление в модели сезонной переменной feb, не смотря на учет температур, обусловлено тем, что февраль на несколько дней короче остальных месяцев, а также в феврале значительно увеличивается продолжительность светового дня относительно января и декабря. Соответственно потребление в феврале, при примерно одинаковых средних температурах, будет ниже, чем в январе и декабре. Константа свидетельствует о том, что ежемесячно теряется 464,6 млн. кВт·ч, в сетях, и тратится на производство

общественных благ, услуг, в сельском и коммунальном хозяйстве и других неучтенных отраслях. Оправдываются выдвинутые предположения о том, что основными потребителями электроэнергии в Хабаровском крае являются промышленность и железнодорожный транспорт.

3. Для моделирования электропотребления на основе учета временного тренда методами сезонной декомпозиции и авторегрессионного анализа была использована модель с аддитивным и мультипликативным компонентом. Путем выделения из фактических значений электропотребления сезонной составляющей был получен ряд, исправленный на сезонность. Тенденции показали, что с октября по ноябрь электропотребление в крае выше линии тренда, а с апреля по сентябрь ниже. Причем наибольшее превышение над уровнем тренда происходит в декабре на 37,9% по мультипликативной модели, что соответствует 235,2 млн. кВт·ч, по аддитивной модели.

По данным, исправленным на сезонность была подобрана «лучшая» модель тренда, ею оказалась модель ARIMA(2,1,1) с константой при аддитивных сезонных составляющих. Причем стоит заметить, что в случае использования аддитивной модели наблюдается небольшой рост тренда электропотребления.

Построим прогноз электропотребления с помощью авторегрессионной модели с учетом сезонности для сравнения с методом сезонной декомпозиции. Учитывая тот факт, что периодограмма значений электропотребления определяет период сезонности равным 12 при прогнозировании электропотребления на территории края можно использовать сезонную ARIMA (SARIMA) модель с периодом 12 месяцев. Учитывая основные характеристики модели, а так же соответствие автокорреляции ее остатков процессу белого шума для построения прогноза была выбрана модель SARIMA(0,0,1)×(1,1,4).

Сравним качественные показатели построенных моделей в таблице 1. Все они имеют достаточно хорошие характеристики, а также соответствующие тесты свидетельствуют об отсутствии автокорреляции остатков и гетероскедастичности.

В таблице 2 представлен прогноз электропотребления на базе построенных моделей по оцененным показателям развития региона на период до декабря 2026 года.

Таблица 1

Сравнительные характеристики моделей

Модель	R ²	RMSE	MAPE	Автокорреляция	Гетероскедастичность
1	98,50%	19,15	2,49%	отсутствует	отсутствует
2	98,90%	17,008	2,3%	отсутствует	отсутствует
3	ARIMA(2,1,1)	---	15,9	1,98%	отсутствует
	SARIMA(0,0,1)×(1,1,4)	---	12,54	1,61%	отсутствует

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Прогноз электропотребления Хабаровского края на 2026 год

Месяц	Модель 1	Модель 2	Модель 3	
			ARIMA(2,1,1)	SARIMA(0,0,1)×(1,1,4)
январь	1628,3	1635,6	1693,5	1699,4
февраль	1586,3	1548,9	1590,0	1580,3
март	1468,7	1469,9	1579,3	1576,2
апрель	1354,4	1362,0	1456,4	1458,3
май	1318,8	1321,4	1352,0	1349,7
июнь	1180,8	1182,2	1172,6	1179,6
июль	1036,5	1047,4	1083,2	1092,9
август	1253,0	1263,4	1291,5	1202,8
сентябрь	1313,0	1317,0	1417,3	1427,3
октябрь	1458,2	1447,4	1470,3	1481,9
ноябрь	1561,8	1558,6	1572,3	1597,6
декабрь	1667,0	1611,3	1606,1	1622,8
За год:	16826,8	1675,1	17284,5	17268,8
Темп прироста:	0,999	1,004	1,019	1,030

Источник: составлено автором.

С учетом темпов роста электропотребления за последние годы, наиболее вероятными прогнозами можно считать прогнозы по моделям 2 и 3. При сравнении этих моделей следует помнить, что модель 2 опирается на социально-экономические показатели прогнозного периода, а они добыты оценочным путем с определенной долей вероятности, что сказывается на точности прогноза. Поэтому, в том случае, когда известны достаточно точные социально-экономические показатели развития региона или необходимо предсказать электропотребление для решения задач связанных с выходом на заданные показатели более целесообразно использовать модель 1.

Прогнозирование электропотребления при помощи временных рядов показало, что несмотря на более предпочтительные характеристики модели SARIMA, а именно RMSE и MAPE (табл. 1), прогноз по данной

модели немного превосходит тенденции роста электропотребления последних лет, возможно, это связано с достаточно сильным учетом предыдущих значений уровней ряда, когда потребление росло более высокими темпами. В связи с этим большее доверие вызывает прогноз, построенный с помощью сезонной декомпозиции с аддитивным механизмом построения. Однако следует принимать во внимание, что моделирование временных рядов не учитывает влияния на электропотребление социально-экономических показателей, и поэтому при значительных изменениях в структуре производства или бытовой сфере прогнозы, построенные с использованием моделей временных рядов, могут иметь малую верификацию.

Заключение

При исследовании потребления электроэнергии на территории Хабаровского

края было выявлено, что наибольшее влияние на электропотребление оказывают такие отрасли промышленности, как металлургия и машиностроение, а также железнодорожные грузоперевозки. Причем если машиностроение оказывает большее влияние за счет масштаба производства, то металлургия и грузоперевозки за счет электроемкости.

Стоимость электроэнергии оказывает влияние на электропотребление только в случае координации этого показателя с показателями уровня жизни населения. Что говорит о том, что тарифы на электроэнергию влияют только на потребление населения, но не на промышленность. Это обусловлено тем, что промышленность в любом случае закладывает стоимость электроэнергии в произведенные товары и не сильно ощущает наложенного бремени в виде тарифов на электроэнергию. К тому же в настоящее время рост тарифов для населения происходит опережающими темпами. Но, в силу, достаточной стабильности в социальной сфере, а именно незначительности роста площади жилищного фонда и снижения численности населения (темпы их прироста можно принять за 1), влияние бытовой сферы, а вместе с ней и тарифов на электроэнергию, можно принять за постоянную величину. К тому же увеличение денежных доходов населения не приводит к существенным изменениям в электропотреблении, так как достигнута точка насыщения, и население не стремится тратить большую часть своих доходов на электроэнергию с их увеличением.

Сильное влияние на электропотребление оказывают природно-климатические факторы, представленные в исследовании

со среднемесячной температурой. В целом температурный режим влияет на электроемкость производств и бытовых нужд, но так как нет возможности подсчитать электроемкость в различные месяцы, то необходимо включить температурный фактор отдельно. Однако включение в модель температурного режима не избавляет их полностью от влияния сезонности, вызванной латентными факторами, такими как количество дней в месяце и длина светового дня. Это делает целесообразным использования моделей временных рядов для объяснения сезонных колебаний в электропотреблении.

Было выявлено, что несогласованность темпов роста ВРП и темпов роста потребления электроэнергии на территории Хабаровского края вызвана особенностями структуры ВРП края. Рост краевого ВРП происходит за счет роста неэлектроемких отраслей, таких как сфера услуг, торговля, лесная промышленность, в то время как отрасли, оказывающие наибольшее влияние на электропотребление (металлургия и машиностроение), теряют свои позиции в структуре ВРП. Свои позиции в структуре ВРП теряет и в целом промышленное производство, уступая их производству услуг.

Таким образом, были рассмотрены несколько моделей, описывающих тенденции электропотребления на территории Хабаровского края и произведено их сравнение. С использованием оцененных показателей развития Хабаровского края построен прогноз электропотребления по различным моделям. Выделены две наиболее оптимальные модели прогнозирования энергопотребления в регионе и описаны варианты наиболее целесообразного их использования.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-02-2025-1538 от 27.02.2025 на реализацию программ развития региональных научно-образовательных математических центров).

Библиографический список

1. Баланс энергоресурсов Российской Федерации / ФСГС. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 15.05.2025).
2. Дёмина О.В. Энергетический комплекс: тенденции и вызовы // Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. С. 72–101. EDN: TUTHQY.
3. Макаров А.А. Полвека системных исследований развития энергетики СССР и России // Теплоэнергетика. 2020. № 12. С. 5–14. DOI: 10.1134/S0040363620120036.

4. Модельно-информационный комплекс SCANNER. М.: Институт энергетических исследований РАН, 2011. 72 с. URL: http://www.eriras.ru/files/skaner_light.pdf (дата обращения: 15.05.2025).
5. Новак А. ТЭК России сегодня и завтра: итоги и задачи // Энергетическая политика. 2024. 25 января. URL: <https://energypolicy.ru/tek-rossii-segodnya-i-zavtra-itogi-i-zadachi/business/2024/12/25/> (дата обращения: 17.05.2025).
6. Об утверждении схемы и программы развития Единой энергетической системы России на 2021–2027 годы: приказ Минэнерго России от 26 февраля 2021 г. № 88. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603666040> (дата обращения: 17.05.2025).
7. Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р. URL: <https://base.garant.ru/196681/> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023 / ФСГС. 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.05.2025).
9. Схема и программа развития Единой энергетической системы России на 2022–2028 годы: утверждены приказом Министерства энергетики Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 146 «Об утверждении схемы и программы развития Единой энергетической системы России на 2022–2028 годы». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.05.2025).
10. Энергетика Дальнего Востока / ПАО «РусГидро». 2024. URL: <https://rushydro.ru/activity/energetika-dalnego-vostoka/?ysclid=lyqt9cddz1315142711> (дата обращения: 12.05.2025).